

ЛАД

ВОЛОГОДСКИЙ

2006 год

4

Литературно-художественный журнал

ВРЕМЯ ГОДА

по Василию Белову

**Фотографии
архиепископа
МАКСИМИЛИАНА**

ЗИМА

Из книги «Лад»

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь...

А.С. Пушкин ничего не говорил зря, то есть для рифмы или просто так. Тот, кто знает деревню, тотчас поймет, почему торжествует крестьянин, почему, почуя снег, лошадка «плетется рысью как-нибудь». Есть в крестьянине, обновляющем путь, какой-то детский восторг, а в его лошадке что-то добродушно-хитроватое и взаимодействующее с торжествующим мужиком.

Куда же он и зачем?

Может быть, пушкинский крестьянин поехал за сеном. А скорее всего - за еловой хвоей, которую рубят на подстилку скоту, экономя солому. Запах снега, необычное состояние ног (жесткие холодные сапоги или мяг-

кие теплые валенки - есть разница?), новый способ езды - без тележной тряски и скрипа - и сотни других более мелких новинок - все это делает ездока именно торжествующим.

Зимний труд - не то что летний: торопиться необязательно. Малина, как говорится, не опадет. Погода не подтарапливает. Комары, клещи, мошка, оводы и слепни тебя не донимают. Потом не обливаешься. Мороз бодрит, сила просится развернуться. А развернуться есть где, в лесу особенно.

Женщины собираются где-нибудь в старой избе или в хлеву сообща трепать лен. Работа пыльная, не больно приятная, но сообща веселей. Поют, рассказывают бывальщины, судят-рядят. Мужики возят сено, рубят дрова и вывозят строевой лес. День короток, только успеешь разок вернуться - и темно. Выпрягай. Коню и человеку такая проминка не в тягость, а в охотку. Отдыхают оба. На-

ФОТО
АРХИЕПИСКОПА
МАКСИМИЛИАНА

Дорогие наши читатели!

Завершается первый год выпуска нашего журнала. Каждый из вышедших номеров мы старались сделать особенным: основу одного составили стихи и проза признанных вологодских авторов, в другом помещено больше произведений начинающих писателей. Был номер, почти полностью посвященный литературе факта, - документальной прозе, воспоминаниям, путевым заметкам, публицистике... Мы хотели показать читателям различные возможности развития нашего журнала, гармоничное сочетание которых, как мы надеемся, поможет сложиться «Вологодскому ЛАДУ» в солидное издание о нашем крае, его литературе и культуре, его прошлом, настоящем и будущем.

Мы рады, что читатели приняли наше приглашение к сотрудничеству. Будем рады, дорогие друзья, если вы выскажете нам свое мнение о журнале - это очень поможет нам, ведь мы работаем для читателей, для того, чтобы в нашей жизни было больше ЛАДА!

Редколлегия

Читайте в номере

НОВОЕ ИМЯ

«Вот на семинар съехались молодые литераторы со всей Вологодской области, и каждый принес... свое притаенное, что мучает ежедневно...», - слова Владимира Личутина предваряют публикации раздела, в который вошли рассказы и стихи Александра Ломковского, Сергея Созина, Юрия Гришонкова, Анны Гробовой, Александра Малышева, Сергея Богданова, Михаила Жданова

И НЫНЕ, И ПРИСНО

СВЯТО МЕСТО ПУСТО НЕ БЫВАЕТ...

Священник Александр Лебедев отвечает на вопросы о Боге, вере и Церкви

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

НА БЕРЕГУ

Рассказы Дмитрия Ермакова

ИСКУССТВО

Владимир Воропанов
В ПОИСКАХ ДУХОВНОГО СВЕТА
РУССКОЙ ИСТОРИИ

*Художник Владимир Латынцев
(репродукции картин -
на цветной вклейке)*

Юрий Максин
ЧТО НУЖНО ДЛЯ СЧАСТЬЯ?

О графике Евгения Лебедева

СКАЗАНИЯ О ДЕДЕ МОРОЗЕ

Роберт Балакшин
ДОБРЫЙ ДЕДУШКА
МОРОЗ-БОГАТЫРЬ

ТЕАТР

Капитолина Кокшенева
НЕ РАЗРЕШЕННЫЕ ВРЕМЕНЕМ
*МХАТ имени Горького в пространстве
современной культуры*

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Вадим Дементьев
ПО СЕВЕРНОЙ ДОРОГЕ (продолжение)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В.И. Белов, И.А. Поздняков, В.В. Касьянов, В.Д. Воробьев, А.В. Камкин, А.А. Цыганов, С.П. Белов, В.В. Дементьев, священник Александр Лебедев, Н.И. Мишуста, П.Ю. Мухин, А.В. Торопов, А.К. Сальников (редактор журнала)

КТО С НАМИ?!

Заметки по поводу областного совещания молодых писателей

Есть у замечательного русского поэта Николая Тряпкина такое стихотворение - «Кто с нами?!» Его положил на музыку Александр Морозов, и песня эта нередко звучала несколько лет назад. В неоднократно повторяющемся рефрене, вынесенном в заголовок, всегда слышался мне не только вопрос (кто там, за спиной?), но и призыв - идемте вместе!

Ответа на такой вопрос-призыв, мне кажется, ждали организаторы недавнего совещания молодых писателей Вологодской области, которое прошло 24-25 ноября.

Вологодская литература имеет добрую репутацию. Но кого назовет современный читатель рядом с именами вологодских классиков - Яшина, Белова, Рубцова, Романова, Фокиной?.. Жизнь идет, и репутацию, как бы хороша она ни была и какой бы устойчивой ни казалась, должны подтверждать молодые.

Существует расхожее мнение, что де вологодская школа - это реалистичность письма и деревенская тема. А кто не о деревне пишет - того, стало быть, вон со славного парохода вологодской литературы....

Да нет, никто никого не выбрасывает. Немало повестей и рассказов на так называемые «городские» темы и у Белова, и у Балакшина, и у Цыганова, и у Ларионова (список можно продолжать и продолжать). И о стилистическом однообразии вологодских писателей говорить, думаю, всерьез не приходится: у каждого из них - своя интонация, отчетливо слышимая и вполне различаемая в общем хоре.

А вот что объединяет вологодских писателей, так это, мне кажется, внимательное, вдумчивое отношение к жизни. И стремление не только отобразить реальность в своих романах, стихах и рассказах, но и осмыслить, понять - и помочь читателю разобраться в ней. Конечно, писатель высказывается через своих героев, и бли-

зость автора к ним, симпатия - это тоже традиция русской литературы, и вологодской - в том числе. Как и доброжелательное, дружеское отношение к читателям.

Осмысление предполагает авторскую позицию, устойчивое мировоззрение - и позиция такая у большинства писателей-вологжан есть, она основана на вере и традициях родной земли. При этом нельзя сказать, будто писатели живут, что называется «вперед затылком», видя цель будущего только в возвращении к былому, посконному и домотканому... Как бы этого ни хотелось - все ведь понимая, что в прошлое не вернуться.

Но нельзя же не учитывать в жизни сегодняшней того, что было вчера и позавчера! Мы уже строили жизнь заново, отринув чуть не тысячелетнюю историю народа и государства, и к чему это привело? Творчество вологжан явственно подтверждает: без прошлого, без традиций нет устойчивого будущего и у народа и, следовательно, у литературы.

Но это - у мастеров. А кто с ними?

Смотр молодых литературных сил Вологодчины начался, по сути, на день раньше семинарских занятий (нынче модно говорить - «мастер-классов», но вологжане сохранили название традиционное). 23 ноября в актовом зале нового здания областной универсальной научной библиотеки имени Бабушкина прошел юбилейный творческий вечер поэтессы Нины Груздевой. Было много теплых слов, поздравлений и признаний,

были слезы радости, были подарки - и, конечно, были стихи. Проникновенные, музыкальные, трогающие сердце. Много говорилось о судьбе поэта, о том, как трудно стихам найти путь к читателю. Но вечер показал: настоящая поэзия до читателя все равно дойдет, только надо быть ей верным. Как Нина Груздева. И это - еще одна черта, свойственная писателям-вологодцам: умение терпеть, верность выбору, понимание своего литературного дара не только как возможностей, но и как долга.

Думаю, многие из тех, кто прислал рукописи для обсуждения, задумались на вечер: способны ли они на такие жертвы?

Руководили творческими семинарами известные московские и вологодские писатели - Владимир Личутин, Геннадий Иванов, Сергей Алексеев, Ольга Фокина, Вадим Дементьев, Виктор Бараков, Капитолина Кокшенева, Василий Оботуров, Михаил Карачев, Владимир Кудрявцев, Александр Грязев, Андрей Воронцов (заведующий отделом прозы журнала «Наш современник»)... Семинаров было много, чтобы суметь обсудить рукописи каждого из 29 участников.

Они собрались из Вологды и Череповца, Сокола и Устюжны... Самая молодая участница - 22-летняя Анна Грובה, ее стихи отмечены на семинаре. Родом Аня из деревни Филисово Усть-Кубинского района, а сейчас учится в ВГПУ. Но большинство авторов - люди, имеющие за плечами немало публикаций, кое у кого и книжки есть.

- Обстановка была творческой, горячей, пристрастной - но все-таки дружеской, - считает первый секретарь Союза писателей России Геннадий Иванов. - В Вологде к молодым писателям традиционно относятся требовательно, строго.

Утвердить планку литературных притязаний на достаточной высоте - большое дело. Люди, пишущие

Как появляется писатель? Никто не знает. Но вот что-то понуждает его братья за перо; видно так накаляется душа, так вскипает чувство, таким трезвым и прозорливым становится взгляд, что нельзя, невозможно не запечатлеть мир во всех страстях.

Владимир ЛИЧУТИН

всерьез, хотят не только книжки издавать (не секрет, что сейчас их можно выпустить каждому, были бы деньги); они хотят войти в большую литературу, а для этого надо учиться, надо терпеть. Один из классиков сказал: «В России писатель должен жить долго».

На совещание пришли и не только те наши писатели, что руководили творческими семинарами. Василий Мишенев, например, приехал из Никольска специально познакомиться с новыми поэтами и писателями. Хочется посмотреть, кто идет сейчас в литературу...

Конечно, провести такое совещание было бы невозможно без помощи областного Правительства, и писатели не раз высказывали благодарность властям. Может быть, раз есть поддержка, следующий сбор молодых будет и раньше, чем через пятилетку.

...Совещание закончилось. Правление писательской организации отдельно рассмотрит произведения самых талантливых участников. Но их литературная судьба, конечно же, будет зависеть не столько от того, примут кого-нибудь в Союз писателей или нет. Каждый писатель - начинающий или классик - свою судьбу решает сам. За письменным столом.

А наше дело - помогать талантливым, поддерживать.

Надо заметить, что в трех номерах «Вологодского ЛАДА» уже опубликованы стихи и проза участников совещания. Среди наших авторов - Екатерина Дементьева и Галина Швецова, Елена Виноградова и Анна Быстрова, Константин Павлов, Виктор Зайков, Марина Гусева...

Авторы раздела «Новое имя» чет-

Дерзайте, друзья, дерзайте, не бойтесь трудностей. Работа со словом ответственна, интересна, а иногда и опасна...

Василий БЕЛОВ

вертого номера «Вологодского ЛАДА», в большинстве своем, - участники ноябрьского совещания молодых писателей. Да и Александр Цыганов, Дмитрий Ермаков, Виктор Плотников, Николай Толстиков, чьи произведения также опубликованы в этом номере «Вологодского ЛАДА», - все они не раз участвовали в подобных совещаниях. Антон Янковский - один из победителей конкурса «Дебют», еще одной формы работы с молодыми авторами. Система поддержки талантов, конечно, может быть разной. Только одно условие: она должна быть системной, регулярной.

И хотя, конечно, молодость литературная не ограничивается 30-35 годами, все-таки к литератору, начинающему писать уже после сорока, и отношение немного другое, чем к двадцатилетнему студенту или рабочему. Молодых писателей в Вологде не собирали почти пять лет; возможно, поэтому в литературу уже стучатся такие новички, которые и не знают возможности профессионального обсуждения рукописей начинающих - как Михаил Шмаков из Вологды, например.

Редакция публикует в этом номере произведения самого разного уровня - одни почти ученические, другие -

вполне профессиональные. Кто-то, возможно, на этом и остановится, а кто-то, мы надеемся, будет писать и дальше, несмотря ни на что.

Раздел «Новое имя» открывается напутствием известного русского прозаика, лауреата престижных премий Владимира Личутина к подборке рассказов Александра Ломковского - по мнению многих, самого яркого участника совещания. Кажется, Владимир Владимирович нашел слова, которые могут быть отнесены ко всем без изъятия молодым писателям. И еще хочется вспомнить слова Василия Ивановича Белова, обращенные к авторам нашего журнала и опубликованные в третьем номере «Вологодского ЛАДА»: «Дерзайте, друзья, дерзайте, не бойтесь трудностей. Работа со словом ответственна, интересна, а иногда и опасна...»

Когда-то Евгений Евтушенко выплеснул броские строки: «Стихи читает чуть не пол-России, и чуть не вся Россия - пишет их». Говорят, читать стихи (и серьезную прозу) нынче стали заметно меньше. И число молодых писателей тоже поубавилось, но они все равно есть. И немало среди них талантливых. Да, нового Рубцова пока нет - но, как говорил на закрытии совещания Геннадий Иванов: «Он обязательно должен появиться, этого ждет народ».

Будем ждать.

Андрей САЛЬНИКОВ

ФОТО АЛЕКСЕЯ КИРИЛЛОВСКОГО

Как появляется писатель? Никто не знает. Но вот что-то понуждает его братья за перо; видно, так накаляется душа, так вскипает чувство, таким трезвым и прозорливым становится взгляд, что нельзя, невозможно не запечатлеть мир во всех страстях.

Вот на семинар съехались молодые литераторы со всей Вологодской области, и каждый принес на рассмотрение не просто листы, исписанные от избытка чувств, но и свою судьбу, свое притаенное, что мучает ежедневно, и только бумага, на которую изливается смятение твое, помогает не разорваться сердцу от тоски и печали, от жалости и сострадания к ближнему.

Среди молодых литераторов и Александр Ломковский, уже изрядно поживший, изрядно потертый жизнью. С первых строк его проза захватывает какой-то горьковатой искренностью, жалостью к герою, запутавшемуся в нелегких обстоятельствах, и Ломковский бережно распутывает сложный узел, пытается найти спасительную тропку. Автор, может, и суров, несколько жесток к своим подопечным, но точно так же он предельно суров и к себе. Уроки, которые проходят его герои, - это и уроки писателя. Вытаскивая их из хвори душевной, тоски и печали, он и сам себя вытаскивает из невзгод. Люди простые приходят к нам из рассказов автора, и в каждом из них пусть и неотчетливо, но предельно искренне проступает и сам Ломковский. Он честен в прозе, не заискивает, не роняет слезы, но любовен и жалостен к своим героям, попавшим в передрагу.

Рассказы писателя целостны и религиозны не внешним пафосом, но глубинной заповедальностью, верностью национальным идеалам.

Только бы побольше раскрепоститься Ломковскому, наострить взгляд, прирасправить плечи, свободнее, смелее окунуться в народную стихию русской речи, тогда и слово его рассказов обретет гибкость, сияние самоцветов - чем и обладает народная языковая культура.

Владимир ЛИЧУТИН

АЛЕКСАНДР ЛОМКОВСКИЙ (Вологда)

РАССКАЗЫ

ГРОЗА

Деревня издали и так-то казалась низкой и пришибленной, а сейчас она и вовсе прижалась к земле, словно прося у неё защиты. Над домами нависла густая вязкая тишина. Негромко скрипнув калиткой, я не спеша вышел в заук. Там на столе, когда-то сработанном старшим братом, сидел племянник Андрюшка и задумчиво смотрел в небо. Ветер трепал его светлые выгоревшие за каникулы волосы.

- Скамейки мало? - поинтересовался я и, подпрыгнув, сел рядом с ним.

- На столе интереснее, - отозвался племянник, не отрывая взгляд от неба.

Я не торопясь достал сигарету, размял её и, закрывшись от ветра, прикурил.

- Ворон считаешь?

- Ну... - отозвался Андрюшка.

Меня начало разбирать любопытство. Обычно словоохотливый, племянник на этот раз «молчал как рыба об лёд» - по его же собственному определению. Я повнимательней взглянул на запад, куда вот уже в течение нескольких минут усердно пялился Андрюшка. А посмотреть там действительно было на что. Почти осязаемые серые ветры, словно змеи, свивались в гигантские клубки и шевелились волосами мифической Горгоны. Тучи маршировали по небу, как на параде, подходя всё ближе и ближе. А на самом краю горизонта клубилась какая-то чёрная взвесь, вселяя в душу неопределённую тревогу. Время от времени ветер огромной лапой отрывал от неё солидные куски и яростно швырял их в клокочущий и бурлящий кисель туч. Тучи от этого прямо на глазах становились всё чернее.

- Круто! - наконец нарушил молчание Андрюшка.

Я невольно поёжился, то ли от сказанного племянником, то ли от порыва

ва ветра, забравшегося мне под рубашку. Быстро темнело.

- Птицы перестали... - опять подал голос Андрюшка.

Я ничего не ответил и, затянувшись последний раз, сильно выщелкнул окурок далеко в огород. Рассыпая под ветром целые снопы искр, он по плавной дуге мягко приземлился где-то за теплицей.

- Хорошо, что не на плёнку попало, - по достоинству оценив полёт окурка, наконец-то разговорился племянник. - А то бы от бабушки влетело.

- Не влетело бы, - успокоил я его. - Через час тут такое будет твориться... Вон ветрище какой - всю плёнку с рам посрывает.

- А может, и не посрывает...

Странно было наблюдать такое философское спокойствие у тринадцатилетнего паренька. И вообще Андрюшка меня сегодня положительно удивлял. Ещё днём, когда мы с ним ходили купаться на речку, к его ноге присосалась жирная пиявка. Но вместо того, чтобы бегать с криком по берегу, что, скорее всего, сделало бы большинство из его сверстников, он спокойно дождался, пока я не прижём пиявку зажигалкой и она не отвалилась. На ноге осталась аккуратная ранка, на которую он тут же прилепил лист подорожника.

И сейчас он сохранял то же спокойствие перед лицом надвигающейся стихии. А ветер меж тем разыгрался не на шутку. С каким-то остервенением он оторвал изрядный кусок рубероида с крыши соседней нежилой избы и подкинул его высоко в небо, превратив в зловещую чёрную птицу, которая, тяжело кувыряясь, полетела к лесу. За ручьём в огороде тягуче скрипели замшелые ольхи, словно жалуясь кому-то на свою затянувшуюся старость.

- Не выдержать им, - вслух подумал Андрюшка, - сломаются.

- Пожалуй, - согласился я. - А там, глядишь, и работёнка на завтра будет - попилим и поколем...

Тут ветер дунул с такой силой, что с головы племянника сорвало джинсовую панаму и потащило её по траве заука. Андрюшка, вскрикнув, соскочил со стола и, пригнувшись к земле, пустился в погоню. Мне же в спину ударили первые тяжёлые капли дождя...

Через пять минут мы сидели за столом возле уютно пытящего самовара и пили чай с бутербродами. Электрический свет не зажигали, так как бабушка перед грозой выкрутила все пробки, чтобы не залетела молния. Поэтому сидели впотьмах, как при царе Горохе. За окном грохотало, ревели и чем-то шаркало по стёклам. Наконец блеснула молния, выхватив из потёмок блестящий бок самовара и в нём вытянутое, с приоткрытым ртом лицо Андрюшки.

- Ба, да никак ты боишься? - удивился я.

- Всего и не боюсь, - тихо постукивая зубами, отозвался Андрюшка. - Вон на той неделе мы с Димоном в такую грозу на реке попали... Мокрые все пришли.

Я с невольной улыбкой подумал о том, что в его возрасте небольшая речушка Комёла, конечно же, кажется рекой, а тот хиленький десятиминутный дождичек в их рассказах перерос в грозу.

- Ну, Андрей, держись, - рассмеялся я, - сегодня ночью будет либо шторм, либо конец света!

- Что и мелешь-то... - напустилась на меня мама. - Совсем парня запутал. Иди-ка, внучек, на печку. Да и укройся фуфайкой-то с головой. Глядишь, и уснёшь.

Она слегка приобняла его и начала подталкивать к печи. Андрюшка безропотно залез на тёплые кирпичи и дал бабушке набросить на себя фуфайку. Я же подсел к окну, закурил и стал наблюдать за тем, что творилось на улице. Тучи в небе сшибались с таким оглушительным грохотом, что просто закладывало уши. Молнии сверкали одна за одной, высвечивая неистово переливающиеся ртутью толстые ноги дождя. При одном особенно страшном ударе грома Анд-

рюшка, тихо взвизгнув, сполз с печки и, словно большая кошка, проворно мотнулся под кровать.

- Что, там лучше? - поинтересовался я.

- По-про-хладней... - донёсся из-под кровати приглушённый ответ.

- Ну ладно, коли так, - согласился я и снова начал смотреть в окно.

Гроза бушевала ещё минут сорок. Я сидел как замороженный, никаких мыслей в голове не было: я весь отдался величию этой небывалой грозы. Мне казалось, что я растворился в ней, стал её частью. Тело было лёгким и неподъёмным одновременно. Как это здорово, когда в голове нет никаких мыслей! Осторожно, как новорождённый, постигаешь мир ощущениями, и время от времени откуда-то из района солнечного сплетения подступает к горлу холодный комок восторга. Всё расплывается перед глазами, и постепенно возникает одно большое чувство - радость, что ты просто есть. Радость, что ты - малая доля этой жизни, этой необузданной первобытной стихии. Нет, тогда я не жил настоящим. Я был прошлым и будущим одновременно...

Но вдруг всё резко кончилось. Я ощутил себя сидящим у раскрытого окна, а по моей занемевшей руке, протянутой ладонью вверх, лупили холодные струи уходящего дождя. Я встал, потянулся с хрустом в позвоночнике и, медленно приходя в себя, оглянулся. В избе чуть посветлело.

- Андрюшка, вылезай! Чайку попьём... Никто не отозвался: мама, видимо, давно ушла спать в горницу, а Андрюшка...

- А где же Андрюшка? - громко сиросил я, вкручивая пробки и включая свет.

Подошёл к кровати, откинул полотно и заглянул под неё. Предусмотрительный племянник, убегая с печки, не забыл прихватить с собой пару фуфак и теперь мирно спал на одной из них, другой укрывшись вместо одеяла.

Ну и пусть спит, решил я, в избе тепло, не замёрзнет. Я пил поостывший уже чай и думал о том, как завт-

ра все станут обсуждать эту небывалую грозу и дружно ругать её за нанесённый ущерб. В том, что гроза уже накуролесила немало, я даже не сомневался. Но это будет завтра. А пока я сидел за остывшей чашкой чая и пытался вернуть себе то ощущение, которым я был охвачен всего полчасика назад.

Минут через пять с грустью понял, что вряд ли его верну. Встал, закурил и вышел во двор. Дождь уже кончился. Я стоял, прислонившись к промокшим доскам забора, и смотрел вслед уходящей грозе.

ДЕРЕВЯННАЯ МОРДА

Сенькин осторожно раздвинул высокие, почти до пояса, стебли травы с алмазной россыпью росяных бусинок и тихо вышел на берег. Низы плаща и брюки повыше сапог давно были настолько мокрыми, что хоть выжимай! Но Сенькин не обращал на это ровно никакого внимания. Он стоял на малюсеньком пятачке вытоптанной земли берега и задумчиво смотрел на парящий белёсый омут. За спиной только-только нежно зарозовел самый краешек неба. То тут, то там несмело ещё пробовали голоса какие-то незримые птицы.

«Часам к шести разорутся вовсю», - подумал Сенькин и не спеша начал разматывать удочку. «Сегодня. Я её поймаю сегодня, - почему-то окрепла в нём уверенность. - Сколько можно издеваться над человеком?»

У другого берега омута тяжело плеснула какая-то рыбина. Сенькин внимательно посмотрел на расходящиеся по коричневой, почти чёрной, воде маслянисто отсвечивающие круги.

«Не моя, - равнодушно подумал он. - Эта килограмма на четыре, пожалуй, будет. Моя поменьше. Да и пасётся она у этого берега, и я её, хитрую собаку, достану... Три крючка сожрала? - спросил он сам у себя. И тут же подтвердил: - Сожрала... Две недели почти за нос меня водит? - и был вынужден опять же согласиться: - Водит... Ну и готовься тогда, брат рыба.

Мы с тобой однозначно спознакомимся!»

Насадив на крючок розового шустрого червя, он аккуратнo, почти без замаха сделал заброс к замшелой торчащей наполовину из воды коряге. Поплавок немного поплясал на воде и успокоился.

«Так. Начали, - пробормотал Сенькин и взглянул на часы. - Четыре утра. Отлично!»

Воткнув заострённый конец удилица в землю, а середину уложив на торчащую из воды рогатку, он присел на какую-то валежину, достал сигареты и закурил. Вокруг буйствовало лето. Берега Комёлы куда ни посмотри густо заросли лесом. У самой воды нагло пёрли ивняк и черемуха. Чуть подалее от берега степенно стояли вековые ели и сосны. Одна из них, подрубленная года два назад какими-то туристами, этой зимой упала в воду и наполовину загородила выход из омута. Там уже было течение, и в небольших водоворотах у затопленных ветвей крутился различный мусор: какие-то щепки, кора, были даже две пластиковые бутылки. То тут, то там на воде раздавались тяжёлые всплески. Щebetали птицы, у самой воды маленькими вертолётками шустро шныряли стрекозы. Одна, голубая, с почти невидимыми крыльями гордо уселась на торчащий из воды поплавок и кольцом поджала под себя тонкое брюшко. По спокойной глади воды крохотными стрелами скользили водомерки, то собираясь в кучу, то опять брызжа в стороны. Над ухом надоедливо звенели комары. Но Сенькин почти не обращал на них внимания: перед выходом он намазал лицо и руки мазью от комаров и поэтому чувствовал себя довольно комфортно. Поплавок внезапно исчез под водой и также внезапно появился. Возмущённая такой бесцеремонностью стрекоза отпрянула к коряге и умчалась на бреющем над самой водой.

«Чёрт!» - ругнулся Сенькин. Он знал, что так хватает наглая мелочь. Но делать было нечего, надо было её вытаскивать, иначе эта рыбёшка пе-

реполошит весь омут. Он нехотя подскёк. На берег шлёпнулся небольшой ершишка и запрыгал, затрепыхался в сырой траве. Сенькин прихлопнул его ладонью, потом осторожно взял двумя пальцами под жабры. Внезапно на ерша упал первый луч солнца, показавшегося из-за старых елей. Ёрш так и вспыхнул коричневым крапчатым тельцем с растопорченными плавниками, отсвечивающими всеми цветами радуги. Он ещё пытался грозно щеперить свой не по росту огромный спинной плавник, надеясь, видимо, испугать Сенькина. Но тот лишь усмехнулся на эти ухищрения ерша и принялся доставать крючок. Червяк был почти целым - ёрш взял взаглот, и Сенькин тут же снова забросил удочку, а ерша положил в шуршащий целлофановый пакетик. Всю мелочь он неизменно приносил кошке. Та встречала его с рыбалки уже у деревни и ташилась за ним до самого дома, хрипло мяуча и выпрашивая рыбу.

Сенькин уже почти две недели охотился за какой-то хитрой рыбиной, которая на рассвете кормилась у впадающего в омут небольшого ручейка. Несколько раз она уже побывала на крючке, но неизменно срывалась, обрывая крючки и леску. Поэтому Сенькин специально съездил вчера в город, где он не появлялся с начала отпуска, и прикупил самую прочную японскую лесу. Также взял набор каких-то специальных крючков. Мрачноватый продавец, когда узнал в чём дело, разговорился, начал давать советы и, выяснив по описанному Сенькиным способу поклёвки, что это, скорее всего, язё, посоветовал рецепт приготовления наживки, основным ингредиентом которой являлся жмых. Но жмыха Сенькин не нашёл и поэтому продолжал ловить по старинке - на червя. Деревенский сосед Сенькина - колченогий пенсионер дядька Саша - также живо заинтересовался проблемой и даже предложил разрешить её самым кардинальным способом («конгруэнтно!» - как он любил выражаться), то есть просто поставить сеть. Но Сенькин от предложенного гамбита

категорически отказался: гораздо приятнее было вытащить эту рыбину самому, один на один. Почувствовать, как она бьётся на крючке, водит из стороны в сторону, уходит на глубину. Он даже начал брать с собой на реку подсачек, чего раньше никогда не делал. Вся его жизнь сейчас была посвящена только этой страсти.

Он снова закурил и начал, как обычно, «шаманить», то есть мысленно пытался заманить рыбину на крючок. «Вот ты, брат рыба, плаваешь где-то там в тёплой ласковой воде, - вдохновенно сочинял он, - собираешь какую-то мелкую ерунду с листьев, а не видишь такого вкусного розового червяка. Мимо такого деликатеса проходишь! Непорядок, брат рыба! Подплывай, значит, к коряге... Вот сюда, к ручью. Тут-то тебя, как раз и ждёт отличный завтрак. Это тебе не хухры-мухры, тут на неделю вперёд нажраться можно! А ты, брат червяк, тоже не сачкуй особо-то. Извивайся, слушай, на крючке, танцуй тарантеллу, привлекай, гад, внимание. Вишишь, поди, как сопля, так кто же тебя схватит? Нет, ты уж, брат, поработай напоследок, так уж поработай, чтоб все рыбы в округе удивились и надолго тебя запомнили. А уж потом будут они своим внукам рассказывать долгими зимними вечерами, что видели, мол, настоящего шляшущего тарантеллу, мини-змея. То-то молодёжь удивится!»

В это время невдалеке послышались вдруг тяжёлые шаги, разговор, негромкий смех. «О Господи! - взмолился Сенькин, - только не сюда!» Но шаги приближались, и он заметно помрачнел. На широкую проплешину метрах в пяти от Сенькина уверенно вышли трое. Один тащил тяжёлую сумку, второго было не видно из-под небольшой резиновой лодки, третий нёс вёсла.

- Стоп, прибыли! - негромко командовал тот, что с вёслами.

Шедшие впереди скинули свои ноши на берег и распрямились. Они оказались здоровыми «камуфляжными» ребятами, довольно ещё молодыми и краснощёкими. Третий, в длин-

ном защитного цвета плаще, уткнул вёсла в землю, положил сверху руки и внимательно оглядел омут. Сенькина поразил его облик. Природа, видимо, делала его наспех, самым последним - лишь бы поскорей развязаться. Большой квадратный лоб, выпирающий из-под шляпы с отброшенным назад накомарником; неандертальские дуги кустистых бровей, под которыми внимательно бегали мелкие жучки бесцветных глаз; огромный кривой нос; тонкая щель почти безгубого рта; сильно скошенный назад подбородок. Тёмное от загара лицо пропахали глубокие траншеи морщин. Он сильно смахивал на вырубаемых вологодскими умельцами деревянных уродов, которые затем покрывались лаком и продавались в качестве сувениров всем заезжим туристам. Очень даже сильно смахивал.

«Настоящая... деревянная морда! - ахнул про себя Сенькин. - Во, блин, каприз природы! Он одним своим идольским лицом всех рыб распугает!»

Между тем «каприз природы» заметил сидящего на бревне Сенькина.

- О рыбачек... - неприятно удивился он. - Как улов?

- Да не очень, - пожал Сенькин плечами. - Мелочь всё хватает. А вы с сеткой?

- Не совсем, - коротко хохотнул старший. - Давай, пацаны, действуйте!

«Камуфляжные» пацаны ретиво принялись за дело: вжикнув молнией, распаковали сумку, достали оттуда мешок и что-то длинное и тяжёлое, завернутое в газету.

- Ты бы это, дядя, отошёл подальше, что ли, - обратился один из них к Сенькину.

- Где хочу, там и сижу, - огрызнулся тот.

Он уже понял, что троица задумала что-то неладное, но решил не сдавать позиций.

- Дело хозяйское, - миролюбиво пробурчал камуфляжный и развернул газету.

Сенькин обомлел: в руке у парня оказалась огромная отливающая сердитым блеском граната.

- Да что это вы... - хрипнул он пересохшим ртом, но его не услышали, а может, просто не обратили внимания, как не обращали внимания на комаров.

Рванув чеку, парень ловко забросил гранату на середину омута и кинулся плашмя в траву, где уже лежал второй. Деревянной морды на берегу давно не было. Граната тяжело плюхнулась в воду, подняв целую тучу брызг. Ничего не произошло.

«И слава Богу», - успел ещё подумать Сенькин, ошарашено глядя на огромные круги на воде.

Но тут в том месте, куда упала граната, яростно вздыбился огромный, быстро вспухающий, нереальный какой-то цветок. Он казался странно белым на фоне чёрной воды омута. Через секунду ножка цветка окрасилась багровым цветом, и раздался оглушительной силы звук взрыва. Сенькина отбросило метра на два назад и крепко шарахнуло спиной об ствол старой черёмухи. На некоторое время он перестал сознавать происходящее. Дыхание перехватило, в глазах так и стояла огненная ножка цветка, а уши заложило так, что он вообще ничего не слышал. Когда ножка цветка в глазах чуть поблекла, он увидел высоко в небе летящие какие-то палки, листья и стебли кувшинок и огромные переливающиеся под солнцем брызги воды. Он судорожными рывками пытался загнать в себя порцию воздуха, но ничего не получалось - настолько крепко его приложило к черёмухе. Схватившись руками за живот, он резко согнулся. В глазах потемнело, в голове бухнул огромный молот, но в лёгкие тоненькой струйкой начал просачиваться живительный воздух. Он опять упал на траву, опять согнулся, снова упал. Воздуха пошло больше. Он врывался в лёгкие с каким-то булькающим хрипом, но всё-таки врывался. Звон в ушах понемногу прекратился, но услышать ничего Сенькин так и не сумел: в этом солнечном мире царила непробудная тишина, только и были слышны рвущие гортань собственные вдохи.

Медленно, очень медленно опуска-

лись куда-то вниз, вне поля зрения Сенькина, обрывки водорослей и ошмётки листьев. Внезапно ему в грудь врезалось что-то тяжёлое и скользкое. Удар был настолько силен, что восстановившееся было дыхание вновь перехватило, и Сенькин начал извиваться и переворачиваться на земле, словно огромный неуклюжий червяк. Когда он пришёл в себя настолько, что смог наконец кое-как сесть, привалившись спиной к черёмухе, то первым делом взглянул на омут. К берегу причаливала резиновая лодочка, в которой каким-то чудом уместились два «камуфляжных» молодца. Ловко выпрыгнули на берег, где их уже ждал идол с деревянной мордой, и достали из лодки же огромный тяжёлый мешок.

- Ну вот, - скрипуче хохотнул Деревянная морда, - на ушицу и насобирали...

Он забрал вёсла и первым скрылся в зелёном кружеве листвы. Крякнув, один из «камуфляжных» забросил на спину мешок и нырнул следом. Третий легко поднял лодку на голову и, насвистывая, пошёл вслед за ними. На Сенькина никто из них даже и не взглянул. Он перевёл взгляд на омут. Всюду куда ни посмотри среди взвешенных клубов мути со дна, палок, обрывков растений и водорослей плавала рыба: некоторая на боку, но большая часть кверху брюхом. Многие ещё судорожно шевелили хвостами, пытаясь перевернуться и уйти в спасительную глубину. Там были и довольно крупные экземпляры, которыми, видимо, побрезговали «камуфляжные»: для них это была мелочь, хотя поймай Сенькин такую «мелочь» на удочку, то он гордился бы таким уловом до конца жизни. К кромке берега прибило невероятное количество настоящей мелочи - берега ручья стали просто серебряными.

«Как же это? Что же это творится-то, Господи? - Сенькин обхватил голову ладонями и бездумно смотрел на омут. - Не может быть. Не должно быть этого... Господи...»

Рядом в траве что-то зашевелилось. Сенькин машинально посмотрел

вниз. На мокрой траве дёргалась огромная жёлтая рыбина. Она, судя по всему, и врезалась ему в грудь, вышибив во второй раз дыхание. Он осторожно взял её в руки. Из уголка рта её что-то торчало. Стержень какой-то. Пока Сенькин соображал, что же это могло быть, рыбина разинула рот. Там Сенькин увидел свои разноцветные финские крючки с обрывками лески. Рыба слабо трепыхнулась в его ладонях. Он тогда встал на колени перед ручьём, выбрал свободное от мелочи место и осторожно отпустил её в воду.

- Иди домой, брат рыба. Может, и выживешь.

Она слабо махнула хвостом и резко ушла на глубину. Но тут же всплыла наверх и легла на бок. Каждая чешуйка так и заиграла под солнцем, запереливалась мягким нежным золотом. Снова вильнула хвостом и рывками пошла вглубь.

- Может, и выживешь, - повторил Сенькин.

Посмотрел в воду. Оттуда на него внимательно глядел мелкими жучками глаз Деревянная морда и нагло улыбался.

- Тьфу ты! - плюнул в его отражение Сенькин и впервые в жизни, наверное, перекрестился. Неумело, как уж получилось. - Сгинь, подонок!

Деревянная морда исчез. Сенькин медленно поднялся, от чего в ногах весело засуетились мурашки, начали там бегать, покалывать, и, не взяв даже удочку, медленно, не разбирая дороги, направился к дому.

Акинфовица - Вологда, 2006

ВОРОТА

- Эх, ворота! Да разве ж вы чего понимаете? Соображать разве можете? Железяки вы безмозглые - вот и всё. Чтобы соображать, голова нужна как минимум. Да уж... А у вас ведь ни рук, ни ног, ни головы нет и в помине. Ворота - одним словом...

Крепко подвыпивший слесарь комбината Коля Губкин вот уже минут двадцать стоял перед закрытыми воротами со стороны двора и вёл с

ними нелёгкий разговор. Он уже успел обличить их во всех смертных грехах, грозил им пальцем, а один раз даже и пнул. Ворота же на оскорбления никак не реагировали и лишь слабо поскрипывали под напором свежего мартовского ветра. Коля, сам того не ожидая, получил для себя идеального слушателя. На комбинате давно не было ни души, если не считать вахтёра дядю Пашу, который упорно спал в своей кандейке и выходить никуда не собирался. Тем более, чтобы послушать откровения пьяного слесаря. Вот потому-то Коля и стоял перед воротами, засунув руки в карманы старенького бушлата, оставшегося ещё со времён службы на флоте, зябко ёжился и изливал воротам свою неприкаянную душу.

- Вот вы, ворота, никак понять не можете... А у меня ведь на комбинате всё схвачено. Всё у меня под контролем. Вот все думают: Коля ГГ ничего не знает, ничего не видит... А ведь не зря сам генеральный со мной за руку здороваюсь и называет меня уважительно ГГ, что значит господин Губкин. А это вам не хухры-мухры, это вам сам генеральный директор. Он-то знает, что я всё контролирую, всё ведаю. Про каждого рассказать могу такое... Но молчу, - тут Коля приложил палец к губам. - Роток на замок. И мне спокойнее, и им тоже. И всем вообще спокойнее. Всяким французам китайским.

Тут он нащупал во внутреннем кармане бушлата полупустую бутылку водки, извлёк её на свет божий, придирчиво посмотрел сквозь стекло на отсвет фонаря и, горестно вздохнув, начал размышлять: зараз ли всё выпить, или оставить чуть-чуть на потом. Решил всё же оставить. Сделал глоток прямо из горлышка, окислился и, не закрывая бутылку, сунул её обратно в карман. После чего вынул из другого кармана сильно отошвавшую пачку «Примы» и закурил. Водка приятно согрела желудок, и Колины мысли приняли другое направление.

- Вот вам, воротам, хорошо. Вы здесь постоянно прописаны, а я уже четвёртый месяц чёрт-те где шляюсь.

Как благоверная из дома турнула, так вся жизнь моя наперекосяк и идёт. То у одного заночую, то у другого... Опять же сегодня дядя Паша на комбинате разрешил заночевать. Сейчас вот докажу вам чего-нибудь, да и спать пойду. А кстати, - тут Коля наморщил лоб и крепко задумался, - с чего бы это я к вам на «вы» обращаюсь? Непорядок! Вы... тьфу ты, пропасть, скважина худая... ты, ворота... ворот... Ёлыпалы, как и обозвать-то! Значит, так: ворота - ты, оне, вы, им, их... Так вашу мать!

Коля сел прямо в сугроб и тупо уставился на ворота.

- Вот закавыка-то! Глупую железяку на «ты» обозвать не могу. Не хватает великого и могучего. Дела...

Достав из кармана остаток водки, он одним глотком опорожнил посудину и зашвырнул её за забор.

- Ворота хреновы! Механизма безмозглая! Стоп. Вот механизм ты и есть. Вы есть то есть... Бр-р! А и холодно же. Учкудук, три колодца, - вдруг без всякого перехода запел он и начал медленно подниматься из сугроба. - Защити, защити, - тут его повело в сторону, и он немедленно распластался на снегу, чуть ли не уткнувшись носом в ворота, - защити, так-перетак, от солнца, - всё же допел он, переворачиваясь на спину. - А небо-то, небо до чего хорошо, - бормотал почти про себя Коля, вглядываясь в ночную размытую пелену облаков. - Похрюкать, что ли, для удовольствия? - спросил сам себя и действительно от полноты чувств пару раз хрюкнул. - Хорошо, - бормотал он, поднимаясь со снега и, держась обеими руками за ворота. - Вот и вы, то есть ты, механизм, пригодился.

Постоял, шатаясь, у ворот и вдруг неожиданно для себя прошёлся этаким гоголем, хлопнул ладонями несколько раз по груди, по ляжкам, выкрутил замысловатое па ногами, а в конце всего действия изобразил непристойный жест. «Танец с матюгами! - радостно заржав, неизвестно для кого объявил он. - Вот так вот. И не хрен всем китайцам французским на меня пялиться», - увидев в окне сто-

рожки дядю Пашу в двойном экземпляре, подытожил свой танец Коля. Потом долго смотрел на ворота. Сначала они раздвоились, затем начали трюиться: «Ага! Теперь вас много... Теперь можно и на «вы». Поговорим...» Но говорить с воротами не стал, а, погрозив им пальцем, побрёл в цех отсыпаться перед завтрашней сменной. Дядя Паша, с удовольствием посмотревший танец, понял, что ничего интересного больше не предвидится, и завалился на лавку досыпать. И лишь ворота уныло поскрипывали под резкими порывами сырого мартовского ветра...

ВЕНЬКИНЫ СНЫ

Ночью запотевало, зануло... Клубком каким-то колючим полезло то самое сокровенное, что он таил даже от себя. Острые иглы воспоминаний царапали в кровь и так не очень-то здоровое сердце. Видимо, сказалась всё-таки сегодняшняя встреча с сыном. Первый раз пошёл Вовка в школу... Лево́й рукой лихорадочно нашарил выключатель торшера, нервно щёлкнул несколько раз - контакт плохой, всё руки не доходят - подтянул мокрую от пота подушку к задней спинке дивана и сел, прикрыв глаза от мягкого красно-зелёного цвета лампочек. Посидев так несколько секунд, и ничего ещё не понимая, он не спеша уже нащупал на подлокотнике начатую пачку «Беломора» и зажигалку. Потатил себе на грудь предварительно вытряхнутую к ночи пепельницу. Боль, рвавшая когтями сердце, понемногу отпустила, и он наконец-то смог сосредоточиться.

«Чего это я? - устало подумал он. - Кошмар, что ли, какой при...»

И тут его словно обожгло током. Бывает так, когда ненароком схватиться за фазовый провод: мало того, что тряхнет как следует, так ещё и горячая волна по телу прокатывает. Как в парилке от ковша воды в каменку. Сон! Причём такой сон, что... Так вот откуда этот внезапно вспыхнувший огонь памяти. Сон, будь он проклят! Давно уже не видел он его продолжения...

- Сериал прямо какой-то, - горевал Венька Сергеев на приёме у психиатра. - Снится, понимаете ли, ерунда всякая. И причём точно знаешь, что было до этого, хотя утром ничего из прошлых «серий» не помнишь, а только вот это, прошедшей ночи. Но и оно через час-два уже забывается. Сон-то забывается, но ощущение страха и неуверенности остаётся. Выпьешь - полегче станет...

Врач только крутил лысеющей уже головой и выписывал какие-то таблетки. Да ещё посоветовал сменить работу и записаться в бассейн. На все его вопросы о семейной жизни Венька упрямо твердил: «Нормально, док! Живу - дай Бог каждому!»

И действительно, если считать относительное одиночество подобием покоя, то в этом он, безусловно, был прав. Но покой этот был только кажущимся, что Венька, конечно же, чувствовал, хотя на людях и не показывал виду. Наоборот: всё хорохорился, похохатывал. Перед друзьями павлином этаким хвост распушал, мол, живу один, квартирка не Бог весть, но зато своя, не общага какая. И зарплата приличная. Бывает, и девки какие «по пьяни» забредут на огонёк... Чего же ещё человеку надо? Всё у меня «хоккей» говорил он и складывал большой и указательный пальцы колечком, что, по-видимому, и должно было означать этот загадочный «хоккей». Вот только про ночи свои Венька никому не рассказывал. Про одинокие жуткие ночи, когда и пачки папирос было мало. Да и кому, в общем-то, было дело до Венькиных ночей? Разве что психиатру? Да и тому только по долгу службы. А уж случайным собутыльникам, которым только было бы выпить где-нибудь не на улице, да черепашкам толстоморденьким, как Венька называл доступных девчонок, и подавно ничего не говорил. Хотя если по правде сказать, то кому, кроме малознакомого человека, и можно поплакаться в жилетку? Тот всё поймёт, вспомнит пару похожих случаев, посочувствует. Но Венька Сергеев - гордый! Он никому не станет ронять слезы. Ждите! Он настолько гордый,

что даже когда жена не пришла как-то раз ночевать домой, то он без жалости тут же с ней расстался. Разменял квартиру и ушёл, не слушая никаких оправданий ревущей супруги. Хотя потом и жутко каялся, несколько раз даже хотел идти мириться, но гордость всё та же не позволяла.

- Урок ей будет, - размышлял он и лупил кулаком в кирпичную стену квартиры. - Стер-рва! - цедил сквозь стиснутые зубы и лизал кровь с кулака.

С потерей жены он через пару лет смирился, но не давал покоя сын. Его он не мог, да и не хотел забывать. Когда появлялись лишние деньги, он непременно покупал ему какую-нибудь чудовину, ходил с ним в кафе-мороженое и в кино. То-то радости бывало у паренька! И любил он отца по-настоящему. Даже в первый класс без него не пошёл. Чуть торжественную линейку не пропустили. Добро ещё, что Венька примчался, на работе еле отпустили, и пошли они в школу, как черёдная семья. С цветами и всем, что там полагается. А уж счастлив-то Вовка как был! Что ты! Вместе с мамой и папой идёт. Не как-нибудь!

...Но в ту ночь особенно сильно запотягивало в левой стороне груди. Даже на улице Веньке выходить пришлось. Потному да под нудный морозящий дождь. В итоге подхватил Венька пневмонию, а если попроще сказать, то воспаление лёгких. Увезли в больницу прямо с работы. И то ли из-за болезни, а то ли из-за того, что стены больницы видели столько горя и боли и буквально были пропитаны ими, кошмары стали мучить Веньку каждую ночь. И снотворное ему кололи, и днём заставляли не спать - ничего не помогало.

- Аура здесь не та, - твердил Венька своему лечащему врачу. - Домой отпускайте, там враз поправлюсь.

Но врач говорил, что дома за Венькой ухаживать некому, и продолжал держать в палате. А кошмары становились всё настойчивей и страшнее. То снилось Веньке, что он падает вниз в самолёте, а руки у него связаны, и он совершенно ничего не может по-

делать. И всё чаще приходило продолжение давнего «сериала»: он убивает каких-то совершенно посторонних людей, и за ним приходит милиция, а он убегает от них какими-то переулками и очень страшится попасть в тюрьму. Эта тема Веньку особенно волновала. Уж очень он не хотел попадать в места лишения свободы. Аж трясти его начинало, когда вспоминал он эти сны. А недавно приснилось, что, в очередной раз убегая от милиционеров, он подбежал к огромной застеклённой витрине продмага. А там внутри - среди ночи-то! - собрались мастерицы с Венькиного цеха, и он с ужасом понял вдруг, что у них там шабаш и красное в стаканах - это отнюдь не вино. И хоть страшно стало Веньке, но в тюрьму попадать ещё страшней. Поэтому он и начал стучать в стекло витрины, умоляя, чтоб впустили его, ведь вместе же работаем. Тем более что залихватые свистки милиционеров раздавались уже совсем рядом. И тут симпатичная девушка-мастер, которая только недавно появилась в цехе, вышла к Веньке прямо через стекло. Венька даже удивиться по-настоящему не успел.

- Пойдём к нам, - звала она его и, взяв за руку, тащила в магазин.

- Но тут же стекло, - упорствовал Венька.

- Ничего, - утешала его юная ведьмочка, - ты, главное, напрягись по сильнее - и пройдёшь...

Но тут сзади схватили Веньку за плечи, стали отрывать от спасительного стекла... Венька не выдержал и закричал. И проснулся. Оказывается, стоял он не у магазина, а у стены палаты и пёрся в неё изо всех сил. А ночная медсестра пыталась оттащить его оттуда за плечи.

Похолодел Венька.

- Что это? - грустно размышлял он уже в постели.

И жалко ему от чего-то было, что не попал он на тот шабаш и не прошёл всё-таки через стекло. Жаль...

Два дня Венька ни с кем не разговаривал. Всё держал при себе это ощущение жалости. А потом как-то вечером пришли к нему жена с сыном.

Ох и обрадовался же Венька им! Не мог Вовкой налюбоваться. Всё вертел его и расспрашивал про школу, про друзей. Вовка же оплёл почти все яблоки, которые они ему принесли, а Венька всё гладил его по голове, и слезы застилали ему глаза. На радостях он даже решил простить жену и помириться с ней, когда выйдет из больницы. В эту ночь Венька уснул спокойно и без уколов. А под утро медсестра нашла его скрюченным у стены и уже застывшим. Прошёл, видимо, Венька сквозь стену. Попал на шабаш. Жаль его...

МОЯ ВОЙНА

Моя война течёт плавно и неторопливо. В последнее время она уподобилась тихой равнинной речке. Не то, что на блокпосту в Ведено: там-то как раз и была самая стремнина. Пацанов каждый день увозили. На «деревянный дембель». И страшно было спасу нет. А тут что? Курорт, одним словом. Грозный - он Грозный и есть. Столица всё же. Может, для кого-то когда-то он и был грозным, но для нас он мягкий. Никакой, в общем. Тем более что через месяц уже дембель. Настоящий, живой. Так что ждите сына, дорогие родители. Почти уже дома. Правда, и здесь постреливаем - зачистки там, бои местного значения и тому подобное. Но это уже так, семечки. Какая же война без стрельбы?

А недавно случай прикольный был. Ходили в патруле по улицам. Я, мой дружок Чертило и черпак Хромосом. Подбегает к нам старый чех - глаза по полтиннику, трясётся весь и орёт чего-то по-своему. Мы с Чертилой сразу скумекали, что это, должно быть, ловушка. Развернулись в разные стороны, автоматами улочку щупаем. А Хромосом на деда попёр: чего, мол, орёшь, старый? А тот кричит, и всё по-своему. На улочке спокойно всё, ничего подозрительного. Тут и мы к деду повернулись. По-русски, типа, толкуй, аксакал. Мы не понимаем. Тот за голову схватился, ай-вай-вай, это я, говорит, от волнения. Вы тут девочку лет пяти не встречали? Мы гово-

рим, нет, не встречали. Ну дед и поскочил дальше её искать. Только закурить успели, как с другой стороны тётка бежит. Вы, кричит, девочку лет пяти не встречали? А нас затормозило, видимо. Орём: мы не понимаем. Тётка посмотрела на нас странно - и в другой переулочек шмыгнула. Тут до нас дошло, что она по-русски кричала. Целый день ржали.

Хромосом, даром что черпак, объяснил нам потом, что это безусловный рефлекс сработал. Не знаю уж, какой это рефлекс сработал, но без рефлексов нам было бы не выжить. Это я точно знаю. И пусть недоучившийся студент Хромосом обзовёт это как угодно.

Ночью дёрнули по тревоге. Пацаны на блокпосту аргунской дороги пересрались. Кричат в рацию, что обкладывают их. То ли танки с гор прут, то ли машины. Ну, стянули туда, кого смогли. Лежим, ждём. С гор точно какие-то огни спускаются. Только не по дорогам, а как-то непонятно вообще. Не фига понять не можем. Такого ещё не видели. А под утро выяснилось, что это чехи так приколотись: на стадо ишаков автомобильных фар навесили и отпустили их. Аккумуляторы с брошенных тачек снимали - их полно кругом. Хромосом тут же обозвал это «психической атакой», за что и пришлось ему пинка ответить, чтоб не умничал.

До обеда дрыхли. Потом Чертило свалил за ворота части и тут же у пионеров, которые там ошивались постоянно, обменял гранату. На несколько доз. И мне тоже предлагал. Но я этой шнягой не пользуюсь. Я лучше водовки тресну с колёсами. А к наркоте привыкать не хочу. Насмотрелся я на этих чудиков на гражданке ещё. За дозу сестру родную заложат.

Ближе к вечеру повезли на хлебозавод. Там, оказывается, какая-то банда третий день сидит. За полчаса их оттуда вышибли. Пошли по цехам. За каким-то котлом здоровенным нашли летёху нашего. Он браслетами к здоровой такой железяге был пристёгнут. Пришлось цепочку на браслетах

перестреливать. Не с первого раза, но получилось. Летёха молоденький, чуть нас постарше. Плачет прямо, трясёт его бедного, колотит. А и воняло же от него! Но нам не привыкать - и не такое видали. Пока тащили его на плечах до машины, ходить-то он не мог, ему чехи лапы перебили, он нам рассказал, что ему сегодня «красный тюльпан» хотели устроить. Вчера они двоих сержантов на его глазах казнили - ремней из спин нарезали, а потом головы поотрубали. А с тебя, говорят, кожу завтра спустим. С живого. Это и есть «тюльпан». Поседел парнишка за ночь. Перед тем, как в машину его сунуть, я обнял его и сказал, что всё пройдёт. А он, наверное, и не понимал уже ни хрена. Всё маму звал. Спёкся, короче. Психика нарушена. Это опять Хромосом влез. Я так посмотрел на него, что он вмиг язык прикусил.

Вечером нажрался. Водка без колёс уже не трогает. Не прививается, да и всё тут. Только башка заболела. Я сидел на шконке и думал. О доме, о дембеле... Да мало ли чего в башку залезет! Потом летёху вспомнил. Решил, что всё же арабы на хлебозаводе были. С чехами попроще всё. Как-то раз уже здесь, в Грозном, в подвале одном два дня воевали. До обеда стреляем, в обед вместе водку жбаним, после обеда опять стрелять начинаем. Чем не жизнь? Чертило колёс притаранил. Опять, наверное, гранату слил. Две таблетки выпил - вырубился.

На другой день снова на хлебозавод послали. Мало ли эти черти вернутся? Мы с Чертилой и Хромосомом за каким-то станком пристроились. Сидим, курим, за жизнь толкуем. Потом Чертило в соседний цех к землякам своим сбегал. Ширнулся там. Залез на станок этот и разлётся там - кайф ловит. Потом в потолок из автомата шарахнул. Понабежавшим пацанам объяснил, что чёрта здорового такого мочканул. Он там возле стёкол летал. И погоняло-то своё Мишка из-за этого получил: как наширяется, так чертей глючит. Да всё здоровых, как и он сам. Ну пацаны

посидели, покурили тоже да снова по цехам разошлись. Хромосом сидит, что-то мне про гражданку свою плетёт. Как мороженое до армии любил. Куплю, говорит, штук пять, оно растает, а он потом пьёт его прямо из блюда. Чудак этот Хромосом. Мороженое же холодным надо есть. Нет, спорит, так вкуснее получается. Тут Чертило опять палить начал. Не иначе к первому чёрту кто-то на подмогу прилетел. От нечего делать я тоже наверх взглянул. Ёлки зелёные... Чертило пару стёкол, что на стенках таких невысоких у потолка были, вынес начисто. И большущее стекло прямо вниз падает. Только свет бликнул пару раз. И всё. Головы у Мишки как и не было. Отрезало вчистую. А голова прямо на колени Хромосому отлетела. Тот взвыл, подпрыгнул и блевать начал. Зелёный ещё, студент. Я Чертиле глаза закрыл, и потащили мы его на выход с пацанами. Я голову впереди несущу, а земляки его сзади на каких-то носилках, подвернувшихся под руку, волочат. Комбат перематюгался весь, ни хрена себе - «двухсотого» без всякого боя принесли, да и снял весь взвод. В часть отправил. Как только приехали, пить начали. Причина серьёзная - пацана потеряли. Дембеля. Чуть-чуть и не добрался до дома. Да, в общем, сам виноват. Не хрен чертей лупить было. Хромосом снова переблевался весь. Как стакан выпьет, так, видимо, про голову и вспомнит. И начинает карать его. Тоже мне - любитель мороженого!

...Вот так вот и воюем. С пятого на десятое. Зачем рассказываю? Да так, накатило что-то. В последнее время люблю сам с собой поговорить. Хромосом услышал как-то и обозвал это такой хитрой загогулиной, что даже и не выговорить. Ох и погонял же я его потом!

Ну что ж, моя война потихоньку заканчивается. Хотя разве это война? Так... Вот в Ведено - там война была. А может, потому это, что в Ведено я молодым был, «духом»? Каждого куста боялся. А теперь пообуркался. Не знаю...

ПОХОРОННЫЕ ДЕНЬГИ

Как только Иваныч вышел на пенсию, так и начал задумываться о смерти. Не то, чтоб уж очень и хворал, но возраст всё-таки... Супругу свою Клавдю похоронил лет за пять до пенсии и намыкался, надо сказать, нагоревался с похоронами. Никаких сбережений впрок отложено не было - да и какие сбережения к черту, когда всё, что на сберкнижке было, съела-сожрала очередная реформа. Кое-что продать пришлось, кое-где подзаянть - более обеспеченным сельчанам в ножки кланяться - и в итоге остался Иваныч без коровёнки, без телевизора и с двумя детьми на руках. Ну старший-то к тому времени уж десятилетку заканчивал, в армию собирался, а младшая, Лизанька, только в шестой ходила. А похоронили ничего, достойно - не хуже, чем у людей. И поплакали-погоревали на кладбище, и водку-самогонку потом пили - в общем, не ударил Иваныч лицом в грязь, всё честь по чести сделал.

А на пенсию вышел - и времена вроде поспокойней настали. Хоть и шли косяками инфляции да деноминации всякие, но деньги больше в трубу не ухали, как тогда, в девяносто первом. Более спокойно смотрел Иваныч в завтра. Но государству доверять перестал. И, чтобы похоронили его не как отщепенца какого, стал он деньги - копейка к копейке - на похороны себе подкапливать. Менял мелкие бумажки на более крупные, когда более крупных становилось больше, менял опять и складывал всё это в нижний ящик комода.

- Это «похоронные» мои, - говорил он детям, когда все собирались вместе. - На эти деньги меня и в землю спровадите, и соседям ублажение делаете. Понятно? - и строго смотрел на них.

- Да что ты, папаня, - весело отговаривался старший Витька. - Потопчешь ещё земельку. Не один год потопчешь.

- Выдумал тоже! - фыркала Лизанька. - Помирать собрался. Живи уж, неча и думать пока.

Иваныч смотрел на детей, сердце радостно сжималось: вот каких хороших вырастил, но так же строго выговаривал: «Знаю я вас. У тебя, Витька, четверо в городе-то растут, а ты, Лизка, непутёвого себе мужа спроворила. Разве ж дело - мужику картинки в клубе малевать? Что вы получаете-то? Никаких денег у вас нет да и сроду не будет. Так и зароете, меня, как Ивана-безродного какого... Я уж сам для себя постараюсь. Хоть и невелика пенсия, но немного-то на смерть отложу...»

Так и жил Иваныч. Откладывал себе понемногу с пенсии на похороны, удил рыбу, изредка бродил на охоту. Однажды пересчитал деньги и крепко удивился: за восемь лет худобно, а порядочная сумма накопилась. Двенадцать тысяч, однако. Бумажка к бумажке. Не ожидал даже! Порадовался он на свою догадливость и стал жить дальше. А здоровье-то, надо сказать, в последние годы прохудилось: и ноги начали отказывать временами, и сердце что-то пошаливало, и голова болела всё чаще и чаще...

«Помру уж вскорости, - спокойно и отрешённо думал он, словно о чём-то чужом и далёком. - Да и то сказать, потоптал, потоптал, сколько мог, земельку-то...»

В последнее время он всё чаще вспоминал эти Витькины слова, да и самого Витьку, жившего в городе и давно что-то не показывавшегося в деревне. И вот однажды Витька приехал. Чёрный весь какой-то, смурной, исхудавший... Тяжело сидел за столом, тяжело пил водку и тяжело выталкивал из гортани слова. Младшему его сыну срочно требовалась операция. Операция редкая и за очень большие деньги. Десять тысяч «зелёных» - так объяснил Витька. Лизанька тихо ойкнула и прикрыла рот ладошкой. Зять только ожесточённо скрёб затылок и молчал. Тогда Иваныч встал из-за стола и твёрдой походкой прошёл к заветному ящику комода.

- Вот, я старый уж, а тебе эти деньги важнее, - говорил он и отсчитывал десять тысяч. - Бери, Витя...

- Убери эти гроши, батя, - неожиданно взвился с места Витька и пьяный и злой полез спать на печь.

«Почему не взял? - размышлял ночью Иваныч. - Бог с ним со мной-то. Как уж нибудь, да похоронят. А если он деньги не возьмёт, то ведь помрёт парнишка-то. А ведь не возьмёт, пожалуй, деньги-то. Гордый он у меня...»

Подумал-подумал Иваныч, да и решил, что вполне может обойтись и без похорон. Внука очень жалко было. Встал, накинул сапоги, фуфайку и вышел в беспроглядную осеннюю темень. Ощупью почти добрался до леса и побрёл не спеша по старой тракторной дороге. К рассвету, разошедшись, отмахал почти десять километров и у замшелой, обожжённой молнией сосны свернул в сторону. Пройдя ещё километра два, отыскал старую полуобвалившуюся берлогу, из которой года три назад поднял медведя. Сердце громко стучало, от позабытой нагрузки разваливалась на части голова, ноги уже не шли.

«Вот тут и помру, - решил Иваныч и, кряхтя и отплёвываясь, полез в берлогу. - Дня два поищут, не найдут, да и забудут. А Витька тогда спокойно сможет забрать мои «похоронные». Самые настоящие зелёные, бумажка к бумажке - двенадцать тысяч...»

ЖИВОДЕР

- Аксинья-то совсем уж ... - горестно вздохнула Зинаида, присаживаясь рядом с мужем на лавку.

Михаил ничего не ответил.

- И не ест ничего, - продолжала жена. - Сено так и осталось нетронутым.

Михаил только сильнее сжал свои маленькие кулачки, не отводя взгляд от чего-то, одному ему видимому во дворе.

- Знаю я всё, - тяжело выдохнул он. - Пора уж...

Нелёгкие эти слова, с такой болью давшие ему, так, казалось, и застыли горьким серым клубком в нарядной и весёлой не по-деревенски избе. Но потихоньку и они стали рассеиваться под наплывом других звуков:

мягко прыгнул с печки кот Потапыч, будильник на комодке нервно вплетал своё быстрое тиканье в важный и неторопливый шаг стенных ходиков, зашебаршил газетой под диваном ёж Сёмка, поудобней устраиваясь на дневную спячку.

- А ведь жалко, Миша. Не чужая ведь, - завздыхала Зинаида.

- Сколько лет вместе-то...

Михаилу и самому было жалко до слез козу Аксинью. Взяли они её ещё совсем маленькой, как только приехали из города в Выселки. Вынянчили её, выходили. Как ребёнок, была она им. Но годы идут - и вот уже перестала доиться, умирает. Надо колоть, пока не поздно.

- Миш, - опять заныла жена, - чо делать-то?

- Чо-чо... Раскудахталась, - оборвал он её. - Сегодня и пойду к Ивану.

- Ой! - закрыла рот ладонями Зинаида. - к Ивану? Ой, не надо бы к нему - живодёр ведь. Никакой жалости.

- А тут жалость как раз и не нужна, - сказал, как обрубил, Михаил. - Иди пока, прощайся...

- Либо Витька опять чего набедокурил, стервец, - засуетился Иван Полозков, - невысокий кряжистый мужик с огненно-рыжими волосами, увидев входящего в калитку Михаила. - Ну я ему задам, ну задам! - и поспешил навстречу, протягивая издалека уже руку: - Михаилу Андреичу, значит...

Михаил немного даже засмутился: вот они издержки работы школьного учителя! Куда ни приди - всё одно на школу сведут.

Но вслух сказал:

- Да нет же, Иван Алексеевич. У Виктора всё хорошо, а я к вам по совершенно другому делу, так сказать, - и тут же мысленно выругал себя за эту просящую интеллигентскую концовку.

- По делу, - уже твёрже добавил он и покраснел.

Михаил Ромашкин, учитель русского языка и литературы, даже прожив двенадцать лет в деревне, до сих пор не разучился краснеть по малей-

шему поводу, особенно когда дело напрямую касалось его лично. Тогда простое невыразительное его лицо неузнаваемо преображалось: в синих глазах под стёклами очков поселялись ёжики, складки губ становились жёстче, скулы заострялись - и вот перед вами уже совершенно иной человек. Но эти метаморфозы касались только его внешности - в душе он в такие моменты ругал себя на все лады за мягкотелость и нерешительность. Но люди в большинстве своём судят поверхностно, и за Михаилом Андреевичем прочно закрепилась слава этакого городского гордеца.

- По делу, так по делу, - продолжал суетиться Полозков: то чурбак какой-то с дорожки откатит, то и без того чистую скамейку ладонью обмахнёт. - Садитесь, Михаил Андреевич. А то можно в избу - там теплее будет. И чайку заодно... Валентина, вздуйка самоварчик! - закричал он весело своей супруге, появившейся в это же время на крыльце.

- Нет, нет, я, собственно, на минутку, - опять смутился Михаил.

Его начала раздражать уже эта кипучая деятельность, поднятая Полозковым по случаю его прихода. Он даже пожалел, что пришёл сюда.

- На минутку, так на минутку, - говорил, почти напевая, Иван, глядя на учителя круглыми внимательными глазами.

Но улыбка, словно приклеенная, так и не сходила с его лица.

«А ведь права Зина! - с тоской подумал вдруг Михаил. - Такому убить - раз плюнуть. И не поморщится даже. И улыбаться не перестанет. Одно слово - живоде́р...»

Но отступать было поздно: посчитает ещё за сюнтя, и пойдут, поползут по деревне слухи...

- Я, собственно, вот, - с трудом сглотнув какой-то шершавый ком в горле, наконец заговорил Ромашкин. - Собственно, как и сказать-то? В общем, козу мою, то есть нашу, Аксиною... - тут он окончательно покраснел, словно предлагал что-то нехорошее и, опустив глаза, начал носком полуботинка передвигать туда-сюда

щепку, почему-то оказавшуюся рядом.

Не думал он, что будет так трудно даже говорить об этом, как будто совершал предательство по отношению к Аксюхе. Хоть и коза, бессловесная скотина, а всё одно, считай, что член семьи. Замутило даже Михаила Андреевича.

Но Полозков не растерялся. Недаром за врождённую хитринку и расторопность иной раз называли его прямо в глаза Хват. Всё схватывал прямо на лету. И тут смикитил как надо. Понял, что первый раз человек скотину колет. Он и сам в семилетнем возрасте орал благим матом и всё хватал отца за полы полушубка, когда тот с мужиком из соседней деревни, Прохором, шёл в сарай резать на Рождество кабана Вихляя. Три почти года считал маленький Ванька его своим другом: без усталости таскал ему жёлуди из соседней рощи, чесал щетину жёсткой скребницей и с весёлым визгом то догонял его во дворе, а то улепётывал от него во все лопатки. Славное было времечко! А вот теперь за глаза называют живоде́ром. Но называть-то называют, а как припрёт - непременно к Ивану на поклон. Мяса-то всем хочется!

- Так это мы сейчас мигом сообразим. Заколем-то. У меня и ножи всегда точёные - мало ли что, - быстро заговорил Полозков.

- Сейчас, оденусь только - да и пошли. - Михаил ещё больше засмутился. - Понимаете ли, Иван... - от волнения он никак не мог вспомнить отчество Полозкова, - да, Иван, - тут он обречённо махнул рукой - отчество не вспомнилось, и он решил, что некоторая доля фамильярности в таком деле не помешает. - Нам с Зинаидой Александровной не хотелось бы у себя. Ну вы понимаете? Вы бы, Иван, не могли... ну здесь, например. Нам, знаете ли, и вообще её не хотелось бы... в смысле мяса, - с ужасом чувствуя, что несёт какую-то ахинею, лепетал Михаил. Но уже никак не мог остановиться. - У нас, видите ли, какие-то этические мерки, моральная, так сказать, сторона дела. Это каннибализмом, если хотите, отдаёт даже...

Иван так крикнул, что даже улыбка немедленно сползла с его лица. Ухватистой пятернёй он залез в свою густую шевелюру и непонимающе уставился на учителя. А тот ещё тише добавил:

- Мы, в общем, хотим вам её отдать. Мы ведь не сможем есть её потом...

- Продать, что ли? - на широком лице Ивана наконец появилось подобие понимания.

- Нет-нет, - заторопился Михаил, - не продать. Отдать её. А мясо вам пойдёт как компенсация за работу.

«Мя-со?! - весело про себя изумился Иван. - Да мясо его козы вряд ли и собаки-то пережуют. Ей же в обед сто лет! Одни жилы, да кости». Вслух же сказал, для солидности немного подумав и явно набивая себе цену:

- Вот вы говорите про моральные издержки, - намеренно перепутал он. - А у меня тоже ведь сын тут крутится постоянно. Витька, значит. Увидит ежели...

- Да я же знаю, - вдруг неожиданно агрессивно заговорил Михаил. - Я знаю, что вы и у себя во дворе режете животных. Потому к вам и обратился. Чтоб в усадьбу Ксюху не тащить. Не дойдет потому как, - тут он опять пригорюнился, а Иван, не на шутку струхнувший, что вдруг да учитель опомнится и начнёт потом зло вымещать на Витьке - и кой леший он про него ляпнул? - опять натянул на лицо улыбочку и зачастил:

- Да-да, я и не подумал как-то. До усадьбы действительно путь неблизкий, а тут по добрососедству, так сказать. Можно и в сарайчике её порешить. Вы приводите, приводите козую, а я приготовлю всё сейчас.

У Михаила словно гора с плеч свалилась. Он вскочил и кинулся домой за Ксюхой, по дороге боясь, как бы Иван вдруг не передумал. Зайдя в сарайчик, где стояла безучастная ко всему Аксинья, он обнял её в последний раз, привязал к рогам верёвку и поминутно вытирая глаза платочком, вывел козу на улицу.

Осень в этом году умирала медленно. По утрам, правда, уже подморозивало, но до снега было ещё далеко.

На голых полях всю хозяйничал ветер, ворчливо перенося что-то с места на место. Иногда он наносил откуда-то из-за дальнего обнищавшего леса надоедливую липкую изморось и надолго укутывал ею деревню. Но в этот день погода выдалась как назло весёлая и сухая. Яркое светило маленькое уже солнце, по-осеннему пронзительно синело небо, трещали о каких-то своих делах сороки. И даже унылые и сырые стога за деревней как-то по-нарядному преобразились, грея блестящие свои бока под редким теперь солнцем.

Аксинья понуро плелась следом за Михаилом, видимо, предчувствуя уготовленную ей участь. Михаил, и сам не менее понурый, медленно брёл по улице, скользил бездумным взглядом по соседским огородам и ругал себя последними словами за, как ему казалось, слабость, проявленную им у Ивана. Примерно на полдороге он сел на чью-то скамейку и медленно тяжело закурил. Приобняв козу за шею, Михаил что-то ласково шептал ей в ухо. Слова вперемешку с сигаретным дымом почти не доходили до гаснущего сознания Ксюхи. Она стояла равнодушная ко всему и наполовину уже не живая. Докурив, Михаил аккуратно затапал окурки и, поднявшись со скамейки, тоскливо продолжил свой путь. За углом их обогнала стайка весело галдящих пацанов. Они так сильно махали руками, радуясь, видимо, хорошему деньку, что никого отдельно Михаил выделить не смог, хотя там, конечно же, были и его ученики. Ватага уже успела скрыться в чьём-то дворе, а Михаила Андреевича только ещё обгонял незнакомый шестилетний карапуз верхом на деревянной палке. Он громко пыхтел, подстёгивая себя для скорости прутком по ногам и время от времени подавал какие-то утробные сигналы ртом, видимо, одновременно совмещая лошадь, всадника, автомобиль и шофёра. Скорее всего, он пытался догнать промелькнувших недавно пацанов. Проводив его ничего не выражающим взглядом, Михаил пошёл дальше.

- Побежала коза в огород, ей навстречу попался народ... - как заведённый, повторял он что-то из Рубцова. - Вот и отбегалась ты, Ксюшка, по огородам. А последний народ в твоей жизни, которого ты увидишь, будет живодёр Иван. А может, глаза тебе завязать?

Действительно, взять, да и завязать глаза - и он внезапно успокоился этой мыслью. И что же он раньше-то не сообразил?

Иван сидел на скамейке, радовался внезапному солнышку и совсем не думал о предстоящей ему работе. А чего тут раздумывать? Дело-то привычное, сколько их прошло через руки Ивана: коров, свиней, овец... Расслабился Иван, отдыхает. Тут во двор вышел Иванов сын Витька с какой-то палкой в руках и принялся бесцельно слоняться возле поленницы. Иван встрепенулся.

- Уроки-то не выучил, поди, а шляешься без дела!

Витька в величайшем недоумении вылупил на отца глаза.

- Ты чо, бать? Каникулы же...

- Да? - Иван опять сунул пятерню в волосы и задумчиво поскрёб затылок. - Ну всё равно иди-ко со двора. Сейчас учитель припожалует. Нечего ему лишний раз глаза-то мозолить.

Витьку дважды просить не пришлось. «Каникулы каникулами, а вдруг да и начнёт чего выпрашивать? Ну его совсем!» - не без основания подумал он и побежал разыскивать приятелей. Но встречи с учителем избежать всё же не удалось. Только Витька выскочил со двора, как тут же нос к носу и столкнулся с Ромашкиным.

- Здравсьте! - на ходу крикнул он и помчался было дальше, но, не услышав привычного: «Здравствуй, Виктор!», в изумлении остановился. Оглянувшись, он увидел, как расстроенный не в меру учитель проталкивает древнюю козу в калитку Витькиного двора.

«А, козу жалко!» - догадался пацан и, посвистывая, побежал прочь.

- Привёл вот, - сказал Михаил под-

нявшемуся навстречу Ивану. - Давай-те поскорей, что ли, закончим.

- Да мы же ещё и не начинали, - удивился Иван, - но побыстрее - это можно. Это завсегда пожалуйста!

Михаил немного помялся.

- Вы позволите ей глаза завязать?

Поражённый Иван опять было сунулся к затылку, но, подняв руку, только махнул ей. «Хоть и учитель, а со странностями», - решил он про себя. Кое-как, неумело, Михаил завязал Аксинье глаза каким-то тряпком, который и подал ему Иван. Подвёл козу к сараю, где уже стоял эмалированный тазик.

«Для крови!» - с ужасом догадался Михаил.

Сзади уже подходил Иван с ножом в руках. Михаил обернулся и растерянно посмотрел на него. Как всё просто! Сейчас вот чикнет по горлу - и всё, как и не было козы Аксиньи. А будет только холодеющее постепенно тело. Михаила даже передёрнуло.

- Отвернись, учитель, - внезапно перешёл на «ты» Иван. - Незачем... - он не договорил, но и так всё было ясно.

Михаил, стараясь не смотреть на Ксюху, отвернулся. Он всё ждал какого-то предсмертного хрипа, бульканья крови где-то за спиной и твердил себе, что всё это необходимо вытерпеть, не разрываться здесь же, в Ивановом дворе. Он вобрал голову в плечи, глубоко засунул руки в карманы городского плаща и, ссутулившись, безучастно смотрел в землю. Иван почему-то медлил.

«Чего же он тянет? - недоумевал Михаил. - Какого чёрта?»

А Иван за спиной Михаила стоял, опустив руки, и в недоумении смотрел на слезы, льющиеся из Ксюшкиных глаз, из-под неумело завязанной Михаилом тряпки.

«Да что же это такое? - лихорадочно и потрясенно соображал он. - И не человек я, что ли? Или не мать меня родила? Или коза эта заколдована, и руки не поднимаются, и учитель вон ревмя ревет. Да пропади она, эта коза, пропадом! Вишь ты, плачет ещё... Пускай её учитель в усадьбу вон прёт

- там и почище меня ухаи найдутся. Не клином же свет сошёл на мне. Ну её в самом-то деле!»

- Почему вы медлите? - вдруг сорвался на крик Михаил, обернувшись к Ивану. - Да что же это в самом деле, а? Все ведь нервы вымотали!

Но Иван, воткнув нож в стоящий рядом чурбак, тяжело двинулся к скамейке, доставая на ходу папиросы. Долго не мог прикурить, ломая спички в трясущихся руках.

- Не смог я... - наконец выдохнул он. - В усадьбу придётся.

Михаил всё понял и, потрясённый и расстроенный Ивановым благородством, без сил рухнул рядом с ним на скамейку.

- Это исключено, - почти прошептал он. - До усадьбы нам не дойти.

Его стала поколачивать нервная дрожь.

«Мандраж!» - решил Иван и, поднявшись, быстро прошёл в дом. Оттуда он появился с поллитровкой в кармане и большим блюдом, на котором горкой лежали свежие ещё тугие помидоры, три засоленных огурца, хвост какой-то большой копчёной рыбины, огромный ломоть хлеба и пара луковиц. Ловко вытащив железными своими пальцами пробку с горлышка поллитровки, он достал из другого кармана стакан, дунул в него и, налив ровно половину, протянул Ромашкину.

- Пей!

Бездумно приняв стакан, Михаил медленно, словно воду, выцедил горькую влагу, даже не почувствовав её вкуса. И тут же загло, заболело в груди, перехватило раскалёнными клещами горло, и Михаил надсадно закашлялся, жадно хватая ртом прозрачный холодный воздух и тыльной стороной ладони размазывая по лицу обильно выступившие слезы. Иван деликатно постучал его по спине и подал огурец.

- Спирт, - лаконично пояснил он. - Чистый... ядрит его, - и, налив и себе половину стакана, одним махом опрокинул его в рот.

Тоже закашлялся, но, более привычный к такому напитку, быстро

схватил с блюда ярко-красный помидор и жадно всосался в его мякоть. В головах у обоих быстро прояснилось. Выпили ещё понемногу. Козу, чтоб не мозолила глаза, завели в сарай.

- Вот, что я тебе скажу, Михаил, - медленно, будто ворочая камни, ронял слова Иван. - Верить ли, впервой рука не поднялась на животину. Стареть, что ли, стал? - спрашивал он уже, скорей всего, самого себя. - И коза, веришь ли, заревела... Первый раз такое вижу. Хотя слышать и приходилось. Да...

Михаил с ожесточением покивал головой.

- Это у них бывает.

- Так бывает же! О чём я и толкую. Жалко, ядрит её налево, стало. Как всё равно человек какой.

- Лучше! - икнув, подтвердил Михаил.

- Чего? - не понял Иван.

- Лучше, говорю, иного человека, - посообразав, отозвался учитель.

- Так ведь я и говорю, - бубнил своё Полозков.

- Умрёт... - неожиданно глухо подал голос Михаил.

- А и пусть, - даже обрадовался Иван. - Я и похоро... тьфу ты! Закопать то есть, помогу.

- Похоронить! - мрачно и твердо выговорил Михаил. - Как члена семьи. Всё по-человечески... Наливай, Иван!

Иван с сомнением посмотрел на сомлевшего уже учителя, но в просьбе не отказал. Не отказался тем более и сам. Через некоторое время, смахнув ставшую ненужной закуску на землю, они, уже обнявшись, пели какую-то протяжную песню.

- А знаешь, Иван, - заплетающимся языком выговорил Михаил, - тебя на деревне этим, ну как его, живо-глотом зовут.

- Живодёром, - поправил Иван учителя. - Про то мне ведомо. Да пусть их! - махнул он рукой. - Язык-то, он и без костей.

- И до Киева, м-м, доведёт! - поддакнул Ромашкин.

- До какого Киева? - не понял Иван. - Кто? Кто кого доведет?

- Не знаю, - честно признался Ми-

хаил Андреевич. - Наливай, друг! - и заплакал.

- Эх ты, бедолага! - тоже загрустил Иван и - небывалое дело! - вдруг почувствовал, как по густой щетине его пробежало что-то горячее и повисло на скуле.

- Друг! - внезапно с чувством выпалил он и полез к Михаилу обниматься.

Не удержавшись, оба свалились со скамейки и, словно недельные щенки, слепо тыкались друг в дру-

га носами, пытаясь подняться на ноги.

В это время на крыльце появилась Валентина - жена Ивана. Посмотрев на катающихся кубарем по холодной земле мужа и учителя, она брезгливо обошла их, заглянула в открытую дверь сарая и, пробормотав: «Ну и работнички - нажраться бы только!» - бестрепетной рукой вытащила из чурбака оставленный Иваном нож и шагнула к жалобно заблеявшей вдруг Аксинье.

СЕРГЕЙ СОЗИН (Череповец)

НЕ ЛЮБЛЮ, КОГДА ВСЕ НАРАСПАШКУ...

Стихи и ироническая проза

ВЕЧНАЯ БОЙНЯ

*Из года в год. Из века в век
Идёт на бойню человек.
Пять тысяч лет назад - топор...
Сегодня смерть несёт затвор.
Иные лозунги и стяги.
Слова иные у присяги.
Но смысл один: «Иди, убей!
Таких, как ты, зверей-людей»
Фаланги, легионы, роты...
Задача та же у пехоты!
Любая твёрдо знает рать:
Не с нами кто - тех убивать!
Ни дня без выстрелов Земля!
Чтоб кто-то не кричал: «Огня!»
А где и не воюют страны,
Считай - зализывают раны.
Опять готовятся к войне!
Кто не готов - не прав
вдвойне...*

*Что это? Вечный рок планеты?!
Забег фатальной эстафеты?..
Незыблемый закон природы,
На смерть толкающий народы?!!*

*Под ногами шорох листьев.
В небе крик последней стаи.*

*Может, с родины далёкой
Эти птицы прилетали?*

*Вновь стою среди бескрайних
степеней,
Потерявшись меж звёзд и росы.
Где-то там далеко - далеко
Шумный мир, города... и ты...*

ВО ВСЕМ ВСЕГДА ВИНИ СЕБЯ

*Смотрю и каждый раз дивлюсь,
Как человек у нас безволен.
Случись что, обвиняет Русь,
И всех, кем нынче недоволен.
Виновны все: и сват и брат,
И президент и депутаты.
Несчастье у соседа рад:
«Сгорели у врага палаты!»*

*Зудит под водочку: «Бардак!
Давно всех к стенке надо ставить!»
Спроси его: «Что делать? Как?
Как положение исправить?»*

*Скажи ему: «Начни с себя!
В разрухе дом, забыты дети!»*

Других ты осуждаешь зря!
Ты сам-то хоть за что в ответе?

Где ты решительно пришел,
Навел порядок и исправил?
Где выход верный ты нашел?
Кого ты «на крыло» поставил?

Во всем всегда вини себя!
И никогда не ошибешься!
Мне стыдно слышать здесь тебя!
Успеешь! Не спеши! Напьеешься!»

Не люблю, когда всё нараспашку:
И душа, и без запоров дом.
И свою последнюю рубашку
Я отдам, наверное, с трудом.

Что душа?.. Душа - это святое!..
Лишь Господь душе моей судья.
А запоры - это страж покоя
Ото всех... Но не от Вас, друзья.

Поэт при жизни страшно неудобен:
Ему б смолчать, так нет,
заговорит!
И смысл стихов порой не
благороден.
Всё правду-матку выдать наровит!

С ним так и сяк - ничуть
не понимает!
Словам не внемлет -
только пистолет!
Остывшего почтят и в бронзе
отливают:
Спокойней всем...Но стонет
постамент...

ФАТАЛЬНОЕ

**Каждый год число опасных
природных явлений в мире
возрастает на 6%
(АИФ № 36 (1349)
за 6-12 сентября 2006 г.)**

Землѣй комета позвана -
И жизнь убита!
Планета с чистого листа -
И всё забыто!
Ни повседневной суеты...
Ни эпидемий!
Повсюду царство темноты
И привидений.

Подозреваю, что уже
Всё это было:
Цивилизации до нас
Земля убила.
Сжигаем, гадим и палим,
Живя без цели.
Не исключаю, что Земле
Мы надоели...

Над Вологодскую землю
Плывут седые облака.
Под монастырскую стеною
Заснули прошлые века.
И я усну в свой час печальный
В любимой северной земле...
Ну а пока снежок хрустальный
Скрипит на утренней заре!..
Друзья бокалом не обносят.
Пылает милое лицо.
И под гармонь еще выносят
Хмельные ноги на крыльцо!

ОСЕНЬ

Вновь листвою занесло:
Радость, смех, веселье, горе.
Видно, осень принесла
Пустоты душевной море.

Листья падают шурша,
Скорбью наделенные.
Ты о чем грустишь, душа,
Смехом раньше полная?

Почему ты не поёшь
О любви и славе?
Яд тоски из кубка пьёшь
В золотой оправе.

По утрам искрится лед -
Эхо стужи зимней.
Не спешит душа в полет,
И на сердце иней.

Не вздыхай, пустая койка,
Не обманывай меня.
Опустевшая подушка,
Неживая простыня.

Не стучи в окошко, ветер,
Лучше к ней ворвись в окно.
И скажи: «На этом свете
Без тебя он мертв давно!»

«НАШ ОТВЕТ КЕРЗОНУ»

Судетская область (бывшая немецкая территория, отошедшая к Польше по итогам войны). Международный курорт. Масса немецких туристов, старых и молодых, прибывших на родину своих предков.

У нас День части. Проведя торжественную и спортивную части праздника, семья офицеров и прапорщиков «выехали на природу», на берег озера вышеупомянутого курорта. Сидя за «скатертями-самобранками» и поднимая тост за тостом «За нашу героическую часть. За силу русского оружия! За тех, кого с нами нет и никогда не будет. За тех, кто на дежурстве, вахте и гауптвахте! За боевых подруг!» - мы прислушивались к крикам восторга, периодически раздававшихся с озера, где, как оказалось, две местных «звезды», подражая популярному тогда Тарзану, имитируя его знаменитый крик, развлекали туристов прыжками с 10-метровой вышки.

Каждый раз, когда раздавался очередной вопль зрителей, наш командир мрачнел. Замполит, как ему и положено, чутко уловив метаморфозы в настроении шефа, справился, о чем тот закручинился. Они, о чем-то оживленно жестикулируя, посоветовались, и «комиссар» выразил озабоченность командования: «Надо утереть нос этим недоноскам. Орлы! Если мы сейчас сиганем вон с той скалы, считайте, что жизнь была прожита незря!» Все устремили свои помутневшие взоры в указанном партией направлении. Скала нависала над озером на умопомрачительной высоте. Но этот факт, собственно говоря, никого уже не смутил, мужская часть коллектива готова была штурмовать хоть Эверест. «Наш ответ Керзону» не заставил себя долго ждать. Прихватив кое-что со стола, новоиспеченные

«альпинисты» выдвинулись в направлении безымянного пика. Взобравшись на вершину и взглянув вниз, замполит предложил последний раз всем вместе сфотографироваться. Так и сказал: «Просто на память! На всякий случай...» Затем, добавив «Прыгать, только если я вынырну!», сверкая лысиной, ухнул в бездну. Вслед за ним, естественно, не дожидаясь никакого всплытия, с криками «Ура!», посыпались все остальные. Этакий «русский десант» из-под небес на головы изумленной донельзя публике. Когда шок у последней прошел и на берегу стали появляться покорители «полюса недоступности», матерясь и придерживая семейные трусы и плавки с разорванными при ударе о поверхность воды резинками, на многих языках мира зазвучало: «Рашен... Руссише золдатен!.. и т.п.» А поскольку я более или менее понимал по-немецки, то достаточно четко разобрал, как один немец выговаривал своему отпрыску: «Надеюсь, что ты теперь понял, почему они сегодня здесь, у нас, а не мы там, у них!»

Покинутые дамы встретили нас аплодисментами и криками «Браво!», а командир, утирая слезы умиления, обнимал каждого, беспрерывно повторяя: «Молодцы! Просто молодцы!» До глубокого вечера к нам тянулись «делегации всех стран и народов», чтобы лично засвидетельствовать восхищение увиденным и сфотографироваться с «русскими камикадзе».

На вышке, до самого нашего отъезда, никто больше не появлялся...

ЮРИЙ ГРИШОНКОВ (село Устье)

У МАТРОСОВ ЕСТЬ ВОПРОСЫ

Страсти, которые я здесь описал, действительно имели место, но только, подчиняясь правилам политеса, я изменил фамилии, имена героев и названия кораблей.

(В конце текста расшифровка некоторых военно-морских терминов).

Часть 1.

УМИРАЮЩАЯ ГОРДОСТЬ

Нелегкими были девяностые годы двадцатого столетия для Российского Военно-Морского флота. Да что там - флот почти загибался. Даже передовая (показная) часть, в которую я попал в результате призыва на срочную службу, и та дышала на ладан и под внешней отрихтованной благополучностью скрывалась внутренняя, насквозь прогнившая сердцевина ее накопившихся проблем и несчастий. Флот был забыт и брошен, почти напрочь лишен финансирования и внимания.

Один из головных кораблей проекта 1135, гордость российского флота СКР «Бравый», обошедший за свою долгую боевую жизнь почти все моря и океаны, завоевавший почти все возможные награды и титулы за безупречную службу, тихо умирал, стоя у причальной стенки. Корабль был стар и, что главное, никому не нужен. Его еще можно было отремонтировать, но средств для этого не было. И его решили, как говорят на флоте, «распилить на иголки». Но процесс вывода корабля из боевого состава был довольно продолжительный. Большинство личного состава было переведено на другие корабли или уволено в запас. На корабле оставалось еще около трети экипажа, основная задача которых была теперь - поддержание живучести судна до его полного списания.

Одним из таких «могильщиков» был и я. «Карась» по сроку службы, я, как и еще пятнадцать парней моего призыва, попал на «Бравый» совсем недавно. Старший призыв, «годки», уже отчаялись и ждали, что на их корабль попадет молодое пополнение, и, когда мы все же прибыли, затаенное ликование чувствовалось в каждом их слове.

Несмотря на неизбежность судьбы морского гиганта, жизнь на нем пока еще кипела полным ходом. Дежурства и вахты соблюдались почти так же, как и на боевом корабле, каждое утро по расписанию проводились «прово-рачивания» матчасти, игрались учебные тревоги по БЗЖ, отрабатывался условный выход в море. Мы, молодой призыв, усердно зубрили терминологию, изучали вооружение и расположение помещений корабля, вдальблывали себе в голову содержание устава и книжки «Боевой номер». Жизнь текла обычным корабельным распорядком.

По корабельному распорядку в шесть часов утра, сразу после подъема, была зарядка. Невеселые, невыспавшиеся тела с растрепанными волосами и полужакрытыми глазами вылезали из кубриков и бежали ленивою трусцой к выходу на стенку. Зябко ежась от холода, зажавшись в комок и переминаясь с ноги на ногу, матросы строились в шеренгу. Дежурные по БЧ выходили со списками и проверяли всех на фактическое наличие. Эта проверка была всегда гораз-

до тяжелее и невыносимее самой зарядки из-за колотившего всех жутко-го холода. На соседнем корабле, хрипло откашлявшись, заиграл до боли знакомую мелодию динамик. Песня всегда была одна и та же: «Утренняя гимнастика» Владимира Высоцкого.

Если списочный состав сходился с поголовным пересчетом, давалась команда строиться в колонну. Далее эта колонна, зябко переваливаясь и стуча прогарами по мерзлomu асфальту, неохотно начинала ковылять в сторону стадиона, изображая то ли бег, то ли странную пляску больных детским церебральным параличом.

После зарядки было немного времени для того, чтобы заправить кровати, помыться и одеться по форме. В семь часов утра - завтрак.

После завтрака выполнялась первая на дню малая приборка. Всего их было четыре. Каждый день по четыре приборки с мылом. Мыльная пена губкой разводилась по поверхности палубы (внутренней), далее растиралась куском шланга (обычно ногой), а затем «стягивалась» мокрой тряпкой. Под конец палуба насухо вытиралась. Верхняя палуба мылась иначе: ее мыли так называемой Машкой, или Русалкой, - большой волосатой шваброй из веревок.

Поначалу это невообразимое количество приборок в день очень сильно шокировало каждого новичка-матроса, но потом все привыкали и выполняли эти мыльные манипуляции уже на автоматизме.

К восьми часам экипаж по большому сбору строился на юте на поднятие флага. Офицеры производят осмотр внешнего вида подчиненных. Ровно в восемь по команде «Флаг и гюйс поднять!» и под торжественные звуки трубы Андреевское знамя медленно залезает по веревочке на флагшток. Все, поднятие завершено, экипаж после инструктажа расходится на проворачивание.

Время до обеда отводилось на различные работы и тренировки. Перед самым обедом - очередная малая приборка. Затем - долгожданное поглощение пищи (о составе и вкусовых каче-

ствах пищи я, пожалуй, говорить не стану - очень уж противоречивая тема. Помню одно - есть хотелось всегда).

После обеда полагался законный Адмиральский час. Это час, когда можно, не опасаясь нарушить распорядок дня и разгневать тем самым руководство, спокойно полежать или даже прикемарить ненадолго. Но по факту это удавалось очень нечасто. По первому году службы - вообще никогда. После отдыха - снова построение, проверка и развод на дальнейшие работы. Они длятся до ужина, но перед ним - очередная малая приборка. Последняя приборка еще позднее, почти перед самым сном. Прежде же чем матрос сможет предаться сладкому забытию, происходит еще одно замечательное событие - вечерняя прогулка. Прогулка - это слово условное, весьма однобоко отображающее суть этого великолепногo действия. Поначалу это просто обычная проверка и типовая промывка мозгов на завтра, но потом - это великолепие и восторг для истинного ценителя искусства. Весь экипаж строился в колонну и под руководством дежурного по кораблю начинал вечернее прогулочное марширование с песней, имеющее целью, согласно военно-морскому уставу, развеять, развеселить и одновременно поднять патриотический дух военного моряка. Кто был этим военным моряком, которого мы веселили - было не понятно. Никому из нас это мероприятие настроение не поднимало. Однако же мы усердно били подошвами по асфальту, орали песню и нарезали бессмысленные круги по периметру причальной стенки. Слово сочетание «орать песню» надо при этом понимать фактически. Зачастую нам говорили офицеры: «На кой, б..., мне надо ваше пение, б...! Песню в строю надо орать! Чтобы громко было!» И действительно: то тут, то там слышно было, как и другие экипажи с соседних кораблей натужно надрываются и дерут глотки где-то в плотной темноте близлежащих причалов. Песню мы обычно пели всегда одну и ту же: гимн нашего корабля. Пыта-

лись нас офицеры приучить к другой - бесполезно.

Вот так проходил бы типовой день матроса, если бы не одно немаловажное обстоятельство. Сколько уж говорилось и писалось о дедовщине! Если ты молодой, то этот распорядок дня непременно расширяется и дополняется бесконечными напряжениями и заморочками, темп его многократно увеличивается, а продолжительность становится бесконечной. Да и ночью зачастую приходится участвовать в незапланированных спортивных и творческих мероприятиях.

Рядом, на соседнем пирсе стоял еще один прославленный корабль - СКР «Быстрый». Он тоже шел под списание. На «Быстром» уже почти нигде не горел свет и не видно было какой-либо жизни. Корма корабля, видимо из-за налившейся в трюмы воды, осела ниже нормы, накренилась. Трудно было представить, что та же судьба ждет и наш корабль. А весной, когда лед растаял, «Быстрый» утащили «на иголки».

Наш корабль перетащили на место умершего «Быстрого». Именно после этого начались необратимые события. Сначала перевели на другое место службы нашего командира. Вместо него назначили другого - толстого, маленького, лысого пельменя по фамилии Корнеев. Капитан второго ранга Корнеев был на редкость мерзким типом. Постоянно полупьяный, он, развалившись, сидел в своей командирской каюте и высоким, дребезжащим голосом говорил, какой он заслуженный офицер и что скоро его переведут на новый, только что построенный, корабль. А здесь он временно. Очень любил Корнеев и взятки. Чтобы поехать в отпуск или просто пойти в увольнение, надо было обязательно позолотить командиру ручку. Кому из срочников нужно было очередное звание - тоже всегда пожалуйста, только давай.

Многих хороших офицеров, мичманов и матросов стали переводить с нашего корабля на другие. А на наш корабль сбрасывали всех ненужных: пьяниц, неуставников, членовредите-

лей. Из офицеров на наш корабль стали переводить тех, кто написал рапорт о досрочном расторжении контракта. Они уже не были офицерами, так, только погоны носили и ждали решения ВТК по их делу. Многие из них только-только успели стать старшими лейтенантами и были почти того же возраста, что и их подчиненные матросы-срочники. Они без оглядки бежали из армии, лишь только начав служить.

Так как никаких учений или тренировок наш экипаж уже не проводил, то нас стали регулярно отправлять на различные общественно-бесполезные работы. Мы красили, белили, чистили, подметали... А перед приездом какого-нибудь большого начальника мы разгоняли лужи: брали метлы, лопаты, щиты и гоняли воду по асфальту, пока она вся не стечет в канализацию.

Где-то вначале лета с нашего корабля начали постепенно снимать оборудование и приборы. Делали это мы, матросы, под неусыпным контролем офицерского состава. Волоча по узким проходам корабельных коридоров громоздкие и тяжелые приборы, пропихивая их в узкие люки, поднимая по узким лестницам, мы матерились и проклинали все на свете.

Вся наша служба постепенно превратилась в узаконенное мародерство. Мы таскали бесконечные желтые железные коробки и грузили их на машины. Старослужащие, однако, этим не занимались. У них было другое, более увлекательное занятие. Старики пилили медь и сдавали ее скупщикам цветного металла. А меди на корабле было тысячи тонн. Перво-наперво начали разбирать и разламывать вентиляшки. В вентиляшках проходили паровые трубы в асбестовой обмотке. Вот именно их и стали отпиливать и продавать старослужащие.

С большим удивлением я обнаружил то, что офицеры тоже с неподдельным рвением включились в эту работу. Вскоре буквально все на корабле только тем и занимались, что пилили медь. Когда в вентиляшках

уже почти ничего не осталось, переключились на кабельтрассы. Кабельтрассы - это пучки толстых кабелей, словно вены обматывающие все тело корабля, пронизывающие все его органы. Словом, они были везде. Толстенными пучками они проходили вдоль всего борта корабля. Из кубриков очень легко было до них добраться. Пилили их ножовкой, наугад, не зная точно, где есть на кабеле напряжение, а где нет. Чернорабочими были, естественно, караси. Всю ночь по кораблю слышался стук и мерный гул ножовок, а днем корабль будто вымирал. Службу несли только молодые (точнее, делали вид).

Примерно раз в неделю ночью приходила машина скупщиков цветмета. Она каким-то образом (думаю - понятно каким) проходила в гавань и становилась недалеко от корабля в кустах. В три-четыре часа ночи нас всех поднимали с постели (если мы вообще спали) и заставляли таскать мешки с мотками обрезанного кабеля на стенку. Тихонько, пригнувшись, трусцой мы семенили с этими мешками по темному причалу к темной машине.

Кроме меди и латуни стали продавать и алюминий. За ним тоже приезжали на машинах. Причем, даже иногда днем.

Продавали и дизтопливо. Его еще было полным-полно в трюмах. Подгоняли бочку на колесах, отпускали туда шланг и качали. Иногда носили ведрами - тоже мы, караси. Кто ж еще?!

Вскоре почти у всех офицеров появились машины - исключительно иномарки и исключительно дизельные. Командир официально в этом не участвовал, но фактически получал всегда свою долю. Один раз он чуть не «залетел» перед начальством с полной машиной алюминия, но сумел как-то отвертеться, сказав, что в машине «всякий хлам» на выброс. Свидетелями этого инцидента были многие из нас, матросов, и мы видели, как краснел и нервничал Корнеев, как суетился и притворно возмущался. Было мерзко это наблюдать.

Старослужащие тоже не знали,

куда девать деньги. Они накопили подарков всем возможным своим родственникам и друзьям, набили ими сумки и потом сидели и думали - что еще такое купить? Даже нас, молодых, об этом спрашивали.

Разврат и воровство доходили до апофеоза. Корабль разрушался на глазах. Уже было страшно смотреть на раскуроченные его внутренности, проходя по различным помещениям. От былой чистоты, ухоженности не осталось ничего. Еще делалась уборка - но не везде. Большинство помещений было захламлено. Из двенадцати кубриков жили только в четырех. Все посты, в том числе и секретные, были открыты настежь.

С других кораблей то и дело приходили к нам снимать дефицитные детали: клювики, плафоны, барашки - все то, что обычно терялось, воровалось друг у друга, пропадало бесследно. А за утерю по головке не гладили.

Приближалась осень. Все дембеля жили в ожидании приказа министра обороны, готовились к отъезду.

Первыми уволились Соколовский и Губенко - они сошли с корабля на месяц раньше приказа министра обороны. Что уж они поставили командиру, как его подмазали - это неизвестно. Однако, факт. Документы были проведены октябрём (я сам видел), а уехали они в конце августа. Немного задержались и другие - уволились через два дня после приказа. Однако некоторые упорно не хотели уезжать - все еще не могли выпустить из рук легкие деньги, не могли избавиться от жгущего ладони пламени алчности. Нам же, молодым, стало надоедать работать на старослужащих и на офицеров.

Часть 2.

БУНТ НА КОРАБЛЕ

Случайно кому-то из наших удалось самому продать одну из отпиленных ранее и спрятанных медных труб. Вместо денег матрос получил в качестве оплаты две литровые бутылки водки. Вечером, после постро-

ения, все наши уже шушукались, шептались, о чем-то сговаривались и таскали тайком в кубрик номер три какие-то съестные припасы.

Меня оповестили о предстоящем банкете, когда я уже собирался ложиться спать. Друг Серега, многозначительно подмигивая и кивая в сторону выхода, вызвал меня из кубрика. Мы пошли в третий кубрик. Там к тому времени жили только парни нашего призыва, если не считать одного татарина Фаниса, на которого никто не обращал внимания. В кубрике, за дальней переборкой был накрыт скромный столик, но нам, давно не видавшим ничего подобного, он показался царским пиром. Все расселись, притушив предварительно свет. В торжественной обстановке выпили по первой стопке...

Как я вернулся в кубрик - не помню. Остались смутные воспоминания, что Серега толкал меня вверх по трапу, а я упирался и что-то говорил сосредоточенно. Голова на утро почти не болела. Мы встали и пошли на зарядку и еще даже не успели выйти на стенку, но уже сговорились и твердо решили и сегодня продать немного меди и купить водки.

Так мы стали делать каждый день: продавали какую-нибудь трубу, брали за нее водку и вечером пили. К тому времени мы все уже окончательно обосновались в третьем кубрике. Постепенно мы перестали ходить на зарядку и даже иногда на завтрак. Один раз нас «запалил» ночью дежурный по кораблю. К тому времени мы уже не применяли ни световую, ни какую-либо другую маскировку, не стеснялись мы и горланить за столом. Капитан-лейтенант Раков засал нас именно в таком раскрепощенном состоянии. Объявили построение. В столовую команды нехотя выползали заспанные годки. Собрались и несколько офицеров, в том числе старпом. Молодые появились не сразу. Наконец медленно, вразвалочку, гуськом друг за другом они вывалились на построение во всей своей красе - румяные, веселые, довольные, смелые. В бычьих глазах

старослужащих зардел огонь негодования, когда они поняли причину ночной встряски. Старпом тоже побагровел от злости. Брызгая слюной, он выливал на нас, как из ушата, все мерзкие и вонючие слова, которые он знал - а знал он их много, плотными упаковками они скопились за пятнадцать лет службы у него в голове и, видимо, иногда от сильного мочевого давления вываливались обратно через рот, выпадали целыми сгустками, поражая окружающих своей диковинностью и уродством. Мы молча слушали и еле сдерживали веселье. Через полчаса нас всех отправили спать.

Старослужащие пришли к нам в кубрик с явным намерением поставить карасей на место, научить жизни. Получив по паре ударов от каждого из них, мы молча переглянулись между собой и продолжали стоять на месте. Годки ушли. А мы снова взялись за водку.

В какой-то из дней водки оказалось больше, чем обычно. Гораздо больше. Утром никто из нас не встал не только на зарядку (к чему все офицеры уже привыкли и, предприняв пару безуспешных попыток выгнать нас, смирились), не только на завтрак, но и на (святое!) подъем флага. Проснулись мы все от того, что зажегся свет и в кубрик влетел старпом с дежурным по кораблю. «А ну встать!» - дико орал он. Матросы нехотя стали слезать с кроватей. Все были еще пьяные, всем хотелось спать - мы и легли-то два часа назад. Старпом кипел от негодования. На одной из коек продолжал мирно сопеть один из участников попойки, не обращая никакого внимания на надрывные крики старпома. «Встать!!!» - проорал старпом и сдернул с наглеца одеяло. Наглецом оказался парень по имени Андрей и по прозвищу Черный, хотя сам он был почти блондин. Черный проснулся, мутным взглядом окинул всех вокруг - старпома, дежурного по кораблю, нас всех - медленно слез с кровати, подобрал свое одеяло и... снова как ни в чем не бывало улегся спать, у-

рывшись с головой. Старпом остолбенел.

Мы ждали инквизиции, расстрела, бури ... Но ничего не было. Нас просто в очередной раз пропесочил старпом во время построения, сорвал с одного из нас старшинские погоны, побрызгал слюной, погрозил - и все. Мы снова продолжали служить. И старослужащие тоже ничего не сказали. Хотя мы их ждали, и уже на этот раз никак мы не собирались стоять молча и терпеть удары и унижения. У каждого из нас на всякий случай была к тому времени уже припасена под подушкой дубинка из куска кабеля. Наверное, годки стали нас побаиваться - нас было много, а их осталось всего несколько человек.

Пришел ноябрь со снегом и морозцем. Мы жили по-прежнему. Годки нами уже не управляли, офицеры на нас уже почти плюнули. Бизнес процветал. Командиру лишь стоило дать взятку - и все в порядке. Двое из наших - Вова Дьяков и Миша Сомов - отвалив командиру на лапу, отправились в отпуск, домой.

Меня к тому времени, как единственного, кто знает компьютер, посадили за письменную машинку и заставили печатать различные акты на списание, на передачу оборудования, инструментов, приборов и ЗИПа. Я не очень был рад этому назначению, но потом смирился. К тому же меня освободили от замучившего всех перетаскивания с места на место различных железяк - разборка корабля продолжалась.

Прошел еще месяц. Все годки уже уволились. Нас самих грозилась вот-вот распахать всех по другим кораблям. Мы по-прежнему почти каждый день пили. Притом мы так наловчились ходить в самоволку, что ничего уже не боялись. Особенный талант к этому проявился у Лехи-немца. Он и на самом деле был немец, и фамилия у него была Шульц. И называли его то Гитлер, то фашист, то Ганс, но чаще просто немец. Этот немец бегал ночью за водкой с невероятной скоростью и никогда не попадался.

Кульминационный день нашей

этой разбитной жизни наступил, когда из отпуска вернулись Вова Дьяков и Миша Сомов. Разодетые в гражданскую одежду, полупьяные, они с дикими гиканьями ввалились в наш кубрик. В сумках у них было полно домашней еды. Там же стояла и трехлитровая банка со странным компотиком. В мутноватой жидкости грустно плавали два сморщенных яблочка. Открыв крышку баночки, я отшатнулся от дикого, разящего запаха самогона.

С собой у парней были и деньги. Недолго думая, мы тут же снарядили экспедицию в город за пивом, которая состояла из Лехи-немца (руководителя группы) и еще одного смышленного морячка в подхватку ему. Вскоре они вернулись, волоча в сумке тридцать восемь бутылок пива и одну литровку водки. Мы сели, разлили, выпили за приезд. После третьей стопки Вова Дьяков решил угостить самогоном стоявшего в то время на трапе Колю Симакова. «Мы тут пьем, а он стоит там на холоде!» - резонно заключил Вова и, отлив в банку немного самогона, прихватив с собой закуски, отправился на трап. Я и еще Миша пошли с ним.

Вторым бортом к нашему кораблю стоял СКР «Пламенный». На «Пламенном» начиналась вечерняя поверка. Матросы беспорядочной толпой сбегали по трапу на стенку. Мы вчетвером с трапным Колей наблюдали за всем этим сквозь мутную пелену хмеля. Офицеров пока не было. Мы решили выпить. Нацедив из баночки в стаканчик, Вова протянул было его Николаю, но потом остановился, глянул в сторону и поманил пальцем одного из матросов с «Пламенного», который стоял совсем рядом. Тот подошел. Поздоровавшись, Вова сунул ему в руку стакан. Вдохнув запах содержимого стакана, матрос остолбенел. Он выпученными глазами глядел на нас. «Откуда?» - удивленно произнес он. «Пей давай, сейчас шакалы выйдут» - быстро проговорил Вова. Парень взмахнул рукой, выпил содержимое и быстро закусил. «Спасибо», - сказал он на прощание и по-

шел в строй. Это «спасибо» было произнесено с такой искренней, сердечной благодарностью, какую я никогда больше в жизни не от кого не слышал.

Допив с трапным самогон, мы вернулись в кубрик. Пьянка продолжалась. Чтобы нас было меньше слышно, мы решили забраться в самый дальний, двенадцатый кубрик, который находился в корме, возле холодильной камеры.

Вова с Мишей стали показывать фотографии с отпуска. Все радовались и одобрительно гыкали. Не забывали мы прикладываться и к выпивке.

Незаметно как-то обычная пьянка переросла в пьяное безумство. Выпив все, мы снарядили еще одну экспедицию в город. Потом еще одну.

Еда почти кончилась. Послали кого-то в маклачку. Вскоре вестовой по прозвищу Конь пришел с подносом из наскоро состряпанных блюд. Поднос мы поставили на стол, а Коня - в ворота. Всем вдруг захотелось играть в футбол. В качестве мяча была использована шестнадцатикилограммовая гирия. Гирию кидали рукой. Конь отскакивал от нее, прыгал на стенки и просил выпустить его из кубрика. Но Коня не любили, потому что он вестовой, живет в шакальской столовой и жрет шакальскую еду, а потому еще долго не выпускали. Наконец, Конь прыгнул как-то очень резво и ускакал к себе наверх, в маклачку.

Снова стало скучно. Но вдруг кто-то воскликнул: «Ага! Значит нас скоро всех отсюда переведут?! Ну и х... с ним тогда! Уйдем красиво!» С этими словами буйный матрос схватил какую-то железяку и начал крушить все вокруг: плафоны, приборы, громкоговоритель, таблички с надписями... Остальные с восторгом присоединились. Мир превратился в ад. Я тоже схватил железную трубу и с диким, каким-то безумным остервенением начал бить по торчащему с потолка воздуховоду. Тот был прочный, но и я не отступал. Наконец, воздуховод настолько изогнулся и потрескался,

что последним ударом я смог сбить его на пол.

Безумство вдруг прекратилось. В кубрике горела одна лампочка, неизвестно каким чудом уцелевшая. Общим стадным решением, но не говоря ни слова, все пришли к выводу, что тут теперь делать нечего. Все пошли прогуляться по кораблю.

- Это вы что, товарищи матросы, вы пьяные что ли? - старший лейтенант Цветков, командир группы турбинистов, стоял возле входа в свою каюту. Прямо на него наша процессия и наткнулась. - А ну-ка стройтесь! Быстро! Большой сбор!

- Да пошел ты, Цветков! - раздался чей-то голос из толпы.

- Что-о-о? - завопил Цветков, резко двинулся в сторону матросов и тут же получил нетвердый, скребущий, но все же ощутимый удар в скулу. За ним - сразу град других ударов.

- Эй! Эй! Вы что это? Вы Цветкова, да!? Ну, я вам сейчас, - в нашу сторону мчался дежурный по кораблю. Его встретили так же приветливо, как и старлея. Сзади дежурного по кораблю, очевидно, шел дежурный по низам мичман Пищук. При виде пьяных матросов, которые избивали офицеров, он резко сорвался с места, вбежал наверх по офицерскому трапу и по верхней палубе убежал с корабля.

На шум в коридоре прибежал сверху старпом. Он был растрепан, пьян и помят. Галстук висел петлей на шее, серые усы дергались, глаза блестели пьяной влагой. Постояв секунды три, старпом снова умчался наверх, по дороге вопя кому-то во все горло: «Вызывай дежурную бригаду!». Матросы помчались вперед, за ним. Я, как стоял в проходе коридора с самого начала, так и оставался, не в силах сдвинуться с места - то ли от шока, то ли от хмеля. Мой кубрик, седьмой, был совсем рядом. Держась за переборки, я дошел до трапа, ведущего в него, прогромыхал по балясинам вниз, повис на леерах и долго не мог встать. Потом кое-как заполз внутрь кубрика, свалился на шконку и вырубился до утра...

Утро стало для меня неожиданностью. Проснуться после такого вечера я не надеялся. Головы не было - вместо нее был электрогенератор, он гудел и трясся. Сквозь гул генератора я не сразу услышал сигнал большого сбора.

Строили всех не на юте, а прямо на площади возле бригадного штаба. Мы нестройной, полупьяной толпой корчились возле трапа корабля в ожидании команды идти на бригадное построение. Пока мы стояли, я узнал все подробности того, как вчерашний вечер закончился. Несмотря ни на что, всем было весело.

Как оказалось, вчера толпу разбушевавшихся матросов смогли успокоить только крепкие ребята с автоматами из дежурной бригады. Двоих, самых буйных - Вову Дьякова и Мишу Сомова, - забрали сразу же и куда-то увезли. Всех остальных заперли в отделении шлангов на верхней палубе. Там парни и протрезвлялись до утра на ноябрьском морозе.

Вышел дежурный по кораблю. Под глазом его сиял плотненький фингал. За ним шел командир - бледный, растерянный, испуганный. - Становись! Равняйся! Смирно! Шагом марш! - и мы направились к штабу бригады.

На площади возле штаба уже были построены экипажи всех кораблей бригады. Нас поставили посредине. Из плотного строя соседних «коробок» то и дело выглядывали, тянулись вверх и искали глазами нашу толпу разные удивленные лица и, заметив, восторженно вскидывали глаза. Среди этих голов я заметил и несколько знакомых - бывших сослуживцев с нашего корабля.

Вышел комбриг - капитан первого ранга Королев. К нему сразу же подскочил наш командиришка: маленький, плешивый, толстый, бледный от испуга - к большому, высокому, здоровому, багровому от злости.

Комбриг долго-долго орал, все сильнее багровея, бродил вдоль строя, махал руками. Мы его почти не слышали - нам было не до него,

нам было весело. Тупое, отчаянное веселье.

Привели Вову и Мишу, закованных в наручники. Они были в шинелях, но на ногах, к нашему удивлению, у них вообще ничего не было - они стояли в носках на мокром асфальте. Как оказалось, обувь у них отняли, потому что она была неуставная - гражданская, оставшаяся еще с отпуска. На шею Мише и Вове торжественно повесили таблички с надписью «Я - пьяница», сфотографировали и обещали отправить домой, родителям. Миша и Вова улыбались. Нас же всех решили наказать очень оригинально - всех постричь наголо.

На следующий день началось наше расформирование по другим кораблям. Но я и еще несколько человек остались, как более-менее благонадежные. Мне еще посчастливилось спустить в последний раз Андреевский флаг с нашего корабля перед его списанием - в торжественной обстановке и под бой барабанов. На меня смотрели полторы тысячи глаз, а я никак, помню, не мог развязать тугой узел на шкертке. Стоявший рядом офицер сквозь зубы недовольно цедил: «Ну, ну, давай! Чего возишься?» Барабаны надрывались. Наконец, шкерт поддался и флаг повис устало у меня на руках. Его унесли, обещав передать в музей ВМФ. У меня болели пальцы. Наверное, это корабль просто до последнего мгновения никак не хотел расставаться со своей славной судьбой, не хотел умирать.

Вскоре меня тоже перевели на другой, боевой корабль - начались будни новой службы: выходы в море, стрельбы, учения. По нашему случаю завели восемь уголовных дел, но ни одного из них так и не довели до конца - думаю, начальство дорожило репутацией бригады и не захотело выносить сор из избы.

СКР «Бравый» уволокли «на иголки». Он, как мне рассказывали потом моряки, сопровождавшие корабль, в пути один раз ни с того ни с сего загорелся, а потом, перед самым концом, начал тонуть. Но все же его распилили.

ТЕРМИНЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ТЕКСТЕ

Проект 1135 - проект одного из самых распространенных на флоте сторожевых кораблей.

Проворачивание - каждодневный утренний осмотр и проверка материальной части и вооружения корабля.

БЗЖ - борьба за живучесть.

Книжка «Боевой номер» - маленькая книжица, носимая всегда матросом в нагрудном кармане, в которой описаны все его должностные и боевые инструкции.

Стенка - причал.

БЧ - боевая часть.

Прогары - неофициальное название рабочих матросских ботинок. (Хромачи - парадные ботинки).

Большой сбор - построение личного состава корабля, когда на поверку выходит почти весь экипаж, за исключением дежурящих на особо важных постах.

(**Малый сбор** - построение личного состава, свободного от вахты).

Ют - палуба в кормовой части корабля.

Гюйс - знамя, которое поднимают на носу

(на баке) корабля (Андреевский флаг - на корме).

Кроме того, гюйсом называли синий воротник на плечах матроса.

Малая приборка - мытье палуб с мылом. (**Большая приборка** - мытье всего заведомого помещения от потолка до палубы. Выполнялась по субботам).

Вентиляшка - вентиляционное помещение.

Ключики - переключатели.

Барашки - запоры с резьбой.

Годки - старослужащие (деды).

Старпом - старший помощник командира корабля.

Стоять на трапе - пост на улице, на стенке возле трапа корабля.

Шакалы - ругательное название офицеров.

Маклачка - кухня для офицеров.

Вестовой - повар в офицерской кухне.

Балясины - ступеньки.

Леера - перила.

Шконка - койка.

АННА ГРОБОВА (деревня Филисово Усть-Кубинского района)

ПЕРВЫЙ УТРЕННИЙ ЛУЧ И ДЫХАНИЕ НОВОГО ДНЯ

ВАРЕНЬЕ ОСЕННЕЕ

Ветер добавил
опавшие листья
В лунный туман
над рекой серебристой.
Перемешал
поседевшие звезды
С клюквенным воздухом
в небе морозном.
Шепот дороги
с травой пожелтевшей
Инеем первым
посыпал поспешно.
Дунул легонько
на ели соседние -
И забродило
варенье осеннее.

Я жду весны -
Так раньше не бывало.
Цветные сны
Мне снятся по ночам.
И просто жить
Мне мало, слишком мало.
Я жду весны,
А день длиннее стал.
И солнца свет,
От снега отражаясь,
Слепит глаза.
А я все жду тепла,
Но тот же холод:
Я зиме досталась...
Зато душой и сердцем
Я - весна!

Я приду к тебе под вечер.
Будет дождик тихо плакать.
Принесу тебе букетик
Из промокших алых маков.

Поцелую твои губы
И возьму ладонь руками.
Никогда я не забуду
Все, что было между нами.

По щекам твоим горячим
Ручейком бегут слезинки.
Ты прости меня, родная,
Разошлись у нас тропинки.

Поцелую твои губы
И возьму ладонь руками.
Никогда я не забуду
Все, что было между нами.

Будешь ты просить вернуться,
Что вернусь, не обещаю.
Как с дождем мне разминуться,
Как тебя забыть, - не знаю.

Поцелую твои губы
И возьму ладонь руками,
Никогда я не забуду
Все, что было между нами.

Еще вчера любила,
А сегодня в душе играет ветер -
непогода.
Зима - и жизнь до одури постыла,
И ненавижу это время года!

И хочется зараз, собравшись духом,
Порвать всю эту глупую рутину -
Не ждать, пока сама она
потухнет,
Не ждать, покуда я сама остыну.

ОСЕНЬ

Гонит осень птиц и лето,
И дожди сменяют росы.
Лес редееет. И заметней
Обмелевшей речки косы.

Воздух чище. Холоднее
И темнее стали ночи,
И рубинами алеет
Клюква на болотных кочках.

Шелест-листья опадают
С шапки радужной осинки.
И, сорвавшись, улетают
Прямо в небо паутинки.

Над просторными полями,
Посеревишими без нивы,
Льются песней журавлиной
Русской осени мотивы.

Обжигает сосновые кроны
всходящее солнце,
И туманной завесой крадется
по Кубене ночь,
От костра отсыревшего дымом
прерывистым вьется,
Легким ветром по шелковым
травам уносится прочь.

Над водою парит невесомая
белая птица -
Первый утренний луч и дыхание
нового дня.
Вновь мне хочется жить,
чтобы с птицей над бором
кружиться. -
И незримые крылья растут
за спиной у меня.

Упал малиновый закат на крылья
сосен.
Шумит река и все сильнее
толкает лед,
Плывут с востока облака,
и неба просинь
Глядится в зеркало заговоривших
вод.

А твои грустные глаза
мне смотрят в душу,
И ты мне, может быть,
хотела рассказать
О том, что ты больна,
а твой собачий ужин
Настолько дурен, что противно
доедать.

Не плачь, собака, скоро, скоро лето,
И все у нас с тобой наладится,
поверь!

Шумит река... И кажется, что это
Скребется счастье мягкой лапой
в дверь.

АЛЕКСАНДР МАЛЫШЕВ (Вологда)

НАРИСУЙ МНЕ ПУСТОТУ

Ленка Швецова тяжело поднималась к себе на четвертый. Все-таки, как ни говори, а работа на ферме здоровья не прибавляет. А тем более если это дело продолжается вот уже почти двадцать пять лет.

День был дурной и трудный. Совхозный бык Валидол пропорол рогом пузо ее любимой корове Матице. Та тяжело и грустно вздыхала, глядя на суетящихся рядом людей и, как казалось Ленке, чуть не плакала от боли. Пока вызвали ветеринара, пока кантовали корову, заставляя ее лечь то так, то этак, намучились и изматерились кто как мог.

Но корову все-таки было жалко. Ленку всегда раздражали дурацкие клички совхозных коров. Хотелось назвать ласково и достойно, ну просто Буренкой наконец. А тут Валидол, Матица.

Однажды она, еще по молодости, спросила об этом зоотехника.

- А чего тут колдовать-то? Смотри! - он взял первую попавшуюся книгу и, раскрыв ее наугад, ткнул пальцем. - О, вертолет! Ну, это для быка!

С тех пор Ленка таких вопросов не задавала. Пусть все идет как идет. Её-то какое дело, в конце концов.

С пустой, не имеющей каких-либо мыслей головой она дошла до третьего этажа, попутно заглянув в окрашенный в дежурную краску почтовый ящик.

Вообще-то Швецовым никто не писал, но мало ли. Иногда и в рекламных газетах бывает что-нибудь интересное. Тем более там программа на неделю.

На сей раз в ящике что-то было. Из его темного нутра наружу торчал уголок серого невзрачного кон-

верта, какими обычно радуют граждан судебные исполнители да магазины, балующиеся почтовой торговлей.

«Опять «Еврошоп» какой-нибудь!» - устало подумала Ленка, вытаскивая на свет божий чудо современной коммерческой мысли.

В «Еврошоп» ее втянула соседка, и теперь, не зная, как избавиться от коммерческой братии, она мысленно ругала не только соседку, но и всех почтарей на белом свете во главе с «Главпочтамтом». Торгаши вцепились в Ленкин адрес, как репей в лохматую собаку, и регулярно надоедали всему подъезду своими обещаниями.

Устало пройдя на кухню, она плюхнулась без сил на табурет, небрежно бросив письмо на стол.

Холодильник, который день уже мороза воздух внутри себя, мирно и успокаивающе урчал. Она очистила вареную картошину, записала ее в рот и, тупо уставившись на стену, стала жевать. Спать хотелось невероятно.

Немного перекусив, она, не раздеваясь, с размаху упала на кровать и забылась тяжелым сном.

Проснулась она от того, что кто-то настойчиво тормозил ее.

- Господи! И отдохнуть-то по-человечески не дадут. Ну чего тебе?

- Ленуля! - обрадованно сообщил муж, нависая над беззащитной Ленкой. - Беги за бутылкой!

- Да отстань ты, алкаш проклятый! - утрюмо отозвалась она. - Все бы тебе бутылки! Сам знаешь, что до полочки - как до Пекина. Да и с чего?

- Ленка! Я серьезно! Смотри, что я нашел! - муж протянул ей тот самый серый конверт, на который она не обратила внимания. - На, читай!

Ленка зашуршала бумагами.

«Уважаемая Елена Петровна! - гласило письмо. - Рады сообщить Вам, что Ваш билет лотереи «Экспресс» за №... выиграл. Сумма выигрыша составляет 300 тысяч (триста тысяч) рублей. Деньги Вы можете получить по адресу: г. Москва, ул. ... С уважением организаторы лотереи».

Ленка завороченно прочитала письмо еще раз. Текст не изменился.

«Может, адрес перепутали?» - подумала она и, глянув на конверт, прочитала: «пос. Строителей коммунизма, ул. Зеленая, д. 5, кв. 14». - Нет, все правильно».

- Колька! - обалдело прошептала она. - Так мы с тобой теперь что, богачи, получается?

- Получается, получается! Дуй за бутылкой! - обрадованно сообщил Колька.

- Колька! Да я не бутылку, я ящик тебе поставлю! Я же, дура, конверт чуть в мусоропровод не выбросила! Вот только сейчас к Николаевне сбегаю! Она вчера вроде бы пенсию получала! - засуетилась Ленка.

Через полчаса они устроились на кухне, все еще не веря в собственную удачу.

- Слышь, Коль! А может, это обман какой? Смотри, сколько их развелось-то - обманщиков этих! Так и норовят последние штаны сдернуть!

- Не, Петровна! Ты глянь, все по уму! И адрес, и все прочее! - отвечал Колька, яростно похрустывая капустой. - И на нашей улице теперь праздник! Да мы теперь всю нашу гнилую деревню в позу поставим! А то ишь! Алкаши, неровня! Покажем теперь, кто кому неровня! - мстительно усмехнувшись, произнес он

- Ваське машину купим! - замечтала Ленка. - Пусть таксует, деньги в дом несет. А то гниет на своей ферме, будь она неладна!

- Точно! Еще Нинке надо помочь. Тыщ двадцать кинуть. Она за своим дураком совсем денег не видит! Пусть хоть поживут как люди!

- Слышь, Коль! - внезапно вспомнила Ленка. - До Москвы еще добраться надо! Где ж мы денег-то

столько возьмем? Да и одежду какую-никакую справить! А то я как коза ободранная! Ни одной нормальной тряпки нет!

- Не переживай, - тут же нашелся муж, входя в роль богача. - Завтра у Димки Скороходова перехватим. Он под это дело даст, хоть и проценты сдерет, сволочь капиталистическая!

Наутро Ленка гордо вышагивала по поселку к дому Скороходовых. Под ногами хлюпала осенняя мешанина из грязи и навоза. Огромные резиновые сапоги яростно, со всхлипыванием, шлепали по ногам. Но сердце пело.

«Не знают, еще ничего не знают!» - билась в голове радостная мысль. Она шла, глупо улыбаясь встречным и растерянно здороваясь. Люди оставались, оглядывались вслед и, пожимая плечами, шли по своим делам.

Дом Скороходовых, огромный, двухэтажный, из красного кирпича, стоял на самом краю поселка. Дверь открыл сам хозяин.

- Чего тебе? - угрюмо произнес он, глядя на Ленку.

Ленка заискивающе поздоровалась, но тут же оправилась и твердо сказала:

- Дело есть! Что, так и будем на улице стоять? Или в дом пустишь?

Хозяин все так же угрюмо ухмыльнулся и посторонился.

- Ну проходи, коли дело!

Войдя, Ленка молча протянула Димке письмо.

- Ну и что? Я-то с какого бока? - хмыкнул он, прочитав.

- Дим! Мне деньги нужны. На поездку! - залебезила Ленка, перепугавшись равнодушного Димкиного взгляда

- Я чё, похож на дурака? Тебе же червонец нельзя доверить! Сразу со своим раздолбаем в магазин за водярой рванете. А тут! Тут такие деньги нужны! Тебе же не отдать их никогда! - презрительно хохотнул Димка.

- Да отдам! А то всю оставшуюся жизнь на даче у тебя горбатить буду! А?

- На фига мне это? У меня есть

кому! - Димка задумался - Хотя подожди. Дай-ка сюда твою бумажку! Там вроде бы номерок телефона мелькнул?

- Есть, есть номерок! - обрадовалась Ленка такому повороту. - На вот, держи!

Димка взял мобильник, набивая номер.

- Офис фирмы «Экспресс»! - проворковала трубка приятным голосом.

- Здравствуйте! - ответил Димка. - У нас тут ваше письмо лежит!

Он зачитал письмо.

- Вы подтверждаете? Да? Вот это ничего себе! - Димка удивленно покосился на Ленку и произнес с ошарашенным уважением.

- Везет же тебе, Петровна!

- Ну что, все правильно? - спросила Ленка удовлетворенно.

- Ладно! - почесывая коротко стриженую голову, пошел на попятную Димка. - Дам я тебе денег. Пятнадцать тысяч хватит? Но отдашь двадцать. Идет?

Ленка задохнулась от невиданной суммы:

- Конечно, конечно!

- Ну поладили - и хорошо. Только если не отдашь двадцать штук, когда приедешь, - дачу на меня переписешь. А то с вас и взять больше нечего! Поняла?

- Поняла, поняла! Чего ж не понять-то?

Димка прошел в дом, долго рылся по шкафам, но, наконец, вынес деньги.

- Запомни, Петровна! Мы с тобой договорились! Если что - не обижайся!

Ленка летела к себе на четвертый, будто на крыльях. Зайдя домой, она мимоходом глянула в засиженное мухами, залапанное грязными руками зеркало. «Свет мой, зеркальце, скажи!»

Зеркальце правду скрывать и не собиралось. Из его стеклянного нутра на Ленку глянула навсегда испуганным взглядом взлохмаченная сорокалетняя баба в зашарпанной, непонятного цвета кофте и резиновых сапогах.

- Ничего, - весело подмигнула Ленка собственному изображению. - Я теперь - светска мадама!

Через три дня Ленка сидела в московском поезде и, глядя сквозь стекло на перрон, рассуждала: «Все-таки странная это штука - удача! Казалось бы - жизнь идет по раз и навсегда заведенному порядку. Каждый пунктик в ней размерян и расписан до самого смертного часа. Будто глубокая тракторная колея, из которой не то что выбраться - выглянуть невозможно. И тут появляется она - твоя удача, протягивает тебе надежную руку и вытаскивает на теплый лужок. И остается только молчать и удивляться обилию солнечного света и цветов».

Усмехнувшись про себя, она вспомнила, как металась по городу, покупая себе все новые и новые симпатичные тряпочки. Как ее встретили её же мужики, когда она на глазах у всего подъезда вышла из такси, процокав по лестнице новыми сапожками на высоком каблуке. Как, ухоженная и помолодевшая в одно мгновение, лет на десять, внесла она в извечную вонь квартиры запах незнакомых, остро и возбуждающе пахнувших духов.

Гремя сцепкой, поезд тронулся, сначала медленно, потом во все ускоряющемся темпе постукивая колесами, увозя к новой жизни новую избранницу судьбы по имени Елена.

Москва встретила ее полным безразличием. Ленка стояла растерянная, будто подглядывая за чужой жизнью в замочную скважину, и боялась стронуться с места. Город казался ей огромным каменным мешком, наполненным сердитыми машинами и спешащими неизвестно куда людьми. Несколько раз она, преодолевая робость, пыталась заговорить с прохожими, но те пробежали мимо нее, даже не останавливаясь.

- Вам ехать куда-нибудь? - рядом с ней вырос, весело стреляя карими глазами, высокий симпатичный па-

рень в кепке «а-ля Лужков». - У меня вон машина рядом.

- Мне бы по этому адресу! - порывшись в сумке Ленка суетливо протянула парню бумажку.

Парень, прочитав адрес, ухмыльнулся:

- Знаю, знаю! Тоже в лотерею играете?

- Нет, что вы! К сестре еду! - соврала Ленка.

«Еще завезет куда-нибудь да по голове даст, если правду знать будет!» - подумала она в свое оправдание.

- За полтинник договоримся? - спросил парень, подсаживая ее в «Жигули».

- Рублей, что ли? - удивилась Ленка таким ценам

- Что ты, милая, долларов! - ответил парень, удивленно разглядывая пассажирку.

Ленка аж задохнулась от жадности. Ни фига себе цены! Но с другой стороны - можно было болтаться по Москве не один день, так и не найдя этот чертов «Экспресс». Да что день - не одну неделю! Особенно при её-то талантах. Ленка обреченно вздохнула и выдавила:

- Поехали!

Ленка с удивлением рассматривала скопище машин и людей. Да! За теряться в Москве - дело нескольких минут! И не найти потом! Да и кто искать-то будет? Любимый муж Коля? Так он только одну дорогу хорошо выучил! До магазина и обратно! Дети? Эти тоже вряд ли. Да и на какие шиши? Ведь тут каждому, небось, отстегнуть надо, за поиски-то! Любят, видно, в Москве тугую копеечку.

Водитель весело болтал о чем-то своем, даже не пытаясь вывести Ленку из ее печальной задумчивости.

- Ну вот и приехали! - водитель тормознул около высотки, под завязку набитой офисами, фирмами и фирмочками.

Ленка осторожно, будто ступая по самому краешку крыши, вошла в ярко освещенный, матово отливающий мрамором холл. На возвышении, апостолом на страшном суде, сидел тя-

желый роботоподобный охранник в темном камуфляже, непрерывно пережевывая что-то мощной квадратной челюстью.

- Вам куда, сударыня? - произнес он, полупрезрительно разглядывая оробевшую Ленку.

Та суетливо, словно боясь, что в роботоподобном сработает какое-то реле и будет дана команда на уничтожение объекта, принялась рыться в модной сумочке, накинута на худощавое плечо. Охранник равнодушно и терпеливо ждал. Наконец найдя заветный листок, Ленка протянула его стражу.

- На пятый, пятьсот двенадцатый, - сказал тот, потухая глазами и отворачиваясь.

На лифте Ленка ехать не решилась. «Ну их, эти лифты, - со страхом подумала она, поднимаясь по лестнице, - еще гробанешься - костей потом не собрать!»

Удивительно, но офис фирмы «Экспресс» она нашла быстро, легко и непринужденно. В кабинете, отделанном белыми пластиковыми панелями, за столом сидел молодой симпатичный парень лениво щелкая по клавишам компьютера. Движения его были плавны и спокойны, будто он находился под водой, на порядочной глубине.

«Аквалангист хренов!» - со смехом подумала Ленка и, подойдя к столу, молча положила письмо перед молодым человеком. Тот все так же плавно, нехотя прочел его и, расплывшись в фальшивой улыбке, куда-то умчался. Вернулся он минут через пять и все так же улыбочиво начал:

- Дорогая... - он заглянул в бумагу: - Елена Петровна! Я от всей души, от себя лично и от лица фирмы, поздравляю вас с выпавшим на ваше имя выигрышем!

Говорил он страстно и красиво, рассыпая перед сияющей от счастья Ленкой цветы и плюшевые сердечки. Наконец красноречие пошло на убыль:

- Будьте добры, ваш паспорт, пожалуйста!

«Аквалангист» бодро застучал по клавишам, время от времени с любопытством поглядывая на посетительницу, словно покупатель, придирчиво осматривающий незнакомый товар.

Мягко застрекотал принтер, выдавая на свет божий верительную грамоту, по которой Ленка становилась обладательницей причитающейся ей доли счастья.

- Распишитесь, пожалуйста! - парень пододвинул бумаги, - вот здесь и здесь. За вычетом налога на игры вам причитается двести десять тысяч.

- Как двести десять? В письме же - триста? - опешила она

Парень равнодушно пожал плечами:

- Закон... Вам на счет или наличными?

- Н-н-наличными! - выдавила из себя ошарашенная таким поворотом Ленка, не доверяя разного рода счетам и карточкам.

Парень молча, уже теряя интерес к клиентке, выложил перед ней две тугие пачки денег. Затем, с каким-то затаенным сожалением на красивом молодом лице, так же молча добавил остальные.

«Да и Бог с ним! - думала Ленка, выходя из офиса и пряча деньги в лифчик. - Лучше уж двести десять, чем вообще ничего!»

Ленка почти не помнила, как села в поезд, уносящий ее из Москвы. Как тряслась по раздолбанному шоссе, добираясь до родного поселка. Не помнила даже того, как очутилась дома, на своей тесной кухоньке. Единственное, что она отчетливо помнила, так это то, как каждые пять-десять минут лазила в лифчик, проверяя сохранность денег и вызывая недоуменные и насмешливые взгляды попутчиков.

Судя по всему, Колька с Васькой не скучали в ее отсутствие. На столе стояла початая бутылка водки. Поселковские, узнав про привалившее Швецовым счастье, давали в долг много и охотно. Чем Колька, собственно, и пользовался.

- Ну как, привезла? - спросил Коль-

ка с надеждой, вытирая сальные руки о свои извечные пузырчатые треники.

Ленка выложила деньги. Переглянувшись с сыном, Колька с уважением повертел в руках тугие, как новенькие карточные колоды, пачки.

- Это ж мне полжизни работать надо! Чтобы заработать-то! Такие деньжищи. А тут... - Колька глянул на Ленку как-то задумчиво и виновато.

- Ну вот, Коля, теперь и мы богатые! - радостно и облегченно произнесла Ленка

- Так это, Лен! - затянул Колька знакомую песню. - Отметить бы надо. А то удачи точно не будет!

- Ну что с вами поделаешь? - рассмеялась радостно Ленка, отсчитывая деньги. - Гуляй, рванина!

И «рванина» загуляла. Приходили и уходили какие-то люди. Карусельно, будто на взбесившемся конвейере, менялись лица, бутылки и закуски. Пели, плясали, дрались, мирились, целовали друг друга слюнявыми губами, дико и натужно орали неловкие тосты, завывал принесенный кем-то старенький магнитофон, минутно хлопали двери, с руганью и жалобами приходили одуревшие от бардака соседи. Извинялись, клялись, божились и снова пили, пели, целовались и дрались.

На пятый день загула Ленка проснулась рядом с каким-то рыжим лохматым мужиком. Тот вытягивал слюнявые губы и храпел залиvisto, с прихрюкиванием.

В квартире смрадно воняло мочой, прокисшей закуской и перегаром. Ленка встала и пошла на кухню, то и дело запинаясь о чьи-то ноги. Шебуршал мусор, хлебные корки под ногами давились с противным хрустом.

Ленка налила себе стакан воды, стараясь справиться с дикой головной болью.

- Все, хватит, погуляли! - решительно сказала она себе и, собрав остатки вина и водки со стола, вылила в раковину. Затем подняла всех присутствующих и так же решительно рассортировала, кого-то выставляя за

дверь, несмотря на сопротивление, а кого-то оставляя дома.

- Ма-а-а! А опохмелиться? - затянул было Васька, тряся лохматой головой, но тут же осекся.

- Все! Завтра едем за машиной! - ответила, будто отрубила, Ленка, строго глядя на своих мужиков.

Авторынок райцентра, обнесенная металлическим забором гравийная площадка, напряженной жизнью не кипел. В отдалении, гордясь нездешней красотой и блестя благородными боками, стояли расфуфыренные иномарки. Отечественные машины, патристично встав в ряд, смотрелись попросе. Но все же достаточно достойно. В самом углу рынка, сиротливо прижимались друг к другу старенькие, потрепанные «Москвичи» и «Запорожцы». Продавцы, не особо рассчитывая на быстрое избавление от порядком надоевших обязанностей, стояли кучками и о чем-то весело болтая, курили.

Семья Швецовых неспешно, будто со знанием дела, прогуливалась по рядам, время от времени останавливаясь перед заинтересовавшим их авто и тихо переговариваясь. Покупка затягивалась. То не нравилась машина. То продавец, не желая признавать в них серьезных покупателей, пугал хамством и грубостью. То цена понравившейся было марки была какой-то запредельной, а потому нереальной. Короче, не везло. Наконец, после долгого бесполезного болтания по рынку, после ругани и божбы, после надоевшего поскуливания Кольки увидели ЕЁ.

Мечта Швецовых, тридцать первая «Волга», стояла в отдалении, сверкая черными боками, и, казалось, весело подмигивала. Васькины глаза загорелись, и он, дернув мать за рукав, кивнул в сторону машины.

- Сколько? - как можно равнодушно спросила Ленка, подходя.

Хозяин машины, усмехнувшись, посмотрел на Ленку и лениво ответил:

- Тебе-то что? У тебя таких денег нет и некогда не будет!

Ленка возмущилась:

- А ты в наших карманах деньги не считай!

- Ну стольник! А что?

- А ничего! Посмотреть-то хоть можно?

- Ну, будете брать - смотрите! - откликнулся сквозь зубы хозяин.

- Да будем, будем! - вмешался в разговор заскучавший было Васька. - Для чего и приехали!

Они залезли в салон, подпрыгивая на мягких сиденьях и, как дети, трогая разные рычажки и штучки. Васька сидел на водительском кресле, положив руки на руль, и блаженно улыбался:

- Красота! Ну, мать, теперь я тебя даже на ферму пешком не отпущу! На рыбалку с отцом съездим! Да, батя?

- Да съездим, съездим! - ответил Колька, стараясь не выдать горячее желание быстрее оказаться дома на диване. - Хоть завтра!

Домой добрались только к вечеру. Было много возни с оформлением машины, да к тому же только потом, переоформив, вдруг вспомнили, что никто из них просто-напросто не может сесть за руль. Прав-то нет! Хорошо еще хозяин «Волги» оказался мужиком сговорчивым и подвез их домой. Правда, заплатить пришлось. Но зато вот она, красавица, стоит под окнами, сверкая боками, и в нетерпении дожидается водителя. Только поверни ключ - и она помчится, куда прикажут.

- Да-а-а! Большое дело сделали! - сказал Колька, входя в квартиру и рассматривая в зеркало свою тощую, испитую рожу. - Теперь и отдохнуть не грех! А, мать?

Колька с хитрецей посмотрел на Ленку.

- Да отдыхайте, я вам что, мешаю? - огрызнулась счастливая Ленка, подталкивая мужа дальше в квартиру, чтобы не мешал в тесной прихожей.

- Ну так я за пузырем? - обрадовался Колька такой сговорчивости. - Посидим, поговорим, в головах поищем! С Васькой, опять же, планы на будущее обсудим!

- Да иди ты, нуда, куда хочешь! - стараясь отвязаться от мужа, с усталым раздражением откликнулась Ленка. - Глаза уже на вас, алкашей, не смотрят!

- Но-но! Какой я тебе теперь алкаш! Мы теперь почти что новые русские! - важно заявил муженек, но тут же поправился под насмешливым Ленкиным взглядом: - Правда, со старыми дырами! Только это фигня, это мы поправим! Точно, Вась?

- Поправим, бать! Конечно, поправим! - устало подтвердил сын.

Снова, в который уже раз, они устроились на кухоньке, расставив на столе нехитрую деревенскую закуску и мирно, удовлетворенно беседуя.

- Ох и заживем теперь! - важничал Колька, будто сам, тяжелым трудом и сообразительной своей головушкой заработал эти деньги. - С совхоза увольось! Пусть ишаки за копейки вкалывают! А то платить не хотят, а работу спрашивают!

И Колька принялся костерить начальство снизу доверху, нет-нет да и залетая в своем возмущении в заоблачные высоты власти.

- Да заткнись ты, балабон! - резко оборвала его Ленка. - Надо сначала Ваську из дерьма вытащить, а потом уже с тобой разбираться!

Васька сидел молча, стараясь не вступать в родительский разговор. Колька, приобидившись на жену, стал открывать третью за этот вечер бутылку.

- Ну Ваську так Ваську! - пробурчал он с обидой. - Про меня и забыть можно. Я, между прочим, и так на семью всю жизнь горбачу! Света белого не видывал!

- А я - видывала! - взвизгнула Ленка. - Я с шестнадцати лет на этой драной ферме! Мне кто-нибудь хоть раз спасибо сказал?

Мирные до сих пор посиделки запахли ссорой. Чета сидела, набычившись друг на друга, как маленькие дети, не поделившие пирожок, данный сердобольной мамой.

- Да вы чего, одурели! Пойдем, бать, покурим на балкончик! - стараясь

примирить родителей, вмешался Васька.

- Пойдем, сынок! - примирительно пробормотал Колька, все еще злясь на жену - Пусть она тут одна посидит! Подумает!

Колька с сыном закурили, выходя на балкон. Отсюда, с балкона, была видна добрая половина поселка. Заркатное солнце, уходя на отдых, дарило миру свои последние багровые лучи. Осенний лес, окрашенный желтым, багровым и темно-синим, зубчатой стеной стоял у самого горизонта. Сырой осенний воздух навевал грустные и правильные мысли о несовершенстве и неустроенности человеческого бытия.

Внизу, под самым балконом кричали, играя, дети, захлебываясь от избытка не полуманных еще чувств. Шли по своим маленьким делам маленькие люди. Припаркованные автомобили, будто дорогие игрушки, блестя боками и звали куда-то далеко, в другую, более счастливую жизнь.

- Слышь, Вась, а может, прокатимся? - с каким-то давно забытым азартом сказал Колька. - Я же в армии на БТРе, знаешь, как гонял!

- Не знаю, бать! - с неуверенностью отозвался Васька - А вдруг менты?! Шкуру же одерут!

- Не боись, сына! Не из такого дерьма выплывали! - бодро воскликнул Колька, ставя точку в Васькиных сомнениях.

Они бодро зашли на кухню:

- Мать, мы кататься поехали! Надо же машину в деле посмотреть!

Ленка растерялась:

- Вы чего, мужики, - одурели совсем! А ну как гробанетесь?! Нет, и думать тут не о чем!

Но чем сильнее Ленка стояла на своем, тем больше мужики заводились, не желая слушать разумных, в общем-то, Ленкиных аргументов.

- Да мы что, по-твоему, уроды безрукие! Не знаем, где у машины руль? - перешел на крик Колька. - Васька когда, по-твоему, учиться-то будет! Под пенсию?

- Ладно, мать, все нормально будет! - успокаивая, приобнял ее за плечи

Васька. - На дороге тихо, нет никого. Мы же тихонечко!

И тут Ленка сделала свою самую большую ошибку. Сколько раз потом она, возвращаясь в памяти в этот день, кляла и ругала себя последними словами. Сколько раз! Но... Что сделано - то сделано, не повернешь!

- Ладно, поехали! Куда я без вас! Разобьемся - так вместе! - вздохнув, согласилась она.

- Сегодня совершен первый выезд семьи Швецовых на их новом автомобиле «Волга» ГАЗ-31! - дурашливо, голосом телевизионного комментатора вещал Колька, вырывая от дома и разгоня испуганных кур. - Все присутствующие остались довольны.

Ехали медленно, не больше пятидесяти. Колька сидел за рулем довольный и сосредоточенный. Машина, весело урча, мягко переваливалась на трясках и убаюкивала Ленку уютом.

- Классно идет! - Колька с важным видом похлопал ладонью по рулю. - Двигатель, слышь, как работает? Как кот мурлычет! А руль! Чуть шевельни - машина откликается! Класс!

Они выехали на трассу. Встречных машин почти не было, и Колька, переболевший и вообразив себя крутым, много повидавшим водителем, потихоньку прибавлял газу. В голове приятно перемешались сознание собственной силы и расслабленность от выпитого.

- Видали! - прокомментировал он свои действия. - Чуть газу дашь, а она уже на дыбки встаёт!

В подтверждение своих слов Колька утопил педаль газа до пола. «Волга», довольно рыкнув, набрала обороты и черной акулой понеслась по трассе.

- Разобьемся же, придурок! - взвизгнула Ленка

Стрелка спидометра перескочила за сто и, дрожа от злого нетерпения, поползла дальше.

- Спокойно, мамка, сядем усе! - подражая киношному герою, захохотал Колька.

То, что произошло дальше, действительно напоминало кино. Этакую адскую смесь боевика с фильмом ужасов.

Будто сформировавшись из воздуха, появилась желтая камазовская цистерна, медленно отъезжающая от обочины.

В животе Кольки мерзкой, холодной лягушкой шевельнулся страх. Он резко крутанул руль влево, вылетая на встречную полосу. И если руки его еще слушались, то нога, будто заколдованная злым волшебником, застыла, не желая подчиняться хозяину, и все нажимала и нажимала педаль газа.

Навстречу, с каждой долей секунды сокращая расстояние, завывая сигналом и перепуганно мигая фарами, летела темно-синяя «Тойота». Лоб в лоб. Колька снова крутанул руль, и «Волга», зацепив бортом иномарку, кувываясь, полетела в кювет.

Можно сказать, им повезло. По крайней мере, все живы остались.

- Ни хрена себе поездили! - пробормотал Колька, выползая на карачках из перевернутой машины.

Гореводитель поднял глаза. Над ним, возвышаясь горой, стоял огромный гориллоподобный мужик, поигрывая монтажкой.

- Привет! Тебя как зовут? - в растерянности, не зная, что еще сказать, спросил Колька.

- Костик, Константин меня зовут! - недобро ухмыляясь, произнес гориллоподобный. - Тебя, урода, кто ездить учил? Ты знаешь, на какие бабки ты налетел?

Мужик взял Кольку за грудки, поднимая на накачанных руках в воздух:

- Ты со всей своей гребаной семейкой столько не стоишь, на сколько ты налетел!

Мужик равнодушно затряс Кольку, будто выколачивая пыльный мешок. Ноги, лишённые опоры, болтались, как болтается белье под сильным ветром, повешенное хозяйкой на просушку. Икающий сперепугу, Колька глядел на мужика выпученными от боли глазами и силился что-то сказать.

- В общем, так! - Костик швырнул Кольку на землю. - У вас два варианта! Вариант первый. Вы мне немедленно платите пятьдесят штук, и мы все забываем. Где вы их берете, мне неинтересно. Хоть маму родную продавайте! Вариант второй, - голос мужика стал угрожающим. - Вы мне не платите, и тогда я вас знакомлю с братвой. Вариант первый дешевле и безболезненнее. Вариант второй дороже и чреват. Выбирайте!

Колька встал и, выискивая сигарету, зашарил по карманам. От страха и растерянности хмель прошел, оставив после себя лишь противный кислотавый привкус. Он чиркнул спичкой и, не глядя, в каком-то трансе отбросил ее в сторону.

- О-о-ой! - пропищала Ленка приседая.

Спичка, как заговоренная, сделала кульбит и, повиснув на мгновение в воздухе, упала в лужу растекшегося бензина.

Пламя несмело приподняв рыжую голову и, не почувствовав сопротивления, бросилось в салон, аппетитно похрустывая обшивкой, разрастаясь, перелезло на резину колес, попутно с зловецким щелканьем облизывая краску кузова.

- Ну, мужик! - с издевательским уважением пробормотал ошарашенный не меньше остальных Костик. - Ты или дурак, или Рокфеллер! Пошли отсюда! - добавил он тоном приказа.

После аварии Колька куда-то пропал. Вот уже три дня он болтался по поселку, стараясь никому не попадаться на глаза, прячась от Ленки и чувствуя себя виноватым во всех семейных бедах. Впрочем Ленка не особо-то и переживала. Пропьётся - приползет. Опять будет вымаливать прощение, клясться в вечной любви и все такое.

Она с каким-то остервенением, словно заведенная, протирала кухонный стол. Вот и Васька, посмотрев на настроение матери, тоже куда-то смотался. Небось шляется где-нибудь по друзьям. Что из него

будет? Такой же обормот, как папаша. Женится и поволочет лямку. Работа - дом, дом - работа. И никаких перспектив.

Ленка так и этак переворачивала свою жизнь, стараясь понять: где, в какой момент времени она сделала ту, самую главную в ее жизни ошибку. Тогда ли, когда отказалась пойти в техникум и устроилась работать на ферму, стараясь помочь матери. Или, может, тогда, когда появился в ее жизни женишок Коля, молодой смешливый парень, с которым все проблемы казались мелкими и отступали куда-то вдаль.

Попивал он и тогда, но Ленка, по молодости и глупости, думала, что человека можно перевоспитать, приручить. Оказалось - нет!

Колька, сначала прятаясь и извиняясь, а потом уже без всякой совести начал пить, приводя таких же, как он, пьяных друзей в дом, который тогда еще был уютен. А потом все как-то разом надоело, и Ленка просто поплыла по течению.

Из задумчивости вывел дверной звонок. Он все звенел и звенел, хрипло и настойчиво надрываясь.

«Если опять Колины дружки - убью, не пожалю!» - подумала Ленка, раздраженно открывая дверь.

Она ошиблась. За дверью, лихорадочно блестя глазами, стоял соседский мальчишка лет десяти и, ничего не замечая, все жал и жал кнопку звонка.

- Тетя Лена! - возбужденно выкрикнул он. - Дядю Колю Валидол закатал!

Ленка ничего не поняла, находясь еще где-то далеко в своих размышлениях, и переспросила:

- Какой валидол? Куда закатал?

- Да бык совхозный, Валидол! На-смерть! - и мальчишка понесся вниз по лестнице, гремя резиновыми сапогами.

Внутри что-то екнуло, обрываясь, и Ленка стала медленно сползать по косяку. Потом, собрав в себе силы, она, в чем была, бросилась на ферму, смотря на мир остекленевшим, ничего не понимающим взглядом.

Колька, окруженный толпой доя-

рок и скотников, перемазанный грязью и кровью, лежал у металлического забора, глядя широко открытыми глазами в осеннее небо и ухмыляясь. Босая, нелепо подвернутая нога зарылась в грязь. Мертвые желто-коричневые руки обнимали остывающую землю, силясь удержаться на ней.

Заметив Ленку, люди расступились, давая ей дорогу.

- Может, «скорую» вызвать? - сказал кто-то из толпы угрюмо и виновато.

- Да какая тут «скорая», тут труповозка нужна!

- Корриду он мужикам хотел показать! - сбивчиво объяснял кто-то. - Вот и показал! «Корридор» хренов!

- Тореро! - не задумываясь поправила Ленка и пошла домой, загребая домашними тапочками густую, холодную грязь.

С тех пор Ленка замолчала. Молча она дала денег соседке на организацию похорон. Молча, потерянно, глядела на Колькин гроб на столе. Молча сидела на кухне, где еще недавно сидел ее Колька. Тупо, не находя себе места, она ходила по опустевшей квартире и молчала, молчала, молчала.

Теперь Ленка старалась никуда не выходить. Почему-то казалось, что стоит ей появиться на людях, как все, окружив ее плотным кольцом, начнут смеяться, тыкая пальцами и скалясь над ее неудачами и бедами. Она будто слышала их издевательские выкрики, от которых нельзя спрятаться и укрыться.

Вот и Колька, спокойно лежа в своем гробу, издевательски ухмыляется, будто он совсем и ни при чем, и только она виновата во всех своих бедах.

Ленка подошла к гробу и, глядя на Кольку каким-то заплывшим в безумии взглядом, с размаху дала ему пощечину. Потом еще одну, потом еще. Голова Кольки смешно дергалась, переваливаясь с боку на бок, но он все равно молчал и ухмылялся.

- Сволочь! Скотина! Урод! Даже сохнуть по-настоящему не можешь!

- кричала Ленка в каком-то страшном трансе.

Потом с удивлением она посмотрела на собственную руку, как на какого-то странного, не подчиняющегося ей зверька, и, сев на стоящий рядом с гробом табурет, завывала. Долго и страшно, как голодная волчица на обмороженный кусок луны.

Хоронили Кольку Швецова как-то спешно, будто эвакуируя. Не было ни тихой печальной музыки, ни строгого караула.

Только природа, проникнувшись сочувствием, оделась в серые, мрачные тона, тихо опуская на притихшую землю противный, липкий снег, который не только не укрывал ее, а наоборот - создавал впечатление заброшенности и неуютности.

Сидевшие на оградах вороны, словно зная какую-то недоступную людям тайну, смотрели свысока на печальный ритуал закапывания трупа, перекаркиваясь и делясь впечатлениями.

Представитель совхоза, невысокий, плотный мужичок, стараясь побыстрее закончить с грустными обязанностями, скомкал речь, попутно перепутал Колькино отчество и умчался, разбрызгивая кладбищенскую грязь, по своим более важным делам на белой «Ниве».

Ленка, бросив комок грязной, ослизлой земли на гроб, молча кивнула копялям и ушла, не понимая, куда и зачем она идет.

...Как она оказалась в лесу, она не помнила. Потерянно бродя между серых деревьев, Ленка останавливалась прислушиваясь, словно хотела услышать давно забытую мелодию, которая укажет ей дорогу в другую, лучшую жизнь. Наконец, окончательно застыв под холодным осенним небом, она пошла домой.

На лестничной площадке ее оставила пожилая соседка Люба и извиняющимся тоном сказала:

- Лен, я понимаю, у тебя такой день! Но Коля у меня денег занимал. Пять тысяч!

Ленка порылась в кошельке, про-

тянула ей три и ответила виновато:

- Теть Люб! Остальное я с полочки отдам!

Она поднялась в квартиру и, проходя мимо поминального стола, оглядела внимательным взглядом сидящих там людей.

Те, видимо, забывая уже, зачем они собрались, весело и пьяно о чем-то

болтали, то и дело порываясь запеть что-нибудь этакое, разудалое.

- Господи, - подумала Ленка, - ни одной нормальной рожки!

Уйдя к себе в комнату, она упала на кровать и тихо-тихо заплакала. Заплакала так, как плакала когда-то в детстве, не обнаружив под подушкой обещанную с вечера конфету.

СЕРГЕЙ БОГДАНОВ (Устюжна)

А РОДИНУ ЛЮБИТЬ СОВСЕМ НЕ ПРОСТО...

*Не осень еще - лишь намеки.
Но холодом веет уже.
Ржавеют леса и дороги,
И ржавчины привкус в душе.*

*А память все чаще тревожит.
Закончилось лето - и пусть.
Я чувствую сердцем и кожей.
Твое беспокойство и грусть.*

*Я чувствую близость разлуки,
А птицы летят не спеша...
Осенние краски и звуки
Принять не желает душа...*

*Непогодит за окном
Месяц май,
Сотрясает грохот дом
И сарай.*

*И забился старый пес
За комод.
Пес давно не слышал гроз -
Цельный год.
И грохочет за раскатом
Раскат.
И куда-то отступает
Тоска.*

*Здравствуй.
Прости
За скупость губ.
Годы - привык к молчанию.*

*Многие думают - груб.
Многим - смешон отчаянно.*

*Здравствуй,
Который век -
Канули в одиночество.
Словно слияние рек,
Имя твое и отчество.
Здравствуй.
В твои глаза
Горечь глазами лью.
Милая, так нельзя!
Милая! Я - люблю!..*

*Тишь
Повисла,
Гибнут
мысли,
Стонет
вера.
Я ли -
первый?
Здравствуй.
Властвуй.*

*Я ль -
опасный?
Или осень разбросала
Грязь у сонного вокзала?
Или нас мечта связала
На двоих одна, да?
Слышишь? Гудят поезда
Туда,
где столетнее
одиночество
На двоих...*

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Сверху - дождь. И снизу тоже,
 Льет проклятая вода,
 Пропитала мозг и кожу,
 Вот беда.
 И, плотней укутав тело
 От житейских бед и драм,
 Через дождь иду несмело
 В храм.

Что с того - промок до нитки,
 Настроенье - плачь да пей...
 Возле храмовой калитки
 Перехожие калики
 Дарят небу голубей.

На зыбкой грани бытия,
 Неугомонный и строптивый.
 Когда-то, может быть, и я
 Услышу звездные мотивы.
 И звезды Млечного Пути
 Под колесницей грянут гулко,
 И жизни поле перейти -
 Не то, чтоб выйти на прогулку.
 Любой ухаб, любой тупик -
 Еще не повод для возврата.
 Душа срывается на крик,
 Хоть и ни в чем не виновата.
 И лишь Полярная звезда,
 Исчезнет вдруг и воссияет.
 Несутся мимо поезда,
 И вновь меня куда-то тянет.
 Кого искать, кого найти?
 Себя? А может быть, другого?
 Ухабы Вечного пути
 Надежду дарят,
 Дарят Слово.

УХОДЯЩИМ

Когда-нибудь в разные зимы,
 Оставив земные грехи,
 Неведомым ветром гонимы,
 Уходят друзья и стихи.

И пусть не закончены строки,
 Осенние ночи тихи,
 Но в разные весны и сроки
 Уходят друзья и стихи.

И мне не привыкнуть к потерям,
 И дата за датой спешит.
 Куда-то в минувшее время
 Уходят частицы души.

НОСТАЛЬГИЯ

А родину любить совсем не просто,
 Когда она болеет и вдали.
 Заросшие березами погосты
 И деревушек дальние огни
 Все так же манят...
 Но уже не греет

огонь костра.

И друг мой детский
 занят,

Семьей, работой,
 а печаль - остра.

И остро ощущение тоски,
 И сердце - лед...
 От берега полуночной реки
 Уплыл мой плот...

ВРАГ

Простим обиды и молву,
 Замедлим шаг.
 Мне не во сне, а наяву
 Явился враг.
 Пришел, уже едва живой,
 Но горд и зол.
 Кивнул седою головой,
 Присел за стол.
 Он вел неспешно разговор,
 Шептал почти.
 Что, дескать, был у нас раздор,
 Но ты прости.
 Нам в мире проще жить и ждать
 Вселенских благ...
 И я не смог его прервать -
 Я сам - свой враг.

У тебя в глазах - синева.
 У меня в душе - серый лед.
 Говорю, не слыша слова,
 Но душа ни буквой не врет.

Наша лодка носом - в причал,
 Да переломилось весло.
 Все, о чем я прежде молчал,
 Ветром в облака унесло.

Волны мимо гонит река.
 Тесно меж ее берегов.
 Нас осудят после.
 Пока
 Нам по восемнадцать
 Всего...

СВЯТО МЕСТО ПУСТО НЕ БЫВАЕТ...

Священник Александр Лебедев
отвечает на вопросы
о Боге, вере и Церкви

МОГУТ ЛИ ДЕТИ «УЧИТЬ» РОДИТЕЛЕЙ, ВОЗРАЖАТЬ ИМ?

Могут-то могут, но тогда это плохие дети. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно посмотреть: что в глубине детской души скрывается за поучительством и возражением? Чаще всего не какой-то разумный резон (это бывает, но редко), а волевое сопротивление родителям. Это проявление непослушания, а ведь это тот самый грех, за который пострадали Адам с Евой, да и все мы страдаем. Нужно ли говорить о том, что это нехорошо?

Как дети на самом деле должны относиться к родителям, говорит пятая из десяти заповедей, данных Богом Моисею для всех людей: **«Почитай отца твоего и мать твою (чтобы тебе было хорошо и), чтобы продлились дни твои на земле...»** (Исх. 20, 12). Заметьте, каким словом описывается то чувство, которое мы должны испытывать к родителям. Бог не сказал «люби»: честно говоря, есть родители, которых я даже не представляю, за что можно любить, но - «почитай». Какими бы ни были родители, мы в любом случае, в любом стечении обстоятельств должны относиться к ним с глубочайшим почтением. Понятно, что после этого о «поучении» родителей говорить не приходится.

Это не значит, что ребенок не может иметь собственного мнения и высказывать его. Может и иметь, и

высказывать, но! - с почтением, тогда в этом греха не будет. Еще одно условие, при котором возражение родителям не грешно, - это отсутствие у ребенка самолюбия, корысти, то есть чистота помыслов. Всем известно выражение: «Устами младенца глаголет истина», оно как раз в этом случае и верно, когда ребенок бесхитростно говорит то, что думает. Тогда у него действительно есть чему поучиться. Любой родитель подтвердит, что об очень важных вещах порой заставляют нас задуматься наши дети.

Подведем итог: прежде всего нужно научиться почитать родителей, только после этого ребенку можно надеяться, что высказанное им мнение, даже если оно будет возражением, с вниманием воспримется родителями, к нему прислушаются. Иначе «учение» родителей так и останется бесплодным самолюбивым позёрством.

«СЫН ЗА ОТЦА»

Должен ли сын нести ответственность за ранее совершенные отцом поступки?

Не должен и не несет. Бог справедлив и милостив. Когда за преступление одного человека несет ответственность другой, происходящее никак нельзя назвать ни справедливым, ни милосердным. Поэтому Господь так и не поступает. Вспомним: **«Заповедал Господь говоря: не должны быть умерщвляемы отцы за детей, и дети не должны быть умерщвляемы за отцов, но каждый за свое преступление должен умереть»** (2 Цар. 25, 4). Итак, вина за грех с од-

ного человека на другого перейти не может. Но последствия греха могут распространяться не только на самого согрешившего. Везде и всюду происходят подобные ситуации: ошибся врач - пострадал пациент, пьян водитель - пострадал пешеход, обсчитал продавец - пострадал покупатель. Грех подобен заразной болезни: ему мало изводить одного человека, он стремится навредить всем, кому только возможно. Болезни, мы знаем, бывают наследственными, подобным же образом и последствия греха могут сказываться на детях.

Мы очень часто недооцениваем грех. Нам кажется: согрешил - ну и что, все пройдет, забудется, ничего страшного. Но нет! Грех и страдание - два конца одной палки. Если мы беремся за один конец, - другой рано или поздно ударит по нам, и удар может быть настолько сильным, что скажется на наших детях, ведь они - наша плоть и кровь. И если мы заражены грехом и страданием, то дети воспримут эту заразу и тоже будут страдать.

А вот теперь можно вспомнить слова Библии, которые, скорее всего, и послужили основанием для вопроса: **«Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня»** (Исх. 20,5). Эти слова нужно понимать в том смысле, что Бог не Сам наказывает потомство грешника, а только попускает греху доставлять ему страдания. Не Бог, как говорится, заварил кашу, а люди, и не Он виноват, что её приходится расхлебывать не одному поколению. Более того, если мы дадим себе труд прочесть продолжение цитаты, то все окончательно встанет на свои места. Итак, Бог наказывает до четвертого рода, и Он же - **«творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои»** (Исх. 20,6). Оказывается, Бог сокращает пагубное действие греха, которое без Его помощи страшно подумать как долго сказывалось бы на наших детях. Так что Бог действительно милостив.

ПОЧЕМУ ПРАВОСЛАВНЫЕ КРЕСТЯТ ДЕТЕЙ?

Может быть, нужно подождать, пока ребенок сам определится, зачем ему Церковь?

Сам Спаситель наш Иисус Христос сравнивал Крещение с рождением человека, и лучше, наверное, сравнения не придумаешь. Нельзя узнать, что такое жизнь, жить ею, не родившись на свет. Это каждый из нас знает на своем опыте, но оказывается, что человек может войти в еще одну сферу бытия - жизнь духовную, и в эту жизнь тоже нужно родиться. Это и происходит в Крещении. Только родившись на свет, можно вступить в общение с себе подобными людьми, только приняв Крещение, можно вступить в общение с Самим Богом. Потому-то православные и стараются как можно раньше крестить детей - чтобы не лишать их возможности духовной жизни и общения с Богом.

«Когда родители меня крестили, то не спрашивали, хочу я этого или нет. Я не понимал того, что происходило в Крещении. Так быть не должно. Вот мой сын пусть сначала вырастет, а потом сам осознанно решит, нужно это ему или нет», - приходилось слышать и такое, по первому ощущению - разумное, мнение. Но если задуматься...

Во-первых, если быть последовательным, то нужно сделать жесточайший выговор своим родителям за то, что они, не спросивши нас, хотим мы этого или не хотим, родили нас на свет. Помимо нашей воли, попирая наше право на выбор, обрекли на жизнь - не преступники ли?

Во-вторых, если человек не понимает сути явления, это далеко не значит, что он не может это явление употребить себе на пользу. Знает ли ребенок, что носителем генетической информации организма является молекула дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), что у каждого человека эта ДНК своя и нет двух одинаковых, и именно поэтому все люди разные? Нет, не знает, но маму свою ни с кем не спутает, хотя и не знает, в чем при-

чина ее непохожести на других людей. Знает ли младенец химический состав материнского молока? Нет, однако с удовольствием его пьет. То, что он не знает процентного соотношения в молоке жиров, белков и углеводов, не мешает ему этими самыми жирами-белками-углеводами строить и укреплять его организм. Подобным образом и с Богом. Младенец не способен верить в Бога во взрослом смысле этого слова, но это не мешает ему иметь возможность общаться с Ним, и этим общением укреплять свою душу, а так как в человеке все очень тесно связано, то и тело.

В-третьих, с чего это мы, взрослые, взяли, что наши дети должны быть против своего Крещения? Они что, рождаются безбожниками? Откуда мы знаем? А может, они с самого рождения религиозны и рады общению с Богом, а мы, препятствуя Крещению, лишаем их этой радости? Многие родители, люди церковные и не совсем церковные, могут рассказать немало случаев, когда они становились свидетелями проявления веры и богообщения своих малюток. Один из таких случаев я часто рассказываю мамам после того, как крещен их малыш, и наступило время объяснить, для чего детей нужно как можно чаще причащать Святых Христовых Таин.

В момент Причастия Сам Бог соединяется с нашим младенцем и непостижимым для нас образом воздействует на его душу: воспитывает, учит. Родители одного из моих крестников, Ванюши, - люди, симпатизирующие Церкви, но не церковные. В ответ на вопрос, молятся ли они утром и вечером, меняют тему разговора. Но мне удалось убедить их раз в неделю приносить Ванюшу в храм на Причастие. Когда Ванюше исполнился год, на именины мы впервые привезли его в монастырь, в котором подвизался святой, чье имя он носит. Встали перед иконостасом. И тут Ванюша, сидя у мамы на руках, повернулся к иконостасу, из всех святых, изображенных на нем, нашел своего, к нему протянул руки и стал молиться: «О-о-о!» - и прижимает ладошки к

сердцу, и так несколько раз. А глаза светятся от радости. Кто его этому научил? Кто ему сказал, что изображенный - его святой?

Как видим, детям нашим открывается духовный мир, и они в нем живут, причем гораздо активней, полней и радостней, чем мы. Вправе ли мы лишать наших детей этой радости?

Ну и в завершение несколько слов в качестве предостережения. Свято место пусто не бывает. Если мы не заполним внутреннее душевное пространство нашего ребенка святыней, не нужно надеяться, что оно сохранится пустым. Нет, оно заполнится. Но чем? Всяческой гадостью, которая преизобильно окружает нас. В детстве закладывается фундамент личности человека. Поэтому не стоит впоследствии удивляться, что из наших детишек вырастают нравственные (а точнее, безнравственные) монстры.

ДЕТИ ЖЕНЯТСЯ...

Если дети надумали жениться, вмешиваться ли родителям? А если родители против?

Если дети надумали жениться, родители должны не вмешиваться (слово какое-то неподходящее), а дать оценку и самому желанию детей, и наметившемуся кандидату в зятя-невестки. Если родители против брака, то должны употребить все усилия, чтобы объяснить детям причину своего противления и заставить их задуматься над нею. Чего нельзя при этом допускать, так это насилия, давления. Все-таки своим детям мы даруем жизнь вместе с правом распоряжаться ею, и рано или поздно необходимо смириться с тем, что наши дети - свободные, самостоятельные люди, которые вправе принимать решения и нести впоследствии за них ответственность. Вот об этом последнем и должны родители почаще напоминать своим детям.

К сожалению, очень часто родители ослеплены своей привязанностью к чаду не менее, чем их дети предметом своей влюбленности. Поэтому необходимо руководствоваться не

импульсом «Я хочу! Кто в доме главный?!», а трезво взглянуть на ситуацию со стороны.

Впрочем, плохи те родители, которым решение детей о женитьбе сваливается как снег на голову. В нормальной семье такие вещи заранее чувствуются материнским сердцем и у родителей есть и время, и возможность повернуть дело так, чтобы избежать впоследствии экстренных вмешательств.

Вот все, что я могу сказать по вопросу. Общих прямых советов о том, что конкретно делать в таком случае, быть не может, потому что нет одинаковых людей и нет одинаковых семей.

НУЖНО ЛИ ЗАСТАВЛЯТЬ ДЕТЕЙ ХОДИТЬ В ХРАМ?

Ребенок не хочет идти в храм. Посмотримся: если за этим стоит лень, то потакать ей нельзя, в таких случаях нужно твердо настоять на своем. Чтобы побудить ребенка ходить в храм, можно, на мой взгляд, прибегать и к наказаниям, и к поощрениям. Второе должно преобладать: ведь можно с помощью пряника, конфеты, просто похвалы создать в день посещения храма у ребенка праздничное настроение. Наказывать за нерадение к храму тоже можно, ничего сомнительного в этом нет. Как вообще при воспитании ребенка наказание необходимо, так и при религиозном воспитании - тоже. Иначе, пока дети не достигнут определенного возраста, просто нельзя, ведь ребенок еще не способен понять, что хорошо, а что плохо, и объяснять ему это пока бессмысленно. Но он способен уловить связь: плохой поступок - наказание, хороший поступок - поощрение. Этими рычагами мы и пользуемся.

Но со временем нежелание идти в храм начинает означать уже нечто принципиальное - действительно неверие. Вот в этом случае сила - не аргумент. Побуждать к церковной жизни ребенка надо словом и, что, наверное, самое убедительное, хотя далеко не сразу дающее плоды, делом, то есть

своим примером. Нужно показать, что посещение храма приносит в душу благодать, а с нею - радость. Для этого нужно всего-навсего подойти к делу посещения храма не формально, а так, как и должно. Уже дома начать готовиться к предстоящей встрече с Богом: создать особое настроение, подобающим образом одеться - уже этим мы привлечем (пусть и подсознательно) внимание и интерес: «Ага, готовится, видимо, что-то особенное сегодня будет... У неё будет, а у меня - нет». Далее. В храме мы занимаемся тем, для чего в храм и ходят, - хорошенько молимся. В ответ на искреннюю сердечную молитву Господь подает душе человеческой особое тихое, светлое благодатное состояние. Оно воспринимается человеком как настолько родное, что часто даже не осознается. Теперь задача - донести его до дома неразтраченным. Это возможно. В старопрежние времена, если в семье не могли пойти в храм на службу все, то посылали кого-нибудь одного, чтобы благодати принес. И вот тогда ваше чадо, видя происходящее, задумается (дай-то Бог): «Чего это мама сегодня такая? Почему ей доступны такие состояния души, а мне нет? Не обидно ли? Чем я хуже?» Это самый надежный, хотя и самый трудный способ убеждения.

ГДЕ ЖИВЕТ БОГ?

Сложный вопрос. Вообще, говоря о Боге, мы можем утверждать, что в нем постижима только Его непостижимость. Это верно и в данном случае. С одной стороны, Бог есть Дух, то есть не имеет никакого отношения к материи, в том числе времени и пространству, а значит, находится вне нашего мира, и невозможно указать, где Он есть. С другой стороны, Бог Вездесущ, то есть каким-то образом присутствует везде: в каждой самой мельчайшей частице нашего мира. Всегда и везде можно к Нему обратиться, и мы не будем в этом случае говорить в пустоту.

Мало того, дело осложняется тем, что Сам Бог избирает в нашем мире

места, где Он присутствует каким-то совершенно особым образом - действительно живет там. Это «место жительства Бога» - храм, о котором Господь наш Иисус Христос сказал: «Клянущийся храмом клянется им и ЖИВУЩИМ в нем» (Мф. 23,21). Вот как все непросто.

О СОТВОРЕНИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

Как Бог сотворил весь мир всего за несколько дней? Как (из чего) Он создал человека? (Вопрос изменен).

Раз уж мы заговорили о свойствах Бога, то одно из них - Всемогущество. И весь мир, и человека Господь сотворил одним движением мысли, без всякого труда. Мир был сотворен Богом из ничего, а вот о человеке в Библии сказано, что его Господь создал из персти земной. Этим указывается на то, что по своему химическому составу человек не отличается от окружающей его среды: все составляющие его элементы присутствуют и в природе. Однако есть в человеке нечто, что отличает его от окружающего мира, - это душа. И если тело - из земли, то душа - непосредственно от Бога.

КАКИМ БЫЛ АДАМ?

Человек с самого начала выглядел так, как выглядит сейчас?

Сотворенный Богом человек - Адам - не только выглядел иначе, но и по всем своим качествам был иным. Об этом пишут многие святые отцы, толкуя библейское повествование о пребывании человека в раю. Каким же был Адам?

Прежде всего он не был смертным, то есть мог жить не умирая! Бог специально для этого посадил в раю древо жизни, питаясь плодами которого, человек и мог получать неистощимую жизненную силу. Все способности ума и души Адама намного превосходили возможности любого из нынешних гениев.

Душа его была настолько чиста, что он мог непосредственно общаться с Богом. Библия говорит о присутствии Бога в Эдемском саду как об

обычной вещи: Бог ходит по раю в прохладе дня и беседует с Адамом. В Священном Писании есть мысль, что Бог настолько велик, что невозможно нынешнему человеку увидеть Его во всем величии и не умереть. Какова же была внутренняя душевная сила Адама - для него общение с Самим Богом было повседневным.

Адам был мудр, намного мудрее всех нынешних ученых вместе взятых. Ему хватало одного взгляда, чтобы познать суть окружающих его вещей. Этой способностью Адам только начал пользоваться: Библия описывает, как он давал имена животным. Дать точное определение, название чему-либо можно, лишь зная называемый предмет во всех-всех подробностях. Иначе нужно будет впоследствии изменять, дополнять, исправлять определение. Какова была сила ума Адама, если он смог без всяких приборов и исследований, одним взглядом увидеть всю суть и свойства каждого животного! Более того, дать каждому определение всего одним словом! Сейчас описанию каждого вида животных ученые посвящают огромные труды - диссертации и монографии, а Адам вмещал все это в одно-единственное слово.

Одаренный таким умом, Адам был поставлен Богом владычествовать над миром. Сейчас в эпоху технического прогресса люди привыкли горделиво смотреть на себя как на покорителей Земли, космоса, всего мира. Но на самом деле мы не владычествуем, а приспособляемся к миру. Адам же действительно мог повелевать и стихиями, и животными. Отблесками этой власти обладают некоторые из святых людей. Самые опасные из зверей: львы, крокодилы, медведи, змеи - не только не причиняли вреда святым, но и служили им. Рассказы о таких случаях часты в житиях святых. Адам же обладал этой властью во всей полноте.

Естественно, что, так сильно отличаясь от нас своими внутренними качествами, первый человек отличался от нас и внешне. Прежде всего свя-

тые отцы замечают, что он был красив, тело его не знало изъязнов. Адам не ведал ни болезни, ни усталости. Даже труд (Господь повелел ему возделывать райский сад) для него не был трудным. Тело его было иным - менее грубым, менее вещественным, если можно так сказать. Точно описать свойства такого тела сейчас невозможно, но какие-то его черты можно представить, присмотревшись к Христу. Его называют Вторым Адамом, потому что Ему удалось вернуть все, чем обладал Адам, и даже больше. Христос, например, ходил по воде, от прикосновения к Нему люди исцелялись.

Я попытался описать, каким был сотворен человек. Вот чего все мы с вами лишились после того, как Адам совершил первый в истории человечества грех.

ЯБЛОКО НЕ ВИНОВАТО...

Почему за сорванное яблоко пришлось расплачиваться всему человечеству?

Расплачиваемся мы не за яблоко, а за совершенный нашими прародителями грех. Яблоко тут ни при чем, ведь Библия говорит просто о некоем запретном плоде. А вообще вопрос серьезный.

Дело в том, что вина за поступок Адама и Евы на нас не ложится. **«Заповедал Господь говоря: не должны быть умерщвляемы отцы за детей, и дети не должны быть умерщвляемы за отцов, но каждый за свое преступление должен умереть»** (2 Цар. 25, 4). И все же мы страдаем. Почему?

Дело в том, что Господь сотворил мир и определил законы, по которым этот мир живет. Законы эти касаются всех сторон мира: и физической (космос и Земля), и нравственной (человечество). Представим себе очень сложный механизм: одна деталь сломалась - ничего не работает либо работает со сбоями. Очень похожая ситуация случилась и при грехопадении Адама и Евы - в результате нарушения нравственного закона (за-

поведи) разладился весь миропорядок, в том числе внутренний и внешний строй человека: мы стали болеть и умирать.

Часто святые отцы сравнивают грех с наследственной болезнью: дети не виноваты, но болеют так же, как их родители. Вот так и Адам заболел, и все мы - человечество - восприняли от него болезнь.

СТОИТ ЛИ БОЯТЬСЯ СМЕРТИ?

Сама смерть, то есть мгновение, в которое душа отделяется от тела, неужели. Думаю, что ее даже невозможно как-либо охарактеризовать: просто был человек жив, а стал мертв. Из-за своей мгновенности смерть не несет в себе ничего страшного. Если люди и боятся, то не самой смерти, а либо того, что бывает перед ней: болезнь, мучения, отчаяние и т.д., либо того, что ждет нас после нее: суд Божий и воздаяния за прожитую жизнь.

Евангелие - книга, содержащая ответы на все «главные» вопросы человека, сохранило слова Христа по этому поводу: **«Не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать; но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто, по убиению, может свергнуть в геенну: ей, говорю вам, того бойтесь»** (Лк. 12, 4-5). Так что всего того, что сопутствует смерти, бояться не нужно: рано или поздно боль завершится. А вот возможности после смерти попасть в вечную муку бояться стоит. И помнить о такой возможности нужно всегда.

ВСТРЕЯТСЯ ЛИ РОДНЫЕ «НА ТОМ СВЕТЕ»?

Нужно сразу сказать, что о деталях существования человека «на том свете» мы можем лишь предполагать. Потому что никто из умерших рассказать об этом не может, а Господь определенно открыл нам только самые необходимые знания - о суде, рае и аде. Однако некоторые сведения про-

ливающие свет на интересующий нас вопрос, мы можем почерпнуть из притчи о богаче и Лазаре, рассказанной Христом. Обязательно прочтите ее, она находится в 16-й главе Евангелия от Луки. В ней рассказывается о посмертном существовании двоих человек: некоего богача и нищего по имени Лазарь. Они «на том свете» видели друг друга, хотя находились один в муках, другой - среди праведников, могли общаться друг с другом, однако никакой помощи Лазарь оказать богачу не мог, равно как и не мог явиться к его родственникам и рассказать о печальной участи богача.

Получается, что нельзя сказать, что родные «на том свете» встретятся, ведь мы не знаем, куда попадет тот или иной человек: в рай или ад, но можно говорить о том, что «на том свете» родные каким-то образом будут знать друг о друге и, возможно, даже общаться.

МОЖНО ЛИ ОБЩАТЬСЯ С УМЕРШИМИ?

Общение с усопшими не только возможно, но и ежедневно совершается в Церкви. Следует только уточнить, что речь идет о молитвенном общении. Мы молимся за усопших и знаем, что наши молитвы оказывают влияние на их участь. И наоборот: усопшие молятся за нас, и многие события нашей жизни происходят по их молитвам. Этим наше общение с умершими и ограничивается. Сны, видения, беседы с умершими в подавляющем большинстве случаев никакого (!) отношения к общению с ними не имеют. Ясно и резко сказал обо всем этом святитель Игнатий (Брянчанинов): «бред души - навет демонов!» Вы заметили, я сказал о подавляющем большинстве случаев, значит, есть и исключения. Да, особо нужно оговориться о святых: они, будучи умершими, могут действительно являться людям. Свидетельство тому в истории Церкви немало. Однако каждое такое явление - чудо, оно носит чрезвычайно важный, исклю-

чительный характер. Впрочем, и здесь необходимо быть осторожным, так как излюбленный способ лукавого обманывать людей - рядиться в светлые одежды.

Итак: молитвенное общение с усопшими необходимо; вера снам, явлениям умерших, а тем более «вызывание» их - недопустимы; явления святых возможны, но редки.

СТОИТ ЛИ БОЯТЬСЯ УМЕРШИХ?

Страх вообще не христианское чувство. На свете есть только два случая, в которых страх необходим. Прежде всего необходим страх Божий, то есть любовь к Богу, соединенная с опасением нанести Ему обиду, причинить боль. Второе же, чего следует бояться, - это грех. Святитель Иоанн Златоуст говорил примерно следующее: «Бойся греха, все остальное (то есть все другие страхи) - басни». К числу подобных басен относится и страх перед умершими. Не умерших нужно опасаться, а живых - говорит народная мудрость. Умершие нам навредить ничем не могут, а вот живые...

Страх перед умершими может подпитываться тем, что в некоторых случаях усопшие каким-то образом беспокоят своих близких: их видят во сне, ощущают их присутствие и прочее. Народное церковное мнение, которое мне приходилось слышать, расценивает такие случаи как своеобразную просьбу усопших о молитве за них.

Думаю, в этом есть доля истины, ведь Церковь учит, что после смерти только молитвы Церкви и близких могут влиять на участь души. И если усопшие нам вредить не могут, то мы им - вполне, если забудем молиться о них.

Попутно - о том, не опасно ли ходить ночью по кладбищу. По кладбищу ходить можно в любое время года и суток. Однако ночью ходить опаснее - можно споткнуться впотьмах. Это единственная опасность, которая может нас там подстергать.

ОТКУДА БЕРУТСЯ ПРИВИДЕНИЯ, ВАМПИРЫ, УПЫРИ, КИКИМОРЫ И ПРОЧАЯ НЕЧИСТЬ?

Начнем отвечать на вопрос богословски. Еще до сотворения мира в среде ангелов (первых творений Бога) произошел раскол. Часть из них во главе с тем, кого мы сейчас называем сатаной, взбунтовалась против Бога, отпала от Него и навсегда укоренилась во зле. Этих ангелов принято называть падшими, демонами, бесами. Все их мысли, слова, поступки всегда злы. Они могут принимать различные виды, и вся перечисленная в вопросе нечисть - просто своеобразный бесовский театр. Кстати мы, люди, можем сами увеличить количество этих бесовских ролей. Дело в том, что бесы присматриваются к людям, могут выяснять, чего мы боимся, каковы наши страхи. Затем они принимают соответствующий вид и пугают нас.

ЧТО ПРОИСХОДИТ НА СЕАНСАХ СПИРИТИЗМА?

Сеансы спиритизма - это действительно вызывание духов. Только приходят не те, кого зовут. Мы уже говорили о том, что бесы могут представлять себя в различных видах, для них сыграть роль умершего человека не проблема.

Последствия увлечения спиритизмом печальны - в любом случае это одна из форм умопомешательства. Человек заражается этим у вызываемых духов. Известно, что блюдечко на сеансах обычно лепечет всякую чушь, если относиться к этому серьезно, тогда-то ум человека и страдает. Но еще более этого страдает душа. Спиритизм настолько отдаляет человека от Бога, что в древности людей, занимающихся подобными занятиями, в лучшем случае изгоняли, а чаще казнили, чтобы гнев Божий, изливающийся на виновника, не привел к страданиям всего народа. **«Не должен находиться у тебя... обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых, ибо мерзок пред**

Господом всякий, делающий это» (Втор. 18, 10-12), - говорит Господь.

ЧТО СИЛЬНЕЕ: ДОБРО ИЛИ ЗЛО? ПОБЕЖДАЕТ ЛИ ДОБРО ЗЛО?

Добро и зло не существуют сами по себе, они всегда связаны с какой-либо личностью. Существуют, например, добрые или злые люди, от которых добро или зло распространяют свое действие. Таким образом, чтобы узнать, что сильнее, нужно сравнить величайших носителей того и другого. С одной стороны, это Бог, с другой - дьявол. Бог несотворен, Он был всегда, Он Благ, Всемогущ, Вездесущ, Всеведущ, а дьявол - тварь (то есть сотворен), ограничен в силе и знаниях, во времени и пространстве. Нетрудно решить, кто из них сильнее - конечно, Бог, а значит, добро сильнее зла.

Однако везде и повсюду мы можем встретить совершенно иную картину: злые люди благоденствуют, а добрые бедствуют. Как это объяснить? Когда идет битва, трудно заранее предсказать, кто победит. Вспомним начало Великой Отечественной войны - все говорило о скором поражении наших войск, а вышло иначе. Вот и о результате битвы добра и зла мы сейчас можем лишь догадываться, предполагать, потому что не знаем будущего. Но есть единственная на свете личность, которому будущее известно, - Бог. Он открыл и людям исход битвы добра и зла. Дьявол вместе со своими служителями будет ввержен в озеро огненное, где они будут мучиться день и ночь во веки веков (см. *Откр. 20, 10*). Зная об этом, постараемся всегда быть на стороне добра, как бы ни было тяжело, и каким бы непобедимым ни казалось зло.

МЕСТЕЧКИ ПОТЕПЛЕЕ...

Святые после смерти занимают место рядом с Богом, а разве люди, служившие греху, не могут после смерти занять «тепленькое местечко» рядом с дьяволом?

В церковной среде тоже есть анекдоты. Один из них рассказывает о человеке, который ставил свечки перед каждым изображением в храме и даже перед изображением беса (на западной стене храма часто изображается Страшный суд, среди действующих лиц там есть и такие персонажи). Для чего? Вдруг на том свете в ад попадешь - будет и там кто-то свой.

Примерно такой логики придерживаются сатанисты. Они видят, что в нашем мире слишком часто побеждает зло, и считают, что сатана сильнее Бога. Поэтому они стремятся выслужиться здесь перед дьяволом, чтобы и в будущей жизни быть рядом с ним, надеются, наверно, на какие-то побрякки.

Это жестокая ошибка. Во-первых, глупо рассчитывать получить что-либо хорошее от существа, которое насквозь пропитано злом. Дьявол - лжец и отец лжи, от него не жди справедливой награды, наоборот, он изощренно и с особым злорадством издевается над теми, кто ему верил. А во-вторых, с чего это мы взяли, что у дьявола есть власть распоряжаться душами людей? Ведь судья не он, а Бог, и именно Бог определит участь человеческой души после смерти.

ПРОИЗОШЕЛ ЛИ ЧЕЛОВЕК ОТ ОБЕЗЬЯНЫ?

Нет.

На этом можно было бы закончить ответ, потому что он достаточно очевиден. Однако слишком много ученых по виду мужей говорили, что люди - это просто лысые обезьяны, и эта идея довольно живуча. Поэтому придется сказать несколько слов с точки зрения науки. Насколько мне известно, какой-либо факт считается достоверным в том случае, если его можно наблюдать в действительности либо в эксперименте. Превращение обезьяны в человека не случилось зафиксировать ни так, ни эдак.

К тому же эволюция от обезьяны - не единственная версия происхождения человека. Христианство утверждает, что человека, как собственно и все мироздание, сотворил Бог. Скептики скажут, что никто этого не видел и проверить экспериментально сотворение человека невозможно. Да, это так. Но означает это лишь то, что с равным основанием можно верить как в богоподобие, так и в обезьянопроисхождение человека. И если уж мне дано выбирать между равными возможностями, то я лично выберу Бога Творца. Кто хочет, пусть считает себя потомком обезьян - дело вкуса, а не научности.

От редакции. 30 ноября были торжественно подведены итоги третьего конкурса публикаций православной тематики в средствах массовой информации Вологодской области. Главную премию имени святителя Игнатия (Брянчанинова) получил член редколлегии «Вологодского ЛАДА», постоянный автор журнала священник Александр Лебедев. Жюри отметило отца Александра за многие публикации в газетах «Красный Север» и «Благовестник», а также в журнале «Вологодский ЛАД».

Редакция поздравляет батюшку и желает ему, чтобы эта награда стала у него первой в длинном ряду! Но главная награда любому пишущему человеку - это внимание читателей. И потому напоминаем, что отец Александр готов ответить на ваши вопросы. Присылайте их по адресу: 160001, Вологда, Челюскинцев, 3, редакция журнала «Вологодский ЛАД».

...И КАК МЕНЯ ВСЕ ВРЕМЯ СПАСАЛ БОГ

Письмо инокини Магдалины брату - Зурабу Чавчавадзе

«Мы живем в порядке чуда», - эти слова нередко повторяют люди верующие. Анна Ахматова, например, не раз их произносила, как свидетельствуют близкие к ней люди. Не раз слышали их от игумении Феодосии - настоятельницы Покровского православного женского монастыря в Бюсси, маленьком городке во Франции, и это надо понимать не как гордость - вот мы какие духовные, Господь ради нас чудеса совершает! - а как констатацию факта. Вся история этого монастыря полна чудес, как, собственно, и вся наша жизнь. «В порядке чуда» - так можно было бы, наверное, назвать книгу о жизни инокини Магдалины (в миру Ольги Некрасовой), сейчас она живет в этой обители.

Родилась Ольга во Франции, родители - русские эмигранты. Мама вторым браком вышла замуж за Михаила Николаевича Чавчавадзе, и после войны вся семья - от маленьких детей до престарелого деда, отца Михаила Николаевича - переселилась в СССР. Поселились в Грузии, а в 1949 году Михаила Николаевича обвинили в сотрудничестве с разведками пяти стран и приговорили к 25 годам заключения. Семью выслали в Южный Казахстан. В письме упоминается «Дидина смерть» - речь о том, что дедушка скончался от голода; и такая участь ждала всех. Работала только Ольга, на ее зарплату жила большая семья. Ради спасения родных Ольга решается на побег в Москву (об этом говорится в письме) - только для того, чтобы обратиться за помощью к митрополиту Николаю (Ярушевичу), потом возвращается к семье.

Письмо инокиня Магдалина написала своему брату, Зурабу Чавчавадзе, который был тогда подростком. С любезного разрешения сестры Магдалины мы публикуем его. Ей удалось

ярко показать, как близко к нам может быть Господь, как чуток Он к нашим бедам и заботам и как явно вмешивается в нашу жизнь, когда видит в том необходимость для нашей души.

Ну а потом была встреча с замечательным пастырем, игуменом Никонном (Воробьевым) - широко известна его замечательная книга писем «Нам оставлено покаяние», есть там и письма к Ольге (теперь сестре Магдалине). Была Вологда, куда Ольга приехала в поисках работы. Незадолго до того она чудом вырвалась из казахстанской ссылки, но на работу ее нигде не принимали: чтобы трудоустроиться, нужна прописка, а чтобы прописаться, нужна справка, что работаешь.... Тогдашний управляющий Вологодской епархией владыка Гавриил (Огородников) принял ее бухгалтером в епархиальное управление, а потом и вся семья переехала сюда. Михаил Николаевич стал секретарем епархии. И хотя прожила эта яркая семья здесь не так уж долго, вологодские старожилы хорошо помнят и Михаила Николаевича, и Марию Львовну, и сыновей Зу-

Инокия Магдалина.

ФОТО АНДРЕЯ САЛЬНИКОВА

раба и Михаила... Зураб сейчас - председатель правления Высшего монархического совета, помощник полпреда Президента России в Центральном федеральном округе, Михаил - руководитель одного из петербургских театров. И для них Вологда - чудное место, где они оттаивали от холода ссылки и преследований. И еще - святое место. Но о вологодском периоде жизни инокини Магдалины (а тогда - Ольги Чавчавадзе) мы намерены рассказать подробнее позднее.

А пока представляем читателям

Покровская обитель в Бюсси
4 декабря 2005 г.

Дорогой Зураб!

В который раз пытаюсь Тебе написать, получится ли на сей? Сомневаюсь, но - попробую. Хотелось написать сразу после нашего свидания в Париже (свидания в смысле, что мы «видели» друг друга чуть ли не два дня подряд), но не было у меня свободной минуты, чтобы писать, потом - после нашего телефонного разговора, но опять некогда было. А сегодня - после нахлынувших воспоминаний, связанных с этим праздником Введения. С

письмо инокини Магдалины. Она вспоминает один из моментов своей жизни, когда Божия помощь явственно ощущалась. И таких моментов было немало...

Это письмо было написано год назад - в праздник Введения Божией Матери во храм. И нынешним декабрем Введенские дни тоже отозвались в душе - как отзывается всегда чуткая верующая душа на воспоминание об отеческой заботе Господа о нас, грешных...

этого, пожалуй, и начну, а уж там - что получится...

Это было на Введение 53-го года, уже 52 года тому назад! Мы уже почти два года жили в ссылке, уже за плечами осталось самое страшное: дорога в вагонах для скота, землянка, голод, Дидина смерть и мой побег. Про это последнее Ты знаешь очень поверхностно, а без этого и не понять, что я пережила в то Введение. Рассказать о побеге, а тем более написать, уже невозможно. Но, думаю, я не забуду об этом и после смерти... Дело в том, что с того момента, как я пересекла

вечером 5 сентября границу разреши́нной нам территории - где-то двадцать минут ходьбы - я каждую минуту должна была быть поймана. Ты-то знаешь, что побег не был подготовлен, и я не имела никаких географических сведений о стране, не имела понятия о советской железной дороге, о всяких там «плацкартах» и прочих советских выражениях, и вообще о стиле жизни. Я ведь выросла в Париже и только потом узнала всю эту «советскую действительность». Ты знаешь и мое полное неумение ориентироваться, мой «идиотизм» во многих бытовых (и не только бытовых, согласна!) областях жизни, мою непригодность к ней. Кстати сказать, в первую же ночь побега я узнала, что оказалась у самой границы Узбекистана (меня на бричке подвез один сердобольный ездовой - спасибо ему!). И поскольку к этому времени я уже поняла, что мне надо попасть в Ташкент, я всячески пыталась перейти ночью эту границу. Было уже около трех часов ночи, я добралась до шоссейной (или вроде того) дороги, кругом знакомая Тебе пустыня, а впереди я различила шлагбаум (закрытый, конечно). Машин, как Ты помнишь, в те годы почти не было, к тому же ночь. Охрана, вышки, прожекторы, собаки... Я не собираюсь Тебе рассказывать, что тут произошло, я хочу только сказать, что на самом деле я, оказывается, уже была на нужной мне стороне, и надо было как можно скорее и незаметнее удаляться и бежать от этого шлагбаума, к которому я обречённо приближалась... И таких ситуаций «антиориентации» было множество во все часы этих 17 дней и ночей моего побега! Так вот, каждый час, каждую минуту этих страшных суток меня по логике вещей просто не могли не поймать - в первый же вечер я столкнулась со спец(!)комендантом соседнего колхоза, а нам было объявлено еще в первые дни в той землянке I отделения, что за попытку побега за пределы республики - без

суда 20 лет строгого режима, и мы с мамой это предупреждение подписали. А я в поезде «Ташкент - Москва» из Кзыл-Орды сообразила послать маме «зашифрованную» (!) телеграмму и еще четверо суток была в этом же поезде! Ты думаешь, «они» плохо работали? Нет, Зураб, «они» хорошо работали. К тому же, чтоб меня поймать, не надо было хорошо работать... А бандиты, освобождённые по амнистии где-то в начале лета этого же года и к тому времени наводнившие всю страну настолько, что комендантские часы были установлены в больших городах?! Ведь во все дни моего побега я была как на лезвии ножа между этим страшным бандитским миром и бдительным оком казбистов.

Так вот, я не буду Тебе рассказывать о всех потрясающих происшествиях и событиях этого побега (меня потрясших, во всяком случае, на всю жизнь), кстати сказать, и изменивших впоследствии судьбу не только мою, но и всей нашей семьи: моя церковная работа в Ташкенте, о. Серафим, о. Никон, Вологда, Пюхтица и, наконец, Bussy...

Я сделала это вступление, чтобы сказать Тебе о самом главном. О том, что если за все тяжелые пережитые нами годы мы можем, оглянувшись назад, сказать, что в самые трудные моменты Господь нас спасал - конкретно, реально, осязательно посылал помощь и вытаскивал из безнадежных положений, то в течение всех часов, а то и минут (а иногда и секунд!) этих семнадцати суток это происходило со мной буквально, как в фильме, в ускоренном темпе. Забыть это, повторяю, невозможно, а тем более живо это было к декабрю того же 53-го года. Теперь Тебе будет более понятно то, что я пережила в тот день. Мне было назначено прибыть на суд к 11 часам утра в наш райцентр* Кировск. В то утро была сильная снежная вьюга, и никакого транспорта не предвиделось. Поэто-

* Теперь смешно говорить, что этимология слова «райцентр» не имеет ничего - ну, ничего! - общего с раем, а поначалу (и по дурости) оно звучало для меня обворожительно.

му мне разрешили - даже велели - взять лошадь из нашей конюшни. Кировск находился, как Ты помнишь, в 20 с лишним километрах от нашего совхоза. Я помню, что нахально взяла Казбека, директорскую «машину». Помню, что больно было скакать на нем, а надо было не опоздать. Но, главное, помню, что взяла из дома последние деньги, чтобы купить в райцентре гречку, которую якобы туда привезли на предыдущей неделе. Мама оставалась почти без керосина, я обещала вечером, когда вернусь, купить. Принесла воды перед поездкой. Мама лежала больная, но мы были совершенно уверены, что самое большое и страшное, что могло быть за «невыход на работу», - а статья, по которой меня должны были судить, касалась именно этого «преступления» - было удержание 25% из зарплаты в течение года. И вот вдруг решение суда: четыре месяца тюремного заключения! Приговор привести в исполнение немедленно!

Я пришла в ужас и совершенно растерялась.

Прямо из суда с конвоем меня повели в тюрьму. В райцентре меня многие знали. Помню, мне было мучительно стыдно идти, как какой-то пойманной преступнице, между двумя вооруженными солдатами... А главное, что будет мама?! - гречка, деньги, эта директорская лошадь, вода, керосин, больная мама! И как она об этом узнает, как зима пройдет, дрова (если это можно так назвать), базар, еда?! Ведь тогда уже я одна работала, да и вся домашняя работа, Ты же знаешь, была в основном на мне. Ты был еще маленький...

В тюрьме меня передали молодому казаху-сержанту. Начались процедуры: отпечатки пальцев, обыск, анкеты. Какой-то старушке, тоже казашке, уборщице тюрьмы (или какой-то служащей), поручили раздеть меня и обыскать. Казах-сержант вышел из малюсенького помещения, где жарко топилась печка. Меня трясло от ужаса, от холода, от нервного потрясения и от стыда - догола раздеваться. Но я понимала, что все уже кончено и

никто здесь не может, да и не захочет ничем мне помочь, и нет смысла говорить ни слова. Так что я через все эти процедуры проходила абсолютно молча, тупо отвечая на все вопросы. Но, по-видимому, на мне было написано такое отчаяние (хотя я еще не плакала), что как только вышел этот сержант и я начала было раздеваться, эта старушка-казашка, почти совсем не говорящая по-русски, быстро подошла ко мне, взяла мою руку и молча поцеловала ее, после чего сразу позвала сержанта, мол, ничего не найдено...

Меня повели по коридору. Мы прошли мимо мужской камеры, откуда слышались отвратительные и страшные для меня грубые голоса, говорившие на балкарском языке. Женская камера была пустой и стала для меня одиночной. Кругом одна глина: пол, потолок и стены безо всякого намека на какую-либо «мебель». В окне ни одного стекла, только решетки, так что весь пол в снегу из-за сквозняка, образовавшегося между окном и дверным глазком. Вьюга совсем разыгралась и зловеще выла... Так вот, когда сержант запер за мной на шумные затворы тюремную дверь и меня уже никто не видел, я потеряла самообладание и пришла в отчаяние. Это был, наверное, единственный раз в моей жизни, когда я безутешно рыдала от горя. Не от обиды, не от страха, а от безысходного горя. Стоять я уже не могла, а пол был - мокрая глина, к тому же в снегу. Я повалилась к ближайшей от меня стенке и навзрыд плакала, забыв всё на свете, кроме того, что дома мама сейчас все узнает и что с ней будет? А через неделю меня должны были этапом куда-то отправить (в Кировске была только КПЗ - камера предварительного заключения)... Что будет со всеми вами? И ничего уже нельзя сделать, всё кончено!..

Вдруг в стенке, к которой я приткнулась, раздался стук и послышался мужской голос. Я помню, с каким ужасом я отскочила от этой стенки, мгновенно вспомнив, что за ней камера, полная бандитов (а я их со-

всем недавно, во время побега, близко видела и смертельно боялась - больше, чем чекистов). Я и так уже была на пределе горя, нервы совсем сдали, а тут ещё навалился этот мертвящий страх... Но голос (кстати, на чистом русском языке, хотя мне казалось, что в той камере были только эти балкарцы-карачаевцы) мягко и отчетливо сказал мне: «Не плачь, девушка, в жизни всё бывает только к лучшему».

Как мне рассказать Тебе, Зураб, что со мной тогда произошло? Слова не смогут ничего передать... Я вдруг вспомнила, что сегодня праздник. Введение. Вспомнила, что есть Бог, про Которого я совершенно забыла. Вспомнила всё, что происходило в те страшные дни побега, и как меня всё время спасал Бог. И в этой заснеженной ледяной камере я пережила такую радость, такую благодарную молитву, такой свет, каких я больше никогда не имела... И эти слова, сказанные мне - Богом, конечно! - но реально произнесенные каким-то человеком, которого я никогда и не увидела, были теми самыми словами, которые несколько лет спустя отец, Никон любил мне повторять, и даже в одном из его писем, которые Ты говорил мне, что читал, он опять повторял: «Я никак не могу довести до Вас мысль апостола Павла, что для любящего Бога всё происходящее с ним ведёт к его благу». И дальше в этом письме батюшка раскрывает мне, что значит это «всё». Не только обстоятельства жизни, люди, но даже и беды его, и грехи, и самые падения, если только он любит Господа, - всё будет содействовать его благу.

...А дальше Мать Божия действовала так, как действует мать, снимая всякую боль, утешая и успокаивая даже в мелочах. Вечером пришел этот сержант и принес огромную телогрейку, сказав, что ее мне послали из мужской камеры. Кстати, больше ни одного слова, ни одного стука в стенку я не слышала. А потом он привел меня в свою сторожку, дал согреться у печки, напоил горячим чаем, накормил (я ещё не была

принята на «довольствие») и дал мне свою (!) телогрейку (первая послужила мне постелью, а эта - одеялом), причём без малейшего грязного взгляда или какого-либо намёка на то, что для меня было страшнее всего... Обрати внимание, ведь внешне ничего не изменилось, но вместо отчаяния, страха и горя душа наполнилась тихостью, миром, благодарностью и абсолютной доверчивостью к Богу. Тюрьма превратилась в храм Божий, а тот день - в один из самых светлых дней моей жизни...

А утром приехала бедная мама - на ишаке! Ее сопровождал чуть ли не тот самый Наум Борисович Вайсман, что одно время поселился было в нашей первой землянке. А может быть, я ошибаюсь... В тюрьму она пришла в сопровождении нашего доброго знакомого, ссыльного доктора Ачико Патаридзе. (Он же и спас меня. Сначала вызволил из тюрьмы, добившись перевода в местную больницу в связи с якобы острым печеночным приступом, а потом «устроил» мне операцию - вырезали мне мой совершенно здоровый аппендикс - и тем уберег от этапа). Свидания официально не разрешили, но практически они были допущены до самой двери камеры и наперебой стали кричать мне - он по-грузински, мама по-французски, - чтобы я инсценировала приступ печени. Сержант стал их быстро выгонять, а они почему-то раз пять кричали мне каждый одно и то же, хотя я сразу ответила на обоих языках, что поняла и сделаю так. Бедная мама!..

Остальное Ты знаешь. Помню, как трудно мне далась почему-то эта инсценировка, но я продолжала утверждать, что у меня сильно болит живот, и просила врача...

...Вот целую ночь писала Тебе, и, конечно же, ничего путного не получилось. Странно, за всю жизнь я так и не смогла никому из родственников рассказать ни об этом, ни о своем побеге!..

Перечитала письмо, и грустно стало. Не за то, что это никому не интересно, а более за свою бездарность, за неумение передать пережитое!

В МЕСЯЦЕ ИЮЛЕ

Рассказ

Николаю ОСИПОВУ

**АЛЕКСАНДР
ЦЫГАНОВ**

Русанова с женой пригласил приятель в жаркий выходной прокатиться за город. Они переживали в это время нелучшие свои дни, да еще вдобавок были людьми, не охочими лишней раз выбираться из дома, но все же согласились. На красном «жигуленке»-колымаге приятель бодро выбрался на окружную дорогу и поддал газу. Машина, лишённая глушителя, грозно заклекотала и помчалась по шоссе. Приоткрыли стекла, и стало легче: ветерок тут же обласкал лица, защекотал в легкой одежде. Через охотку поговорили о том о сем. Приятель был медиком, хорошо понимал состояние друзей, у которых сын давно терял голову от улицы, поэтому осторожно и неназойливо отвлёк историю из медицинской жизни. А еще, прислушиваясь к автомобильному завыванию, неуклюже вполголоса пошутил, что он на своем верном коньке-горбунке даже без глушителя перебрался из прошлого века в новый, нынешний. Но и сам иногда подзабывался, начиная всерьез заговаривать об известных сейчас всему свету безобразиях. Прикрыв глаза, Русановы, может, и слушали, но, скорее всего, просто отдыхали, обдуваемые июльским шелковым ветерком.

По пути неожиданно завернули в ближайшую от асфальта деревню, где у приятеля оказался домик, куда он наскоро заскочил и разом обернулся с ворохом всякой обуви и одежды. Когда вырулили на проезжую дорогу,

узналось, что задумана программа: увлечь Русановых в лес за грибами-ягодами. В этом году погода мало что сама запуталась, заодно запутала и весь белый свет: говорят, грибы никому не давали покоя с самого июня.

У приятеля на какой-то версте было заветное местечко, где он, рассказывал, набирал целые корзинки, попадались даже грибные короли - белые.

На обочине остановились и переоделись, заодно хорошенько намазавшись средством от известных лесных паразитов: те нынче всерьез ополчились на род человеческий, отправляя в медицинские учреждения целые бригады грибных пилигримов.

Однако в лес все трое забрались с некоторой радостью, точно в душу на незримую секунду божественно дохнуло волшебным зноем детства. Приятель, свободно ориентируясь в любой глухомани, ринулся в чащобу, поднимая треск: крутом зашумело и защелкало, закачались тугие зеленые ветки.

Русановы же решили побродить по окраинам, спокойно и отрешенно переговариваясь и больше помышляя не о грибах, а о своем, наболевшем. Но грибы, серые и красноголовики, были не помехой, то и дело будто понарошку оказываясь под ногами. Побродили сколько-то и, уже слегка успокоенные, усталые, в оговоренное с приятелем время вернулись с пакетами к машине. Тот уже был на месте, успев перетрясти одежду, довольный, кивал на корзинку, в которой до половины уютно устроилось грибное семейство.

По шоссе беспрестанно проносились машины, иные с завыванием, как самолеты, идущие на взлет. На обратном пути ехалось веселее: художбно попришли в себя, а заодно и нужное, о чем забываться не должно,

на душе улеглось: слава Богу, жизнь-то продолжается.

Казалось, даже сама машина отдохнула: охотно шуршала по асфальту, хотя ее постоянно обгоняли более нетерпеливые и современные соперницы. Впереди на обочине стоял автомобиль иностранного производства, темно-зеленый, красивый, весь какой-то удобно-ладный, недоступный.

- «Фольксваген», - кивнул приятель и споткнулся: все разом обратили внимание на нечто неладное, происходящее с этой машиной. Бросилось в глаза, что на ней вроде бы оказались сбитыми номера, как в придачу дверца открылась, и оттуда двое молодых и совсем не атлетического сложения парней вытащили волоком третьего, раздетого по пояс, голова его безжизненно свисала. Эту ношу они проворно и споро стащили вниз за обочину, к ближнему кустарнику. И это было все, что успели на ходу заметить на «жигуленке», объезжая на скорости мимо иностранного зеленого чуда.

- Вроде худо дело, - протянул Русанов, вглядываясь через заднее стекло на скоро скрывшуюся за асфальтовым изгибом чужую машину.

И они, в молчании пролетев еще какое-то расстояние, без слов развернулись на обратную дорогу. Теперь надо было осторожно и безошибочно определить место, где стояла безномерная «иностранка», от которой за эти несколько минут не осталось и следа. Да и шоссе будто почьему-то мановению неожиданно оказалось пустым. Сидящим в машине стало даже немного не по себе, как если бы сама живая жизнь, странно заглухнув, на какое-то время затаилась. Такое замечается всегда перед большой грозой, когда кругом действительно все замирает, становясь знобким, тревожным, неясным. Разница была лишь в том, что с небесной верхотуры на этот полуденный, еле не дымящийся асфальт беспрестанно заливало жаром все окрест видимое и невидимое. Ехалось теперь разведывательно, медленнее, пока вновь не ста-

ли на полосу движения обратно к городу. Отчего-то сделалось совсем тоскливее: думалось, что за кустарником, что нескончаемо тянулся вдоль дороги, сидели и бдительно следили, чтобы в удобный момент выскочить и сделать свое дело со столь неуместно любопытными свидетелями в еле ползущей красной колыхаге. Да и как было ни насторожиться окончательно: уж больно быстро сдуло в неизвестном направлении иностранное чудо-юдо. Может, и впрямь она затаилась, дожидаясь своего часа? Ведь не могли их не заметить эти не атлетические парни: не дети же они на самом деле. А могло оказаться и проще, совсем другое: оттащили на пару минут своего не в меру хлебнувшего дружка-приятеля, чтоб полегчало тому на свежем воздухе, а после скоренько и укатили по своим делам. Но ведь голова-то, голова висела у парня раздетого, да и тащили как-то подозрительно согласованно, будто избавляясь от ненужного свидетеля.

Между тем хозяин красной машины, на самом деле отличающийся превосходным глазомером, тихонько приткнулся возле обочины и, не открывая дверцы, стал вглядываться в сторону жаркой чащобы. Но против женщин - сила такая, еще никто не устоял: и русановская жена, зайдясь в кашле от внезапного волнения, быстро заговорила:

- Да вот он, вот он! - и схватилась за щеки, качая головой. - Господи, как страшно, как страшно! Ведь посреди белого дня.

Русанов последним заметил за обочиной в осоке возле кустов лежащего навзничь человека.

Они с приятелем выбрались наружу и направились к телу. Подозрительным продолжало оставаться то, что шоссейное движение до сих пор было как будто заглухшее. Русанов обернулся к машине: жена его смотрела через стекло во все глаза и делала указательным пальцем предупреждающие знаки.

Приятель, немного не доходя до незнакомца, приостановился, профессионально изучая обстановку.

В это время лежащий в осоке парень чуток очнулся и попытался приподняться: заоткрывал, выпучивая, непослушные глаза.

Было ему уже за двадцать с приличным гаком, черноволос, с короткой стрижкой, на скуластом смуглом лице затаились змеиной ниткой усики, а на крепком загорелом теле какая-то синяя наколка уползала за плечо, имелась такая и на правой руке в виде широкого перстня.

Он так и не смог подняться, повыватывая наподобие пьяного глаза, а затем опять сунулся в осоку лицом вверх. Приятель было двинулся к нему, но тут жена Русанова, застучав в стекло, так закричала, что пришлось остановиться. Деликатный приятель, помявшись, почему-то шепотом объяснил Русанову:

- Видишь, вид не бледный, дышит ровно, это хорошо. С ним все в порядке.

Но он привык убеждаться в диагнозе собственноручно, поэтому в голосе все же была неуверенность. И хотел еще раз двинуться к осоке, но Русановская жена опять тревожно отстучала в стекло. Мужикам с этим и пришлось вернуться восвояси.

А шоссейное движение уже по-прежнему шумело своей обычной жизнью, которая, быть может, и вовсе не прекращалась: мало ли что померещится на таком солнцепеке. Хотя ехавшим домой было не до лишних рассуждений: все трое, испытывая неловкость, просто молчали. Хватило бы ума забрать его с собой, неизвестно, чтобы потом пришлось делать, тоже оставалось непонятным. Скажем, попадись в хозяйские руки вот таких блюстителей порядка, что бровью не ведут возле железной милицейской будки, потом уж точно до потери пульса затаскают по допросам да судам, а если, не приведи Господи, с парнем и вовсе окажется худо, спасу вообще не оберешься. Как тут ни крути, а другого выхода не было. По правде говоря, другие в такие ловушки и не лезут добровольно, если духа не хватает. Вот и оставалось, пока добирались до города, говорить обо

всем на свете понемногу. Но все равно любой разговор волей-неволей сводился к обсуждению оставленного в осоке парня.

- Как страшно, - твердила русановская жена: она, кажется, всю дорогу не отнимала рук от своих разгоряченных щек. - Ведь среди белого дня.

Русанов хорошо понимал ее состояние: она, вероятно, наяву представляла на месте этого парня своего сына. Тот уже давно любил улицу, как родную мать в детстве, болтался сутками напролет неизвестно с кем и где, с родителями был не по возрасту языкаст и задирист. А зачастую, пугая, и без того скукожившиеся родственные души, становился и вовсе нелюдимым, мрачным. Это вместо того доброго весельчака и хохотуна, каким его привыкли знать. Глаза бы этого не видели, и уши бы такого не слышали, разве не правда?

А что касается того татуированного молодца за обочиной дороги, Русанов про себя окончательно уяснил: с такими ничего не случится, видно, даже своим хуже горькой редьки надоед, для отсыпа и выгрузили, потом на попутках, как огурчик свеженький, вернется. В молодые армейские годы Русанов всю службу охранял вот таких добрых молодцов с большой дороги и привык их распознавать сходу: по мгновенно окатывающейся внутрь живота жгучей до изморози струйке холода. Он еще тогда, как спустились с обочины к леску, сразу и понял: этот из тех, с которыми на короткой ноге лучше не знаться.

Приятель подвез прямо к подъезду дома, из-за которого выглядывала, не таясь, величавая роща: дом расположился на окраине города, в радующем глаз месте, украшением которого и являлась бывшая усадьба последнего губернатора этого старинного города. Попрощались, поглядывая на проходящих из рощи беззаботных людей и, как это бывает только у нас, не сговариваясь, как приговоренные, опять вразной заталдычили о парне. Ни к селу ни к городу внезапно сошлись во мнении, что не мешало бы все-таки позвонить в милицию. И все расска-

зять, чтоб после на душе не скребли кошки. Кому звонить, вопрос не ставился: приятель был безтелефонный, а у Русановых связь с внешним миром прочно удерживалась уже несколько лет. Но хозяйка и слушать не хотела ни о каком звонке из ее собственной квартиры, да еще как на грех приятель случайно подлил масла в огонь, доверительно поведав, что одна его знакомая почтальонка недавно выступала свидетелем по какому-то делу, а после суда внезапно исчезла, и теперь о ней не было ни слуху ни духу.

Мимо говоривших уверенно протопала компания из нескольких великовозрастных представителей сегодняшнего «поколения как бы» и наладилась прорваться в их подъезд, но ничего не получилось: подъезд благодаря стараниями того же Русанова и его соседа по площадке был одомофоненный. Русанов, обычно вспыхивающий спичкой, хотел было вмешаться не в свое дело, но получил от хозяйки своевременный тычок в бок, да и сами парни, покачиваясь, передумали и, едва не задев стоящих возле красной машины людей, направились с батареей пива в другое место. А еще один захохотав: «Да я таких, как два пальца об асфальт», - и смерил их с ног до головы с лениво-сытым вызовом.

- Слава Богу, - перекрестилась жена Русанова, когда за ней с мужем с оглушительным грохотом захлопнулась тяжелая железная дверь их подъездного убежища: она всегда так говорила, как только входила с улицы, чувствуя здесь полную безопасность.

На лифте мирно поднялись к себе и лишь открыли квартиру, хозяйка вместе с пакетами так и опустилась в прихожей на стул, накрытый домо-тканым ковриком. В комнате с закрытыми глазами и в наушниках, перевитых проводами, сидел на диване их семнадцатилетний родной дитя и, казалось, не дышал. На щеке его кровянилась свежая яркая царапина, даже край нижней губы, слегка вздутый, был в крови.

Конечно, теперь в голове Русанова и местечка бы не нашлось для мысли о любимом занятии - посидеть в одиночестве на балконишке да со спокойной душой поглазеть на свою диковинную рощу. Он поначалу не сразу даже сообразил, что делать: повыскакивав возле застывшей в неподвижности жены, подлетел к сыну и разглядел, что тот всего лишь заснул, слушая свою музыку. Тогда Русанов быстренько набрал в стакан воды и без лишних раздумий плеснул на жену. И, как оказалось, помог: та вмиг подскочила, придя в себя, и, забыв для порядка ругнуть мужа, бросилась к сыну:

- Ой ты Господи, да что же это такое, что же такое!

Дитя, родное сердце, разомкнул сонные вежды и, разглядев родителей, сморщился:

- Ну, люди на блюде. Не дали человеку отдохнуть.

А люди-человеки, схожие друг с другом во все веки в заботах о детях, едва ли не вперевод запричитали:

- Подрался с кем? Что случилось-то?

Сын проснулся окончательно и, догадавшись наконец о причине родительской заморочки, еще подскривился, стаскивая наушники, сказал басом:

- Да ну вас, мама, что за глюки. Хоть бы порадовались: человек первый раз как бы побрился. Такое не грех и отметить, короче.

Все в однокомнатной уютной квартире Русановых смешалось от радости в мгновение ока, когда сын уже вполне по-человечески, мирно добавил:

- Правда есть чего-то хочется. Мам, покорми, ладно?

И Русанов, как говорится, не отходя от кассы, тут же деловито был откомандирован на местный рынок за свежими овощами и фруктами, молоком и хлебом.

На чахлом кривом деревце у одного из подъездов дома сидела, растопырив крылья и раскрыв клюв, олопелая от зноя ворона, видимо, не в силах не то что взлететь, но даже ше-

вельнуться. Похоже, мир для нее, основательно замерев, утратил всякий познавательский интерес.

Единственным спасением в этом краю от массового жаробеспаматства оставалась кирпичная трансформаторная будка, расположенная напротив их подъезда в самой низине и закрываемая соседней крупнопанельной высоткой. В тенечке ее на размелованных бледных квадратах асфальта прыгали, будто заведенные, две безрадостные девчушки, да торчал рядом на своем привычном месте, покуривая, Витя - машина времени. Еще ранней весной героический Витя, вернувшись из очередной командировки, стоял в новеньком гражданском костюме и с медалью именно здесь, на этом самом асфальте, в выемке которого, тогда заливаемого грязной водой, была невысыхающая лужа. Стоял он, простая душа, и, постукивая носочком тоже нового ботинка, чесал языком с пооткрывавшими рты приятелями. Как вдруг резко, как выстрел, и раздался хлопок от промчавшейся стороной машины. Витя, изменившись на глазах, стремительно и рухнул прямо в лужу, прикрыв голову руками. А в себя пришел лишь после дружного гогота - вместе с его дружками покатывались и случайные прохожие, оббредавшие эту выбоину. Так мало, что он оглох внезапно, заодно и довесок получил намертво - машина времени. Перед выстрелом он как раз рассказывал дворовым приятелям, как их ребята в командировке спасаются только тем, что после очередного дежурства говорят обычно: «Включаю машину времени». И до нового заступления на боевое дежурство просто-напросто мирно записывают. Так и летают в этой «машине времени» по несколько месяцев, пока срок командировки не истекает. Конечно, после выстрельного дня ореол таинственности и неподдельного уважения к Вите испарился, даже всеобщему брожению умов не помогли достоверные слухи, что ему должны со дня на день вручить заслуженный в последней командировке орден Мужества. Но Вите все это было уже без-

различно, потому что он стал, как говаривают в народе, немного малохольным и постоянно чему-то тихо улыбался, словно бережно вслушивался в непонятные изменения, происходящие внутри его самого. Однако от угощения, порой предлагаемого приятелями, не отказывался, но было замечено: не с каждым встречным-поперечным прикладывался, а выборочно, по каким-то своим меркам.

Увидев Русанова, щурящегося во дворе на желтое неподвижное марево, худой светловолосый Витя приподнял приветливо руку и закивал головой улыбаясь. Только сейчас Русанов и понял по-настоящему, как он за этот денек поизмотался. И предложил Вите - машине времени его поддержать, для пущей убедительности пощелкав себя по горлу. Витя искал задумчивым взглядом что-то перед собой, следом чутко пожал плечами. И они не спеша, лениво побрели в сторону микрорайоновского рынка.

Солнце опять встретило их на просторе во всеоружии, обливая своим знойным варевом холодно-синеватые многоэтажки и стекая светоносным потоком с высоты ненадежных панелек, плавило сухую растрескавшуюся землю. Да вдобавок из многих распахнутых окон, ровно из преисподней, доносился непрерывный магнитофонный грохот и невообразимое завывание, явно направленные на стимулирование всеобщего настроения.

Русанов по ходу удивился, что он, того не замечая, наладился сам с собою вслух разговаривать. Но к его чести будет замечено, сразу и успокоился справедливо тем, что повествование о брошенном ими парне предзнаначалось для Вити - машины времени, известного туговатостью на ухо. Вот и приходилось говорить громче обычного, а это, верно, незаметно и перетекло в невольную беседу с собой, все еще подрасстроенным. Но удивительней всего оказалось, что Витя даже очень внимательно выслушивал собеседника. И помимо воли мелькнуло, что Витя этот, как бы выразиться поаккуратнее, не так уж и глух, как твердили доброхоты. И, по-

хоже, не только знает, с кем следует прикладываться, но также - кого и выслушивать, если понадобится.

- Так и не позвонили? - спокойно уточнил он, вытирая широкой ладонью пот с высокого загорелого лба и растирая шею под воротом белой рубашки. - Извини, друг, любое дело надо доводить до конца. Чего уж там.

И не столько слова, сколько взгляд его запомнился, а и говорил, глядя в сторону.

Они были уже на лысой сухой грушке перед цветной панорамой микрорайоновского рынка - наискосок через дорогу, - тентово-многоголосого, затопленного расплывшимся, как топленое молоко, солнцем. Русанов уже наметил и торчащий поверх рынка желтый козырек пивного павильона, как взгляд его задержался на стояке уличного телефона-автомата.

Не поворачивая головы - спиной он, что ли, видел - Витя - машина времени негромко, буднично предупредил:

- Любой номер телефона высвечивается, и разговор идет на запись. А, если базар о мокрухе, наши в два счета прилетят. Без свидетелей никуда. Значит, надо только о главном сказать.

Получалось, что дело и взаправду грозило быть серьезным. Но Русанов уже сжал зубы: почудилось человеку, что его за рукав еле заметно потянули. Так в детстве сын всегда делал, когда хотел о чем-то своем, важном сказать. Он набрал нужный номер и решительно, толково, как ему думалось, объяснил слушавшему на другом конце провода офицеру все, что лежало на душе. Телефонный собеседник, однако, не выказал ожидаемого волнения. А, в свою очередь, доверительно, даже задушевно стал едва ли не по деталям уточнять все, что ему лично было непонятным. Конечно, в другой более располагающей для беседы обстановке трудно было бы не удивиться такой элементарной несоборазительности офицера. Русанова это даже за живое задело. И он, подзабывшись, стал уже настраиваться

на более понятливое объяснение, как взгляд его столкнулся с немигающими глазами Вити - машины времени. «Извините, но я сказал все», - вздрогнув, сообщил он напоследок и быстро вернул трубку на законное место. А Витя следом так же деловито протер ее листом придорожного лопуха, а оставшиеся ошметья воспитанно выбросил в мусорку.

Затем они не сговариваясь, но согласованно покинули опасное место и оказались на рынке. Покупки, дело нехитрое, были сделаны точненько по списку, и через некоторое время приятели расположились под желтым тентом, потягивая холодное «Янтарное»: мимо рукой подать пролегла дорога, каменисто-пыльная, с засохшей серой грязью, на обочине которой бельмом на глазу и торчал тот самый пресловутый телефон-автомат, - прямо не место для отдыха, а невольный наблюдательный пункт.

Но Русанову уже верилось, что наконец-то вся тяжесть с души спала, и было как никогда легко и беззаботно вот так потягивать из высоких хлипких стаканов, не обращая внимания на привычный окружающий бедлам, которому, кажется, не предвиделось ни конца, ни начала.

- Тогда зачем я поймал белку? - неожиданно возьми и пристукни Витя - машина времени по пластмассовой и без того качкой столешнице.

И его глаза, обычно горящие какой-то бездонной, будто из другого, древнего, века синевой, становились темнее и темнее, блуждая поверх затопляемого светом, копошащегося с муравьиным упорством людского рынка.

- Какую белку? - откинувшись на стуле, спохватился Русанов: он испугался, что Витя мало-помалу стал заговариваться, тем более такое за ним, сказывали глазастые, с некоторых пор замечалось.

- Белую горячку, - так же быстро взяв себя в руки, неохотно пояснил Витя. - Самую обыкновенную белую горячку, земля. - Он махом допил свое «Янтарное», склонил голову набок, понимающе усмехнулся: - Не бо-

ись, не от этого наши домики покосились. У меня со здоровьем полный ажур. Просто теперь так спокойнее: сам по себе человек кукует. И никому не мешает. Не жизнь, а лафа.

И в подтверждении сказанного Витя - машина времени, повыстукивав пальцами по столу, откашлялся и для разгона с приятной хрипотцой вывел скороговоркой:

- Снова замерло все до рассвета...

Но на этом его разгон и прервался: Русанов, лицо которого вытянулось в неподдельной тревоге, увидел, как в горку мимо их тента прямохонько к телефону-автомату подлетели две милицейские машины с фиолетовыми мигалками на кабинах. Из них дружно высыпалась группа быстрых крепких парней, одетых в пятнистую форму, и стала растекаться по гудящему рынку - налаженно и стремительно.

- А это уже серьезно, - легко оказался на своих двоих Витя - машина времени. - То ли, братан, и не обошлось там без мокрухи, а может, это просто плановый шмон. Но сейчас верняком не только рынок, а все кругом в два счета зачистят. Ребятки эти из «Барса», - повел он указательным пальцем, - если понадобится, они и черепаху раком поставят. Поэтому давай-ка и мы в темпе по домам на всякий пожарный. - Витя указал в сторону микрорайона. - И лучше по одиночке - вернее будет.

И он, ободряюще кивнув головой,

как-то несуетливо, но в то же время незаметно смешался с толпой, стремящейся по направлению к автобусно-троллейбусной остановке.

Оставшись в одиночестве, Русанов ошеломленно посидел с открытым ртом, какое-то время приходя в себя и совершенно не вслушиваясь в поднявшийся гвалт со стороны рынка. И как, похоже, с большинством из нас нынче, с ним тоже стали все-таки происходить маленькие провалы в памяти, потому что в следующий миг он очнулся уже дробно бегущим с пакетом под мышкой в районе своих домов. Добивало еще будто в насмешку талдычащее прямо в темечко: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу...» - бывшее словами некогда известной песенки, это теперь безнаказанно забралось в распухшую голову и упрямо не желало покидать облюбованное место своего временного пребывания.

Но Русанов, вконец измученный едким и злым скользким потом, быстрее и быстрее перебирал ногами, изо всех сил стремясь к дому возле старинной рощи, где весной не дают по ночам спать соловьи, а после дождя бывает сразу по две радуги, где до поздней осени под окнами неутомимо стрекочут зеленые кузнечики и где его давным-давно заждались, к своим, к своим...

Хоть там сегодня все было слава Богу.

ГЛАВНЫЙ ТАЛАНТ - ЛЮБОВЬ

Беседа с лауреатом литературной премии МДВ СССР, Государственной премии Вологодской области, автором многих книг Александром ЦЫГАНОВЫМ

- Александр Александрович, расскажите, пожалуйста, о себе, о родителях...

- Родился я в Кирилловском районе, чем я сегодня очень горжусь. Фе-

рапонтские края... Гордость эта, может быть, и от того, что Рубцов так хорошо о них сказал. Сказывается и то, что бывать в тех местах теперь приходится редко, и появляется чув-

ство какой-то недосягаемости родины.

Родился я в 1955 году, семья простая. Мама у меня работала много лет на сплаваучастке десятником, потом в совхозе, мы ей помогали, ходили даже коров доить... Однажды я под корову неправильно подсел, она меня лягнула, я упал в лоток... Нас было три брата. Даже четыре. Коля маленький умер. Помню, как он лежал на двух стуликах, и я говорил: «Коля, не умирай!». Кажется, умер он от простуды.

Отец с матерью нас с детства приучили к труду - лет в семь-восемь мы носили воду, поливали огород, а стали повзрослей, отец дал нам в руки косу. Через это и открывался мир. Порой устанешь, в траву опрокинешься, посмотришь в небо и в детскую головёнку внезапно, какими-то неведомыми потоками приходит ощущение вечности, сердце охолонёт чувством бесконечности и какой-то необъяснимой тревоги, нанесёт ветерком и уйдёт. И на душе какая-то тревога лёгкая и радость одновременно...

Запомнился дедушка Кирия, человек очень интересный, он воевал, был на финской войне, на Великой Отечественной. Он обладал большим ростом, громким голосом, но был удивительно добродушный человек. Хотя уже задним числом я узнаю, что он в своё время был председателем колхоза, срок сидел - ругнулся на портрет Сталина, а кто-то видел... Но он никогда об этом не говорил. Он был, видимо, человеком увлекающимся, азартным. Раз пришёл домой, лёг спать, вдруг приходят мужики за коровой. Бабушка говорит: «Какая корова?» А он с печки: «Бабка, отдай корову, я корову в карты проиграл». Ужас, конечно, для бабушки... Однажды, будучи председателем колхоза, поехал сам за мукой на центральную усадьбу, нагрузил полную телегу, а осень, слякоть, и телега застряла. Дедушка лошадь пожалел, не стал её пазгать кнутом, распряг, отвёл в сторону, сам впрягся и вытянул телегу на сухое место...

Мне кажется, что многое мне пе-

решло от деда и, конечно, от бабушки Кати, матери моего отца. Я звал её всю жизнь Катя. Она для меня была, как талисман в жизни... А уже будучи взрослым человеком, узнал, что другой дед, Яков, был священником... Все это дает моей душе легкость, свободу, радость.

Оттуда все мои силы. Мне кажется, я родился с ощущением этого невероятного простора, свободы.

Сейчас мне пятьдесят один год, но всё, что было в детстве, тот духовный старт, не даёт никакого права, чтобы сорваться в уныние. Оттуда идёт наша способность быть милосердными, добрыми, хотя мы этих понятий не знали, просто это было естественным состоянием сельского человека. Но это не отнимало деревенских гулянок с их мордобоем и с последующими примирениями. Дерутся, а на другой день, смотришь, - всё нормально, никто и не вспомнит вчерашнее. Просто силушку выплёскивали, не было мстительности, злобы...

Чтение книг тогда казалось Божьей милостью. Я их как будто и не читал, они, эти строки, в меня сами входили. Я думал, что всё это существует в природе, а оказывается, это Пушкин, оказывается, это Лермонтов, Некрасов...

- Наверное, в школьной библиотеке брали книги?

- Раньше было так: в деревню из села, из библиотеки, приносили книги и кому-то оставляли, и люди приходили, брали читать, и так книги по всей деревне передавались. Отношение к книгам было чуть ли не святое: что это не своё, написано книжно, нужно относиться к этому, как к самому дорогому... Хотя иногда смотришь, кто-то карандашом написал: «Очень хорошая книга»...

И то, что где-то в восьмом классе я впервые взялся за сочинительство, наверное, было естественно. Помню, нам в школе задали написать сочинение. Я пришёл домой из ФерAPONтова, из школы, осень, темень, зажёл керосиновую лампу на кухне... Рука сама выводила строчки, а передо мной стоял ряд образов, они передви-

гались, перемещались... И я очнулся, через несколько часов перечитал то, что написал. Отдал в школу и стал с замиранием ждать результата, думал, вот все заговорят. А потом всё забылось. И вдруг на уроке литературы учительница объявляет, что будет читать моё сочинение. Реакция одноклассников была неожиданной - меня стали обвинять, что я списал. Вот тут-то меня, наверное, впервые в жизни посетила горькая обида, я запомнил это чувство...

Сочинение отправили в Вологду на какой-то конкурс, но следы его затерялись, и, наверное, слава Богу... Ещё я очень любил рисовать, рисовал везде, где бы ни находился. Первое, что я сделал, когда пришел в интернат в Ферапонтово, срисовал лики святых с входных ворот. Я рисовал одноклассников, в школе меня даже заставляли рисовать картины для уроков истории. Я рисовал цветными карандашами и немножко акварелью. Помню, плыл на теплоходе «Клубов» в Кириллов - сижу и рисую... И вот «Вологодский комсомолец» объявил конкурс на лучший рисунок к любимому произведению. Я нарисовал по «Золотому телёнку» Ильфа и Петрова. К великому удивлению, мать принесла газету, она в то время работала почтальоном, а там два моих рисунка и несколько слов обо мне. И мне пошли потоком письма от читательниц. Продолжалось это даже в армии. Но закончилось всё несколько смехотворно. Я, помню, стоял дневальным, написал письма всем девушкам, разложил в конверты наскоро - спать хотелось, отправил, а потом выяснилось, что я перепутал ряд писем, положил не в те конверты. Реакция была закономерной, но с двумя девушками я и потом переписывался... В армии я писал заметки, они публиковались. Замполит даже узнал условия поступления на факультет журналистики, передал мне данные, я собрался поступать в университет. Но потом была травма, и меня комиссовали. А позднее в Вологде поступил в педагогический институт. И здесь стал писать.

Я помню, как первые те рассказы

положил на столик в комнате, а их тайком прочитали Вячеслав Белков и Александр Драчёв, сейчас они оба - члены Союза писателей. Вердикт Белкова был минус пять. Я знал, что существует «двойка с возжами», получал в своё время по математике, но такой оценки «минус пять» не знал.

Потом по ряду личных причин я ушёл из института. К тому времени у меня был набросок рассказа, назывался «Бабушка рассказывает», я увёз его с собой в колонию, где стал работать. И уже там по этому наброску написал свой первый серьёзный рассказ, но название никак не приходило. И вот осенью мы бродили по огромным штабелям брёвен, искали схроны, которые делали в них осуждённые, прятали спиртное, я запнулся на каком-то бревне, и пришло название - «За милую душу»... Судьба у этого рассказа интересная. Его опубликовали в газете «Литературная Россия» в 1983 году. Я помню то удивительное ощущение, когда получил газету... И мне пошли письма со всей страны, из Намангана было письмо, из Москвы. Мне предложили тогда переехать в Москву, работать в журнале «Пограничник». Но я отказался. Потом написал книжку рассказов, называлась «Пока я с вами». Осуждённые её оформили. Очень красивая была обложка. Из того, что у меня издавалось, то оформление - неповторимое...

- В этом оформлении и была издана книга?

- Нет. То оформление пропало. Оформил не русский человек, но он почувствовал состояние моего духа и передал великолепно...

- Мне кажется, есть несколько моментов, которые повлияли коренным образом на вашу судьбу. Армейская травма, затем уход из института на работу в колонию...

- Я часто задумываюсь над этим. Мне кажется, что я просто покорялся воле свыше. Будто чувствовал, что так надо делать. Я думаю, что это вел меня дух деда Якова - священника. Но самое главное, что повлияло на мою

литературную судьбу, - первая и, как часто бывает, несложившаяся любовь. Я сейчас человек счастливый, нашёл свою судьбу, но, и я об этом писал, первая любовь даёт силы не просто жить на свете, но и помогать кому-то. И это, я думаю, основное, что подтолкнуло меня к творчеству.

И вот это подчинение воле свыше помогло и помогает в сегодняшней действительности просто выжить. Потому что приспособиться к нынешней жизни по-человечески невозможно. Вопросы духовного, нравственного плана перевёрнуты, всё поставлено с ног на голову, идёт откровенное уничтожение всех нас - духовное, нравственное, физическое. С этим смириться нельзя нормальному человеку (человек я крещёный, православный). Идёт откровенный обман русского народа. Придумали же это страшное, бесовское слово «перестройка». Как можно перестроить человека, Божье создание? А нас взяли и перестроили. А мы взяли и смирились с этим практически. Но душа-то не смиряется. Вот я и думаю, что для того, чтобы мне спастись, даже и физически, нужны все эти испытания. Большинство работников колонии, с которыми я служил в одно время, умерли. А меня Господь сподобил, чтобы я жил и работал.

- Александр Александрович, у вас много рассказов «мистических». На мой взгляд, те ваши рассказы - это была тяга к церкви, к Богу, ещё в то время не осознанная, потому и увело туда, в мистику, в опасную сторону...

- Да. Моя натура склонна к крайностям. У меня была масса мистических рассказов, их публиковали. Придуманные мною герои даже материализовывались и являлись ко мне... Опасность я, конечно, чувствовал, но тяга к вере одновременно тоже существовала. Ну и (может, это уже теперь я говорю как оправдание) я использовал (хотел использовать) мистику как художественный приём в рамках так называемого метода «фантастического реализма», открытого ещё Гоголем. Но где-то художественные

границы я, к сожалению, переходил. Сейчас остановился, ищу золотую середину. Для этого нужны духовные силы, крепость и понимание того, что ты делаешь.

- А где берёте духовные силы?

- В молитве... Творчество - путь к вере. Это не мною сказано, но я в этом убеждён.

- Скажите, пожалуйста, кто из писателей прошлого и ныне живущих наиболее интересен, близок вам?

- У меня никогда не было тяги к зарубежной литературе, не знаю почему, может быть, я так односторонне одарён... В то же время у меня очень избирательный подход и к нашей классике. Например, мне тяжело читать Достоевского. Я по-настоящему прочитал у него только «Записки из мёртвого дома», они привлекли меня своей абсолютной искренностью. Я вообще во всём ценю искренность. Если где-то идёт искусственность, то мгновенно душа противится и не принимает.

Я мало читал Льва Толстого. Ряд его рассказов мне близки. Я больше тяготею к малым формам. Но я не беру в расчёт, конечно, нашу классику. Пушкин, Лермонтов - всё это дорого, близко...

В десятом классе мы разыгрывали сценки писателя, которого я тогда не знал, - невероятно живые, искромётные. Потом узнал, что это написал Василий Иванович Белов. То есть я знал и любил Белова, ещё не зная автора. Мне более близок ранний Белов, его ранние рассказы, повести, они созвучны моему сердцу. В трудные минуты, когда у меня болело сердце, я хватал книги Белова, открывал - невероятно, но происходило излечение, боли проходили. Рано познакомился я с творчеством Бунина, но ранние произведения, связанные с его исканиями, с толстовством, мне не близки, они идеологизированы, а вот «Тёмные аллеи» - это любимые мои рассказы, я их перечитывал десятки раз, они проникли в мою душу. Нравились мне рассказы Тургенева своей внутренней необъятностью, ши-

рю, светом, но они как-то потом отошли, потому что, видимо, ограничивались веком. Очень люблю я Юрия Павловича Казакова, Василия Шукшина, конечно.

Сегодня я не вижу авторов, которые могли бы формировать общественное сознание, могли бы давать душе упокоение. Многие авторы, писавшие в своё время хорошо, интересно, занялись, к сожалению, или коммерческой литературой, или ушли в идеологию - чувствуется заданность, условность... Вот сейчас мы проводим Всероссийский конкурс имени Шукшина и стараемся привлечь как можно больше творческих людей и не только профессиональных писателей. Получили более пятисот рассказов. Мы хотим увидеть состояние души нынешнего русского человека.

А говоря о нынешних вологодских писателях... Я горжусь тем, что состою в Вологодской писательской организации, сейчас она находится в очень тяжёлом состоянии, финансовом прежде всего, в прежние времена, конечно, жилось легче. Но эти сложности и укрепляют нашу писательскую организацию. Сегодня всё держится на самовывживании и на ответственности каждого члена нашей писательской организации. И на степени одарённости и таланта. Талантливый человек, он во всём талантлив. Он талантлив и во внутренней крепости, духовности. Нередко говорят: если человек талантлив, ему прощается многое. Я считаю, что это неправильно. Если человек талантлив,

то он должен быть талантлив в самом главном - в любви. В любви к ближнему. Это высшая степень таланта. Из вологодских писателей, особенно созвучных душе моей, я бы назвал тарножанина Станислава Мишнева. Назову Дмитрия Ермакова (я бы ни в коем случае не упомянул свою фамилию, но Александр Цыганов настаивал на этом. - Д.Е.). Назову Роберта Балакшина - очень необычный, разносторонний писатель. Конечно, Иван Дмитриевич Полуянов - давно уже известный писатель, но его последний роман «Самозванцы» очень ярко показывает, как нужно подходить к историческому материалу. Из поэтов я бы назвал Татьяну Бычкову, считаю, что сегодня это очень перспективный, очень своеобразный, очень интересный поэт, дай Бог, чтобы у нее была хорошая литературная судьба. Она скромный человек, тихий и незаметный как будто, но я считаю, что так и надо жить - внешне тихо и незаметно, чтобы больше от тебя была отдача. К сожалению, рано ушли из жизни Алексей Шадрин из Белозерска, Михаил Жаравин. Если бы они были живы, это был бы прорыв в нынешнюю российскую литературу. Но они были, значит, они и есть с нами, и наша задача - донести их произведения читателям. Осенью этого года будет областной литературный семинар, дай Бог, чтобы появились новые таланты. Талант - это неожиданность, которую всегда ждешь.

Беседовал Дмитрий ЕРМАКОВ

«Вологда читающая» - так называется совместный проект редакции газеты «Красный Север» и областной универсальной научной библиотеки имени И.В. Бабушкина. В его составе - два конкурса: небольшие эссе читателей о прочитанных книгах и рассказы библиотекарей об их читателях.

Сегодня мы публикуем несколько читательских рецензий участников проекта.

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ БОСХОМ?

Анатолий Королев - признанный в мире писатель, лауреат международной премии Пенне, и не мне добавлять комплименты к тому, что уже получило заслуженные оценки. Особенно я благодарна автору за страницы, посвященные художнику Босху - раньше я это имя только слышала, а вот теперь смогла войти в его мир, представить картины (книга удачно иллюстрирована), историческую атмосферу, философию этого действительно необычного мастера Средневековья. Если бы Анатолий написал только о Босхе, уже это одно заслуживало бы всяческого поощрения. Но автор связывает имя художника-еретика с собственной судьбой (отбросим мистику, обратимся к реальности).

В предисловии к роману «Быть Босхом» подчеркивается, что книга полностью автобиографична, и я могу это подтвердить. В молодости мы вместе работали в редакции газеты «Молодая гвардия». Даже имена героев, друзей автора не изменены (Леонид Юзефович - ныне известный писатель).

Молодые люди жили и трудились нормально в советском обществе: одни (как Королев и Юзефович) достигли значительных вершин; другие, дальнейшая жизнь которых пошла совсем бесцветно, и поныне живут волнующими воспоминаниями (пишут мемуары на тему «Как страшно

мы жили!»). Видно, и вспоминать-то особенно больше не о чем... трусам.

Но, может, у Королева произошел душевный надлом? Может быть, книга «Быть Босхом» - попытка этот надлом залечить, душевно самооправдаться? Исповедаться? Но... исповедаться красиво и желательно бесхлопотно. Не стать правозащитником. Не заниматься правонарушениями в армии, которых и сейчас предостаточно. Не занять позицию, присущую хотя бы тому же Анатолию Приставкину...

В предисловии к роману сказано: «Интеллектуальный, изысканный, страстный роман «Быть Босхом»... доставляет истинное удовольствие мастерством языка и глубиной эрудиции». Не знаю, кому как, но сцены насилия, которых в романе немало, лично мне удовольствия не доставили. Знать это надо (чтобы не повторять), но наслаждаться?.. А сцены-то описаны действительно с любовью и изысканностью - в традициях лучших западных эстетов.

С романом я познакомилась. Но больше его в руки не возьму. Я возьму Булгакова или Улицкую, Куприна или Довлатова, где действительно очень много любви к человеку, а мастерства, размышлений и эрудиции, право, ничуть не меньше.

Ольга КОРОБИЦЫНА, Вологда

ЗНАМЕНИЕ

Повесть

(журнальный вариант)

**НИКОЛАЙ
ТОЛСТИКОВ**

Николай Александрович ТОЛСТИКОВ родился в 1958 году в Кадникове Вологодской области. После десятилетки служил в армии, затем работал корреспондентом районной газеты «Сокольская правда», в ряде вологодских газет. Участник областных семинаров молодых писателей. Публиковался в местной печати, в сборниках прозы Северо-Запада, еженедельнике «Литературная Россия». Автор книг «Прозрение» и «Лазарева суббота». Закончил Литературный институт имени А.М. Горького в Москве. В настоящее время Николай Толстиков живет в Вологде. Здесь он, окончив духовное учебное заведение, принял сан и теперь - священнослужитель храма святителя Николая во Владычной слободе.

ВИДЕНИЕ ОТЦА АНДРЕЯ

- Да хоть голову рубите, все равно в «живцы» не загоните!

Отец Андрей уронил свою косматую в прядях седины голову на стол перед сидящим за ним уполномоченным так, что тот - чернявый парень - с видимым испугом отпрянул.

Брат Аркадий, взмахивая широкими раструбами рукавов рясы, подбежал к отцу Андрею, тряхнул за плечи:

- В своем ли ты уме так-то говоришь?! Опомнись!

- Отойди, отступник! Иуда!

Председатель горсовета и двое дюжих «огепеушников», приехавших с уполномоченным из Вологды, угрюмо молчали.

Вывели-таки старого попа из себя. Сухонький, невысокого ростика, он отвечал невозмутимо, скупю. Поначалу сулили ему чуть ли не золотые горы, если в «обновленческую» церковь перейдет, на брата указывали - правильно, мол, понимает момент товарищ. Иногда, правда, поправлялись: гражданин поп.

Аркадий - широкоплечий, подряслик по швам трещит, голова в крупных кольцах смоляных волос, отца Андрея помладше едва ли не на двадцать лет - кивал согласно, норовил в агитацию свои слова вставить.

Не проняли посулы старшего Введенского - посыпались угрозы. И тогда отец Андрей вспылит...

- Вот что! - нарушил тишину пожилой вислоусый «огепеушник» и тяжелыми шагами, заложив руки за спину, стал вымерять горенку. - С сегодняшнего дня храм закрывается, помещение передается горсовету под склад. Постановление...

Он протянул руку, и председатель,

услужливо согнувшись, подsunул ему лист бумаги.

- Ознакомься... По просьбам трудящихся.

- Завтра же престольный праздник! - глянул на него с недоумением отец Андрей. - Со всей округи народ придет!

- Придет да уйдет! - усмехнулся «огепеушник». - Отменяется ваш праздник! А ты, батя, собирай-ка по-шустрому монатки, с нами прокатаешься.

Попрощаться с домочадцами не дали. На улице в скорых зимних сумерках у распахнутых настежь ворот церковной ограды таился крытый возок, запряженный тройкой сытых ухоженных лошадей. Отец Андрей шагнул было к тропинке, ведущей к поповскому дому, но за спиной бабюшки вислоусый, воровато озираясь, подмигнул напарникам. Один вместе с ним подхватил священника под локти, а другой, молодой, шмыгнув за ворота, что есть силы толкнул от себя кованую створку.

Отец Андрей вдруг почувствовал что не достает ногами земли, единственное, что еще он успел сделать, - запрокинул назад голову, оберегаясь от летящих навстречу чугунных граней причудливых узоров калитки. В глазах ослепительно ярко рассыпалось что-то круглое, похожее на солнце, растеклось кровавым маревом и схлынуло разом в черную пустоту...

Удар был сильным: крепкие мужики, приподнявшие и выставившие перед собой священника наподобие щита, еле устояли на ногах.

- Здоров ты, Ежкин-Стежкин! - похвалил юнца вислоусый. - Давай-ко попа в сани! Пригоним - и в ледник его! Очухается, подморозит там муде, на все согласен будет.

- Праздничку-то ить точно не бывать! - хмыкнул юнец. - Занемог бабюшка-то.

- А-а! - вислоусый довольно хлопнул парня по плечу. - Погнали!

Отъехали немного, и кто-то увидел метавшуюся в проеме ворот фигуру в раздуваемой ветром колоколом рясе.

- Братец не видал, как мы его?

- А и видал дак... Наш ведь чело-

век, - усмехнулся вислоусый и лениво зевнул...

Отца Андрея вывел из забытья нестерпимый, поднимающийся снизу по ногам холод. Он тысячами игл впивался в кожу, ранил ее, ломил изведенные ревматизмом суставы, но, по добравшись к груди, словно споткнулся и надавил жгучей, не позволяющей глубоко вздохнуть болью.

Священник, боясь пошевелиться, осторожно разрывая жесткую коростину на лице, разлепил веки и ничего не увидел. По-прежнему вокруг была тьма, лишь обоняние уловило запах старого слежалого льда и примешивающейся к нему крови. Отец Андрей отшатнулся, охнул от боли в груди, окоченевшие ноги его подкосились, но он не упал, даже не сдвинулся с места: что-то прочно удерживало его. Он приложился щекой и ощутил продолговатое железное кольцо, в нем - замкнутое, другое, и понял, что висит на цепи, ввинченной в потолок. Она-то, зацепленная за пояс крюком, царапающим острием ребро, и держала. Расстегнуть бы пояс и освободиться, да не тут-то было: руки связаны за спиной, и их затекшие кисти как чужие.

Отец Андрей с содроганием догадался вдруг, где находится. Наверняка это был тот самый купеческий ледник, о котором в Городке ходили страшные слухи - откуда и слежавшийся лед, и запах крови. Бабюшка на миг представил злобные лица чекистов, почувствовал сжавшие ему локти сильные руки, и опять кованая, в узорах створка ворот летела навстречу...

«Изверги, хоть бы на пол бросили умирать! На каменном-то недолго б промучился! Нет, подвесили на крюк, как тушу... Может, здесь еще кто православный страдает?» - он с надеждой несмело спросил в темноту, но слабый его зов прозвучал одиноко и беспомощно, зато отголоски, отлетев от стен, гоготнули зловеще.

«Все! Изведи из темницы душу мою... Прости мне, Господи, все грехи мои и прегрешения!»

Холод теперь обволакивал, и боль

в груди, она стала утихать. Священник, уронив голову и прикрыв глаза, еле шевеля непослушными распухшими губами, начал было читать отходную молитву, как неосязваемо, будто в полусне, ощутил льющийся откуда-то сверху свет, и в теплом радужном мареве, весь трепеща, различил знакомые и родные с детства пологие низкие холмы. На одном из них в окружении неглубокого ровика, заполненного водой, стояла убогая избенка с куполком и крестиком на крыше.

Отец Андрей привычно поискал взором церковь, но ее не было! На том месте избушка и чернела... Он странным непостижимым образом перенесся близко к ней, даже смог заглянуть в крохотное оконце и поразился, увидев внутри ее изможденного человека в заношенной, в заплатках монашеской одежде. Чернец пошевелился и звякнул цепью, спускающейся с потолка и прикованной к железному обручу на его чреслах. Отец Андрей не мог поверить в то, что видел. Дело в том, что он знал, кто был перед ним...

Жителям городища иссохший, с веригами на теле, в ветхом одеянии монах примелькался скоро, некоторые с немалым трудом узнали в нем выкурнувшего невесть откуда посадского мастерового Ганьку Подкидыша. Однако на прозвище он не откликнулся, а называл себя полученным при постриге именем гордым и звучным - Галактион.

И уже давали ему по щедротам: кто - бревнышко, кто - жердину, чтоб успел до зимы доладить келью. Место он выбрал за городским валом, с краю посада, на пустом бугре, окруженном низинами с журчащими в них ключами. Едва достроил низкую, с куполком на коньке крыши келейку, принялся орудовать лопатой - окружать свое обиталище рвом и, когда вода из ключей заполнила ров, попросил у кузнеца сделать длинную тяжелую цепь и приковал себя к потолку кельи. Никуда больше не выходил.

Народ на посаде жил небогатый да сердобольный. Любопытные ребятенки порассказали матерям о сидящем

на цепи, дни и ночи напролет молящемся чернце, и те, крестясь и приговаривая испуганно-уважительно: «Где-ко, спасается-то, сердешный, как!» - стали посылать с отроками узелки со снедью: с голоду не помер бы.

Но Галактион, звякая цепью, подходил к окошку и молвил тихо:

- Спаси Бог за милостыню... Не желаю быть нахлебником, несите кожу - сапоги тачать стану, чай, не разучился!

Он не пошел, как иные из братьев, из монастыря по топам и чащобам звериными тропами искать уединения для молитвенной беседы с Богом. Он возвратился в свой Городок, куда когда-то давно был привезен еще несмышленым чадом, и никак не мог взять в толк, почему после чистых высоких палат оставил его дядька Иван в тесной, пропахшей кожами и дегтем избе. И сам пропал.

Отрок прижился в чужой семье: хозяина с хозяйкой вскоре стал называть тятей и мамой, и те уж не отличали его от своих кровных детушек. Семейство пробивалось сапожничаньем, ремеслу обучился и подкидыш.

Вошел Ганька в лета, и сосватали, оженили его на посадской красавице.

Недолго пожил Ганька с молодой женой: в одночасье преставилась она, сгорев в страшной лихоманке. Подкидыш словно умом тронулся: бродил по Городку пугающей безмолвной тенью, исхудалый, в изодранной в клочья одежде, грязный. Его жалели, как ни старались, не могли добиться ни слова и, когда он однажды запропал, подумали, что не наложил ли на себя руки, не продал ли душу дьяволу, и облегченно вздохнули, когда кто-то из земляков заметил его в послушниках в дальнем монастыре.

«Туда ему и дорога! - рассудили. - Все одно, средь нас не жилец...»

Однажды всколыхнуло городище: нагрянул шибко важный боярин аж из самой первопрестольной от грозного царя с отрядом ратников, местный воевода дрожал, как лист осинovýй.

Рыскали не понять и кого, вроде б

какого-то княжого сына, и не сразу раскумекали людишки: ищут-то Ганьку Подкидыша. Отряд умчался шарить по окрестным монастырям, а из народишка кое-кто испуганно крестился: не зашибли бы сановные малокольного, коли същут.

Да уберется, видать, Ганька то ли плахи, то ли чести, раз вернулся обратно. А вот зачем принялся изнутри, не жалеючи, плоть свою железом, не ведал никто, кроме его самого.

Он часа своего ждал...

Как-то еще в монастыре за вечерней молитвой в храме на распростертого в земном поклоне Галактиона не то сонная хмарь накатила, не то выпал он просто из сознания, ощущая невесомость в теле и пугаясь, а еще больше дивясь видению, взору открывшемуся...

Красивый, поблескивающий позолотой куполов церковью возле мощного детинца на холме город был обложен со всех сторон неприятельской ратью. «Суздальцы!» - будто кто подсказал Галактиону, завидевшему стяг со львом на полотнище, под ним - князя, кутающегося в алое корзно.

Готовились к приступу. Князь поднял руку, и ватага лучников выдвинулась вперед.

Похоже, приступ обещался быть последним. Над городом клубилась зловеще черная дымная туча, там и сям от пущенных с огнем стрел разгорались пожары. Защитников на городской стене оставалось немного; израненные, они угрюмо, молча, взирали на подступившую рать, ожидая смертного часа.

Послышалось вдруг, словно из-под земли донеслось, тихое молебное пение. Люди на стенах откладывали в сторону оружие, торопливо снимали шеломы и становились на колени.

«Пресвятая Богородица! Заступница усердная...» - шептали запекшиеся губы, а взгляды с надеждой устремились на икону, несомую двумя дюжими монахами.

Шествие медленно двигалось вкруг по стене, сияло яро облачение на епископе, вился синий дымок ладана

из кадила дьякона, клиросные певчие - женщины с испуганными заплаканными лицами - подрагивающими голосами тянули тропарь.

Епископ был стар, тяжело опирался на посох. Галактион попригляделся и, обмирая сердцем, узнал Иоанна Новгородского - видел фреску с ликом его на стене своего монастырского храма. Знал еще, что жил святитель до нашествия Батыевой татарвы в самый разгар княжеских распрей. Но изумление монаха застила горечь увиденного: брат на брата...

Между тем князь в алом корзне под городскими стенами хрипло, с насмешкой обратился к притихшему войску:

- Чего испужались-то? Ихней иконы? А ну, лучники, всыпьте!

Стрелы тонко запели в воздухе, осыпали наверхи стен, и тотчас среди застигнутых врасплох защитников раздались стоны. Одна стрела - Галактион увидел четко, будто рядом стоял - впила в лик Богородицы на иконе; из глаз Пречистой Девы вытекли слезы. Раненый епископ, павший перед иконой на колени, слабеющими руками подставил край одежды, чтобы богородицыны слезы не скатились на грешную политику кровью землю.

Богородица - Галактион и это видел - отворотила свой лик от нападавших...

Средь полезших было на приступ суздальцев возникло замешательство, словно черная морока опустилась на их расстроенные ряды. Растерянные, обезумев, бежали они от стен, в суматохе поражая друг друга.

Происшедшее с иконой заметил и воевода:

- Знамение! Знамение! - крестясь, закричал он и перекинул меч в правую руку. - На вылазку, робята! Зададим им жару!

В распахнутые ворота вытек жиденький ручеек недавно еще безнадежно оборонявшихся...

Пленили сброшенного взбесившимся конем князя; он в ярости бесильно скалился под навалившимися молодцами и, брошенный поперек седла, связанный, в обрывках своего

алого корзны, норовил упрятать лицо под лошадиный бок.

- Знамение! - неслось над полем битвы...

Приходя в себя, словно вываливаясь из глубокого сна, ощущая лбом и коленями холод каменных плит пола храма, Галактион услышал:

- Иди и помоги спастись граду твоему...

Он чувствовал, что медлить больше нельзя. Расковав цепь, ломая босыми ногами хрупкий осенний ледок в лужицах, приблел в Городок.

Минули первые михайловки, урожай был собран и ссыпан в закрома; народ теперь, обрядившись по дому, после обеденного часу беспечно почивал, лишь лениво погавкивали псы в подворотнях.

Галактион узкой улочкой вышел на площадь с деревянной церковкой и приказной избой, так и не встретив на пути никого. Но здесь дремотной тишины как не бывало. В расписном тереме богатого торгового человека Нечая Щелкунова всюду расходилось гульбище: из раскрытых окошек доносился гул подгоряченных бражкой и выдержанным медом голосов. Рокошущий протодиаконский бас возгласил многолетие воеводе - и затянули, кто бухая басовито, а кто трескучим козлиным тенорком.

В трапезной заседала вся городская знать. Раскраснелись потные лица, горели хмельным весельем глаза, в пьяном гвалте никто и не заметил незваного гостя - чернеца.

Лишь хозяин, кряжистый, обросший чуть ли не до глаз черной вьющейся бородищей, удивленно вскинул лохматые брови:

- Где-ко, кто пожаловал!

Нечай стоял возле воеводы: старец сей, убаженный «многая лета», уже мирно почивал в креслице, уронив на грудь седовласую голову. Щелкунов отодвинул подальше блюдо с кушаньем, чтоб тот не испачкал бороденку, взял порядочный ковщек с перебродившей медовухой и собрался поднести пришлецу.

- Опомнитесь! - Галактион, позвякивая цепью, обвитой вокруг тела,

вознял иссохшую восковой бледности руку. - Гроза грядет! Покайтесь пока не поздно!

- Это что ж ты городишь, брат? - возразил Нечай, обескураженный тем, что монах отказывается от угощения. - Какая такая гроза и откуда? Самозванцу в Москве, по слухам, рыло набок своротили, чего ж еще... Скажи лучше: гнушаешься нами?

Чернец, кажется, не слышал его, обращался к сидящим за столом с ухмылками на пьяных рожках гостям:

- Спасайтесь! Умолить нужно Заступницу, чтоб беду отвела! Храм надо об один день воздвигнуть в честь иконы Знамения Божией Матери!

- Где прикажешь? - с издевкой спросил заметно осерчавший Нечай, расплескивая медовуху из ковшеца. - Возле твоей кельи? Ух и ловок ты! Чтоб все денежки тебе!.. На-кось, выкуси! Сиди, яко пес на цепи, и не вякай!

Щелкунов, выставив вперед свое немалое брюхо, попер на чернеца, выталкивая его за порог.

- Одумайся, богатый человек! Ждет тебя погибель лютая... Прогуляете город!

Галактион, отступая, споткнулся в сенях о порог и по крутым ступенькам крылечка скатился вниз. Ему помогла подняться девица. Заулыбалась, поблескивая черными, похожими на щелкуновские очами: дескать, что ж ты, батюшко, на ногах не стоишь, но нахмурилась, сведа бровки к переносью, завидев, как чернец, пойдя к храму на площади, пал на колени, воздевая руки:

- Господи, прости неразумных и грешных!

Потом заплакал и побрел к своей келье, волоча за собою по земле цепь...

Простые люди, прослышав про беду, чаще по одиночке, побаиваясь насмешек, подходили после к келье, и Галактион, предрекая кому скорую погибель, а кому - чудесное избавление, подбадривал, призывал молиться о спасении души...

Отец Андрей Введенский тоже, вдруг почувствовав себя способным

сойти с места в леднике, приблизился к келье и склонился перед чернецом.

- Коль не отвергнешься веры, - услышал, - ждет тебя мученический венец!

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НАШЕ ВРЕМЯ

Крестный ход почему-то задерживался, из церковных окованных железом врат все никак не выносили большие золоченые лепестки хоругвей, и на колокольне старичонка-звонарь в одной рубашке, надувавшейся на худом теле пузырем от ветра, продрог и озлобился вконец. Высунув в проем белесую головенку, потянул, как ищейка, ноздрями воздух, поперхнулся и спросил, будто петух прокукарекал:

- Иду-ут?!

Старушки-богомолки, после тесноты и духоты в храме отпыхивающиеся на лавочках на погосте, привезшие их сюда на «жигуленках» и иномарках сыновья-зеваки ответили ему нестройным хором: «Не идут!»

Звонарь на верхотуре затих, но сиверко пробирал его до костей, через недолго старик опять возопил тоненьким надтреснутым голоском. Услышав снова разнокалиберное «нет», звонарь яростно взвизгнул:

- Когда же пойдут?!

И припечатал словечко.

Народ внизу на мгновение от изумления охнул, замер. Старушонки часто закрестились, молодяжка криво заухмылялась.

На паперть, наконец, вывалили из храма, тяжело ступая, колыша хоругвями, церковные служки, заголосил хор, тут-то старик ударил в колокола. Один, побольше и, видно, расколотый, дребезжал, зато подголосок его заливался, словно бубенец. Звон был слышан разве что в пределах ограды: где ему, чтоб на всю округу окрест. «Язык» от главного колокола, который едва могли поворочать два здоровых мужика, валялся с тридцатых годов под стеной храма...

Крестный ход опоясывал церковь,

священник кропил святою водой то стены, то народ, и о звонаре-охальнике все как-то забыли.

А он нащупал дощатую крышку люка, открыл ее и осторожно поставил ногу на верхнюю ступеньку винтовой лестницы. Прежде чем хлопнуть за собою люк, подставил лицо заглянувшему в окно звонницы солнцу, похлупал красными ошпаренными веками.

Звонарь был слеп, но по лестнице спустился уверенно, изучив на ощупь не только каждый сучочек на ступеньках, а и щербинки-метки в стискивающих лестницу стенах.

Слепому звонаря прозвали дедом Ежкой, именовать же его на серьезный лад Иннокентием считали недостойным, да и языку иному лень было такое имечко произнести. Дед Ежка появился у церкви иконы Знамения Божией Матери в бесконечно сменяемой чередой прибудных бродяг, побирался первое время на паперти и с особо щедрых подачек, как и другие убогие, гужевал напропалую в заросшем кустами овраге под церковным холмом, напивался до бесчувствия, бывал бит, но уж если и вцеплялся какому обидчику в горло, то давил до синевы, до хруста, насилие оттаскивали.

Нищие приходили и уходили, а Ежка прижилась - обнаружилась у него способность управляться с колоколами. Взамен за службишку слепой много не требовал, довольствовался углом в сторожке да тем, что сердобольные прихожанки подадут.

Так прошло немало лет, и слепой звонарь стал необходимой принадлежностью храма. Откуда он да чей - выпытать у него не смогли, как ни старались. Трезвый он просто отмалчивался, а из пьяного, когда к нему решались залезть в душу, перли потоком такие слова, что святых выноси.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Домишко на краю церковного погоста устоял, уцелел. Только давно в него не заходили. Просела, проваливаясь местами, драночная крыша,

забитые досками окна уперлись подоконниками в землю.

Роман Ропшин без труда обнаружил широкий пролом в изгороди, ступил в бывший огород, скорее уж луг, заросший духмяным цветущим разнотравьем. Пробираясь к крылечку, старался не мять окропленные вечерней росой и никнувшие под ее тяжестью венчики цветов; осторожно смахнув с приступка слежавшийся слой трухи, сел и с любопытством посмотрел на свой извилистый, темнеющий ямками с примятой травой след.

...И не было когда-то давно здесь этого лужка в помине, а чернели обыкновенные гряды, и он, Ромка Ропшин, докапывал последнюю из них. Обнажившись по пояс, бахвалился еще не успевшей одрябнуть после армейской службы мускулатурой, горделиво скашивал глаза на наколку на плече - девичью фигурку, но пуще-то поглядывал на Ольгу, ходившую по бороздам вслед за отцом с ведром картошки в руке.

Сергей Петрович Козырев острием кола проминал в рыхлой супеси гряды ямки, четко выдерживая расстояние между ними; и тут оставался верен себе бывший школьный математик. Усохший, со скрюченной спиной, с редким белым пухом, обметавшим голову, Сергей Петрович не утратил суровости учительского взгляда из-под низко нависших, всегда хмурых и тоже белесых кустиков бровей - Ромка его побаивался. И когда, подустав, парень собрался закурить и, воткнув лопату в землю, вытащил из кармана пачку «Примы», старик строго кашлянул. Может, и без всякого умысла, но Ромка машинально скомкал полупустую пачку в кулак и спрятал за спину. Потом опомнился - не на перемене же за углом. Сигареты в пачке были безнадежно смяты, и Ропшин, чертыхаясь, швырнул ее в борозду и завалил землей.

Ольга, бросая картофелины в ямки, только посмеивалась.

«На свиданье прибежал, а они меня пахаты заставили. Еще и насмеяется... Знала бы, за что ее Леха на днях

продал, не так бы лыбились!» - возжаждал мести Ромка...

А оценил свою бывшую подругу Ромкин наставник в журналистике репортер Леха всего в стопку водки.

Редакционные деятели, под разными благовидными предложениями выскользнув из-под ока начальства, сбились в компашку и гуляли на квартире у одного пенсионера. Долго стоял дым коромыслом, но вот одни потихоньку убрели, иные «отключились», остались лишь Леха с Ромкой, самые молодые и стойкие.

Перед ними на столе среди разбросанных по нему хлебных кусков поблескивала гранями последняя стопка с водкой. Они оба пялились осоловело на этот стакашек и одновременно у обоих из тупого безразличия пробуждалась жадность.

И вот тут-то Ропшин, облизнув осадок на пересохших губах, предложил:

- Ты отдай мне Ольгу... за стопочку-то. Лады?!

Леха согласно мотнул плешивой головой на длинной худой кадыкастой шее:

- Забирай! По наследству.

И цепко ухватил стакашек дрожащими пальцами, пока «покупатель» не передумал...

В Городке такой роскоши, как своя газета, не существовало, выходила она в райцентре; молодой журналист Ропшин мужественно мотался на рейсовом автобусе или на попутках каждый божий день взад-вперед. Первый год Ромка очень гордился своей работой: в автобусе, садясь, задирает нос, ревниво косился по сторонам: смотрит ли кто на него с почтением? И по Городку вышагивал, едва не налетая на встречные столбы.

Но то ли народ был без понятия, то ли Ропшин на рожу и фигуру не вышел, только относились все к его виду равнодушно, а в автобусной давке грубо пихали под бока локтями, и какая-нибудь старушенция могла запросто над ухом успевшего занять местечко Ромки противно зазудеть: «Вот ведь молодяжка! Здоровый лось, мог бы и место уступить!»

Ропшину, скучая, оставалось при-

смастриваться к попутчикам. На утреннем и вечернем рейсах ездили почти одни и те же личности: кто на работу, кто учиться и примелькались они Ромке быстро. Иногда появлялась незнакомая девушка. Высокая, рыжеватенькая, с правильными чертами лица, одета она была скромно, неприметно, видать, и годики того требовали. Хотя заметные морщинки возле глаз миловидности ничуть не убавляли. Ромке захотелось с нею познакомиться, да вот как... Он - парень застенчивый в этом деле. Когда приходилось общаться даже с ровесницами, и то краснел и пышкался. Да от судьбы не уйдешь.

Однажды, прижатый вплотную к незнакомке в автобусной давке, Ропшин отважился выдать из себя несколько слов и, заметив, что к нему прислушались, вовсе расхрабрился - набился девушку провожать. И по дороге не умолкал, нес какую-то околесицу и неожиданно выяснил, что общих знакомых у них в редакции немало. Вспомнил Леху среди прочих.

- Знаю, знаю... - теплые пальцы коснулись запястья Ромкиной руки. - Меня Ольгой зовут.

Вот ее-то и запродавал за стопку водки Леха и тут же вылакал выторгованное, смачно зачмокал губами, довольный, взгляд его вконец одеревенел...

Промолчал Ропшин, не выдал дружка, да и Ольга неизвестно как восприняла бы такую «крутую» сделку, шуганула бы, может, самого с огорода, как козла несчастного.

Старик Козырев, похоже, не ведал про перекуры: Ромка, докапывая грядку, так умаялся, что язык на плечо чуть не высунул.

Уже темнело.

В это время приотворилась узорная кованая калитка в ограде церкви, вышел бородатый служитель в долгополом черном одеянии, с ним еще двое мужиков в простой одежде. Разговаривая, они миновали козыревское подворье и расположились полужелеза на молодой травке на самом краю обрыва в песчаный карьер, где на дне подземные ключи наполняли озерцо. Карьер выжрал полбугра, на

котором куполами и крестами белым кораблем высилась церковь, подобрался под стены ограды, так что заброшенная банька на задах домика Козыревых накренилась сиротливо, боком сползая в огромную ямищу.

Ропшин услышал тихое заунывное пение. Пели все трое: бородач в рясе, басовито выводя непонятные слова, взмахивал руками, дирижировал. И тогда пот жгучей солью залил Ромке глаза, руки, и спину заломило с непривычки, ревность ущипнула сердечко, когда заметил он, что Ольга прислушивается к певцам.

- Вот неработь! - парень, распаяясь, кивнул в их сторону. - Содрать бы балахон с того бородатика, а самого пахать сюда! Расхотелось бы песенки распевать!

Сказал, конечно, негромко, чтоб мужики не услышали, наткнулся в земле лопатой на камень и старательно заскыркал острием по нему, дожидаясь, что неразговорчивый Ольгин отец обязательно поддержит его в гневе праведном: старики-учителя - все заядлые атеисты, и Ольга героизм достойно оценит.

Но Козыревы, отец и дочь, дружно взглянули на Ромку, как на придурка, и тотчас ушли оба в дом.

Ропшин потоптался-поперетаптался, психанул и помчался прочь...

...Сколько с того вечера минуло, лет двадцать без малого, и немногие бы узнали в сидящем на крыльчке заброшенного дома человеке лопухого Ромку-журналиста - был новый настоятель Знаменского храма отец Роман Ропшин, от вечернего холодка забько кутавшийся в рясу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

У деда Ежки появился напарник - Ропшин принял на работу нового дворника, известного в Городке «моллого» поэта Юрку Введенского.

По старой памяти...

Заходя в редакцию газеты, Юрка сожалел, что однажды неосторожно «расколослся» на семинаре местных дарований. На мероприятие приехали областные писатели и, прежде чем

усесться за банкетный стол, решили обсудить творения пары-тройки чело-вечков. Успели они бегло проглядеть Юркины опусы и предложили автору рассказать о себе.

И дернул черт Введенского «резать» за чистую монету:

- Вор я бывший, карманник. Четыре «ходки» имею...

Юрка неожиданно для себя увлекся, живописуя свою прежнюю житуху, да и неудивительно было - солидные седовласые «члены» внимали ему, по-вороньи распяля рты, с интересом разглядывая его - маленького, суетливого, в чем только душонка держится, мужичка за пятьдесят, с плешивой, дергающейся в нервном тике головой и, как у мороженого окуня, глазами. Костюм в крупную клетку, позаимствованный на время у торова-того соседа, висел на Юрке мешком, брючины пришлось закатать, но все бы ладно: и треп, и внешний вид, кабы вошедший в раж Юрка не предложил кому-то поэкспериментировать с бумажником. Выну, дескать, не засекете!

Все с испугом залапали карманы, облегченно завздохали потом, запосмеивались, и Юрку за банкетный стол не взяли.

С той поры при появлении Юрки в редакционном коридоре бабенки поспешно прятали сумочки, мужики на всякий пожарный пересчитывали наличность в карманах, и Юркины творения, со старанием переписанные им от руки ровным школьным почерком, вежливоенько, холодно отклоняли морщась:

Поезд уходит в даль заревую,

Колеса мерно стучат.

Пассажиры запели песнь боевую,

Над крышей вороны кричат.

- Че он приперся-то, тут у нас люди приличные ходют! - ворчала секретарша.

Введенского, в какой бы кабинет он с робостью ни заглядывал, везде встречали молчаливые, ровно кол проглотившие сотрудники; привечали его только в репортерской клетушке с обшарпанными прокуренными обоями на стенах и колченогим шка-

фом, наполненным порожними бутылками, Леха с Ромкой. Угощали куревом и, слушая какую-нибудь Юркину байку, понимающе кивали. Юрка оставлял свои произведения и не видел, как их тут же отправляли в «корзину» смеясь: «Все веселей с ним!»

Как-то Введенский заявил вполне здраво: «Буду в корнях своих копать-ся!» - но доброе его намерение, как обычно, пропустили мимо ушей...

Юрка до поры верил в воровскую судьбу, хоть и играла она с ним, как кошка с мышкой.

После детдома, «ремеслухи», втыкая где-то на заводе, он влип за пьяную драку: коротышка, сухлец, чувствуя, что забивают его до «тюки», нащупал на полу железяку и всадил ее в здорового верзилу. Тот, слава Богу, оклемался в больнице, Юрка же, мотая срок, не любил вспоминать, за что его получил, простым «бакланом» не желал прослыть.

У него иной «талант» в полный цвет вошел, за какой в детдоме крепко лупили, да все равно его не выбили.

После лесоповала на «зоне» возвернувшегося на волю Юрке вкальвать особо не захотелось. Но сытной жратвы, вина, баб властно требовал его отощавший изрядно организм. Введенского понесло мотаться по разным городам, благо вокзалы, базары, общественный транспорт существовали везде. Он наловчился «работать» мастерски: обчищал карманы у зевак, ловко разрезал отточенной монетой дамские сумочки и долго не попадался. Жаль вот добытые деньжонки мгновенно таяли. Когда особенно фартило, Юрка, приодевшись, пытался кутить, но быстро спускал все до последних порток, да и милиция уже висела на «хвосте» - унести бы ноги. Бывало, не успевал...

Между «отсидками» Юрке удавалось заводить женщин, но все попадались такие, какие его не дожидались.

В лагерях в большие авторитеты Введенский не выбился. В «шестерках» его не обижали, хоть и был он безответного и безобидного нрава.

В лесу, где зеки валили деревья, вдрут

замирал возле поверженной в снег сосны, задирая к небу исхудалое, с ввалившимся щеками лицо и устремлял ввысь отрешенный от всего взгляд вытаращенных полусумасшедших глаз. Юркины кровотокающие на морозе губы едва заметно двигались, что-то шепча. Порою Юрка падал на колени, прижимая сложенные руки к груди.

- Придуряется! - говорили, жестко усмехаясь, одни и норовили подопнуть его под бок.

- Молится! - прятали тоскливые глаза другие, что послабже, поизнуренней.

Случалось, Юрка лез к какой-нибудь забубенной головушке - угрюмому, зыркающему исподлюбья «пахану», расспрашивая того вкрадчиво-участливо, пытаясь затронуть что-то потаенное, бережно хранимое в глубине души. И в ответ обычно получал зуботычину или в ухо, отлетая пришибленным кутенком, но самый лютый громито начинал потом тосковать, о чем-то задумываться.

За Юркой прочно закрепилась кличка Поп. Вот за это самое...

После последней «отсидки» Введенского потянуло неудержимо в Городок, на родину, туда, где пуп резан. Он как-то сумел худо-бедно обустроиться в общаге, не запил, не воровал, работал где придется и кем попало, даже стишата сочинять брался.

Видели часто его стоящим на службе в церкви.

Юрка молился, внутренне радуясь чудесному совпадению: если в самом деле так, то конец его безродности! В этом храме когда-то служили священники братья Введенские, расстрелянные в тридцать седьмом. От младшего брата Аркадия осталась куча ребятшек, которых власть рассовала по разным детдомам. А вдруг... он один из них?! Юрка тем и тешился, верил и не верил.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

...За дурацкую выходку на огороде Ольга над Ромкой подтрунивала: ишь, какой герой выискался, но больше выговаривала:

- Ляпаешь, не думая. Балахон с попа сорвать да... За кого тебя мой отец посчитал? За идиота? Теперь на моих родителей не обижайся!

Ромка, вышагивая позади Ольги по узкой через поле тропинке, сердито сопел. Что верно, то верно. Два «божьих одуванчика» нынче покосились на него несмила: наверняка старик рассказал обо всем старухе. Он, не здороваясь, хмурия брови, убрел на улицу, а Варвара Андреевна, поджав губы, никак не выходила из кухни. Рядом в узком проходе прихожей стояла большая сундук, на котором Ромка с Ольгой проसуществовали не один вечерок. Старики в передней смотрели телевизор, а парень пытался поцеловать Ольгу и потискать. Но она была не как все девки - Ромкины ровесницы в городе: отстранялась, поглядывая насмешливо, и на улицу гулять с Ромкой не шла:

- стыдно мне с тобой, ты ж такой молоденький...

Сидеть в комнате бубень бубнем Ромка робел, старики посмеивались даже:

- Вы, как горюны раньше на посиделках!

- Кто такие?

- А те, кому родители встречаться не разрешали. Вот они по темным уголкам и жались...

Похоже, нынче Варвара Андреевна собралась вспомнить старое время, заговорила с Ромкой назидательным учительским тоном, точно отчитывала у классной доски.

- Давно собиралась вам сказать... Вы бы, молодой человек, другую партию себе подыскивали. Ольга вас намного старше, институт заочно заканчивает, ей сейчас не до вас. И вам надо учиться, а то что от вас проку? В подоле только принесет...

Тут старуха прикрыла ладошкой рот, сообразив, что сморозила лишнее. Ольга вспыхнула и выбежала на улицу, Ромка - следом.

- Не поглянулся ты моим, - вздохнула Ольга, когда Ромка нагнал ее, и они побрели к домишку возле церкви. - Не Леха... Услужливый, обходительный, придет - мамочка сама за

бутылкой в магазин бежала. Мне все подружки завидовали. Семь лет мозги пудрил... А увидела случайно его с этой, чернявой, и в больницу даже слегла.

Ромка знал, что за «чернявая» бежала за Лехой... Докторша. Маленькая, кавалеру до подмышки, «наштукатуренная» хохлушечка в узеньких брючках, она подкарауливала Леху чуть ли не у нужника, в редакции посиживала в кресле, закинув ногу на ногу, и, попыхивая сигареткой, разглядывала мельгашающую перед ней газетную братию проницательными черными глазами.

Познакомились они с Лехой на празднике; потом Леха, принаряженный в «тройку», повел свою пассию в местную ресторацию. Врачиша - дальше: затянулась к нему домой и своей непринужденной позой и сигареткой в кокетливо вытянутых пальчиках шокировала Лехину полуинтеллигентную мамашу:

- Кого привел?! Чтоб ноги ее здесь не было!

Леха как только не уворачивался, пытаясь скрыться от новой подруги. Ромке надоело отвечать за него на телефонные звонки; в городе, едва завидев ее, Леха задавал стремительного стрекача, выписывая длинными ногами замысловатые криули по закоулкам.

В редакции кто посмеивался над этим «романом», кто сочувствовал. Леха всем отвечал, обиженно вытянув титькой губы: «Женить на себе хочет!» Один лишь Ромка завидовал втайне: за ним никто еще так не бегал.

Кончилось все тем, что чернявенькая вышла замуж за русоволосого доктора и укатила с ним в другой город; Ольгу Леха презентовал, как известно, Ромке за стопочку, и теперь успокоенно посиживал он в кабинете, вытянув длинный нос и временами с блаженством почесывая раннюю плешь...

Возле церкви, когда подошли к ней Ольга и Ромка, было тихо. Солнце, багровея, еще висело над пиками дальнего бора, уже казалось, что

жильцы деревушки при погосте тоже уснули вечным сном, как и те в церковной ограде. Робко потрескивали кое-где в начавшей сыреть траве кузнечики, да какая-то птаха не ко времени запищала в кроне вековой липы возле козыревского домика и тотчас испуганно смолкла.

Приоткрыв скрипучую калитку в ограде, Ольга провела Ромку внутрь, они пошли по мощенной стертymi каменными плитами дорожке к храму, остановились у большого деревянного креста возле стены.

- Бабушка... - с грустью кивнула Ольга на аккуратный, убранный цветами одинокий холмик.

- А дед? - как-то само собой слетело у Ромки с языка.

Ольга в ответ посмотрела не то удивленно, не то с непонятным смущением:

- Ладно. Пойдем!

Ромку она оставила ждать на ветхом крыльце домика, сама же вернулась вскоре с деревянной шкатулкой в руках.

- Смотри! - Ольга, отомкнув крышку, порылась в пожелтевших от времени бумагах и вынула блеклую фотографию на картонной украшенной позументом корочке. С нее на Ромку пристально глянул немолодой священник в широкой черной рясе и с крестом на груди.

- Вот он, дедушка мой Андрей! Говорят, перед войной расстреляли его... Ты только дома у нас о нем не вспоминай и не спрашивай, - заметив, что Ромка заинтересованно изучает фотокарточку, предупредила Ольга. - У нас в семье об этом говорить не принято.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сергей Петрович Козырев за многие годы научился подавлять в себе всякое, даже малейшее воспоминание о тесте своем, священнике Андрее Введенском. И в семье о нем была истреблена всякая память; дозволялось лишь упоминать о нем матушке попадье, и то, помянувши невзначай, она, косясь на зятя, испуганно замол-

кала, пусть и была в его доме нечастой гостьей, а жила-поживала одишенька в дряхлой хибарке на краю церковного погоста.

«Чтоб не дразнили нас поповским отродьем, не утыкали тем дочь нашу!» - твердо говорил Сергей Петрович жене, и та соглашалась с ним. Надо было, она и от отца родного отреклась публично, когда его арестовали, и ушла «самоходочкой» к молодому учителю точных наук, влюбившись без памяти...

Сергей Петрович, хоть родился и вырос в соседней деревне, быкам, как и все парни, хвосты накручивал, но учился потом в губернском городе и прикатил в бывшую церковно-приходскую школу ярым атеистом. Громить и разрушать было уж почти нечего: опустошенный загребущими руками храм стоял закрытый по «просьбам трудящихся» на крепкие замки, колокола со звонницы сбросили, и осколки их валялись везде. Приезжали такие граждане, что поглядывали, кривя рожу, и на кресты, но сдернуть их с куполов охотников пока не находилось.

Сергей Петрович тоже поглядывал, но пуще - на юную поповну Вареньку.

Просторный поповский дом отдали под школу, а прежних хозяев выселили в убогий флигелек.

Козырев из окна верхнего этажа часто видел хлопчущего возле домишка священника отца Андрея. В поношенном зипуне, в старой шапке, напыленной на длинную гриву седых волос, топорщившейся, подернутой куржаком инея бородой он напоминал, скорее, простого мужика из ближней деревни, чем «паразита и мракобеса». Мужики и бабы отрывали его от домашней работы, приходили с заказами пошить сапоги, и тогда допоздна светился тускло в крайнем окошке избы огонек.

«Прикидывается! Трудяга-а! - рещал, неприязненно косясь на попа при встречах в школьном дворе, Сергей Петрович. - Какой он сапожник!»

Еще больше озлобился на отца Андрея Козырев после того, как тот, при-

метив, что учитель выписывает круги около его дочки, а та постреливает лукаво в ответ глазами, остановил однажды на подтаявшей тропке Сергея Петровича:

- Вы бы, мил человек, к моей дочери не приставали, оставили в покое. Ей-ей, не пара она вам.

Отец Андрей говорил тихо, но твердо; в голосе его зардевшегося Козыреву почудилась скрываемая насмешка. Изумившись такой наглости, Сергей Петрович отступил в сторону с тропинки, провалился по колено в снег и долго провожал злющими глазами согбенную спину священника.

«Да как он может?! Мне!» - забурлило все в Козыреве, руки нервной дрожью затряслись.

Еще недавно, на днях, секретарь комсомольской ячейки дал «проборцию» Сергею Петровичу: «С поповной тебя видали. Ты, паря, смотри - чуждый элемент... Как бы чего!»

Козырев встрепенулся: «Да она своя в доску, наша!»

«Своя-то своя. Ладно уж, дело молодое, - не унимался секретарь. - Батя-то у нее, сам знаешь... Этот нашим никогда не будет».

Что верно, то верно. Сергей Петрович озаботился: даже встречаясь тайком с Варей, думку свою не оставлял... То там выявляли «врага народа», тот тут. И из людей не последних, уважаемых, а этот попишко преспокойно топтал землю. Заловить бы его на чем-нибудь «таком», не может быть, чтоб он «перековался»!

Сергей Петрович сон потерял, чернеть начал и... чутко услышал как-то краем уха от ребятишек в школе, что батюшка крестит малышня по-тихому, ходя по крестьянским избам. Ребятенки в младшем классе сплошь числились нехристями, но, когда Козырев ласково и настойчиво стал допытываться у них о крещении, сознались почти все: «Приходил батюшко, в стужу даже на печи крестил».

Козырев, закрывшись в учительской, кричал от удовольствия, обстоятельно сочиня бумагу. Куда надо...

И ждать долго не пришлось. Спал он по-прежнему беспокойно и ночью

услышал за окном во дворе шум подъехавшего автомобиля; при слабом лунном свете разглядел несколько теней, метнувшихся к крылечку поповского флигелька. Спустия какое-то время хлопнула дверца «воронка», заурчал мотор. Сергей Петрович, всматриваясь в полоски света, выбивающиеся из-под занавесок на окнах, различил, скорее, угадал, женские причитания.

«Помог тебе твой боженька? Защищал? То-то!» - он, торжествуя, с визитом к Введенским решил все-таки погодить до утра.

Поутрянке, завидев заплаканные красные глаза попадьи и Вари, Козырев почувствовал себя гаденько. Это ночью, лежа на кровати, он злорадствовал, пуская в потолок кольца табачного дыма, а теперь жался в уголку, помалкивал, избегая лишний раз взглянуть на мать с дочерью.

- Ведь он был там, у них, - говорила, вытирая платочком слезы, матушка. - В леднике едва не заморозили, чтоб от веры отрекся. Привезли: не чаяла, что встанет. Все чахоткой маялся, грудь-то отбили ему, в последнее время бродил еле. Хоть бы зло кому делал!

«Знаем, чего он делал и какое зло!» - усмехнулся про себя Козырев и, посмотрев мельком на Варю, вдруг обернулся, аж холодный потшибанул. «Теперь же она не только поповская дочь, отца осудят - враг народа! Тогда... - лихорадочно пытался сообразить Сергей Петрович. - Тогда... Ехать срочно надо к брату в Ленинград, давно зовет, и Варю сагитировать с собою. Не поедет, мать одну побоится оставить? А почему бы и нет. Пока они растерянные да раскисшие, действовать надо. А потом нужно будет, так и от отца откажется, уломаю!»

Варя поглядывала на Козырева сквозь слезы с надеждой и мольбой, и он не стал медлить...

Она и вправду слабо запротестовала: «А мама как же?» - но Сергей Петрович, на крылечке бережно обнимая ее за плечи, успокаивающе нашептал: «Обустроимся, к себе заберем. А там, может, и... отца твоего отпустят».

До матушки не скоро дошло, что хотят от нее дочь с учителем: «Может, вы, Сергей Петрович, и на самом деле желаете для Вари как лучше... Только замуж-то так не выходят, и благословения родительского нам с батюшкой вам не дать. Бог вам судья!»

Вроде бы все так и сбылось, как задумывал Козырев... Одно только не укладывалось - тянуло постоянно на родину. Казалось, в чужом городе прижились, блокаду перебеделовали. После войны Варвара каждое лето ездила проводить мать, и, когда подходил к концу ее отпуск, Сергей Петрович всякий раз начинал не на шутку беспокоиться: как бы там, в Городке, жена не осталась. Однажды сам составил ей компанию, и... надумали в Городок переселиться. А там - долгожданная радость, чего уж не чаяли в чужом месте: дочка родилась.

Теща-попадья никуда не делась из флигелька возле церкви, жила-поживала в нем, покосившемся и под худой крышей. Старушонка, пока была покрепче, возилась с грядками в огороде около щепелища сгоревшего в грозу поповского дома-школы. Сергей Петрович - любя уж не любя теща! - разработал весь участок, сменил изгородь, домишко, как мог, поправил: дело не вновь, из деревенских. Но принимался он за все с каким-то злым остервенением, набычась, и во время трудов побаивались с ним жена и теща даже заговаривать.

Была тому причина. Вернувшись в Городок, Козырев ожидал увидеть от знаменской церкви руины или зачуханный склад, а тут храм, как в прежние времена, сверкал нетронутой белизной на знакомом взгорке, трезвонил уцелевшим колоколом, и стекались к нему богомольцы.

Сергей Петрович хотел в тот же день уехать обратно, но впервые взмолилась жена, прежде послушная во всем: «Останемся, не могу больше...» И через силу согласившись, Козырев попытался себя успокоить, тешась: все равно храм рано ли поздно прикроют, коммунизм же строим. Взялся даже в школе лекции по научному атеизму читать и проводил их с жа-

ром, не только чтоб для «галочки» языком отбрыкать.

А в церковь и вправду тянулись лишь старушки-богомолки, народ помоложе близко боялся подойти, а несмышленишей любопытных милиция в компании с комсомольцами вылавливала.

«Скоро все равно карачун вам!» - взирая на кресты, торжествовал Сергей Петрович. Он, поначалу собираясь взять огород в другом месте, передумал, дожидаясь, специально копался на тещином. И не заметил, как дожил до пенсии, давно схоронил тещу, а тихая потаенная жизнь в храме, куда ни разу не вошел, продолжалась...

Как-то, укрепляя подгнившие бревна в сеннике, Сергей Петрович обнаружил тайничок, а в нем - шкатулку. На толстом слое пыли и древесной трухи, набившихся за многие годы в резных узорах на крышке, остались видны недавние следы чьих-то пальцев.

«Не иначе старая что-нибудь спрятала, - помянул покойную тещу Козырев. - Но кто лазил сюда недавно? Жена? Так она не ходит, чтоб сердце, говорит, не травить. Неужели Ольга? Кому больше? Завещала, небось, старая...»

Отомкнув простенький запорчик, Сергей Петрович едва не выронил шкатулку из рук: с поблекшей фотографии глянул на него отец Андрей.

- Все-таки опять нашел ты меня! - Козырев, сам не замечая, говорил вслух. - Всю жизнь я бился, чтоб память о тебе уничтожить! Ну ничего, это поправимо...

На участке дымил костер, Сергей Петрович сжигал разный накопившийся хлам. Подкинув в теплоту ворох сухой картофельной ботвы, он бросил во взметнувшееся пламя, не закрывая, шкатулку. Деревянные ее стенки пыхнули легко и весело, огонь в мгновение ока слизнул скорезившуюся ненавистную фотокарточку.

Как и не бывало...

Не почувствовал Козырев облегчения, стало казаться ему, что совершил он опять, как когда-то давно, просто-

напросто обыкновенную подлость. Прежде гнетущее это ощущение удавалось заглушить, схоронить где-то внутри, убеждая себя, что так надо было. Он даже пока молод был и гордился. Старательно убивал и вытравливал всякую память об отце Андрее не только в себе, но и в жене, паче - в дочке. Под спудом многих прожитых лет уж ничто не ворохнется, не отзовется смутой в душе, но, увы...

Теперь Козырев, заметно сникший, боялся заглянуть своим домочадцам в глаза, пропадал больше на огороде, где всегда находилось какое-либо дело, а за ним можно было ненадолго забыть.

Скоро и здесь покоя не стало - что-то надломилось в железном хребте покорной привычности: Сергей Петрович, будучи на пенсии, уловил это не вдруг. Ожил, повеселел тихий, до селе незаметный храм Знамения, со звонницы его, прежде безголосой, залились колокола, и толпы людей, взрослых и малышни, устремились принять святое крещение.

Козырев, видя все это, занемог...

Из последних сил он притащился однажды на огород и в то место на пустыре в углу, где сжег шкатулку и которое суеверно обходил, воткнул слабеющими руками, озираясь, сколоченный из деревянных реек крестик.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

У Ропшина в Городке оставалось немало знакомых, одноклассников, дальней родни: с кучерявой черной бородкой его узнавали и не узнавали. Он, разговаривая с кем-либо, все пытался обиняками выведать об Ольге, а напрямую спросить стеснялся. Еще в автобусе, подъезжая к Городку, о ней первой вспомнил.

Ропшин увидел ее в храме неожиданно, в воскресенье, когда правил службу. Подавая прихожанам крест для целования, он случайно бросил взгляд к выходу, в притвор, и там в сторонке от галдящих возле свечного «ящичка» старушонка заметил женщину, на кого-то удивительно похожую.

Вот только платок, неловко повязанный, надвинутый на самые брови, мешал узнать... Ольга носила либо беретик, либо шапочку. Так это же она! Только бы не ушла!

Ропшин, волнуясь, торопливо снял облачение, натягивая на голову скуфейку, вышел из храма. То, чего он боялся, не случилось: Ольга стояла у калитки в ограде уже простоволосая, щурилась на высоко поднявшееся солнце. Ждала. Обернувшись, улыбнулась одними уголками губ, все такая же, как и прежде, разве что тоненькие морщинки возле глаз собрались сеточкой и улыбка получалась натянутой и грустной.

- Тебя и не узнать! Здравствуй, батюшка! - сказала она.

Ропшину почудилось - излишне взбодренно. Еще он заметил - насмешливые огоньки в Ольгиных глазах оставались прежними, только стали холоднее.

- Здравствуй... - он притронулся к Ольгиной руке, робко сжал тонкие хрупкие пальцы.

- Что, пойдём? - кивнула Ольга. - Проводишь? Или нельзя вам?

На тропинке, спускающейся с холма в низину к Святому роднику и потом дугой, через поле, выходящей на большак, по которому спешили обратно в Городок богомольцы, было безлюдно.

Шли молча. Ропшин старался идти рядом с Ольгой, но она не уступала дороги. Оставалось брести позади и глядеть ей в затылок с завитками русых волос - скакать же по обочине в долгополой одежде немного радости.

- Ты, значит, сюда служить... Как до такой жизни-то дошел, поделился бы! - Ольга наконец обернулась, и было не понять - с обычной насмешливой колкостью спросила или на полном серьезе.

- Тут в двух словах не расскажешь, - замялся Ропшин и ухватился за спасительную соломинку: - А ты сама как живешь?

- Одна я, - Ольга сухо поджала губы, отвернулась и ускорила шаги.

- Постой! Когда еще увидимся?

- Зачем? - Ольга остановилась на развилке тропы с большаком.

- Расскажу о себе, и про это - тоже! - Ропшин посмотрел на белеющий на холме храм. - Посидим у Аленкина омота, как раньше бывало. Есть что вспомнить.

- Ладно, - согласилась Ольга, мельком заглянувшая в просящие ропшинские глаза. - Не переживая. Давай завтра!

«Какой была, такой и осталась!» - Ропшин провожал ее взглядом до тех пор, пока она не скрылась за пригорком.

Полумальчишеская давняя любовь, напрочь было схороненная за прошедшие годы, затеплилась, встрепенулась в сердце, напомнила о себе. Не забылось выстраданное и выболевшее...

Леха, покинутый новой сударушкой-врачихой, принялся тогда посылать покаянные письма Ольгиной матери; та, завидев Ромку, уже не только скрипуче советовала ему подыскивать другую «партию», а смотрела волком. И Ольга сама старалась выпроводить юного кавалера со свидания пошустрей, бывало, и не скazyвалась дома. Потом вдруг, молчком, укатила с подругой отдыхать по турпутевке, а когда вернулась, обрадованному соскучившемуся Ромке, холодно чмокнув его в щеку, хмурясь, сказала:

- Пойдем-ка прогуляемся... Поговорить надо.

До окраины Городка они прошли, как обычно, на «пионерском» расстоянии - так Ольга Ромку принародно ходить приучила; шагая по полевой дороге, она трудно подбирала слова:

- Ты не обижайся только... Ты для меня вроде развлечения был и Лехе мне поднасолить хотелось. Чтоб побесился, помучился... Может, вернется? Семь лет ведь с ним, семь лучших лет! - Ольга вздохнула. - Но вернется - все прощу! Порода, видно, у нас такая - однолюбки! Ты уж извини...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Девчушка лежала на боку на асфальте, поджав к животу ноги в дешевеньких джинсах и неестественно вывернув кисти рук с длинными тон-

кими пальцами с посиневшими заостренными ногтями. Соломенные, стриженные в «скобу» волосы, рассыпаясь с затылка, уже стали приклеиваться к луже застывшей крови. С белого, как мел, лица смотрел незряче-жутко застеклевенный, с уплывающим под веко зрачком удивленный глаз.

Ропшин со своими думками спешил домой из редакции областной «молодежки», где работал немало лет после переезда из Городка, на кучу народа на перекрестке не обратил внимания, хотел просунуться сходу, чтоб перебежать улицу, и увидел...

Девчущке, похожей на подшибленную камнем птичку, было не больше четырнадцати-пятнадцати лет. За обочиной валялся искореженный мотоцикл, и где-то далеко обезумевший шофер гнал грузовик с яркими красными пятнами на борту кузова. По краю дороги взад-вперед бродил, волоча ушибленную ногу, высокий парень в кожаных штанах и куртке, тербил в руках мотоциклетный шлем и бормотал что-то вполголоса. Отбросив «шлемак», парень упал на колени, воздел руки и, прокричав протяжно и страшно, обхватил голову, упал ничком, прижимая лоб к разогретому за день солнцем дорожному полотну.

Наехали, сверкая мигалками, машины ГАИ, «скорой». Ропшин, трясясь, как в ознобе, побрел куда глаза глядят. Девчонку эту он видел вчера в магазине у перекрестка, столкнулся с нею в дверях. И вот...

Тротуар оборвался, под ногами оказалась усыпанная прошлогодней жухлой лиственной тропинка с выползающими кое-где на ее поверхность узловатыми корнями деревьев, длинной задичалой аллеей тянущихся вдоль берега реки. За густой свежей зеленью кустов зажурчал, забулькал взбудораженный недавним паводком речной плес.

На взгорке среди невзрачных нежилых развалюх высился, пестрея выщербленным кирпичом в стенах, храм без куполов. Пустые провалы окон пугающе чернели. И тихо было кругом, лишь пересвистывались в ку-

старнике вечерние птахи, долетающие отголоски городского шума безнадежно гасли в кронах вековых лип.

Роман пробежал мимо этого места не раз и не два и как-то не обращал особого внимания: мало ли было в областном центре порушенных, приспособленных на скорую руку невест под что церквей. И здесь в прежнее время коптила небо фабричка валяной обуви, пыхала дымом труба кочегарки, торчащая из алтаря.

Ропшин, преодолев кучу мусора, пробрался к окну нижнего этажа и отшатнулся от шибанувшего в нос едучего тяжелого запаха невыветрившейся канифоли и подвальной заплесневелой сырости. Он с надеждой поднял глаза, увидел лестницу и, рискуя загреметь с гнилых ступеней, стал подниматься по ней, карабкаясь почти на четвереньках.

Внутри храма был розовый мягкий полумрак: еще не закатившееся солнце щедро засылало лучи в двойной ярус высоких окон, и изъеденные кислотными парами голые кирпичные стены не казались мрачными, а словно бы светились теплом изнутри.

Роман осторожно ступал по храму, звуки его шагов отдавались где-то вверху гулкими отголосками; оттуда же доносилось воркование голубей, хлопот крыльев. Ропшин попригляделся и различил под самой крышей остатки лепных украшений: в углах ангелочки, надув забавно щеки и топорща крылышки, норовили слететь с места, да никак не могли. На своде сквозь осыпавшуюся грязно-серую побелку проступал лик. Роман, задирая до боли в шее голову, долго разглядывал поначалу вроде бы темное пятно, но вот разобрал черты лица, и показалось оно на кого-то похожим, даже знакомым. Ропшин вспомнил вдруг старую фотографию у Ольги в руках, которую она выносила украдкой от отца. Схожи были лики неизвестного Роману святого на фреске и Ольгиного расстрелянного деда-священника...

Допоздна бродил Ропшин по храму, останавливался, вслушиваясь в его гулкую тишину, и под скрываю-

щимися в вечернем сумраке сводами чувствовал в душе сходящее откуда-то с выси успокоение. Отступило, оставляя в покое и зарубцовываясь, запекаясь на сердце, потрясшее Романа видение нелепой, ужасной смерти. Храм, будто огромный прочный колокол, защищал со всех сторон...

Ропшин знал теперь, куда ему идти в горький час беды или даже просто растерявшись в жизни.

Обкомовские комсомольцы, в пламенных речах костыми готовые лечь за дело и процветание родной партии и народа, чуть припекло, шустро и молча разбежались заниматься прямопротивоположным тому, к чему призывали простодушный молодняк. Кое-кто из них, поглупее, угробивший себя в застольях и оргиях на загородных дачах, пошел орать на углах среди нищих стариков и размахивать красным флагом. Никому не нужная газета-«молодежка» была на предсмертном издыхании; Ропшин с горькой усмешкой попрощался с последним фанатиком - ее редактором, объявившим в порыве отчаяния рассмешившую всех голодовку...

Он верил: Бог не оставит.

Ольга слушала рассказ Ропшина внимательно, в конце улыбнулась грустно:

- Я бабушку свою вспомнила... Она меня еще маленькой потихоньку от отца в церковь водила, учила креститься, поклоны бить. А дома... ни иконы, ни крестика, и отец при бабушке сам у себя спросит: что, мол, поп в церкви делает, и ответит - дурака валяет. Так-то и жили!..

Ольга все-таки пришла в условленное место: на бережок Аленкиного омута.

Ропшин, вытащив из травы оставленную половодьем доску, пристроил ее на валунах - ладная получилась скамеечка, да ждать на ней довелось долго. Он уж клял себя за необдуманно назначенное свидание - вот искушение-то, измучиться можно! Набрав в горсть галечника, Ропшин бросал камешки, стараясь достать до середины омута, смотрел на расходящиеся по поверхности воды торопливые кру-

ги и не расслышал даже, как подошла Ольга.

- Ты и в гражданском неплохо смотришься! Солидный дядечка! - привычно уколола она, пристраиваясь на краешек скамеечки.

Ропшин вспомнил прошлый скомканный и с недомолвками разговор и стал рассказывать о себе: обещал...

- А фотография деда твоего, та что в шкатулке, сохранилась? - спросил он после недолгого молчания у задумавшейся Ольги.

- Нет, - покачала она головой, - отец нашел и сжег. Перед смертью признался маме. Я все не понимала: почему он так деда Андрея ненавидел, а оказывается, вот что... Он сознался, что деда-то «сдал» в тридцатых, донос написал. Теперь мучился, прощения просил то у мамы, то у деда безвинно убиенного... Мама не в себе стала, заговаривается. Догадывалась раньше, да страшилась спросить. Вдвоем с ней и живем.

«Что же Леха ваш к вам не возвернулся?!» - с проснувшейся некстати застарелой ревностью мстительно подумал Ропшин.

Незабвенного Алексея Сергеевича он встретил вскоре, по приезде взглянув на прежнюю работу в редакцию районки. Леха, изрядно пооблезший, все в том же костюме-тройке и при пестром галстучке, отнесся к встрече радушно-деловито: разговаривая, вроде бы поблескивал с интересом глазами, но и, часто потирая лоб рукой, многозначительно собирал губы в титьку мыча. Ропшин догадался, что это он интервью берет, сейчас за ручкой и блокнотом потянется, если диктофон втихаря еще не включил. От встречных о себе вопросов Леха искусно уходил, увиливал, и вскоре Ропшина потянуло побродить по другим кабинетам в поисках знакомых.

Он узнал, что Леха остался один, как сирота казанская, подкармливался то ли у дядьки, то ли у тетки, но свою манеру кружить возле бабеночек не забросил. Теперь были они, конечно, поплоче и с детками и порхавшего возле них мотыльком Леху, разнюхав, что он ни рыба ни мясо, скоро прогоняли.

С Ропшиным Леха распростился так же, как и встретился: ни обрадовался, ни огорчился...

- Пора идти! - Ольга зябко передернула плечами и встала.

Едва закатилось солнце, и с реки потянуло свежим ветерком; Ропшин тоже продрог в легком пиджачке.

- Прости, что исповедалась. Легче своему-то, чужому бы не смогла. Когда уж под пятьдесят, а жизнь проходит... Не провожай!

Ольга торопливо пошагала прямо по росной холодной траве. Ропшин, топчась на берегу, то смотрел на черную гладь омута с закрывавшими свои лепестки и уходящими на ночь под воду кувшинками, то следил за удаляющейся одинокой фигуркой Ольги. На сердце разливалась жгуче запоздалая жалость к ней, больше ничего.

Грехи отцов падают на детей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Юрка с дедом Ежкой вроде б и подружились: один наверху звонит, другой внизу метет. Слепой вначале спросил у Юрки, чей да откуда, и тот вилять не стал, про былую житуху выложил без утайки.

Дед Ежка хмыкнул одобрительно: ночуй, если хочешь, за компанию в сторожке все веселей. И своровать надумаешь, так нечего. Введенский окинул взглядом горенку, и дед Ежка, видно, учуял это, затрясся в мелком смешке, хлупая ошпаренными веками: знал куда гость смотрит - в передний угол.

- Иконки-то ценные, старые. Про то хозяйка прежняя сказывала помирая, а ей их попадья Введенская отдала. Родня-то хреновая, взять боялись... И ворье не добралось: сторожа по «кумполу», замки на дверях церкви выворотили, а ко мне заглянуть не додули. Вот ты, паря, можешь их стянуть али подменить. Я слепой, не увижу!

Юрка бы в другом месте вспылит, убежал, хлопнув дверью: кому любо, когда старым в глаза тычут. Но он сидел, уставясь на темные, в блестящих окладах лики. Опять Введенских помянули...

И старик почувствовал, что болтает лишку, словно зрячий, безошибочно нашел и прижал к столешнице Юркину руку.

- Не обижайся, паря, шуткую я. Голос твой мне вроде знаком, часом не встречались где?

Юрка недоуменно пожал плечами, и слепой опять будто увидел это:

- Ну-ну! Я же вспомнил-то... В тридцать седьмом я в команде исполнителей приговоров служил. Насмотрелся, как смертный час человек встречает. По-всякому... Попало нам в «расход» расписать двух братьев-попов. Повел я своего в подвал, поставил к стенке. Бац из нагана! А он стоит, не валится. Я еще - бац, бац! Что такое, поджилки затряслись - все семь пуль в него влепил, а он стоит! Оборачивается ко мне поп-то - здоровый дядька, молодой, и говорит: «Видишь, служивый, Господь меня хранит, отводит, час мой, чаю, не пробил». Я тарашусь на него, как дурак, и из нагана только пустой щелкоток слышен. Поп-то на меня надвигается, пальцы вознял: благословляю тебя, палача моего! Я уж, себя не помня, выбежал за дверь: знаю, что там караульный стоит. Винтарь у него из рук вырвал, хлоп в попа - наповал! А прихожу в караулку - там хихоньки да хахоньки! Чего удумали, сволочи, - в барабан нагана мне холостых патронов напихали. Всем смешно, а я чайал - все, карачун схватит! - дед Ежка затренькал неприятным трескучим смешком и потрогал пальцами свои изуродованные веки. - Меня Бог по-другому наказал... И кабы не это, лежать бы мне давно в земле сырой. Исполнителей наших всех в «расход» тоже пустили, следом за ими же убиенными. А я вот хоть и худо, да живу: ни тех, ни других до того свету встретить не боюсь. Никого не осталось, лежат-полеживают... У тебя, паря, голос с тем попом схож, че я вспомнил-то, - закончил неожиданно Ежка и зашабо рошил пальцами по столешнице, нащупывая стакашек с водкой. - Налил мне? Давай помянем загубленных людей!

Юрка слушал, раскрывши рот: как

прожил жизнь дед Ежка, он прежде стеснялся поинтересоваться, теперь же все всколыхнулось, закипело в нем.

- А-а! - он дико, по-звериному, взвыл, наверное, так, когда подростком еще всаживал прут арматуры в добивавшего его громилу. - Никого не осталось? А я? Сын того попа! Думаешь, не достану тебя?!

Юрка, сжимая кулаки, привстал со стула, но дед Ежка, прикрывавший руками голову, вдруг медленно, боком, повалился на пол и, дернувшись, затих.

«Неужто пришиб падлу? - Введенский в недоумении поглядел на свой кулачок. - Не дотянулся вроде б, не успел. А ведь убил...»

Юрка засуетился, бросился перед ликами на колени, торопливо крестясь. И опять сработала в нем потаенная пружина - вовек ей не заржаветь. Он, нашарив в углу горенки мешок, принялся запихивать в него иконы.

- Мои... Имею право! Мое наследство! - бормотал он и, уложив иконы все до одной, закинул мешок на плечо и уже на пороге споткнулся и растянулся во весь мах.

Из незавязанного мешка выскользнула икона Богородицы, копия храмовой. Юрка, глядя на лик ее, тонко тонко заскулил, до боли прижимая затылок к острому углу дверного косяка. Если б он умел плакать...

ВИДЕНИЕ ОТЦА АНДРЕЯ

Из этой камеры был только один выход - это знали все, находящиеся здесь, и все они, шепча молитвы, плача или замыкаясь в себе, не теряли слабой надежды на иную участь.

Когда в камеру толкнули нового смертника, к нему устремились жадные взоры. Отец Андрей не сразу узнал в топчущемся у дверей арестанте с осунувшимся черным лицом и обвисшими болезненно плечами младшего брата Аркадия; окликнул его, и брат, обрадованный, тяжело и неловко ковыляя, добрался до нар и упал на колени перед старшим Введенским.

- Братушка! Сподобил Господь перед смертью-то свидеться! - он, роняя слезы, пытался разбитыми, распухшими губами целовать отцу Андрею руки.

Тот, усадив его рядом, прижал к себе.

- Ты же с ними, Аркадий, вроде был? Как здесь-то очутился? - спросил, когда брат поуспокоился.

- Был. В прелесть впал. Помнишь, как небогато жили мы на приходе, чуть что - и от архиерея шишки. Денег, славы пуще воли возжелалось. А потом еще понял, что если с ними не рука в руку - пропал. Выжить хотел, робят поднять... Отпусти, брат, мне грехи, каюся: лукавый прелестил!

Отец Андрей положил на горячий лоб брата ладонь, но в это время проскрежетал ключ в замке, и из-за отворившейся со скрипом железной двери раздался окрик:

- Введенский Андрей! На выход!

Братья в последний раз обнялись.

- Все, конец? - прошептал Аркадий.

- Нет! - твердо ответил отец Андрей. - Это только начало другой жизни, вечной...

Лицо конвоира, невзрачного паренька в мешковатой гимнастерке, ведущего отца Андрея по длинному узкому коридору, а потом по склизким каменным ступеням в подвал, показалось священнику знакомым: жесткая хищная усмешка не сходила со скул с первым пушком. Введенский припомнил разгар зимы, стынувший на морозе храм и летящую навстречу кованую калитку, а за нею потешающегося парня...

- Идти, не оглядываться!

«Все они на одно лицо!» - вздохнул отец Андрей.

Впереди, освещенная тусклым светом лампочки из-под потолка, близилась глухая серая стена. Вдруг она расколосась надвое, и отец Андрей увидел...

...Воры с литовцами вламывались в Городок темной сентябрьской ночью. Укрывшийся еще накануне днем лазутчик отомкнул ворота передовому отряду. Сонная, в подпитии, стража погибла под ножами без единого звука.

В распахнутые ворота, чавкая копытами по подмерзающей грязи, влетела конница; пешцы, звякая оружием, устремились по улочкам спящего беззаботно города. В узких извивах не видно ни зги, лишь месяц окровавленным оком сумел выглянуть раз-другой в разрыве туч. Треща смолою, занялись факелы, и в разных концах города пыхнули пожары. В зловещих отблесках огня заметались обуянные смертным ужасом полуодетые жители. Стыли отчаянные крики, гасли последние стоны, лишь огонь трещал, разгораясь весело и неистово, выстреливая снопами искр; дерево трещало и под ударами ломившихся в клетки лиходеев.

Нечая Щелкунова еле растолкал в постели старый слуга. После крепкой воеводской медовухи - седмицу беспробудно пить и сдохнуть можно - разламывалась голова, мутило нутро, и еще толком не прочухавшийся Нечай, накинув на плечи зипун, вышел на волю к калитке. Заслышав шум, он отомкнул засов, выглянул на улицу и нос к носу столкнулся с уса-той озверелой рожей и сдва уклонился от сверкнувшей молнией перед глазами сабли. Пудовым своим кулачищем звезданув в висок, Нечай свалил лихоимца замертво, бросился, скумекав, что худо дело, за секирой в дом... и от оглушающего удара по затылку сполз под ворота тяжелым кулем.

Опамятовался, когда уже дом и подворье опрало пламя. Яркой рожественской свечой пылала церковь напротив.

Кто-то склонился к Нечаю, норovia пособить подняться - дочь в наброшенной поверх исподней рубахи шали.

- Живой, тятенька?

- Покуда...

Щелкунов ощупывал сгустки крови в волосах на затылке.

- Я-то схоронилась, когда вбежали они, - рассказывала дочь. - Холопьев наших каких побили, какие сами утекли. Давай по сундукам, по ларям шарить...

- Не послушались Галактиона, про-

пили город! - простонал Нечай. - Прощения просить да каяться б!

- Хозяин-батюшка, бегут сюда! - предупредил невесть откуда выкурнувший весь в копоти старый верный слуга.

Поблескивая саблями, к ним подбегали воров.

Нечай подобрал клинок возле валавшего снопом кулаком пришибленного литвина, крикнул дочери и слуге:

- Из города выбирайтесь, нет спасения тут! К Галактиону хоронитесь, авось келью не тронут! Прощения у него попросите!

Злобно скалясь, ватага набегала; Нечай приготовился защищаться...

В пылающем городе было светло, как днем. Нечаевна со слугой, увертываясь от летящих головешек, споро добежали до заветного лаза в стене, но в освещенном пожаром посаде к ним прицепились двое воров. Эти за сабли не брались, стали лапать девку, пытаясь сдернуть с нее рубаху.

- О, гарна дивчина!

Слуга, выхватив из-за пояса нож, сунул его в брюхо одному, а второму, послабже и пожиже, вцепился в горло.

- Беги, куда тятенька указал!

Нечаевне удалось ускользнуть в ивняковые заросли: ветки больно стегали по лицу, она падала, спотыкаясь о корни. До взгорка, где стояла келья Галактиона, добралась уж, еле перевозя дух, но через круговую канаву сиганула не заметила, только ноги ожгло ледяной водой.

Галактион, стоя на коленях, молился; на отворившуюся внезапно дверь, насторожась, скосил глаза. Девуцу, белым пятном появившуюся в проеме, с растрепанными, в саже волосами и драной грязной рубахе узнал сразу - занимался уже серенький осенний рассвет. Это она, смеясь, помогала чернецу подняться из пыли под воротами щелкуновского двора.

Девуца умоляюще взглянула на Галактиона, уста ее беззвучно шевелились.

Он понял и без слов: в низине трещали кусты, доносился возбужден-

ный гомон пьяных мужских голосов. Галактион расковал цепь, молча схватил Нечаевну за руку и потянул из кельи. Та, испуганно тараща глаза, было уперлась - стены монашеской келейки казались последней защитой, но чернец, кротко улыбаясь, успокоил: «Пойдем, пойдем! Спрячу!»

По склону взгорка они сбежали вниз к громадным валунам, притяженным когда-то древним ледником. Нечаевне опять пришлось шлепать босой по студеной ключевой воде, зато следы терялись. Под одним из валунов, невидимый в зарослях чапарыжника, открылся лаз в маленькую пещерку. Пробравшись в ее сухое нутро вслед за монахом, девка часто закрестилась дрожащей рукой - разглядела в дальнем углу добротную «домовину».

- Не пугайся, дочерь! - Галактион постукал согнутым пальцем по звонко отозвавшемуся дереву. - Часа ждет. Призовет Господь.

Прикрыв лаз обломком плитняка, Галактион взбирался обратно к келье долго. Поглядел с вершины горки на догорающий, затянутый сизо-мрачным облаком чада город, прошептал перекрестясь: «Упокой, Господи, души усопших рабов твоих в месте светле, месте злачне...»

Гремя молотком, он успел только-только вогнать обратно и расплющить заклепки на цепи, как в келью ворвалась погоня.

- Девка не у тебя, святой отец? К тебе, видели, побегла, деться ей больше некуда.

Разгоряченные ватажники душили Галактиона вонью перегара, от их испачканных сажей, забрызганных чужой, еще не успевшей засохнуть кровью звериных рыл чернец отшатнулся, осенив себя крестным знаменем. Но о нем вроде бы сразу и забыли, перевернули все вверх дном в келье, по бревнышку едва не раскатали, обшарили и все вокруг, оглядывали из-под ладоней окрестность.

- Дивка гарна...

- Хороша-то хороша, но городского самого богача дочка. Ведает, небось, где отец казну со златом скрыл.

- Говори, куда спрятал девку?! -

подступили лихоимцы к Галактиону. - Думаешь, что на цепь себя, ровно кобеля, посадил, дак и не тронем? Святым стал? Еще как башку оторвем!

Сухое тело чернеца месили кулаками почем зря, пинали, били плашмя саблями, даже крюк цепи вырвали из потолка. Галактион, сдерживая стоны и мысленно вознося молитвы к Богу, упорно молчал.

- Бросайте на нем топтаться, зипуны без нас поделят! - крикнул кто-то снаружи.

Злодеи, толкаясь в дверях, сломя голову выбежали из кельи.

Галактион, мало не втоптаный в земляной пол своего обиталища, ощущал, как растерзанное, изломанное, горящее одной сплошной раной его тело покидает жизнь. Последним усилием воли он взмолился: «Господи, прости неразумных - и тех, и других! Благодарю тебя, что сподобил душу невинную спасти и свою отдать в руце твои...»

ЭПИЛОГ

Праздничный благовест колоколов далеко окрест разносился в морозном воздухе. Народ, идущий крестным ходом, медленно огибал еще храм, а служители в нарядных стихарях и с хоругвями в руках уже встали на церковном крыльце напротив врат. Колокола смолкли, и стал слышен хруст снега под множеством ног.

Отец Роман Ропшин перехваченным от морозца тенорком запел тропарь храма, хор подхватил дружно и голосисто, подтянули и прихожане. Батюшка дожидался, пока певчие закончат песнопение, чтобы войти в храм, как кто-то снизу легонько затеребил его за облачение.

- Милые мои, да как вы?! Дождался...

Дети, все трое, и сын и дочери, пробравшись в толчее, облепили отца. Ропшин, поднимая их на руки, целовал в раздумяившиеся на морозе щеки и, приобняв за хрупкие плечики, повел в храм.

А на звоннице после короткого затишья вновь ударили весело колокола...

«АВСТРАЛИЙСКИЙ СВЯЗНОЙ»

Отрывки из романа

**АНТОН
ЯНКОВСКИЙ**

Антон Янковский - обозреватель «Красного Севера», член Союза журналистов России, выпускник Литературного института имени Горького. Родился в Вологде. С 1977-го по 1990 год жил в столице Киргизии, городе Фрунзе.

Роман «Австралийский связной» стал дипломной работой Антона в московском вузе, вошел в финальный лист первого национального конкурса «Дебют» (2000) в номинации «Крупная проза», был опубликован в Интернет-журнале «Пролог» и заслужил внимание отечественной литературной критики во многом благодаря самой теме повествования, рассказывающего о национальных конфликтах и распрях, массовом исходе русских из бывшей союзной сестры-республики Киргизии. Предлагаемый вашему вниманию текст - отрывки из трех частей романа: «Транзитный двор», «Марлевые воины» и «Стекольный погром».

Семья Турабековых по числу детей в нашем дворе самая большая. У тети Киры - старший Альби, Мариам и Аскерушка. У ее сестры Розы - Эльдар, Тимур и маленький Ренат. У третьей, Людмилы, - Сашок. Кто чей, всегда путали, да и эти выяснения мало кого волновали. Было в их крови понаемшано, в быту - шумно, в четырехкомнатной квартире - неухоженно. Жили гвалтом, перебиванием и передачей одежды по наследству. Но старались, чтобы все как у людей, дети обуты-накормлены, и кривотолков в свой адрес не допускали.

Отец был только у Сашка, поэтому жили они втроем, своей семьей, отдельно - в одном из микрорайонов, бывали наездами. Мать Эльдара со своим разошлась. А муж тетки Киры много лет назад повесился на трубе в кухне. Это не афишировалось, но многие знали.

Альбиня - взрослый, к нему не подступишься. Эльдар - погодок, чуть косоват, улыбка хитрая мелькает. Тимица, брат его, пока еще в мелюзге. Ренатику своего второго дня рождения ждать и ждать. Мари - просто красавица. Огромные глаза, длинные ресницы; во взгляде - что-то восточное, а как школьный передник белый наденет - не оторваться от Маришки.

Только с Аскера спрос невелик. Выводит в прописи по-зеркальному, шиворот-навыворот, и все тут. Да читает, как ясельник, по слогам, силится сложить буквы. Ну его в спецшколу и определили. Выправится, говорят, переведем обратно - еще догонит!

Куда там! От них потом выберешься.

Спросишь его:

- Как дела, Аскерушка?

- Да вот, - отвечает, - завтра в кино ходил.

Завтра!

- Вчера, - объясняешь ему. - А завтра только еще наступит.

- Завтра?

- Да, завтра. Завтра наступит завтра.

Чудак!

И главное, хоть бы раз название фильма вспомнил. Видно, у него не только письмо обратное, но и внутри что-то с этими вчерашними завтра и завтрашними вчера наперекоски.

А то еще пойдет речь про Кызыл-Аскер, пригород, мы туда за спидометрами для великов ездим, когда прежние ломаются, так надуется.

- Угу, - бубнит, - как же! Вы в Кызыл-Андрея ездили или в Кызыл-Алешу.

И сколько ему, чертеньге, карту географическую ни показывай, что в лоб, что по лбу!

Саня Мельников - свой парень. Слегка манерный, опрятненький, со старшими вежливый. Это его дед приучил. Он у него добрый, но порой строговат. Нога у него своя всего одна, другая отстегивается. Приветит, бывало, поговорит, а потом как вспомнит вдруг чего, раздражится, осерчает. Бывать у них в гостях тягостно, не по себе.

Бабушка Санина на кухню пригласит, угостит чем-нибудь, гриба нальет. Женщина дородная, в складочках, а как муж только взглянет поиному, потускнеет враз, вся съезжится, будто в размерах меньше станет. А пришлому так вообще хоть сквозь пол провалиться, не до игр. Саня особенно поэтому и не приглашал. Сам понимал, что к чему.

А на улице словно разрядки ищет, компанейский. Конечно, сразу в пыль в своих отутюженных брючках не бросается и взрослым напропалую не дерзит, но и не пай-мальчик. Да он и дома не то чтобы по струнке ходит. Любит своих деда с бабушкой, как и

они его. Да и как иначе? Внук единственный, а бывает все реже.

Родители Сани выплачивают за кооператив неподалеку от Ортосайского рынка, и по мере обустройства он, Саня, все меньше времени проводит с нами. Его отец с матерью переехали уже давненько, но пока ремонт, то-сё, оставили сына на старом месте. Добираться на учебу Сане стало, правда, тяжело, почти пятнадцать остановок на транспорте (в школу-то другую уже перевели). Зато не обрубили ему все связи разом. Чай, не несмышлениш ведь, чтобы где придется - там и ладно. Попробуй перестройся вмиг на новый лад, если прожил во дворе на Московской всю свою сознательную жизнь.

У Мишки Ампиуги, фигуры досконально известной в районе всех Трех Ботаник (то есть городских ботанических садов) родители пьют, а его колотят. Со школой у него дело темное, не больше классов шести. И сам уж от безысходности закладывает, припадки случаются на нервной почве. Компания у него своя, шебутная. Куролесит по городу, ввязывается в истории. Нигде не работает, а деньги есть.

Кладовки у нас как-то в подвале вскрыли, ну все на него и подумали. Только не доказали ничего. Милиция приезжала, они-то его не первый день знают, расспрашивали что-то. Так ничем и не закончилось. А Мишка возьми потом и полунамеком обмолвись, что не все так уж и чисто. Не знаю, кто уж и кому донес, только через пару дней Ампиугу в пять утра всего в крови дворники нашли. Оклемаlesi. Головой об стенку его отхайдокали, а кто - не говорит.

- Хулиганы, наверное, - ответил.

- А сам-то ты кто? - спросил участковый.

И милиция опять уехала ни с чем.

У Олега Смирнова, приезжающего к нам во двор из Москвы каждое лето, еще жива прабабушка, которой 106 лет. Кажется, все время она проводит

на балконе. Сидит себе под козырьком верхнего этажа и дышит свежим воздухом. Это она так гуляет. Во дворе-то ее уже годов двадцать не видели.

Личность Олеговская прабабка загадочная, древняя. К тому же ее вблизи никто из нас не видел. Задерешь голову, крикнешь:

- Здравствуйте!

А она - молчок. Только силуэт, облокотившийся на палочку, сквозь кроны деревьев проглядывает. То ли не слышит нас, то ли своими думами занята. Гуляет, мыслит.

- Так это она еще Ленина видела, - задумываемся мы иногда.

- Видеть не видела, но могла, - авторитетно заявляет правнук.

- И войну гражданскую с Чапаевым застала, - продолжаем восхищаться мы, высчитывая года.

- И в прошлом веке жила!

- С царем!

Все это произносится почти с благоговением. А то, что Олегова прабабушка не видела Ленина или Чапаева, нас не огорчает. Могла ведь!

Угасла долгожительница тихо, незаметно, в одну из весен. Просто кто-то сказал, что бабушки на своем привычном месте нет, а некоторые вспомнили, что балкон пустовал и на той неделе. Хотя как мы могли пропустить похороны, никто из нас объяснить так и не смог.

Хоронят у нас исправно, проводы на каждый сезон приходятся. Катафалк, венки, оркестр.

Двор большой, людей живет много, одиноких почти нет. Пенсионеры - почти в каждой квартире. Если вечером все соберутся, на трех рядах скамеек у левой беседки не уместятся. А табуреты не вынесут - обязательно кто-нибудь стоит. Спорят, обсуждают, переругиваются. Бабки в стороне, старики дымят, газетные новости перемалывают.

В понедельник погибает Вадик Мамырин. Глупо, нелепо, у себя дома, в окружении двоих одноклассников. С последних уроков их отпускают:

учитель труда заболел, и труд отменили. Свободного времени - вагон, расходиться не хочется. Вадя предлагает пойти к нему поиграть - родители на работе, да они и так не против. Вадя, сколько мы его помним, мечтает о братике, просто бредит им. Но брат все никак не появляется. Поэтому родители стараются переключить внимание сына на друзей, школьных товарищей. Двери их дома всегда открыты для гостей Вадика.

Подробности случившейся трагедии становятся известны только через пару дней. Сначала, как это бывает, каждый или выдвигает свою версию, или пересказывает с пятого на десятое услышанное: ударился головой об косяк, отравился газом, напоролся на нож. Все это страшно и жестоко. Не стало восьмилетнего мальчика, единственного ребенка в семье, а перекасти-поле сплетен растет, вертится, обволакивается новыми обстоятельствами, одно неправдоподобнее другого.

Выясняется, что Вадя заткнул пробкой раковину на кухне, чтобы наполнить ее водой и запустить туда бумажные кораблики. В ванную не пробраться - ремонт. Вода перелилась через край мойки, затекла под холодильник. И когда хозяйственный Вадя полез под него с тряпкой, его шарануло током. На глазах у ребят из 3 «А».

Но это мы узнаем потом.

А сперва весь двор взбаламучен, взбудоражен. Кто был дома, высыпали на улицу. И в толпе только:

- Мамырин-Мамырин, Мамырин-Мамырин.

Непонятно, боязно, муторно.

Первой с работы летит тетя Люда, мать Вади. Ей позвонили и сказали. Кто-то закрывает обе створки подъездной двери, загораживает их, распростав руки.

Тетя Люда бьется, воеет, ноги ее подкашиваются, не держат. Ее подхватывают, обвивают, чтобы не пустить к подъезду. Мы не понимаем, почему. Спрашиваем кого-то. В нас вцепляются чьи-то руки, пытаются увести в сторону. Тетя Люда падает, бежит отец Вади, кричит, протиски-

вается в подъезд. Мы ничего не можем понять. Олегова прабабушка тоже умерла, но ведь ей было сто шесть лет, а не восемь.

- Как же он умер? - говорю я. - Ведь вчера мы с ним играли в пробки.

- Мы его тоже видели вчера вечером, - заявляют притихшие Борька и Андрей-Колобок.

Им кажется, что это очень важно, что их вчерашняя встреча еще может что-либо изменить.

Через полгода у Мамыриных рождается Димочка, младший брат Вади, о котором он мечтал всю свою жизнь. Вадику заранее не говорили, хотели сделать сюрприз.

Тетя Люда иногда останавливает нас во дворе и угощает печеньем, конфетами. А если мы просим, заводит в дом и показывает большую фотографию Вадику в траурной рамке, с черной ленточкой на боку. Но мы и так помним Вадю. Тетя Люда знает, и ей это, мы думаем, приятно, хотя она и плачет целыми днями.

Борька Миропольский хоть и младше меня, а тоже с девочкой дружит, со Светкой Манштейн из углового подъезда. У Светы на голове всегда яркий бант, и ходит она на художественную гимнастику. Только нос длинный, а так - ничего. Прыгает по двору с лентами, машет ими во все стороны до ряби в глазах, тренируется. Смотреть интересно, но жаль - надоедает быстро. Да и ей с лентами скучно. Девчонок во дворе мало, не то что пацанов. Кроме Светы, Жанны и Мариам, только Алла Маслова, Аня и сопливая сорванец Нузгуль.

Есть еще Лариса. Но с ней особо не наиграешься. Лариса - глухонемая. Что-то по-своему, конечно, говорит, но что - понять трудно, и мы не понимаем. Да и вредная, хоть ее и жалко. Попросит, чтобы с ней в альчики кон разбила, а когда продует, схватит все костяшки - и наутек. Или в прятки когда играем, назло пальцем тычет - подсказывает. А чуть погрози ей, так бежит своим родителям жаловаться.

- Бы-мы! - и кулаком в нашу сторону.

А ей и верят. Придут, отчитают по первое число. Лариска сама стоит, скалится беззвучно и язык показывает, а в каждом кулаке еще по две фиги сжаты. Вредная девчонка, прямо как царица полей или как ее там из «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен».

А то вообще придумала без спроса брать наши велики из подъездов. Мы если домой на минутку забегаем, бутерброд сделать или просто показаться, их внизу оставляем, чтобы по лестницам лишний раз не таскать. А она заметит и - шмыг. Тебя чуть кондрашка, когда спускаешься, а лайбы нет, не хватит. А Лариска в это время вокруг двора педали накручивает, сметается.

- Бы-мы!

Но родители ее и за это прощают. Одернут, правда, брови нахмурят, но Лариске все ничем - опять фиги сложит. Знает, что сильно ругать ее не станут, а мы не в этот, так в следующий раз все равно виноватыми останемся.

Мы с Борисом думаем, что она из-за своей немоты и глухоты такая. Раньше она, мне рассказывали, нормальной была. До какой-то болезни. А потом - как отрезало. Но об этом стараются не вспоминать. Родителям сочувствуют и старое не бередят.

К нам в класс из другой школы переводят сразу троих киргизов. Начинается что-то невообразимое. Они то и дело подзуживают наших пойти подраться с русскими. Держатся вместе, борзо и с вызовом. Объясняют, что надо «чморить», и наглядно показывают своим скотским поведением, как это делается. Подкатываются к тем, кто послабее, силой отбирают деньги на столовую, навешивают сачек и заставляют писать ответы на задания контрольных.

Я ничего не могу понять. Положим, меня пока не трогают. Первые три года я был самым сильным в классе, и об этом еще помнят, да и

пришлым, видимо, рассказывают. Новички даже набиваются ко мне в приятели. Но почему Азамат, Нурлан, Азиз, Анвар и Улугбек, то есть все «наши», с полуслова подхватывают их науськивание? По школе передвигаются важно, гурьбой, заручаясь поддержкой киргизов из других, старших классов.

Уже на второй неделе новой четверти на больших переменах за школой начинаются драки. Димка Мещеряков - добрый парень, он всегда помогает девчонкам носить портфели и поливает цветы, потому что назначен цветоводом. Но когда Анвар дает ему исподтишка пинка, он соглашается идти с ним драться. С Ормушевым Димка просидел полтора года за одной партой, а теперь, окруженный новичками вместе с их внезапными приспешниками, вынужден защищаться от его ударов. Достается Анвару. Димка - здоровый, сбитый. Но тут же ему в ультимативной форме предлагают драться с одним из переведенных, и теперь достается Мищеру. Он уже устал и пропускает пару ударов в лицо. А дерутся до первой крови. Но, как я думаю, это только пока.

Картина повторяется изо дня в день. Билик и Староконь отделяются еще дешево. Андрей Билик дерется не впервой, Староконь занимался боксом. А вот Грекову, Кривошеину, Рогожину и Платову достается, как и всем остальным. Пока не трогают только меня и Вадю Елового. Шея у него здоровая, бычья, кость широкая, не подступишься.

Мы пытаемся поговорить с «нашими». Азамат прячет глаза, Нурлан улыбается, будто здесь ни при чем. Он действительно еще не дрался, но все равно на стороне киргизов. У него мать - завуч школы, но не пойдешь же жаловаться. С нами соглашаются, говорят, что это так, не обращайтесь внимания. Все произносится как-то неуверенно, с паузами, невнятно. Да как не обращаться, если у Яшки Юртаева заплыл глаз, а Максиму Мардышеву разбили губу. На следующий день все повторяется. Включается какой-то стадный механизм, словно

три новичка имеют на остальных какое-то безграничное влияние.

Появляются первые перебежчики. Это те, кто уже не хочет ни драться, ни получать. Платов, Юртаев и Греков. Но их не оставляют в покое. Подговаривают, чтобы они все-таки дрались, но уже с нами. Меня вызывает Димка Греков. Он маленький, шупленький, голос дрожит, но заученные гадости так и срываются с языка. Я собираю портфель и ухожу с оставшихся уроков. Вечером Билик притаскивает Грекова за шиворот ко мне домой извиняться. Я ни с того ни с сего плачу, Димка плачет, и мы вроде миримся.

- Пойми, мы же с тобой с первого класса, - говорит он. - Меня же просто заставили.

Я понимаю. Иначе бы Грекову дали по зубам. Но это ничего не меняет. День ото дня в школе становится все труднее. И ни я, ни Вадя Еловой уже не составляем исключения, заворачивая после уроков за школьный двор.

На Московской творится то же самое. Только там права качают парни из «академического» дома, заселенного разными доцентами и профессорами. Дом огромный, пятиэтажный, приплюснутый буквой «П». Русских семей всего шесть, остальные - киргизы. Семьи у них разросшиеся, многодетные. От мала до велика набирается больше ста пятидесяти человек. Это на нашу-то компанию, которая во столько раз меньше.

Стаса, Макса и Андрея из углового подъезда, как самых старших, пока не трогают, есть варианты и попроще. Но и за нас они не заступаются, от греха подальше. Каждый с головой уходит в свои дела, и во дворе их почти не видно. Больше всего достают Ганкина и Меньщикова. Отводят в сквер и бьют. Они, конечно, тоже стараются врезать. Но что поделаешь, когда своих можно пересчитать по пальцам, а киргизов каждый раз ватага голов под пятнадцать-двадцать. Да меньшим числом в нашем дворе они и не показываются, разве что

пройти к остановке. К тому же чаще всего вместе с ними дерутся Зака и Доктор-бек. Они занимаются карате, и шансов выстоять против них нет, если только кирпичом по голове дать.

Андрей выходит из себя, психует. Леха с остервенением занимается гантелями, покупает гирию. Просит, чтобы я как можно сильнее бил его по животу - проверяет пресс. Я отнекиваюсь, но когда он настаивает, бью. Понятно, что не изо всех сил. Я его все-таки уважаю, хоть он и заиграл у меня несколько лет назад мою первую модельку. А Ганкина я и сам, когда поднажму, валю, даром что он на две головы меня выше. Вымахал в момент, а крепости никакой, враз куда-то ушла. Подсечешь, придавишь, а он уже подняться не может. Вцепится в волосы, как девчонка, и дерет что есть дури. Вот тогда - больно. Но с киргизами так не поступает, боится.

Да только боится их не он один. А мы все. Как ни делаем вид, как ни хорохоримся.

Раньше наша семья жила в Оренбурге. Там же в двадцать первом году родилась моя бабушка. В тридцатые прадед попал в поток переселенцев в Среднюю Азию. Молодые республики становились на ноги, и требовались специалисты. Конечно, некоторые сами вызывались ехать, помогать, учить, строить. Но чаще о желанин не спрашивали, вырывая людей из Москвы, Рязани, Самары, Калуги, Омска.

Оренбург сменился Ташкентом. Из Ташкента на фронт и ушла моя бабушка. Она была секретарем комсомольской организации института и не раздумывала о том, идти ей воевать или нет. Но сначала были курсы в Новороссийске, где ее обучили радиodelу. К тому же она хорошо знала немецкий, и позже ей доводилось быть переводчиком, когда брали пленных.

После ранений и возвращения домой бабушка не стала доучиваться в индустриальном. Время было голодное даже в хлебном городе, и она подала документы в железнодорожный

институт - единственный тогда на весь Ташкент вуз, где выплачивали стипендию.

Получив профессию инженера железнодорожного транспорта, по распределению преподавала в Самаркандском техникуме. И теперь уже не она следовала за своей матерью, а моя прабабушка переезжала вместе с ней. В сорок восьмом семья наконец осела во Фрунзе, куда тоже был получен перевод - уже не только прадедом, но и моей бабушкой.

Летом двор всегда выглядит чуть заброшенным, пустым. Многие разъезжаются в отпуска, навещают какую-то дальнюю родню, кого-то проводят и достают путевки на Иссык-Куль или едут туда дикарями. Теперь прибавляется новая причина. В этот сезон отцы семейств уезжают в Россию искать жилье, договариваться о работе, узнавать об условиях и возможностях перевода. Обмен идет вяло. На жару, фрукты и горы люди уже не столь падки. К исходу августа выясняется, что из нашего двора уезжают сразу несколько семей. В них нет детей, и поэтому мы знаем отбывающих больше в лицо, чем по общению. Но все равно рушится какая-то привычность, когда понимаешь, что вскоре ты, может, никогда не увидишь и кого-нибудь из своей компании, с кем провел всю дворовую жизнь.

Из класса уходят толстяк Женька Рогожин, всегда переодевавшийся на утренники Портосом, и Ванька Гусев, его отцу, как говорят, повезло: он нашел должность инженера на металлургическом комбинате. В глухой, затерянный сельсовет перебирается родная сестра маминой сокурсницы Тани Крышиной. Ее мужу удалось всеми правдами и неправдами добиться разрешения взять в аренду бревенчатый дом в Воронежской области и даже небольшую пасеку. Выкупить дом сразу они не могут - не хватает денег, и выпутаться из положения собираются продажей меда и разведением хозяйства. Берта Владими-

ровна Усецкая получает первые письма от Макса, который эмигрировал в Израиль. Говорит, что рада за внука, потому что у него наконец-то все хорошо. А сама грустит, сидя на своем балконе, уставленном цветами. Куда-то пропадают Селедковы, в их квартиру вселяются переселенцы из Афганистана. Кто - сюда, а мы - отсюда.

В городе начинает происходить что-то непонятное. Дома и улицы постепенно наполняются шепотом и пересудами, какими-то фантастическими дикими рассказами и свидетельствами. Напрямую ничего не говорится, и рассказываемое, как правило, предваряется оговорками: сам не видел, но людям врать незачем. Причем в качестве источников ссылаются не на каких-то прохожих со случайно услышанными от них обрывками и недомолвками, а на вполне конкретные рассказы знакомых, соседей, сожителей.

С разных концов города ползут слухи - тяжелые, смутные; ощущается что-то необратимое, мрачное, а что именно - никто не говорит, словно знают, но боятся произнести вслух и поверить в это, признать, что на смену прежнему надвигается новое и возврата к привычному укладу уже не будет никогда.

Все чаще взрослые собираются по вечерам на кухнях, отправляя детей в комнаты смотреть громче обычного включенные телевизоры и, точно между делом следя, чтобы эти «детские» разговоры не были подслушаны. Но вскользь подхваченные фразы только еще больше сбивают с толку, вносят сумятицу. Что-то пугающее слышится в осторожно произносимых словах.

На окраинах начинаются погромы. Но кто и что за этим стоит? Бьют витрины и фонари, палят газетные киоски, обрывают в автоматах телефонные трубки и корежат автомобили. Медленно, ночь от ночи, приближается эта невидимая сила, управляемая сумраком и чьей-то волей, к цент-

ру. И вот уже обугленные следы неизвестного, прошедшего с гиканьем, с криками под покровом вечернего часа, чернеют гарью в соседних районах, кварталах, улицах. А поймать того, кто навис над всем этим, везде и нигде не могут. И еще страшнее становится от мысли, что днем эта сила спокойно перемещается у тебя за спиной по тротуарам, садится в городские маршруты и покупает в продовольственных хлеб. А с наступлением темноты превращается в незнакомое, недочеловеческое и вылетает сеять в зареве огня разруху и пустоту.

Лица у русских людей становятся серые, пугливые. Бегут по своим делам, нигде не задерживаясь, боясь собственной тени и наперегонки с ней, чтобы скорее попасть в привычную обстановку, запереться в стенах и не выходить, пока новый день и заботы опять не выгонят их из дома на работу или по делам. Газеты молчат, местное телевидение как ни в чем не бывало желает доброго - «саламат сыздар» - вечера. Но ни молчанию, ни пожеланиям не верят, стараясь только как можно быстрее попасть домой и как можно дольше не покидать это пространство, дарящее хоть какую-то относительную безмятежность.

У нас, как и во многих других квартирах, появляются кипы бюллетеней и брошюр по обмену жилья. Мама покупает все выпуски, а потом долго и внимательно изучает их, подчеркивая или выписывая на отдельные листы некоторые варианты. На мои расспросы отвечает, что нет, мы никуда не переезжаем. Но произносит это так, что становится понятно: нет - только пока, а подвернись что подходящее, там видно будет. Украдкой я заглядываю в мамин список и, более-менее разобравшись, прихожу к выводу, что отъезд нам все же действительно еще не грозит. Уж слишком нереальны вынесенные сюда предложения, а ведь они в проекции самые подходящие.

Варианты через Владивосток и Хабаровск (это из Средней-то Азии!), цепочки по восемь-двенадцать звень-

ев, условия бешеной доплаты и даже какие-то фиктивные браки, которые «возможны при ближайшем рассмотрении сотрудничества». Все это тревожит, вызывает чувство недоумения, ревности, но в то же время заинтересовывает, будоражит, затягивает. Иными вечерами я уже и сам сижу рядом с мамой и просматриваю бесконечные столбцы «Меняю», «Жилье», «Есть жилплощадь!», «Обмен». Сотни человеческих судеб, тысячи квадратных метров, вереницы телефонных кодов и номеров и километры коридоров с пустотами антресолей - все это ждет, живет, трепещет в ожидании перемен и чего-то лучшего за безликими мелкими шрифтами разрастающихся многотиражек.

Погромы утихают так же внезапно, как и врываются в ночную столичную жизнь. Но неведомая сила никуда не исчезает. Она принимает новый криминальный оксал, словно мутировавшая нечисть постепенно привыкает к солнечному свету и дневному времени суток.

На улицах начинаются избиения русских. Без предупреждений, со смехом, яростью и тем особенным цинизмом, когда знают наверняка, что против десятерых один не выстоит. Поначалу нападают чаще по вечерам, подкарауливая припозднившихся прохожих. Но, ощущая свою безнаказанность, вскоре принимаются делать выпады и днем. И если раньше ты мог обезопасить себя, держась в людном месте около взрослых, то теперь, попадись под руку, не спасает и это. Не смущают даже переполненные остановки. Но что еще омерзительнее - нападающие уверены, что за назначенную жертву никто не вступится. Просто будут молча стоять в сторонке и смотреть с единственным желанием - лишь бы не тронули самого.

Теперь темная сила не таится. Наоборот, осмеливаясь раньше выбираться из своих логовищ только по ночам, рвется на дневной свет, проявляет себя и утверждается. Площади запружены демонстрантами. Это

разношерстные толпы, в которых, кажется, не может быть ничего слаженного. Люди шумят, баламутят, что-то выкрикивают, обсуждают, пьют и смеются или даже просто так примыкают к всеобщему гомону, чтобы потом с гордостью сказать, что заваривание каши в общем котле не обошлось и без их участия. Не понять, ни чего они хотят, ни чего они требуют, ни чего добиваются. Гомон и гвалт поднимаются по городу, медленно перерастая в рокошующий гул. Но сами за себя говорят плакаты и транспаранты, которыми сотрясают воздух собравшиеся: «Русские - оккупанты», «Вон из свободного Кыргызстана», «Сволочи, убирайтесь домой!».

Такими надписями размалевывают заборы, стены, памятники. Их выкрикивают и скандируют в людных местах. Жирно выводят краской на школьных досках объявлений, на информационных стендах в больницах, учреждениях; на всем, что бросается в глаза или же вообще доступно взгляду.

По дороге к Чон-Арыку, за которым в предгорьях и на горах расползается огромное юго-западное кладбище, полным ходом начинается самовольный захват земель. До этого громили и жгли дачи, но многие люди все равно отказывались покидать свои участки, ведь на них еще оставались местами уцелевшие фруктовые сады, за которыми они ухаживали долгие годы. Однако со временем заброшенных домов или того, что от них осталось, становилось все больше. Опасность крылась и подстерегала и в городе, но задерживаться на дачах, расположенных вне его предела, было куда рискованнее и сродни добровольному росчерку под собственным приговором. Испытывать судьбу приходилось, даже просто выходя из дома за продуктами, так что лишнее раз ее терпение старались не проверять.

Разговоры о миграции становились неотъемлемой частью любой встречи. Число отъезжающих из близкого круга или окружения знакомых росло как

на дрожжах. Почти каждый день звучали новые фамилии, назывались пункты и направления, фигурировали какие-то суммы и сроки. Количество желающих покинуть республику превышало все мыслимые пределы. Жилье, которое и без того невозможно было продать, не говоря уже об обмене на Россию, обесценивалось в том же темпе, в каком рос отток отбывающих.

«Успеть бы!» - носилось в воздухе.

И, чтобы усилить панику, киргизы теперь нарочно касались в своих выпадах и жилищного вопроса.

- И так все побросаете, нам оставите, - ухмылялись они. - Никаких обменов не получите, никаких доплат. Даром себе заберем. А ноги не унесете - вышвырнем.

И делали все для того, чтобы это произошло на самом деле: выживая, гнобя, перекрывая пути общения, изничтожая физически и унижая морально.

Час от часу не легче. В школах вводят киргизский язык. Говорят, теперь он будет обязательным, а потом его и вовсе признают государственным. А чем только не грозятся за его незнание! Киргизский разговор - злой, быстрый, пронизывающий. У нас в багаже лишь отдельные слова, которые у всех на слуху: нан - хлеб, эт - мясо, суу - вода, сут - молоко. Всего десятка два наберется, не больше. Да и то вместе с ругательствами и надписями на вывесках, типа «Кош келениздер» - «Добро пожаловать» якобы значит.

Нас, конечно, больше всего потешает название парикмахерских салонов - «Чач тарач». Мы, когда подстригаться идем, так и комментируем: «Чачу пора тарачить». Еще поговаривают, что на киргизском очень смешно звучат персонажи сказок: Змей Горыныч - «Автоген хан», Баба Яга - «Кошмар опа», Карлсон - «Шайтан вентилятор», Буратино - «Саксаул беке», а Дед Мороз - «Колотун» такой-то. Но это, скорее, так, шутки ради. Хотя черт его знает, если даже обычный велик киргизы раньше «шайтан

арбой» звали. Но вот с парикмахерскими - наверняка, надписи-то повсюду.

Смех смехом, но самое интересное, что многие киргизы возрастом постарше сами противятся такому насаждению родной речи. Им приходится вновь учить или вспоминать ее вместе с русскими, татарами, украинцами, немцами. По значимости киргизский ставят на одну ступень с английским и даже впереди него. В нем аж тридцать шесть букв, так что куда здесь русскому! Правда, тридцать три из них заимствованы как раз-таки из русского языка. Не говоря уже о том, что у киргизов до последнего отсутствовала письменность.

Тем временем с языком становилось все строже. Меняли вывески и надписи на ценниках, указатели и таблички с названиями улиц, которым присваивались совершенно незнакомые наименования. В магазинах демонстративно отказывались говорить и понимать по-русски, требуя, чтобы нужные товары перечисляли на киргизском языке. Немного выручало то, что некоторые слова заимствовались киргизами полностью, что поначалу делало общение более-менее сносным, хотя ты иногда и «не понимал», на каком языке, будучи нечаянным полиглотом, сейчас говоришь. Но позже переименовались и эти заимствования, что невольно вело к путанице и неразберихе, ведь филологам постоянно приходилось вносить добавления и правки в словари и в справочные пособия, за серьезную систематизацию и издание которых и без того принимались только сейчас. А когда подобрать эквивалент не удавалось, к русским основам просто прибавлялись характерные окончания или сами слова вымучивались не по принципу прямого уточнения, а подробного описания. Скажем, не «аптека», а «магазин, где продают лекарства». Понятно, что такой подход чистоте языка не способствовал.

Ну а уж когда в начале девяностых киргизский официально признали государственным, им заполонили все. Пресса откликнулась выходом целого

ряда местно-язычных газет. Республиканское издательство «Мектеп» развилось потоком книжной продукции. Телевизионные передачи здесь него производства были и без того переориентированы. А советские фильмы с каким-то бешеным азартом стали подвергаться дубляжу. Конечно, это делалось и прежде, но не в таких масштабах. Хорошо еще, что оставались центральные телеканалы. Их глушить, видимо, не осмеливались, хотя, может, и вовсе не собирались. Так что говорить о тотальной блокаде все-таки не приходилось, что зачастую ставилось на вид русским, когда те возмущались засильем киргизского языка. Учить-то его от безысходности учили, но очень неохотно, словно веря, что еще вернутся старые времена.

Киргизов в городе становится все больше. Тянутся из сельской местности, переезжают, сменяя скотоводство на городскую оседлую жизнь, за бесценок забирают квартиры, а то и вообще получают их какими-то непонятными, темными способами. Русские лица в толпе приходится уже выискивать, как в игру какую играешь: заметишь их на этом пятачке квартала или нет.

На улицах разбивают юрты. Иногда прямо в самом центре, неподалеку от оживленных магистралей и базаров. В академическом дворе тоже частенько стоят одна-две, но это если праздник на носу или событие: похороны, свадьба, религиозный Нооруз. Порой юрты ставят и для приехавших погостить родственников. Сами они, как правило, из горных аулов. Вот им, вероятно, и создают все условия, чтобы чувствовали себя вольготно, как дома, и не одичали от цивилизации, догадываемся мы.

В квартирах попросторнее, рассказывают, для них специально держат пустые комнаты, где почти нет мебели и полы застелены кошмами - неткаными коврами из верблюжьей шерсти. А если всем не разместиться, возводят во дворах свои войлоч-

ные жилища: круглые и куполок сверху.

У тети Анны Ястрижевской, дочери бабушкиной приятельницы, тоже сплошные неприятности. Ее увольняют с работы за какое-то несоответствие. Тридцать лет она проработала в университете на кафедре и «соответствовала». Но тут кому-то срочно понадобилось повышение, и она вдруг пришлось не ко двору. С неделю назад ей, правда, повезло. Ее взяли готовить еду и прибирать в доме какой-то богатой киргизской семьи. Теперь она у них считается домохозяйкой, но выматывается так, что сама себя называет чернорабочей. А в свободное время, которого остается не так много, все равно ищет подработки, чтобы вытянуть трех своих дочерей.

Как-то разом сдавшая Таня Крышина вместе с рано повзрослевшей дочерью Светланой выпутываются тем, что пекут на заказ пироги и сдобу. У них свой старый дом, и газ приходится покупать привозной. С ним перебои, и достать его можно только с переплатой, а один баллон и без того стоит очень дорого. Встают Крышины спозаранку, чтобы обойти соседей со свежей выпечкой да снести заказанное с вечера продавцам на мини-рынок к продмагу.

Сперва пирожки у тети Тани берут вяло, с незнакомого стола-то. Но, посмотревшись и попробовав, чаще уже не отказывают. Хотя если опоздаешь к назначенному времени, пусть совсем немного, или что не понравится, сразу в отказ. А то где и в другом месте перекусят. И хлопотно угождать всем, и заработок ненадежный.

Раскаленная от зноя площадь перед кинотеатром «Ала-Тоо» запружена народом. В центре расступившейся толпы, колышущейся и нетерпеливо переливающейся, точно барашки набегающей на берег иссык-кульской волны, - старуха. Взоры обращены к ней, настала ее очередь говорить.

- Русские нам помогли, - разносит кашляющий, под стать царящему

суховею, голос чон-апы, как уважительно обращаются к женщинам в возрасте. - Они поднимали нашу республику, трудились вместе с нами, строили дома и больницы, делили невзгоды и радости. Почему не жить в мире? Чуйская долина большая, простора под нашим жарким солнцем хватит всем. Одумайтесь, ведь нам не из-за чего враждовать и подниматься друг против друга!

Большинство городских киргизов старшего поколения, успевшие, что называется, обрусеть, противились межнациональной распре. Аксакалам действительно нечего было делить с русскими, с которыми они уже успели породниться: как в переносном, так и в прямом смысле - смешанные браки раньше не были редкостью.

- Плохие люди есть среди каждого народа, - вещает чон-апа. - Нельзя говорить за всех сразу. Но рознь еще никого не доводила до добра. Не доведет и нас. Мир нельзя строить на крови. Кровью можно только сеять ненависть и вражду.

Ее слова тонут в заглушающем, сметающем, полном бесшабашности гиканье.

За годы раздора пределы республики покидает десятая часть ее населения - четыреста двадцать тысяч человек, из которых, не найдя себе крова и приюта, рискнула вернуться всего треть, да и то из-за отчаяния и неумения обустроиться на новом месте, адаптироваться к иному укладу жизни и смириться со статусом беженца. Но как можно было вернуться со спокойным сердцем в раздираемые распрями земли, если в свое время только в Оше, городе к югу от Фрунзе, за три дня вырезали около четырехсот человек?

«Представляешь, Борис, - уже сейчас пишу ему я, - в январе 1999 года в Оше объявили сбор средств на установку мемориала памяти лидеров басмаческих движений».

Это не укладывается в голове.

Но всего этого мы с Борисом тогда

не знаем и не хотим знать. На дворе по-прежнему стоит конец восьмидесятых, и мы который день прячемся под потолком чуть накренившейся беседки. Это мы так «гуляем», прямо как раньше Олегова прабабушка на балконе. А ближе к вечеру, разбившись оставшейся дворовой компанией на группки по двое-трое, мы опять отправляемся в разные от двора стороны встречать с работы своих матерей. Неизвестно, на что будем способны мы, девяти-, тринадцатилетние юнцы, притаившиеся в темных кронах деревьев. Но наши легонькие курточки все равно скрывают обернутые мешковиной кухонные ножи с широкими отточенными лезвиями, предназначенными для разделки мяса. Наверное, мы вряд ли берем их с собой просто так. Однако в нашем окружении нет ни одного человека, кто бы не догадался лишний раз поблагодарить судьбу за то, что ему не пришлось проверять это на деле.

На память опять приходит стекольный погром, как его окрестили в нашем дворе на Московской.

Мы лежим, прикрыв головы руками, на усеянном осколками ковре, под крышкой письменного стола, что остается, пожалуй, единственной надежной защитой в напрочь разгромленной комнате. В два зияющих оконных проема, ощерившихся по краям острыми зубьями стекол, сквозь зелень ветвей и гроздья распутившихся акаций врываются камни. Разбивая вдребезги оставшиеся стекла, они крушат спальню: створки книжного шкафа, обрамленную фотографию бабушки. Они оставляют на полировке фортепиано растрескавшиеся вмятины, что тут же распускают по инструменту свою паутину.

Такого еще не бывало. Стекольщика вызывать, разумеется, приходилось, но чтоб погром... Самое непостижимое в те моменты, когда я приподнимаю голову: почему цела форточка на окне во двор? Ее стекло лопнуло еще несколько лет назад, но до

сих пор держится в скобах одному ему известным способом. До замены никак не доходят руки. А сейчас все расколочено, но форточке, словно заговоренной, хоть бы хны.

- Орус, орус, менен сеген! - в комнату врывается полный злобы крик.

- Что? Что они кричат? - спрашивает Борис, прижимаясь ко мне.

- Кричат, что мы - русские.

- А еще? Что они кричат еще?

- А еще кричат про матерей.

- Про наших с тобой? Про твою и мою? - продолжает допытываться он, напряженно вглядываясь в мое лицо.

- Нет, - говорю я, пригибая его голову к коврику и стараясь подобрать слова. - Про своих. Они у них ведь тоже есть.

В выкрики беснующихся вклинивается звон разбиваемых окон в других квартирах, на всех трех обстреливаемых этажах. Бульжников под ногами хватая, рассчитывать на лимит «боеприпасов» нечего.

- А что они кричат про своих матерей?

- Они жалуются, что те родили их на свет, - отвечаю я.

Несмотря на воцарившееся сумасшествие, лежать за письменным столом довольно спокойно. На улице если не камнем, то палкой или хлестким стручком Адамова дерева тебе по лицу или по спине обязательно перепадет, за день иногда и не раз. Теперь приходится выбирать меньшее из двух зол и делать это день ото дня становится все труднее. Затворничество невозможно, а стоит переступить порог родной квартиры, как за ним сразу же начинается передовая.

Нахожу у Григория Бакланова в «Пяди земли»: «Где-нибудь в Австралии вернулся сейчас мой ровесник с работы, ужинает у себя дома. Война там, в России, за неоглядной далью, за снегами. О ней он знает по газетам, а свои заботы близко, беспокоят каждый день. Может, не так велики эти заботы, да ведь свои».

Эти баклановские строки я приво-

жу несколько лет спустя, уже в российско-австралийском послании. И может быть, поэтому они кажутся мне такими верными и близкими, хотя в самом произведении речь идет совсем о другом.

И еще один абзац я аккуратно лишь с небольшими пропусками, переписываю из этой же повести: «А под деревьями стояли парочки и, затихнув, ждали, пока мимо них пройдут... Их нет теперь, этих улиц. После... отстраивают новый город, рождаются в нем люди и вот таким будут знать и любить его с детства. Но тот город, в котором родились мы, бегали в школу, влюблялись впервые, - того города уже нет. Он погиб... и живет только в нашей памяти. Не будет нас, не станет и его, даже если сохранятся фотографии. С холодной точностью воспроизводя вид зданий, они не передают то, что знали в нем и любили мы. А главное, в новых людях, когда они со спокойным любопытством будут смотреть на эти фотографии, не вздрогнет и не отзовется то, что отзывается в каждом из нас, лишь только коснешься воспоминания. Очевидно, с каждым поколением навсегда уходит неповторимая жизнь. И с каждым новым поколением рождается новая».

«Боже мой, как верно, - думаю я. - И про детство, и про школу, и про первую любовь, про фотографии, воспоминания и жизнь, уходящую и рождающуюся».

И я знаю, что эти строки, несмотря ни на что, написаны и про наш город, про наше детство, про нашу в этом детстве жизнь.

...А через час, когда темень окутывает наш двор, превращая его в сакральный мирок, мы выскальзываем из беседки и расходимся по домам. В вечернее время каждая ветвь и тень служат нам защитой и оберегом. Мы прощаемся до завтрашнего дня, даже не подозревая, что скоро наступит черед думать об этой повседневности с такой грустью и теплотой...

Вологда. 1998-2000 годы

ВАЛЕРИЙ КИСЕЛЁВ (Нижний Новгород)

ОСТАЛОСЬ ЧИРКНУТЬ СПИЧКОЙ

Рассказ

Майор Иван Потёмкин ехал из Чечни домой, в отпуск.

«Пять часов», - взглянул он на свои «командирские», проснувшись от криков за окном. Приподнялся и посмотрел сквозь грязное стекло на улицу. Вдоль вагона шумно бегали тётки и ребятишки с ведрами яблок и огурцов и криками будили пассажиров, предлагая свой товар. «Господи, какая нужда так рано вставать, чтобы огурцы копеечные продать...», - подумал Иван.

В толпе торговцев выделялся дедок с орденом Славы на стареньком пиджачишке. Он шкандыбал на деревьяшке вдоль вагона, то и дело протягивая к окнам ведро с яблоками. «Как дед», - подумал Иван. Тот тоже вернулся с фронта без ноги и всю оставшуюся жизнь ходил в кузницу с деревяшкой вместо протеза. «Но уж дед-то мой никогда бы не унизился, чтобы бегать вот так с ведёрком по станции». Иван невольно вспомнил, как однажды тот, прижавшись ухом к настенному радио, слушал свою любимую песню «Коробейники» - слезы горошинами катились по щекам. Дед в молодости был гармонистом и славутником...

Майор Потёмкин посмотрел на бутылки, стоявшие на вагонном столике, - все были пустые - и стал одеваться. Сосед его, капитан Евстигнеев, храпел с верхней полки, другой попутчик - мясистый кубанский казачина, ехавший по делам в Москву, уже проснулся: «За пивом, майор? Возьми и мне пару...»

Иван вышел в тамбур.

- Дяденька, купите горячей картошки с укропчиком и с малосольными огурчиками, - протянул мальчишка Потёмкину тарелку.

Заметив потенциального покупателя, к дверям вагона сбежалась толпа

человек в двадцать, все они наперебой совали Потемкину свои ведра. Оказались в толпе и несколько его возраста мужиков с кошелками.

- Неужели другой работы у вас нет, что бегаете сюда, да еще в такую рань, торговать? - спросил Иван одного из мужиков.

- Да какая у нас тут работа... - замялся мужик.

- А ты попробуй, военный, на мою пенсию прожить, - закричала вдруг тётка в старом цветастом платке.

Толпа завелась быстро. Наперебой кричали, что работы нет, пенсии нищенские, «ну не воровать же идти на старости лет!».

- Требовали бы от властей, чтобы порядок наводили! Вы же - народ! - завелся Иван. - Не хрена выбирать кого ни попадя!

И осекся: он же сам защищал эту власть в 93-м. Тогда польстился на обещание квартиры и согласился сесть в танк. Стрелял по «Белому дому». Когда командир полка показал им перед штурмом фотографии баркашовцев со свастикой на повязках, маршировавших у «Белого дома», Иван обомлел: «Дед с такими же воевал, ногу потерял, и опять фашисты, да где - в России!». А после стрельбы казнили: ведь свои же люди, русские.

Толпа у вагона, оказавшись без покупателей, явно была настроена на продолжение политической дискуссии.

- Вот и вёл бы нас на Москву! - крикнул кто-то из мужиков.

- Да какие из вас вояки, - ответил Иван.

И только тут заметил в толпе двоих милиционеров.

- Это кто же здесь такой Стенька Разин выискался? - ухмыляясь, спросил один из них, старший лейтенант.

И со злостью: - По какому случаю митинг?

Толпа стала торопливо и молча рассасываться.

- По случаю необходимости покупки пива, - с неприязнью ответил Иван и протянул тётке деньги: - Четыре бутылки.

Старлей недобро посмотрел на Потемкина. Впереди загудел тепловоз - и состав медленно стал набирать ход.

Иван поставил бутылки с пивом на стол. Казачина опять любовно резал свое сало - большими, но аккуратными кусками. «И шо они там гутарили про политику?» - спросил он Ивана.

- Да предлагали мне на Москву их вести, - просто и грустно ответил Иван.

- «На Москву», - передразнил казак. - А я вот у себя в станице половину бы перестрелял.

- Это за что ж так? - оторопел Иван.

- А красюки все... - спокойно ответил казак, отрезая кусок от каравая.

Кровь ударила Ивану в голову. В памяти вспыхнул рассказ деда, когда он его в детстве в бане спросил, откуда у него эта пулевая отметина почти под сердцем. «Да это еще в двадцатом казак один подстрелил». В гражданскую деда, тогда девятнадцатилетнего вологодского паренька, мобилизовали красные, и попал он на деникинский фронт.

- Так с меня, может, и начнешь? - едва сдерживая бешенство, предложил Иван.

- А ты из коммунык, что ли? - казак сжал нож над салом.

- Эй вы, кончайте этот базар! - крикнул с полки Евстигнеев.

Потёмкин открыл бутылку пива и выпил его без остановки. «Есть же еще дураки на белом свете, - со злостью думал Иван, - «красюки... коммуныки»... В Чечне я вас что-то не видал, таких героев, мальчишки за вас воюют».

Иван встал и пошёл в вагон-ресторан за сигаретами. Прошёл вагон, второй, вглядываясь в лица просыпающихся пассажиров.

- Эй, военный! - кто-то окликнул его сзади из купе.

Иван оглянулся. В купе сидели трое кавказцев, в угол у окна забились, со страхом поглядывая на них, русская девчонка.

- Ну и чего тебе? - спросил Иван.

- Посиди, поговорим, - предложил один из них, с тяжелым взглядом мутных и наглых глаз. - Где воевал? Мы тоже с войны едем, отдыхать... - и вызывающе рассмеялся.

Двое кавказцев, переглянувшись, пошли по коридору.

- Садись. А не хочешь - пойдем в тамбуре покурим.

- Ну пойдем, - ответил Иван, чувствуя, как все тело наливается знакомым и привычным чувством предстоящей схватки.

Драться он любил, зверел мгновенно, страха не знал, да и казак этот вывел из себя, надо было снять напряжение.

- Тебя двое в тамбуре ждут, - успела шепнуть проводница.

- Да знаю я, - отмахнулся Иван. - Какая наблюдательная...

Он заметил, что дверь из вагона на улицу открыта. За ней стоит один из кавказцев, второй, стало быть, ждет его слева.

Ударил ногой в приоткрытую в тамбур дверь, быстро схватил стоявшего слева за руку. Заломил и швырнул его из вагона. Не разворачиваясь, чувствуя, что сзади на него прыгает тот, что предлагал покурить, перекинул его через себя и - туда же, поднял за куртку третьего, с разбитым дверью лицом, и - пинком под зад. «Как в девяностом, когда из Тбилиси ехал», - вспомнил Иван давний случай. Тогда в вагоне к нему также привязались трое кавказцев: «Эй, русский, давай поговорим!»

Он прошел в вагон-ресторан, купил сигарет.

- Ты живой? - удивилась предупредившая его проводница, когда он возвращался. - А эти трое где?

- Пешком решили идти.

Потемкин прошел в купе. Казак лениво жевал свое сало, Евстигнеев так и лежал на полке. Из радиопри-

емника неслось: «Не танцуй, не танцуй подо мной, конь ты мой вороной, удалой...»

В Москве они сразу же пошли на стоянку такси. «Надо же, все стёкла целые...», - удивился майор Потёмкин, глядя на окна домов, и подумал: «У меня тоже чеченский синдром. В Москве не может быть разбитых стекол». И вспомнил мрачные развалины Грозного. Он с интересом разглядывал рекламные щиты, когда машина останавливалась у светофоров, нарядных женщин. И предвкушал скорую встречу со своей женой. В Чечне, когда случались свободные минутки, любил разглядывать их семейную фотографию. Ленка и со снимка словно спрашивала с укором: «Опять на чужих баб смотришь?». А вот дочка Танька, ангел трех лет от роду, смотрела на него серьёзно, как взрослая. Сын Андрей, четырнадцатилетний оболтус, словно стесняясь «предков», стоял на фотографии чуть в стороне.

Скоро показался и военный городок, где жили семьи офицеров их полка. Расплатились с таксистом, Иван купил в киоске бутылку шампанского, детям по шоколадке, у бабушки, не глядя, букет каких-то цветов, и побежал к дому. На аллее впереди Иван заметил двоих мальчишек лет двенадцати, обнявшись, они, изображая пьяных, нарочно толкали встречных женщин. «Щенки!» - догнал их Иван и, стукнув лбами, бросил на газон. Настроение было испорчено, и только громыхая сапогами по ступеням в подъезде, он забыл о мальчишках.

Жена была дома, сразу же сладко прижалась к его груди.

- А дети где? - спросил Иван.

- Танька в садике, Андрей где-то бегаёт с друзьями.

...Потом, в постели, Ленка вдруг осторожно спросила:

- Вань, ты в этой командировке убивал людей?

- Людей? Нет.

- А кого же тогда, если не людей?

- Ну, те были не люди - звери.

Не рассказывать же Ленке, как он сам неделю назад добил двоих взятых

в плен раненых арабов. У одного из них нашли фотографию: держит в руках отрубленную голову нашего солдата.

- А почему ты спрашиваешь?

- Да какой-то ты не такой. Ой, мне же за Танькой пора бежать в садик!

Когда они пришли, Иван долго нюхал волосики дочки. «Господи, как же ты, такая красота, у меня зародилась! А про шоколадку-то я и забыл», - полез он в дорожную сумку.

Перед обедом Иван вышел из дому за пивом. У дверей соседнего подъезда стояла толпа. «Кого-то хоронят», - понял Потемкин. Спросил у сидевших на корточках парней, то и дело сплевывавших на асфальт перед собой: «Кого?» «Алешку Рыжова, - ответил пацан и выдохнул: - Передоз».

С отцом Алешки, Андреем, Потемкин служил еще в Германии, в начале чеченской кампании он был контужен под Грозным и ушел служить в райвоенкомат. Хорошо помнил Иван и его Алешку, симпатичного мальчишку с васильковыми глазами.

Поднялся на второй этаж в квартиру Рыжовых. Отец, почерневший от горя, сидел у гроба с сыном, придерживая за плечи рыдающую жену. Причитали старушки-соседки. Потемкин, тяжело переносивший похороны, вышел на улицу.

Подъехал катафалк, и минут через двадцать гроб вынесли. Андрей Рыжов, заметив в толпе у подъезда Потемкина, молча кивнул ему. Пока соседи успокаивали почти потерявшую сознание мать, Рыжов подошел к Потемкину: «Иван, достань мне «муху». - «Мы же не в Чечне, да и зачем она тебе сейчас?» - «Поедешь на кладбище?» - «Конечно...»

Когда Алёшку Рыжова засыпали песком под желтеющими березками и толпа с кладбища стала рассаживаться по автобусам, Андрей подошел к Потемкину: «Знаю, кто загубил сына, на иглу его посадил, а ничего, Вань, сделать не могу...» - «А милиция что же?» - «Да что милиция... Очень трудно документировать факт продажи - одна отговорка, - махнул Рыжов рукой. - В поселке за гарнизоном цыга-

- Так ведь и правда же торгуешь, - спокойно сказал капитан. - Три из пяти твоих дочерей сидят за героин, сына посадили. За это же и тебе, дай срок, не отвертеться. Мужики, - подошел капитан к Потемкину и Рыжову, - и охота вам за это мясо потом сидеть? Успокойтесь, посажу я его все равно.

Иван молча сдвинул коробок в кулаке. Ненависть уходила, душу заполняла звенящая пустота. «Вот такие мы, русские, дураки... Травят нас, губят, а раздавить гадину, если не в бою, и духу не хватает...»

- Чтобы завтра к утру в поселке не было ни тебя, ни баб твоих, никого вообще из ваших, что здесь у нас жить вздумали, - спокойно и твердо сказал милицейский капитан цыгану: - Понял меня? А то ведь я в другой такой

раз и не приеду... Развяжи его, - приказал капитан своему водителю.

...Домой в тот вечер Иван Потёмкин пришел поздно, и пьяный, конечно. Включил видик, поставил кассету с записью своего батальона, когда к ним перед вторым штурмом Грозного приезжали артисты с концертом. Он вглядывался в лица своих солдат, под тогдашний шлягер «Крошка моя» месивших в танце липкую чеченскую грязь, и вспоминал, кто и где из них погиб: на Минутке, когда штурмовал ее второй раз, под Ачхой-Мартаном, в Аргунском ущелье... Десятки прекрасных русских лиц - мужики, солдаты, братья... Глаза застилала слезы... «Нет, к черту этот отпуск, поеду в батальон! - решил Иван. - Там все ясно, там врага можно казнить...».

НИКОЛАЙ КОНЯЕВ (Санкт-Петербург)

ЛИЛИИ

Мать специально позвонила, чтобы напомнить о лилиях.

- Я не забыла... - сказала Вера. - Обязательно привезу.

- А приедешь-то скоро?

- Скоро, - ответила Вера. - Я на службу собираюсь вечером сходить... А у меня еще голова немытая.

- Только и знаешь по церквям ходить, - сказала мать. - Дом совсем забросила.

Настроение после этого у Веры испортилось, она даже поплакала немного, но потом сообразила, что в церковь можно и по пути домой заехать, и сразу успокоилась, заспешила в город.

1.

С обгоревшим на солнце лицом, в старой дачной куртке, она больше походила на бомжиху с букетом лилий в руках, но в храме - здесь уже привыкли к Вере - никто не удивился ее виду.

- Какие цветы! Какие цветы! - восклицала сидевшая вместо свечницы бабушка Красикова.

- Это лилии...

- Я знаю, знаю, - бабушка Красикова осторожно погладила своими беспальными ладонями букет. - Это самые мои любимые цветы...

И, наклонившись над букетом, глубоко вдохнула в себя их запах и застыла так, чтобы не расплескать его.

Бабушку Красикову все знали на приходе.

Она родилась без пальцев, но сумела одолеть свой физический недостаток, даже в войну в немецком концлагере для детей сумела уцелеть.

Ну, а после войны она научилась так здорово вышивать, что сейчас даже и в церквях были вышитые ею иконы... И никто не верил, что эти святые образы созданы женщиной, у которой нет пальцев.

Вера тоже не верила. Даже когда видела своими глазами, как ловко орудует иглой бабушка Красикова, тоже не могла поверить, что это не гипноз, не обман зрения...

- Я бы вам подарила эти цветы, - смущенно сказала Вера, - но эти ли-

лии я маме обещала привезти. Она уже знает, что я везу их...

- Ну что вы, что вы! - сказала бабушка Красикова. - Конечно, везите. Не обращайтесь внимания. Просто я очень удивилась, что именно сегодня увидела эти цветы.

И она снова нагнулась над букетом, глубоко вдыхая в себя прощальный запах лилий...

- А что сегодня за день? - тихо спросила Вера у подошедшей свечницы.

- В хоспис ее удалось устроить, как узицу, - объяснила та: - Сегодня как раз и ложиться...

Конечно, жалко было бабушку Красикову, но время шло, надо было ехать домой, где ждала мать.

- Я вас навещу, - сказала Вера. - Я вам обязательно привезу такой букет. У меня на даче еще остались на клумбе лилии...

- Спаси Господи! - сказала бабушка Красикова.

2.

Больше Вера уже не видела ее в церкви.

Впрочем, и сама она бывала теперь в церкви нечасто. Заболел врач в соседней смене, и пришлось, подменяя его, дежурить в два раза чаще.

На дачу удалось вырваться только две недели спустя, когда все гряды уже загнула там буйная трава.

Но лилии на клумбе стояли, и Вера, так и не решившись взяться за прополку, долго любовалась перед отъездом ими. Можно было бы срезать цветы, но Вере с дачи нужно было ехать сразу на смену, а до следующего приезда через две недели лилии могли и не дотянуть - и на клумбу, как и на гряды, тоже навигалась наступающая трава...

Вера уже собралась идти, когда ее окликнули из-за невысокого заборчика.

На улице стояла пожилая женщина.

- Простите, - сказала она. - Я в больницу еду... Может, вы продадите мне ваши лилии?

- Берите, - ответила Вера.

Она срезала лилии и, собрав в букет, протянула женщине.

- А сколько с меня?

Вера нагнулась чуть над букетом, и ударивший в нос запах лилий заставил ее вспомнить о том, как буквально впитывала в себя этот запах старушка Красикова.

- Я спрашиваю, сколько с меня? - повторила женщина.

- Вы в больницу цветы повезете? - спросила Вера.

- Да, в больницу...

- Берите тогда так.

- Но это же неудобно.

- Мне на работу надо бежать, - сказала Вера. - Мне некогда спорить. Берите...

3.

Но прошло и это наполненное бесконечными дежурствами лето... Осенью Вера случайно узнала, что умерла бабушка Красикова. Уже месяц назад, как умерла...

- Сильно мучилась? - спросила она у свечницы, рассказавшей ей эту новость.

- Нет. Когда соборовалась она, не стало боли. Последние дни, говорят, лежала в кровати и, улыбаясь, смотрела на букет лилий, которые кто-то принес ей. Слава Богу, так, улыбаясь, и умерла...

- Слава Богу...

9 марта 2006 года

ФОТО
АЛЕКСЕЯ
КИРИЛЛОВСКОГО

МГНОВЕНИЯ, СОСТАВИВШИЕ ЭПОХУ

«Перед вами - уникальное издание», - эти слова Губернатора Вячеслава Позгалева предваряют недавно вышедшую книгу воспоминаний об Анатолии Семеновиче Дрыгине. И действительно, уникальность книги вряд ли кто подвергнет сомнению. В ней собраны свидетельства современников о деятельности человека, который долгие годы руководил Вологодской областью.

Названия глав говорят сами за себя: «Сеятель. Защитник. Созидатель», «Разбуженный край», «Зов земли», «Главный строитель области»...

Анатолий Семенович был человеком своего времени - жестким, властным, он твердой рукой вел Вологодчину намеченным партией курсом. За то время, что Дрыгин был первым секретарем обкома, область достигла значительных хозяйственных высот. Мало того - именно при Дрыгине в Вологде собралась одна из самых сильных в России писательских организаций.

Мгновения
жизни

Василий Белов, Виктор Астафьев, Александр Романов, Ольга Фокина, Николай Рубцов... Кстати, Ольга Александровна Фокина написала для книги «Мгновения жизни» статью о своих встречах с Дрыгиным. Статья лишена какого бы то ни было подбострастия, написана искренне, по-доброму - и, несмотря на небольшой объем (всего-то три с половиной странички), дает очень яркое представление о внимательном отношении руководителя области к творческой интеллигенции.

Книга содержит немало фотографий.

И ИСТОРИЯ, И СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

Книга «Вологодская область. От древности до наших дней» - издание особого рода, на прилавках магазинов оно не появится ввиду ограниченного тиража и довольно высокой стоимости. В лучшие библиотеки области книга поступит, так что читатели смогут с ней ознакомиться.

Издание это отличается высоким полиграфическим качеством - специальная бумага, превосходная печать... Но главное, что делает его по истине уникальным, - это содержание. «Вологодская область. От древности до наших дней» - книга презентационная, подарочная, предназначенная для того, чтобы дать представление о нашем крае. Подобных изданий немало, большинство из них представляют из себя красочные фотоальбомы, в которых текст - только сопровождение, пояснение к ярким снимкам.

Совсем не то - книга о Вологодчине. Здесь, конечно, немало фотографий, но главное - текст. Различные разделы книги рассказы-

вают об истории края - от появления на Русском Севере первых поселенцев до наших дней, о Православии на Вологодчине. Отдельный раздел посвящен руководителям губернии и области. Есть главы о современных гербах районов области, о вологодской кухне, о топонимике...

Редколлегию издания возглавил ИА. Поздняков, среди авторов - писатель Р.А. Балашкин, историки С.А. Тихомиров и Р.П. Биланчук, журналисты П.Ю. Мухин, А.Б. Третьяков, В.В. Романов, А.К. Сальников. Составителям и авторам удалось создать довольно целостное и объемное представление о Вологодчине, ее истории и святынях, людях и перспективах.

Книги выпущены НП «Фест

ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ

Дмитрий Ермаков читателям «Вологодского ЛАДА» знаком: его рассказ «Ножилы» был опубликован в первом номере журнала. Недавно Дмитрий Анатольевич стал лауреатом Всероссийского литературного конкурса имени Василия Шукшина «Светлые души», с чем мы его от всей души поздравляем!

Представляем читателям рассказы Дмитрия Ермакова, которые входят в подготовленную писателем большую книгу.

НА БЕРЕГУ

Рассказы

ЖЕЛЕЗНЫЙ РУБЛЬ

Я учился в пятом или шестом классе. Приятель моего старшего брата уезжал куда-то далеко, в Сибирь, заходил к нам домой попрощаться. Увидев меня во дворе, подошел и дал железную монету - рубль.

- Погуляй за моё здоровье.

Я зажал рубль в кулак и сунул в карман.

Весь вечер этот рубль не давал мне покоя, то и дело я нащупывал его, и он был тёплый от моей ладони. Мне почему-то особенно нравилось, что рубль не бумажный, а железный.

И, засыпая, я думал, как буду завтра гулять «за здоровье» того замечательного парня. Я уже всё решил для себя.

Утром ушли на работу родители, брат. Уходя, мать потрогала мой лоб.

- Голова не болит?

- Нет, мама.

Я оделся в школьную тёмно-синюю форму с металлическими пуговицами, переложил монету в карман школьных брюк. И пошёл не в школу, а в центр города.

Утро было чистое, тихое. В своём районе я шёл так, чтобы не встретиться с кем-то из одноклассников или тем более учителей. Почему-то побоялся ехать на автобусе.

Лишь в центре города я понял, что вышел из дома рано: кинотеатр был ещё закрыт.

Мне совсем не думалось, что я поступаю плохо, прогуливая уроки. Наоборот, радостно было и немного тревожно, даже здесь, где в это время меня не мог увидеть никто из знакомых.

Открылся киоск «Мороженое», и я наконец разменял рубль. Купил молочное мороженое в картонном стаканчике за десять копеек. Сверху мороженое было закрыто бумажным кружком, который я аккуратно снял и прилепил к стаканчику снаружи.

Теперь в моём кармане была целая горсть мелочи, и казалось, что денег стало ещё больше.

Я сидел в скверике, ел мороженое шершавой с округлыми концами палочкой, иногда тревожно взглядывал на редких прохожих. Мороженое быстро таяло от солнышка и моей руки, и остатки его я уже допивал.

Наконец открыли кинотеатр, начали продавать билеты на первый сеанс. И я потратил ещё двадцать копеек.

Людей в зале было мало. Всего-то человек десять. «Интересно, а почему они здесь? Может, тоже убежали? Счастливы ли они так же, как я?»

Нет, пожалуй, ничего такого я тогда не думал. Я смотрел фильм про какого-то влюблённого матроса. И долго ещё после того дня крутилась на языке дурацкая присказка главного героя фильма: «У матросов нет вопросов».

После тёмного кинозала солнечный свет ослепил. Я съел ещё одно мороженое, выпил газировки с сиропом из автомата. Почему-то не захотел прокатиться на карусели в детском парке. Оставалось лишь возвращаться домой.

Дома я разложил на столе учебники, будто бы делал уроки, лёг на диван, закрыл глаза и вспомнил этот день, ещё и не кончившийся. В кармане оставалось пятьдесят семь копеек, но я уже знал, что такого дня в моей жизни теперь долго не будет.

И никто не узнал о моём побеге. Даже в школе на следующий день не спросили, почему меня не было...

...Так и живу. Грех жаловаться - не хуже других. Но в кармане у меня снова железный рубль. И я всё-таки убегу. И вернусь.

БОРЯ

Среди нас, мальчишек, было тогда увлечение деревянными ружьями с нехитрым приспособлением для стрельбы: гвоздь, алюминиевая проволока и тонкая резинка «венгерка». Стреляли эти ружья «пульками» - кусочками алюминиевой проволоки, сложенными пополам.

Игры с этими ружьями были увлекательны и опасны. Это вам не беготня по двору с криком «тра-та-та». Выстрел такого ружья бесшумен, но припекает пулькой будь здоров, тут уж не поспоришь, что, мол, «не попал»... К счастью, ни разу никому не угодило пулькой в глаз.

В тот день я и мастерил в сарайке ружьёцо. Нашёл доску, нарисовал на ней контур будущего оружия, опилил лишнее и дальше работал молотком и стамеской. От усердия даже кончик языка высунул... И услышал за спиной:

- Ну-ка, Юрка, покажи.

У открытой двери стоял сосед дядя Боря. От неожиданности я растерялся, мне стало стыдно своей неумелости. Он глянул на дело моих рук, хмыкнул и сказал:

- Подожди-ка, - и ушёл в свою сарайку.

Он жил один в нашем деревянном двухэтажном доме, в комнатухе на первом этаже. Наверное, где-то и как-то работал, не больше пятидесяти было ему. И всегда был навеселе.

И сегодня от него, как всегда, неприятно кисло пахло перегаром.

Вскоре он вернулся с лёгким топориком. Он взял мою заготовку ружья. Топорик и доска заляпали в его руках. Лёгкие щепочки и стружка летели из-под бритвенно острого лезвия.

Красота его движений завораживала. Пожалуй, впервые в жизни я понял эту красоту - красоту мастерства.

Заканчивая работу, он уже действовал топором, как ножом. Самым кончиком лезвия, доводя, заглаживая края, а мне уже не терпелось взять в руки то чудо, которое он сотворил...

Даже не хотелось делать на этом ружье спусковой механизм. Хотелось гладить игрушку, вскидывать к плечу. Но уже собирались во дворе мои приятели, и я, всё же стараясь не торопиться, пробил оружие в нужном месте гвоздём, выгнул из проволоки спусковой крючок, натянул «венгерку». И сразу же попробовал выстрелить в мишень, нарисованную на куске картона и висевшую на стене. Пулька застряла в середине мишени, пробив картон.

Некоторые ребята искренне восхищались моим новым ружьём, некоторые делали вид, что ничего особенного не случилось: ружьё, мол, как ружьё... Но я знал, и все знали, что сегодня моё ружьё лучшее. И я был счастлив и горд.

Мы бегали по дворам, между сараем и поленниц до темноты...

Когда уже шли домой, Сашка Арапов сказал:

- Давай меняться, - и протянул своё ружьё, тоже хорошее, красиво украшенное жёлтыми гвоздиками, которыми околачивают двери.

Я отрицательно мотнул головой.

Сашка усмехнулся, оглянулся по сторонам.

Мы были в тёмном углу двора, никого рядом не было. Выхватил из моих рук ружьё (а был он на два года старше, в восьмом уже классе учился) и об колено обломил ствол.

- Вот тебе ружьё.

Я даже не понял сперва, я не верил, что можно вот так просто взять и сломать моё ружьё, моё прекрасное ружьё, самое лучшее.

Сашка убежал. А я рыдал беззвучно. Я бросил обломки под забор в крапиву и побрёл домой.

- А-а, Юрка, всех немцев убил?

Боря был пьян. Он хотел, видимо, погладить меня по голове. Я откинул его руку так резко, что он сильно качнулся и упал бы, если б не упёрся в забор.

И вот это несоответствие поразило меня тогда: Боря - мастер, волшебник прямо, и Боря - пьяный, отвратительный; все восхищались ружьём, и вот так запросто Саня Арапов взял и сломал его...

И, главное, в себе, в себе я чувствовал какое-то несоответствие, что-то надломилось и во мне. Потому и оттолкнул Борю и на мать дома огрызнулся...

Через несколько дней я узнал, что Боря умер. Я не видел, как его увозили, был ли кто на похоронах, к нему и к живому-то никто не ходил. Не стало человека - и всё.

Лет через десять сгинул где-то в лагерях и Саня Арапов. И дом, в котором мы жили, снесён, и соседние дома и сарайки сожжены и снесены. Другая там жизнь теперь - девятиэтажная, асфальтовая.

И никто уже, кроме меня, не вспомнит ни Борю, ни Саню Арапова, ни то деревянное ружьишко.

ДЕПО

Прораб, моложавый сухой мужик, долго глядел в схему, потом сказал, махнув рукой:

- Короче, отсюда вон на тот столб гоните.

- Других-то кабелей точно нет, Коля? - спросил бульдозерист Леонид, пожилой, с загорелой лысиной и крупным грушевидным носом.

- Не должно быть, - ответил прораб, но чувствовалось, что он не уверен. - Смотрите, в общем...

- Как всегда, - недовольно буркнул Леонид и полез в кабину.

- Ну, мужики, я подъеду попозже, - и прораб Коля торопливо пошёл в сторону депо, туда, где стояла его машина «девятка», переступая через рельсы, проскальзывая подошвами бежевых полуботинок на гравии.

- Побежал побегунчик, - буркнул Серёга Ратников, по прозвищу за рыжеватые волосы Чубайс. И уже громко вдогонку крикнул: - Пива на обед привези!

- Водки, Коля, водки! - рявкнул медведеподобный Борода.

Коля обернулся, шутливо погрозил кулаком и продолжил свой бег с препятствиями.

...Искореженная, изрытая на метры вглубь земля. Только подзатянулись раны, заросли травой, мать-и-мачехой, ромашкой... И снова изготовился к работе экскаватор...

Ромашки не те, на которых обычно гадают «любит - не любит»: на высоких ветвящихся стеблях, на каждой веточке - не крупный цветок с ярко-желтой серединой и множеством мелких лепестков.

Взревел экскаватор, занёс ковш и опустил. Ромашки качнулись и пали в землю, смешались с почвой.

Запах мятой травы и сырой земли...

Вот уже яма превращается в траншею, которую предстоит углубить и расширить вручную.

Лопаты штыковые и совковые и пара ломов лежат на земле, будто набираются сил перед тяжкой работой. Тут же огромная, в два метра высотой, бухта с толстым в чёрной блестящей на солнце обмотке «стоятидесятым» кабелем. Мужики напряжённо смотрят под ковш: во-первых, не зацепить бы какой-либо не указанный в схеме кабель; во-вторых - что там за землянка... Глинозём - это ещё ничего, песок - совсем хорошо, а вот и гравий - плохо, глина вперемешку с гравием - совсем плохо... Откуда гравий-то? Да старая насыпь под шпалы. Сколько уж раз тут начинали работы, бросали, снова начинали...

- Стой! - рявкнул Борода, пытаясь перекричать рёв экскаватора, показал Лёне скрещенные руки, и тот сразу опустил ковш, заглушил мотор.

- Что там такое?

- Подцепили чего-то...

В яму спрыгнул самый молодой - Васька Рыкин.

- Мужики, рельса! Старая рельса!

Леонид из кабины высунулся:

- Чего там?

- Металл!

- Что в земле - то наше, - довольно заявил Борода и подал Ваське лопату. - Копни там, как лежит-то она...

Вскоре Леонид подцепил рельсу ковшом, вытащил.

- Ну, чего?..

Их рабочая машина - грузовая «Газель» - стоит рядом, на ней привозят инструменты, кабель.

- Ну, быстро закидываем! - командует уже «водила» - Саня-кот, круглорожий и хитроглазый тридцатилетний мужик. - И со мной кто-нибудь...

Мужики подхватили двухметровую рельсу, мигом закинули в кузов.

Саня-кот и приятель его Лёха-памперс залезли в кабину, и покатила машина к ближайшему пункту приёма металла. Конечно, не «цветмет» у них в кузове, не медь, не алюминий - чугунина, но ведь килограммов триста - тоже неплохо.

Приёмщик, худощавый чернявый мужчина в потёртых джинсах и пёстрой рубашке, Саню и Лёху уже хорошо знал - постоянные клиенты, строго велел обожать старику, прикатившему старую детскую коляску с какими-то железками, не поленился рукавицы рабочие натянул, помог мужикам рельсину на весы затащить.

- Всё ненужное на слом - соберём металлолом! - придурился Саня-кот.

- Цветмет, Саня, гони, цветмет, - откликнулся приёмщик.

- Будет, Вадик, всё будет, - и Саня потянул его в сторону, о чём-то переговорил с Вадиком негромко.

- Хорошо, конечно, - ответил, довольно кивая, Вадик.

Вышло у них на пятьсот с лишним рублей. Полтинник Саня Лёхе подал, полтинник себе в карман сунул. На остальное купили в соседнем магазине пива, сигарет, ну и к пиву - орешки, сухарики. Поехали в депо.

...Как только «Газель» с рельсой в кузове уехала, Борода сказал:

- Ну пока не вернулись, было ещё не жаркое утро. Двое - Васька и Чубайс.

Снова взревел двигатель экскаватора, Леонид продолжил рыть траншею. А остальные мужики взялись за лопаты.

Были здесь, кроме Леонида и Бороды: Васька Рыкин - молодой, только после армии парень; Гена - испитой, маленький, неопределимого уже возраста (сегодня первый день он вышел после недельного запоя); Серёга Ратников (Чубайс) - злой до работы и до денег, «себе на уме» мужик; Олег Дробин - молчаливый, лет тридцати с небольшим.

Леонид вскоре догнал траншею до уложенных уже на шпалы рельс, переехал их и прокопал до указанного прорабом столба, там был поворот под прямым углом, и ещё метров пятьдесят до кирпичной будки электроподстанции.

Работалось сначала споро, было ещё не жаркое утро. Двое - Васька и Чубайс - сразу начали пробивать тоннель под рельсами, остальные углубляли и расширяли траншею.

Потом минут через двадцать Чубайса и Рыкина поменяли Борода и Дробин.

Гена подбирал совковой лопатой осыпавшийся с краёв канавы грунт. Видно было, как тяжело ему выполнять даже эту самую лёгкую работу, но работал он, как и все, без перекуров.

- Гена, за водичкой сходи, - окликает его Борода.

И Гена благодарно смотрит на бригадира, поспешно кладёт лопату на отвал канавы, выбирается наверх, осыпая при этом землю, подхватывает пластиковую канистру, трусит к зданию депо...

Чубайс смотрит Гене вслед, говорит и жалостливо, и презрительно одновременно:

- Дитя Освенцима. Закусь-то не на что было купить, только на пойло хватало...

«Газель» тормознула у въезда на территорию депо. Сашка «бикнул», и из вагончика высунулось сонное лицо охранника.

- Здорово, охрана! - весело крикнул Саня-кот. - Не спим, а дремлем?

- Здорово. Чево? - лениво спросил охранник, пузатый сорокалетний мужик в «камуфляже».

- На сутки? - участливо спрашивает Саня.

- Как обычно.

- На, - весёлый шофер протягивает охраннику бутылку «Балтики».

- С чего бы это? - тот принимает бутылку и поспешно прячет под куртку.

- С хорошего настроения. Мы же свои люди. Верно?

- Верно, - недоверчиво отвечает охранник, но больше вопросов не задаёт, и «Газель» пылит дальше, к работающим мужикам.

- Чего это ты? - спрашивает Саню удивлённый Лёха-памперс.

- Так мало ли чего, - неопределённо отвечает Саня-кот.

...Солнце уже всюю припекало. Мужики по пояс разделись. Только Гена да Борода одетыми остались. Гена, наверное, стеснялся худобы своей, а Борода - он мужик серьёзный, не мальчик, чтоб мускулами красоваться, хотя даже сей-

час сила в нём чувствовалась необычайная, а молодой был - да богатырь просто!

Работали уже остервенело, молча.

И каждый своё думал.

Олег Дробин размолвку с женой переживал. Опять же из-за ерунды, на пустом месте... Вчера с работы пришёл. Умылся быстренько, переоделся и в магазин поехал. Жене-то некогда, она с малышом двухмесячным нянчится. Устаёт тоже не меньше, чем он на рытье канав. Вернулся домой из магазина. Жена гладила пелёнки, а Олег наконец-то собрался ванну принять, не задумываясь, вынул из кармана курево, на гладильную доску положил.

- Убери сию же секунду! - раздражённо сказала Галина.

- Не командуй! - он тоже «с полтычка завёлся» от её раздражённого учительского тона (она работала в школе с первоклассниками).

- Сию же секунду!

- Разговаривай так с первоклассниками.

- Ты считаешь, что только ты работаешь, утыкаешь меня своими деньгами! - совсем уж несправедливо заявила Галина.

- Не ори, Серёжку-то разбудишь, - и вздохнул.

- Завздохал... О ребёнке он заботится!

Олег вышел из комнаты, в ванную пошёл. А ребёнок и правда проснулся, заплакал...

И ведь любит же он её, и она его любит. Просто очень устали оба...

У Гены одна мысль: продержаться до обеда, пожевать чего-нибудь - дадут мужики. Да чаю бы крепкого и сладкого попить. А пиво он не будет, пиво не будет... Да покурить бы толком. Одну-то сигаретку всё же решил стрелнуть утром у Чубайса... А сейчас... Да не упасть бы хоть. И он старательно подбирает «совком» осыпающуюся с краёв землю, выбрасывает наверх, и работа будто бы и даёт ему силы держаться.

Леонид не думал, он дремал в кабине своего экскаватора. Его неоспариваемое право - быть свободным от работы с лопатой и ломом. А снится ему какая-то футбольная ерунда: он вратарь, и ему всё забивают и забивают. Подошёл арбитр и говорит: «Ещё раз пропустишь - удалю с поля...» И не арбитр это уже, а Борода кулачищем грозит. И всё в таком вот духе маета. Это после вчерашнего футбола, когда местной команде на родном поле вколотили четыре безответных гола. И в голове у Леонида всё крутилась даже сквозь сон приговорка, услышанная вчера на стадионе: «Вот такой теперь футбол - фут в ворота, в небо - бол!» Это, конечно, в адрес проигравших.

Васька Рыкин даже сейчас, когда копает, успевает глянуть на свои напряжённые бицепсы. И ещё как бы со стороны себя видит и любит: широкие плечи, бугристая спина, пресс, грудные мышцы... Главное, не задерживаться тут, на этой канаве, точно по времени домой рвануть, помыться, перекусить - и на тренировку. Будет и у него, у Васьки, удар, как у Тайсона. А в соседнем зале гимнасточки занимаются, с одной вчера познакомился. Вера. Одиннадцатый класс. Ну школьницы они... В общем, путём всё будет. Главное, отсюда вовремя слинять... И лопата его яростно вгрызается в гравий и глину.

Чубайс машину меняет. Продаст свою «девятку», добавит и кушит «десятку». Вечером должен покупатель позвонить. Так что ему тоже особо тут задерживаться не хочется. А работы-то ещё... Порядочно работы. Но успеть можно, не впервой, главное, чтобы без задержек. Тоннель-то под рельсами уже прорыли. Осталось метров семьдесят за Лёней «подобрать» да кабель кинуть. Можно до пяти часов успеть...

Мимо них метрах в пятидесяти по основным путям прогрохотал поезд. Товарняк. И опять ёкнуло сердце у Ивана Петровича Копёнкина, по прозвищу Борода. Так уже прилипло это прозвище, будто родился с ним...

Он ведь по молодости-то помощником машиниста был. Далеко, не в этих краях. Там его родина, там его молодость. И любовь его там. Из-за любви-то, а точнее, из-за разбившейся семейной жизни и начал он попивать. Да так, что перевели его из помощников машиниста в слесаря деповские... Позор. От жены-изменщицы, и от того позора уехал он куда глаза глянули, сюда вот и попал. Где только не работал, да нигде долго не задерживался. И вот бригадир землекопов, пятый год уже... И надо же, в депо это попали... Но есть и отрада в его нынешней жизни - дом и сад. Когда менял свою однокомнатную квартиру на родине на жильё в этом городе, предложили ему домик на окраине, избу, в общем, деревенскую. А ему всё равно тогда было, лишь бы уехать. А когда зажил в этом доме, что-то в душе переверну-

лось, проснулась какая-то, видно, память о дедах пахарях, о той ему городскому вроде бы и неведомой жизни. Он с удовольствием колот дрова, топил печь, носил из колодца воду, копался в огороде, подзапущенном прежними хозяевами. Кусты новые посадил, яблони, вишни. Мечталось, что и хозяйка дому найдётся. Он даже написал тогда в один из особо радостных садовой работой дней стихотворение - был такой грешок. Даже записал его на листке. Да и так, без листка, помнил.

*В своём саду я посажу
Кусты смородины для сына,
А осенью пусть под окном
Алеет спелая рябина,
Весною яблоневого цвет
Мой сад, как кружевом, украсит.
Пусть каждый, кто сюда придёт,
Поймёт, что этот мир прекрасен.
Лелеять буду я свой сад,
Любить его неумолимо.
Ведь стоит жить, пока в саду
Алеет спелая рябина.*

Есть и рябина под окном, и смородина, и яблони. А вот хозяйку для сада и дома не нашёл. Были, конечно, претендентки, да не то всё, не то... И сына нет... Да скорее бы уж тут, в этом депо, всё закончить, чтоб душу не бередило... И коротко, без замаха, всаживал штык в грунт (за Лёней ещё «на глубину штыка» копали) и выбрасывал наверх. Впереди своей бригады, как старый, но могучий паровоз...

А рядом трамбовали насыпь и укладывали рельсы не русские чернявые работы...

- Ишь, как муравьи, - кивнул в их сторону Чубайс.

- Китаёзы, - буркнул Васька.

- Нет, наши какие-то. Узбеки или таджики, - поправил Олег Дробин.

- Ну и флаг им в руки! - рывкнул вдруг Васька, разогнулся, откинул лопату, потянулся, как после сна. И увидел подъезжавшую «Газель»: - О! Не прошло и пол-года. Наши пионеры-металлосдатчики приехали!

И вся бригада спины разогнула, лопаты в землю ткнула. Борода не на часы, на солнышко глянул:

- Обед! - и добавил: - Пока пиво не нагрелось.

Саня-кот и Лёха-памперс из кабины лихо выпрыгнули, будто и правда так уж торопились. У Лёхи - в руке большой пластиковый пакет, у Сани - поменьше.

Мужики, прихватив лопаты, вылезали из траншеи. Гена еле выбрался, никого рядом не оказалось руку подать, а лопата его так в канаве и осталась, хотел он было спрыгнуть, взять её, да и махнул рукой.

И всей толпой двинули к не достроенному ещё зданию, где отведена для них комнатуха. Зданий здесь несколько. Мастерские, уже готовые к работе, административное здание, в котором ещё идут отделочные работы. И полуразрушенное, наверное, уже и не поддающееся ремонту (только если с фундамента опять начинать) кирпичное здание с обвалившимися потолками, разобранными стенами, превращенное теперь в большой и бесплатный общественный туалет.

Начинали строить депо ещё в советские времена, грянула «перестройка», строительство «заморозили», за годы безнадзорности всё, что можно было утащить из недостроенных зданий и со всей территории депо, было растащено, даже шпалы и рельсы снимали, увозили кто угодно. Все дома в недалёком дачном посёлке на фундаментах из шпал стоят...

Мужики уже обогнули административный корпус и приближались ко входу в здание, когда на территорию депо влетела с включенной сиреной милицеевская машина, а по дороге, увидели они, ехала целая кавалькада с мигалками.

Из машины выскочил милиционер с автоматом на шее, за ним - офицер. Сразу крикнул мужикам:

- Отойдите отсюда! Ушли!

Ну «ушли», так «ушли», не стали и спорить. В их кандейку можно и с другой стороны попасть по переходу через цех. Пока обходили здание, важная комиссия уж из цеховых ворот им навстречу выходит. Серьёзные всё дяди, крупные, в форменных голубых рубашках - железнодорожники. Телевизионщики с камерой суетятся. Впереди опять милиция и какой-то в штатском, отдающий команды по рации. Увидел мужиков, сказал:

- Быстро отсюда!

- Так нам в раздевалку пройти.

- Подождите десять минут. Отойдите, чтоб не видно вас было.

Спокойно сказал, не обидно. И мужики ушли за вагоны, присели покурить.

- Министр... То-то с утра менты в городе на каждом перекрёстке, - сказал Лёня.

- Борода, ты у нас начальник, сходи-ка, потолкуй там, что, мол, за бардак - работяг гоняют, - подначил Саня-кот.

- Давай, Борода, сходи...

- И пошлют тебя далеко...

- Всё бы вам ржать, артисты, - отмахнулся бригадир.

Начальство действительно скоро уехало. Только журналистка, бойкая девица в джинсиках и оранжевой майке, дела серьёзное лицо, что-то говорила в камеру, направленную на неё бородатим, в безрукавой со множеством карманов куртяшке оператором. И мужики вроде бы и неспециально прошли позади журналистки, а Васька Рыкин прямо в камеру повернулся, руку вскинул с двумя растопыренными пальцами.

В их кандейке - длинный широкий стол из обструганных некрашенных досок, старые, неизвестно откуда здесь взявшиеся табуретки, длинная, тоже самодельная вешалка с гвоздиками вместо крючков, ржавая раковина в углу.

Умывались по очереди, располагались за столом... Здесь уже никто не торопился: «война - войной, а обед по расписанию».

Подоставали из пакетов домашнюю еду, пиво разобрали и курево, сухарики и орешки в яркой упаковке посреди стола кучей свалили, чайник поставили. Двое - Чубайс и Гена - от пива отказались, Гена не съел - заглотил кусок хлеба с колбасой, выделенный ему Бородой, и сразу закурил: первую сигарету торопливыми затяжками, потом вторую - уже не спеша...

Пиво Саня и Лёха покупали из холодильника, и оно ещё и сейчас было холодное. Мужики блаженствовали. Кто-то бросил на стол затрёпанную колоду карт. На шестерых раскидали в «дурочка»...

А тут и Коля-прораб заявился.

- О! Трудовую дисциплину нарушаем! - будто бы и радостно воскликнул он.

Коля давно уже натянул на себя маску «своего парня». Знал, что заставить мужиков работать невозможно. А их и заставлять не надо - сами всё сделают. Но при этом надо умудриться обернуть всё так, что это под его чутким прорабским руководством делается. Он и умудрялся.

- Чего нарушаем! - с весёлой обидой в голосе откликнулся Саня-кот. - Вкальываем, как папы Карло. А это так - редкие минуты отдыха.

- Да уж ты-то особенно, Саня, вкальываешь. Аж лицом осунулся, - поддел Коля.

- А чего? - с ещё большей, кажется, обидой не смолчал Саня. - Работаю... по монтажу - то пошлю, то полежу...

- То кабель отрежу, - с ударением на последний слог добавил прораб.

Тут все дружно засмеялись. Хоть и не пойман Саня, а знают все, что может он и кабель отрезать, и другое, что плохо лежит, прихватить. В точку Коля попал.

Саня рукой махнул да головой закачал, будто уж и слов у него нет ответить на такую напраслину.

Прораб сел за стол. Чаю себе налил. К карточной игре пригляделся.

- Ну чего, может, по десяточке сыграем? Вы, я гляжу, сегодня при деньгах, - предложил.

- Ищи лохов в другом месте, - грубовато ответил Васька Рыкин.

Но тоже в точку попал. Что Коля - игрок-профессионал они уже знали, многие на себе испытали. И Коля больше про игру не заикался. Допил чай и уже серьёзно сказал:

- Часа через два шеф подьедет. Кабель сегодня надо кинуть - кровь из носу, - и сразу поднялся, пошёл, будто спешит куда-то, чтобы не слышать, что ответят ему. Но услышал, конечно:

- Тебе надо - кровь из носу, дак хватай лопату, вон в углу...

- Как заплатит, так и поработаем...

Но рассиживать долго не стали, и так из-за комиссии той задержались с обедом, допили пиво и, прихватив лопаты, потопали к траншее.

Гена сразу увидел, что его совковой лопаты, оставленной в канаве, там нет. Глянул по сторонам - и, пожалуйста, орудует его лопатой один из соседей восточной национальности. Нетрудно узнать-то - по черенку в двух местах синяя изолянта намотана. У них все лопаты так помечены.

- Чего, Гена, задумался? - приметив его замешательство, спросил Васька Рыкин.

- Да вон лопату тягнули...

Ваське только того и надо - рубаху скинул, чтоб мускулатуру его видели, и пошёл.

- Э! Узкоплёночный! Верни инструмент на родину!

- Какой инструмент?! - и сразу толпа единообразных узкоглазых лиц и грязных комбинезонов. - Какой инструмет?

И только один из них, видно, начальник, в белой рубашке и серых брюках, высокий, плотный, с наглой усмешкой на узкоглазом же лице, навстречу Ваське пошёл.

- Ты чего, мужик? Как ты назвал меня? Ты у меня землю кушать будешь! - без акцента очень спокойно говорил.

И Васька опешил на какое-то мгновение. Но Борода - откуда прыть взялась! - вперёд выскочил, схватил сразу правой рукой того узбека или таджика за грудки так, что рубаха на спине лопнула, приподнял и положил на землю, ногой на грудь встал ему, а лопату штыковую, которую в левой руке держал, к горлу супостата приставил.

- Па-ма-ги-те! Россиянина убивают! - почему-то уже с явным восточным акцентом закричал поверженный батыр.

А Борода ещё, видать, ногой поднажал, так что захрипел он.

Выбежал мелкий, чёрный, в комбинезончике, лопату перед Васькой на землю положил, даже, кажется, поклонился.

И Борода снял ногу, убрал лопату:

- Пошёл отсюда! - и отвернулся, сам пошёл к своей работе, к канаве своей.

И вся бригада замороженно смотрела на него, и, наверное, - да точно! - гордость в каждом вспыхнула, за то, что вот такой у них бригадир, что они вместе с ним, что они все вместе...

Из всех мужиков только Чубайс голос подал:

- Ну ты, Борода, круто!

- Чево круто... - зло буркнул бригадир и скомандовал: - За работу!

А он, Борода, после пива-то уж и портвешка захотел и от водочки бы не отказался, да какой тут портвейн!

За работу дружно взялись. А соседи восточные исчезли куда-то, бросили и работу свою, будто и не было их.

Довольно часто попадалась разная металлическая мелочь: детали каких-то механизмов, куски арматуры и прочая дребедень. Всё это скидывали в общую кучу, чтобы потом закинуть в кузов «Газели» и сдать или сегодня после работы, или в другой день. Одна находка привлекла общее внимание. Лёха-памперс нашёл.

- Ого, килограмма три будет! Похоже, что медь...

Он держал в руках колокол, не большой, но всё же колокол, а не колокольчик. Осмотрели его, в руках по очереди подержали.

- Старый. С церкви, что-ли?

Никаких надписей на колоколе не было, только орнамент, листики какие-то по краю. И безъязыкий был колокол, немой, только осталось колечко внутри, к которому язык крепился. Стукнули по нему какой-то железкой - отозвался негромко, но чисто и довольно звонко.

Положили и эту находку в общую кучу.

...Олег Дробин представил, как висел этот колокол в ряду подголосков на колокольне рядом с огромным главным колоколом, как влетелся его звук в общую мелодию, как шли люди на этот звон. «Откуда он здесь-то? Тут же чистое поле до депо было... А может, и нет... Надо будет в книгах покопаться».

Вскоре мужики наткнулись на старую шпалу - поперёк траншеи лежала. И вот беда: ни поверх неё, ни под ней кабель пустить нельзя: толстый он, а лежать должен ровнёхонько, шеф ещё утром предупредил.

Тут для Леонида работа нашлась - прокопали под шпалой дыру, трос подвели, к экскаватору подцепили, взревел мотор, зашевелилась, будто живая, земля - и оборвался трос. Земелька-то - глина утрамбованная.

Леонид, будто вину за собой чуя, засуетился, побежал куда-то в депо, в мастерскую, трос искать. Мужики перекурили быстро и, не дожидаясь экскаваторщика, дальше по траншее пошли, углубляя и выравнивая дно.

Леонид вернулся минут через двадцать с тросом. Сам в канаву спрыгнул, прикинул, как шпала лежит, трос закрепил.

- Пойдёт, сейчас пойдёт, как миленькая пойдёт, - твердил, как заклинание, забираясь в кабину.

И шпала «пошла», раскорёживая края канавы, выползла наверх - чёрная, похожая на огромную головешку. И Леонид зачем-то протащил её ещё метров на тридцать, будто подтверждая свою победу над ней.

Сразу принялись выкидывать осыпавшуюся землю, и вскоре в этом месте траншея была такая же, как и везде, ровная.

Земельные работы подходили к концу, но мужики уже понимали, что всё сегодня до пяти вечера, официального окончания рабочего дня, не успеть. Чаше и чаще прикладывались к канистре с водой, перекуривали. Будто молча уже сговорились - кабель завтра потянут.

Всё, вот она, эта будка кирпичная. Сели у стены в рядок, лопаты в землю воткнули, курят. Половина пятого...

Борода только сейчас на колокол внимание обратил, подержал в руках и сказал:

- Я такой видел, висел тоже у нас для красоты. Станционный это колокол, до-революционный.

- А не церковный? - Дробин спросил.

- Да ну, какой церковный, говорю же...

- А чего тут станция, что ли, была? - заинтересовался вдруг и Васька Рыкин.

- Ну, может, не станция - полустанок какой. Депо ведь тоже не случайно именно тут стали строить... А вообще ничего-то мы не знаем даже о своём крае. А прошло-то... Меньше ста лет, может, прошло-то...

- Шеф идёт, - прервал рассуждения Олега Дробина Васька Рыкин.

- С Колей, - добавил Дробин, хотя и так все уже видели, что двое идут.

Шеф, директор частного предприятия «Электросила», Игорь Сергеевич Тарасов, высокий, худощавый и очень подвижный, в джинсах, в простенькой какой-то рубашке, в сандалях на босу ногу, лёгкой своей походкой шёл вдоль траншеи, поглядывая на дно её, говорил что-то прорабу, тот, стараясь не отстать от начальника, семенил рядом, кивал согласно.

- Ну чего, мужики, перекур? - спросил шеф, подойдя к ним.

- Да пора, наверно, и завязывать на сегодня, Сергеич, - с обычной нагловатой ноткой в голосе выразил Саня-кот общее бригадное мнение.

- Мужики, надо сегодня, - твёрдо сказал Тарасов. - Сегодня надо, - обращаясь уже только к Бороде, повторил.

Тот пожал плечами.

- Ну, как обычно, за сверхурочные заплачу, - понял его молчанис шеф. И добавил, опять обращаясь ко всей бригаде: - Давайте не будем сдаваться, мужики! А?

- Сделаем, Игорь Сергеич, чего там, - первым поднялся Борода.

И остальные за ним встали.

- Я не могу, Игорь Сергеич, - твёрдо сказал Чубайс, - мне уже клиент звонил. На шесте стрелка забита. Извините.

- И я не могу, - присоединился к нему Васька Рыкин, не объясняя, почему не может. (А уже та гимнасточка перед глазами стояла. Да и как-то не по себе ему было после той стычки с узбеками, вроде как не на высоте он оказался. Вернее, конечно, Борода всё испортил. Он бы, Васька, и сам, конечно, с тем бы разобрался...)

Тарасов молча кивнул на их слова, вопросительно на остальных глянул. А мужики уже шли без лишних слов к огромной бухте с кабелем, уже выкидывал из кузова «Газели» Саня-кот металлические стояки, на которых бухту предстояло «вывесить»...

- Подъеду часа через полтора, - сказал Тарасов. И, обращаясь к Чубайсу и Рыкину: - Переодевайтесь быстро, подброшу до города.

Коле-прорабу тоже какую-то команду дал, и тот побежал к своей машине.

Пока остальные вывешивали кабель, Саня, чем-то явно очень довольный, ото-звал в сторону Лёху-памперса.

- Ну чего, Алексей... На базу всё закинем и сюда вернёмся. Катушку-то распечатали. Метра полтора срежем - никто и не заметит. Прикинь-ка, сколько там кило чистой меди выйдет...

- Да-а, - мечтательно подтвердил Лёха. - Вот только бы охрана...

- Какая охрана. Я этого мужика знаю, ему, если на язык попало, не остановит-ся. А ему попало.

- Ну ты, Саня...

- Ну так, Лёха...

- Э! Вы чего там? Взялись все! - крикнул Борода.

- Загадка: одна верёвка - десять харь. Наша бригада кабель тянет! - весело откликнулся Саня-кот.

Борода первым встал, конец кабеля на правое плечо взвалил, остальные за ним - кто справа, кто слева от кабеля двумя руками ухватились.

- Ну, пошли! - Борода рванулся вперёд, и все за ним рванулись, закрутилась катушка на толстой металлической трубе, потянулся кабель...

Борода, Олег Дробин, Леонид (кабель он помогал тянуть в экстренных случаях), Саня-кот, Лёха-памперс, Гена - все, телами вперёд наклонившись, упираясь в землю и от неё же отталкиваясь ногами, тянули, тянули этот, кажется, бесконечный толстый чёрный кабель...

- Выдь на Волгу, чей стон раздаётся? - неожиданно и невесело пошутил, сквозь зубы выталкивая слова, Дробин.

Под рельсы кабель протолкнули, перекурили, пивнули воды и снова впряглись.

На повороте, чтобы согнуть и протащить кабель дальше, пришлось ещё петлю вытягивать - это лишние пятьдесят метров.

Борода оглянулся: вроде тянут мужики, а на самом деле каждый уже лишь держится за кабель в надежде, что остальные-то тащат... И встал бригадир, конец с плеча сбросил:

- Мне, мужики, вас всех не утащить, - усмехнулся. - Перекур!

- Мы, как эти... Павки Корчагины, - передавая канистру с водой Дробину, недовольно сказал Лёха-памперс.

- Ну, те-то бесплатно, зимой, - поправил его Дробин.

- А чего до зимы-то было тянуть? Герои. Вот всё у нас так. Бесплатно. Да разве ж это деньги, что мы получаем! Прикинь, какой навар на нас Тарасов имеет, - не унимался Лёха.

- Чего ты чужое считаешь? - оборвал его Борода. - Сергеич, конечно, мужик деловой, но он ведь и тебе заработать даёт, всем нам, а у него ещё не меньше десяти бригад, как наша. А заказ вот такой получить - голову надо иметь и авторитет. И нечего чужим деньгам завидовать: больше денег - больше проблем.

- Верно! Деньги - это зло, заведутся лишние, отдавайте мне! - подвёл итог философствованиям Саня-кот.

- Ну, взялись!

...Потом Леонид ковшем экскаватора, а мужики лопатами закидывали канаву, и с этой работой управились как-то очень быстро. И не верилось, что всё на сегодня, всё... А завтра этот же кабель, в этом же депо, но по другому курсу тянуть. Но это завтра...

А вон и Тарасов идёт.

- Ну спасибо, мужики, - и тут же по пятисотке на брата выдал.

Леонид своим ходом экскаватор на базу погнал. Лёха-памперс, конечно же, к Сане в «Газель» сел - у них ещё серьёзные планы на сегодняшний вечер. Бороду, Дробина и Гену Тарасов к себе в «Вольво» взял. Хотя мужики и переоделись, но заднее сиденье газетами застелили. Поехали. Когда закидывали металлическую мелочь в кузов «Газели», Олег колокол взял:

- Мужики, давайте не будем его сдавать. История всё же. Я, может, в музей попробую...

- Три кило меди, - попытался возразить Лёха-памперс, но Борода оборвал его:

- Конечно, нельзя сдавать его. Не в музей, так тут где-нибудь в депо можно повесить - и красиво, и память...

На том и порешили. Олег положил колокол в сумку и взял с собой.

Борода, когда выезжали за ворота депо, сказал:

- Сколько лет строили тут! Ведь при советской власти ещё. Неужели теперь до ума доведут?

- Доведут, - уверенно ответил Тарасов.

- Ну значит, налаживается жизнь-то, - Борода улыбнулся даже.

Олег Дробин, как всегда, грустно добавил:

- Не мы, так наши дети, может, нормально поживут.

- Олег? Тебе сколько лет? - спросил Тарасов.

- Тридцать три.

- Так что ж ты? Ещё и сам поживёшь. Верно, Гена?

- Верно. А я дак и сейчас нормально. А если что, сам виноват.

И каждый опять о своём задумался.

...И, может быть, далёкие потомки случайно раскопают это депо: рельсы, шпалы, обломки бетонных плит, путаницу полусгнивших кабелей, потерянные инструменты, чьи-то оброненные часы... Что-то поймут они об этих мужиках, о нас?

Лишь бы поняли, знали, что и мы жили, любили, страдали, строили и желали

счастья, только счастья своим детям и внукам, а значит, и им - невообразимо далёким потомкам...

Да будут же они счастливы!

СОН

**Александр
Александровичу
ЦЫГАНОВУ**

Молодой священник отец Василий запер тяжёлый замок на церковной двери. Перекрестился, нахлобучил ушанку из кролика, поднял высокий воротник полушубка и припустил по звенящей тропке.

Вечерело. Белая луна выкатилась на небо. Идти недалеко. От села Лазаревского, где он служит, до Митрошкина километра четыре. За полгода, что живёт здесь, он привык к этой дороге среди сосен, елей, тишины и покоя.

Ветхая старуха ковыляет навстречу, кланяется батюшке...

Кончились домишки Лазаревского. Отец Василий выбрался на узкую, твёрдоукатанную машинами дорогу. Впереди черно-белый, недвижимый и безмолвный лес. Он обернулся - колокольня храма в лунном свете, и крест горит...

Лес надвигается, он уже со всех сторон.

Отец Василий поднял лицо вверх и увидел чёрную полосу неба, усыпанную звёздами. Вокруг луны голубоватое свечение - и завтра будет мороз.

А на память пришло: «Выхожу один я на дорогу, сквозь туман кремнистый путь блестит. Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу. И звезда с звездой говорит...»

Бывают дни, когда человеку кажется, что вот всё хорошо, он на своём месте, любит своё дело, живёт правильной жизнью, его уважают люди, и верится, что так будет ещё долго-долго, всегда...

От дыхания заиндевели усы и борода вокруг рта. Он трёт рукавицами нос и щёки. И чудится ему избяное тепло, горячий чай, ласковые глаза жены...

Он скорее почувствовал, а не увидел их приближение. Что-то чёрное мелькнуло справа и слева...

«Вот и всё. Конец. Глупо. Господи...»

Два столба света ударили по стволам деревьев, по дороге. Чёрные тени растворились бесшумно, как и появились. Свет ударил в глаза отца Василия. Только теперь он услышал рокот мотора. Машина - грузовой «ЗИЛ» - тормознула, распахнула дверь.

- Отец Василий! Ты, что ли? Садись. Подброшу.

Он молча, путаясь в полах полушубка, влезает в кабину. Опускается в мягко проседающее, с ободранной обшивкой и вырванными кусками поролона сиденье. Закрывает дверцу.

Машина катит дальше по лесной дороге. Умиротворяющее тепло от мотора, запах бензина и дешёвых сигарет, наклеенные повсюду картинки с голыми женщинами.

Водитель. Серёга Якуничев, сосед отца Василия, желтоволосый, в распахнутой фуфайке, под которой видна грязная тельняшка. Курит, говорит что-то.

По телу отца Василия разливается истома, хочется вдруг закурить, глаза слипаются. Живой. Приснилось будто. Он открывает глаза - сон. Но тут же понимает - нет, не приснилось, он только что спасся от смерти. «Живой... Слава Тебе, Господи!»

Глаза снова слипаются.

- Устал, отец Василий? Ничего, щас дома будем. Матушка заждалась! - смеётся рыжеватый шофер, и священник улыбается в ответ.

Через пять минут они подъехали к дому отца Василия - небольшой, аккуратной, до окон засыпанной снегом избе. Окна горят жёлтым.

- Прибыли!.. Отец Василий, у меня жена скоро родит, придём ребёнка крестить.

- Конечно. Приходите. Спасибо за всё.

ВАНЬКА

...Может, уже здесь, в этом мире, нам всё открыто, всё на виду - только взглядишь. Но, взглядываясь так, мы сжимаем своё время.

О! Сжатие времени - это не внешнее ускорение, спешка нынешнего человека, когда гонишь себя во времени, торопишься и всё равно не успеваешь. Как раз в

этой-то внешней спешке мы и пробегаем мимо той былинки, в которую, может, и надо взглядеться, чтобы понять, для чего живёшь. А понять-то бы надо, иначе - скучно...

...Ванька скучно не жил. А вся его жизнь двадцатилетняя, от рождения вот до этого мига, - событие, то ли растянувшееся на дни, недели, годы, то ли сжавшееся в точку. Он живёт, не ведая времени.

Раньше называли его «дурак», теперь же, когда по воскресеньям в церковь на берегу озера приезжает служить городской батюшка, всё чаще - «блаженный». Только братовья Куликовы, как звали «пришибленный», так и зовут.

А Ванька и в школе поучился, семь классов одолел, счёт и письмо знает. Да ни к чему ему, видать, счёт и письмо...

Присядет на корточки перед муравейником, и, если никто не прогонит, хоть весь день, до темноты уж, просидит, радуясь и дивясь мурашиной жизни.

И если в работу какую впряжётся - не оторвёшь. Только когда перетаскает, к примеру, все мешки с картошкой в подполье, удивлённо встанет, покрутит головой, руки разведёт - всё, что ли?

Дрова ещё очень любит колоть...

Мать его, Василина, непутёвая по молодости бабёнка, прижила его от проезжего молодца, да и ныне не стала толковой.

- Ванька, ирод, дурак, ну что ты там увидел? - орёт на сына, склонившегося над колодезным срубом, заглядевшегося в глубокую мерцающую мглу.

Обернулся на голос, глаза будто той мглы напились - тёмные. Но на солнышке сразу светлеют - голубые на редкость...

«Весь в отца», - думает Василина, и сердце сжимается.

- Воды-то наноси, - уже мягче молвит.

- Ладно, мама, - Иван улыбнулся и принялся за нетрудную работу...

...Всё, осень уже, хоть и лето на календаре. Небо с утра свинцом налилось, к земле прижалось. Волны на озере тяжёлые, желтоватые от песчаной взвеси, макушки в белой пене. Мелкое озеро-то. И узкое, будто щука, вытянутое на семьдесят вёрст, а в ширину редко где триста метров будет. Рыбы ещё много в озере, той же щуки, есть и судак, и царская рыба нельмушка, не говоря уж об окуне, леще и прочей сороге... И рыбаков много. Ловят удочками, сетями, неводами... Но и озеро свою дань исправно берёт. Вот хотя бы и этой весной - пятеро вышли в лодке, живым выплыл один... Налетел ветерок, поднял волну, сперва захлестнуло мотор, потом лодку...

Сидит Ванька на берегу на валуне, взял в руку камень - мокрый, холодный, глядь, а в нём ракушка отпечталась всеми спиральками своими, и мнится Ваньке живой тепло той улитки, что жила в этой ракушке...

И он уж не знает и не думает о том, вспоминаются ли это уроки истории, которые вёл в пятом и шестом классе замечательный учитель Иван Анатольевич (лет пять уж на недалёком погосте лежит), или это просто само по себе видится ему, Ваньке: деревянная церковка, домики-кельки вокруг - монастырь, а по озеру плывут ладьи белопарусные, к монастырскому берегу правят, и не знает чернец, глядящий из-под ладони на те ладьи, чего ждать от беспокойных гостей, новгородских ушкунников, добра или лиха...

Женька да Колька Куликовы вытащили на берег свою «казанку», тут же выплывают из сети рыбу, в ведро кидают и никакого рыбнадзора не боятся.

Потом идут мимо Ваньки, у каждого в руке по полному ведру, и Колька кривоногий и низкорослый, с руками синими от наколок (отмотал своё за драку), кричит:

- Ванька, купи рыбу!

- Не-а...

- У, тупорылый! - зло бросает старший Куликов. - Женька, тоже кривоногий, но чуть повыше брата и пошире в плечах.

Им есть с чего злиться. Погода испортилась, и не наехали из города «отдыхающие», за счёт которых всё лето кормились (а больше поились) Куликовы. Теперь им нужно переть три километра до большака, «водилам» рыбу толкать. Оно, может, и выгодней, но долго, а им лишь бы поскорее на бутылку срубить...

Ванька не бросает, а опускает камень в воду, забько ёжится, но не уходит, смотрит на волны, на четыре чёрные полосы вдалеке - катера рыболовецкой бригады, что таскают неводы на «глубокой» воде.

А метрах в ста от того камня, на котором сидит Ванька, - храм с кирпичными пятнами осыпавшейся штукатурки, высокой колокольней и двускатной зелёной крышей.

Когда-то очень давно был, говорят, тут монастырь, сгорел, церковь потом деревянная стояла, а полтора века назад и каменную построили. Пришло время - церковь закрыли, батюшку на север загнали, купол зачем-то снесли. Баня в храме была. А в последние годы - рыбокопильня. Отец Илья, когда впервые приехал сюда, спросил у мужиков-рыбаков, переставших в то время быть колхозной бригадой и ставших «кооператорами»:

- Как бизнес-то ваш рыбный, процветает?
- Какое там, батюшка, прогораем.

- И неудивительно - догадались, в алтаре коптильню устроили...

Мужики то ли усовестились, то ли по другой какой причине, рыбу в храме перестали коптить.

Но все эти годы провисел на колокольне огромный колокол. Или не смогли его скинуть, или специально оставили - осенью, когда пластаются над озером густые туманы, зажигали на колокольне прожектор и в колокол били, путь кораблям казался, что по последке, по фарватеру, с одного конца озера в другой плавали. И всякий в этих местах знает (хоть и закрыт вход на колокольню на тяжёлый замок), что на колоколе есть барельеф-медаль с изображением последнего императора и надпись: «Сей колокол отлит в честь вступления на царство государя Николая Второго»...

Довелось раз и Ваньке на колокольне побывать, в колокол вдарить: гул над озером, над лесом, над деревней покатился и долго, вибрируя, истаявал в небе. Ванька тогда прижался к колоколу-великану, а он - живой, внутри себя гудящий, тёплый... С той поры, всякий раз как священник приезжает, перед службой Ванька на колокольню лезет...

Из крайней к озеру избы вышла Галина, в куртку болоньевую запахла, ветер осветлённые волосы треплет. Рядом с храмом встала, тоже на озеро пенное глядит. И на Ивана. «А ведь красивый он, ладный, а работать-то как может... С головой бы дружил - лучше бы и мужа не надо». Усмехается студентка-медичка, приехавшая домой на побывку. Всё - завтра кончится её побывка - в город. Погода испортилась, отдыхающих нет - скучно.

И вспоминает, как обнимал её, мял в воде, а потом уж вон за тем кустом Алик, с которым тут на берегу и познакомилась. Чернявый он, и цепь золотая. И ещё пятеро с ним таких же. Но Алик никого больше к ней не подпустил, видать, понравилась. Машина у них большая была, чёрная, блестящая, и музыка из распахнутых дверей на всё озеро орала.

Тут у них, когда погода-то, как в Анталии. Вода тёплая-тёплая. И весь берег машинами уставлен, и музыка, и смех, крики. Вот тогда весело. А сейчас - пустой холодный берег, чёрные пятна кострищ, бутылки и банки вокруг них, да бредёт вон вдоль берега Ванька-дурак...

И, запахнувшись плотнее, она возвращается к дому, а ветер всё треплет её осветлённую гриву...

Завтра она уедет. Вот только на исповедь к отцу Илье ходит. Да, верит она, верит. И всё про себя знает, и кается, но не зарекается... И шальная мысль пролетает в шальной голове: «А как бы это с Ванькой могло быть?»

...Отец Илья - высокий, костистый, носатый. В «Волгу» свою садится - в три погибели гнётся. Протоиерейский золотой крест на груди. Норов у него с роду - порох. Но постепенно научился себя в руках держать, когда нужно, все-таки уж бороду серебряной ниткой простегнуло.

А надо же когда-то и разжать кулаки, тесёмочки развязать, «расслабиться», как теперь говорят. Вот там, у озера-то, и разожмёт кулаки, даст душе роздых. Служится у озера как-то легче, хотя люди-то ведь везде люди, что в городе, что в деревне...

За город выехал, потянулись серо-зелёные поля, замелькали жёлто-зелёные перелески, обломки деревень, и невольно вспомнилось: «Эти бедные селенья, эта скудная природа, край родной долготерпенья...»

Гонит отец Илья лихо, по-другому не умеет. На заднем сиденье дремлет дьякон отец Анатолий - невысокий, кудреватый, с аккуратной бородкой.

Задумался, видно, отец Илья, не заметил, что встречная машина ему мигнула. И вот он, «родимый», полосатой палочкой машет.

Вышел священник из машины, чтоб видно было - в рясе, с крестом. Но гаишник тоже тёртый калач:

- Согрешил, батюшка, - говорит, - скорость превысил, - усмехается.

Усмехнулся и отец Илья в ответ, штраф заплатил, квитанцию покорно принял.

- Будьте осторожны, батюшка, - напутствует приветливо сержант.

- Спаси Господи, - отвечает священник.

Вот и отворотка к озеру. Скинув скорость, отец Илья признал братовъёв Куликовых, тормознул.

- Здорово, мужики! Много ли наторговали?

- На пузырь есть, - брякнул пустым ведром Николай, - надо бы и на закусь, - кивнул на полное.

- Ну садитесь, домой подброшу. И рыбу вашу возьму. Почём?

- А цена всё та же, батюшка, - бодро откликнулся Николай, уже распахивая дверь справа от священника.

Брат его в заднюю дверь полез, к отцу Анатолию.

- Здравствуйте, - очнувшись от дрёмы, тихим, кажется, полным скорби голо-
сом сказал дьякон. И глаза у него - скорбные.

- Есть, значит, рыба-то? - говорит священник, разгоняя машину, просто, что-
бы что-то сказать.

- А куда она денется, - такой же необязательный ответ.

- Завтра бы, после службы, как в тот раз к острову сплавать.

- Ноу проблем, отец Илья, сделаем! - откликается Куликов.

И вскоре, уже при свете фар, въезжают в деревню (конечно же, село это было когда-то, село - ведь храм стоит). Тут прямо на въезде и магазин - кирпичный одноэтажный сарай, окно ещё светится.

Отец Илья, поняв беспокойство Куликовых, остановился здесь, отдал деньги за рыбу.

- Ведро завтра возьмёте.

- Да... Бог с ним, с ведром-то...

Деревня - в одну улицу. Домов двадцать. И во многих свет горит - отпуска у людей, приехали кто на родину, кто на дачу. А постоянно здесь только Куликовы, Василина с Ванькой, егерь Генаха с женой да ещё три старухи...

«Волга», лихо поднимая пыль, пронеслась по деревне, встала у избы Полины Николаевны - бабы Поли. А она уж бежит с высокого крыльчика, до земли батюшке кланяется, руку целует, в белом платочке, уютно-округлая, каждой морщинкой своей сияет. Вон и старуха Кадкина, на палку опираясь, ковыляет, и Потапиха - под батюшкино благословение спешат. Отец Илья дождался старух, благословил. Но Полина Николаевна грозно на них зыркнула - покой батюшки охраняет, а больше - честь высокую, ей оказанную, блюдёт.

Отец Илья и отец Анатолий идут в избу.

...Геннадий Пахолков, егерь местного охотничьего хозяйства, муж продавщицы, видел лихо промчавшуюся по деревне машину. Собрался, пошёл (это уж привычкой у него стало) со святым отцом побеседовать.

Геннадий - сухой, жилистый сорокалетний мужик, егерь и браконьер, рыбак и охотник. Охотник не только до дичи, но и до разговора.

- Здорово, святые отцы, - весело бросил от порога.

- Здравейте, заходи.

Хозяйка от души кормила гостей.

На Геннадия (Генаху по-местному) Полина Николаевна зло глянула, да он на неё даже не посмотрел - батюшка к столу позвал...

- ...Тут всю неделю с американцем медведя высиживали на лабазе. Был мишка, точно. До американца каждую ночь на овёс приходил. А тут, как отрезало... Я его спрашиваю: чего, в Америке медведей нет? Есть, говорит, но дешевле три раза в Россию съездить, чем там поохотиться... Раньше, если клиент зверя не возьмёт, мне как-то неудобно было, вроде работу свою не сделал. А теперь - не взял он мишку, и ладно, пусть живёт. Старее, что ли...

- Да, стареешь, - подала голос хозяйка дома, - сам возьмёшь потом.

- Не знаю. Может, возьму, может - нет...

- Ну он, американец-то, хоть отблагодарил тебя, лично тебя? - спросил отец Илья.

- Да. Десятку долларов сунул. И то спасибо. От наших и того не дождёшься, придут, нажрут, зверя раслугают - я ещё и виноват...

...Отец Анатолий вставил своё слово в разговор (не к месту, как всегда), мол, по всем признакам - конец света близок...

И все тут притихли, призадумались: по признакам, да, близок Суд Страшный...

Генаха наконец распрощался, домой двинул. Отец Анатолий ушёл в отведенную ему горенку, на молитву встал. А отец Илья захотел в храм пойти. Он всегда, когда приезжает сюда, накануне службы один в храме молится.

Взял ключи. Пошёл в темноте уже. Недалеко - метров двести.

Но только со двора вышел, увидел ещё одного к нему идущего. Николай Петрович Окатышев это был, пасечник. Любитель задавать неудобные вопросы.

- О батюшка! Погулять, что ли, вышел?
- В храм.
- Ну и я с тобой прогуляюсь.
- Пожалуйста.

Случайно будто бы встретились. Священник поморщился, устал он уже. Да и Николай Петрович этот... Трудно с ним разговаривать...

Прошли освещённый окнами конец деревни, и отец Илья включил электрический фонарик. Дорога вся в рытвинах, лужи, тёмные ивовые стены с обеих сторон. Слева кусты расступаются, тропинка от дороги туда бежит. Кинул по тропе отец Илья луч фонарный - кресты кладбищенские высветились. А впереди уже белеет храм. Дорога раздвигается, кусты отступают. Берег, ветер, бесконечный шелест волн...

Тут Николай Петрович и приступил со своим разговором:

- Слушай, батюшка, я вот думаю: ладно, Бог всё сотворил. А Бог-то откуда? Его-то кто сотворил? - и, не дожидаясь ответа, продолжил, уже не спрашивая - утверждая: - Наш мир - один из способов организации пустоты. Если же Бог его сотворил, значит, способ организации пустоты...

Священник прервал его рассуждения:

- Тогда надо признать, что пустота твоя, Николай Петрович, разумна. И тогда вопрос: что это за пустота, откуда она? То есть тот же вопрос, что задал мне ты, но в квадрате. А вообще постановка таких вопросов - путь к сумасшествию.
- Но я же не виноват, что возникают такие вопросы! Ну не могу я в бородатого дедушку, на облаке сидящего, верить!
- В любовь верь. В пустоте какая любовь может быть? А Бог - Он и есть сама любовь.

И замолчали оба, остановившись у калитки в деревянном, местами разобранном, покосившемся заборчике, огораживающем храм.

Отец Илья понимал, что не убедил собеседника. И ничего тут не поделаешь, только на благодать, на милость спасающую и остаётся надеяться...

- Ну ладно, батюшка, бывай. - Окатышев, будто радуясь чему-то, ухмыльнулся, и, резко развернувшись, пошёл к своему на отшибе деревни стоящему дому. Длинная его фигура маятниково покачивалась при ходьбе. Скоро тьма скрыла его.

Отец Илья постоял перед калиткой и не вошёл за неё. Окатышев будто лишил его внутренней собранности, спокойствия, необходимых для молитвы. Мимо храма, перекрестившись, пошёл к воде.

В темноте накатывались на берег белесые волны и, шипя, отступали.

На огромном валуне, поджав ноги, завороженно глядя на волны, сидел Ванька.

- Здравствуй, Ваня.

- Здравствуйте, батюшка, - несколько не удивившись появлению здесь священника, откликнулся парень. - Вот, батюшка, смотрите-ка, - и протянул что-то.

Отец Илья взял камень. Осветил его фонариком и увидел окаменевшую, впаявшуюся в камень, ставшую камнем спиральную ракушку.

Держал камень в руке, а Иван глядел на него и, видимо, не дождавшись ожидаемых от священника слов, сказал:

- Время. Каменные часы.
- Да... «Ну какой же он дурак - мудрец...», - подумал.
- Ванька-а-а! Домой иди-и! - разнёсся крик его матери.

И Ванька встал с камня, пошёл.

- На службу-то придёшь завтра?

- Да, батюшка.

Рыбачские катера подошли ближе к берегу, встали на якоря. Вскоре от них отделились лёгкие вёсельные лодки, заныряли по волнам к берегу...

Отец Илья держал в руке камень с ракушкой, глядел на лодки, на волны... «Сколько же тысяч лет назад была эта ракушка живой?» И ещё думалось: «Наверняка, и тысячу лет назад вот так же возвращались из озера рыбаки со своим уловом, вытаскивали на берег лодки, выгружали рыбу, развешивали на сушилке сети... И так же какой-нибудь Ванька или Илья стоял на берегу и силился постигнуть непостижимое - весь этот мир и время, и неразрывность его, и вечность...»

Ведь и он, он сам упирался в тот же вопрос, что и Окатышев...

От деревни разрезали тьму два столба света: выше по берегу к низкому дере-

вянному строению, куда рыбаки стаскивали рыбу, проехала легковая машина - покушатели.

Он поднялся на крыльцо храма, снял два навесных замка, светя себе фонариком, вошёл в храм, затеплил свечу перед образом Спасы, опустился на колени...

А когда через полчаса выходил из храма, та же машина с орущей из окон музыкой ехала обратно. И встала неподалёку.

Отец Илья спустился с крыльца. К нему шёл человек. Когда он приблизился, священник разглядел - невысокий, кряжистый, наголо бритый парень лет двадцати, раздетый по пояс, на груди, там где сердце, какая-то наколка. Рухнул вдруг на колени:

- Святой отец, исповедуй! - пьяно прохрипел.

- Что ты, что ты, встань...

- Исповедуй! - головой в землю ткнулся.

Но от машины уже бежали две девицы:

- Васька! Придурик! Пошли давай! - подхватили парня под руки и поволокли к машине. Он не упирался.

Отец Илья шёл обратно к дому, к ночлегу. Вспомнил, как и сам в первый раз пьяным в храм заявился, тоже исповеди просил. А священник сказал: «Приди завтра, трезвый... Только обязательно приди...»

А чего стоило ему, Илье Вострикову, себя переломить, просить, хоть и исповеди. Совсем уж его тогда припёрло. Что припёрло-то? Тоска. Вот это: когда всё есть (он работал прорабом на стройке, мужиком был хватким, зарабатывал прилично, да ещё и приворовывал), а зачем?..

...И было воскресное утро. И голос колокола-великана разливался на десять вёрст по округе, а над озером и на все двадцать, и счастливый Иванушка-дурачок прижимался, обхватив руками, к колокольной груди и слушал, как долго ещё затихает, гудит медный динамик...

Служба была, исповеди... И дребезжащие голоса поющих на клиросе бабушек были не менее молитвенно-прекрасны, чем голоса выпускниц «музпеда», поющих в городском храме. И как же хотелось ему, отцу Илье, чтобы никогда уж не согрешила исповедавшая грехи свои Галина - совсем же ещё девчонка; чтобы успокоилась мятущаяся душа Геннадия Пахолкова; чтобы не только в эти минуты, но и навсегда уже скинули с себя скорлупу показной наглости братья Куликовы... А как светится всегда скорбное лицо дьякона!.. Вон и Окамышев стоит, острым глазком на всё поглядывает. Но настанет день - отец Илья верит в это, когда и этот Окамышев, смилив гордыню, истосковавшись душой, на исповедь подойдёт... Последним на исповедь подошёл Ванька.

- Батюшка... - только и сказал, и вдруг слёзы из глаз его голубых потекли.

- Ну что ты, что ты... - и священник поскорее накрыл его голову епитрахилью...

И было причастие...

И люди, входившие в храм толпой, выходили - народом.

И отец Илья вновь дивился этому чуду. Пройдёт минута, день, месяц, и опять короста греха покроет эти чистые души, а сейчас-то - какая радость, какое единение!

И ведь эти же люди, ещё несколько лет назад в алтаре рыбу коптили... Да и он-то сам, отец Илья, ещё семь лет назад...

- ...Осторожнее, батюшка, - скорбным своим голосом сказал отец Анатолий, когда после службы и обеда, переодевшись в «штормовку», брезентовые брюки и сапоги-бродни, отец Илья пошёл к озеру.

Братаны Куликовы уже поджидали на берегу.

Столкнули лодку. Старший Куликов сел на носу, отец Илья - на скамейку в середине ближе к левому борту, младший - на корме у мотора.

А мотор что-то не заводился. Куликов дёргал и дёргал шнур, мотор рычал и умолкал.

Отец Илья увидел на берегу Ваньку. Тот сидел на валуне, глядел на воду... «Блаженны нищие духом...»

Мотор взревел. Лодка, сразу задрал нос, рванулась. «Руль держи!» - истошно рывкнул старший Куликов брату.

Отец Илья, выпав за борт, сразу с головой ушёл под воду. Сапоги наполнились водой, он отчаянно пытался стянуть их...

Ванька бросился в воду, поплыл...

Куликову наконец удалось скинуть скорость, развернуть лодку. Метров на сто вперёд уже улетели.

Вынырнувшего, точнее, вытолкнутого Иваном из-под воды священника подхватили за волосы и капюшон, потом подмышки... Пока втащили, Ванька потерялся...

Отец Илья, с трудом придя в себя, сел. Рядом на траве лежал Иван. Куликовы склонились над ним, не зная, что делать.

- Что? - спросил священник, понимая, зная уже - «что»...

...Галина подбежала, сунула руку к шее, к сонной артерии Ивана. Нос зажала пальцами, и, вдохнув, к его губам припала, выдохнула - так несколько раз.

- Переверните его, - Куликовым скомандовала.

Те развернули безжизненное тело со спины на живот, Галина всем весом давала. И вздрогнул Иван, головой затряс, закашлялся, на четвереньки встал...

- У-у! - не найдя слов, выдавил из себя старший Куликов, сплюнул под ноги, к лодке пошёл, сигареты из кармана доставая. А младший спросил священника:

- Ну как ты, батюшка?

- Нормально всё, - отец Илья поднялся, шагнул к Ивану, который уже сидел, глядя на всех удивлёнными голубыми глазами.

- Ну, как ты?

- Я уж думал, что умер, а живой... - ответил Иван и улыбнулся.

Галина сидела на валуне у воды, на том самом, на котором сидел недавно Ванька. Священник подошёл к ней, увидел, что она плачет, сел рядом.

«Ну ты дурак, дурак, а дура-ак...», - одобрительно сказал Ваньке Колька Куликов.

От деревни бежала, крича что-то, Ванькина мать. Молча бежали дьякон отец Анатолий и егерь Геннадий Пахолков...

На валуне рядом сидели пожилой бородатый мужчина с длинными мокрыми волосами и светловолосая девушка, и мужчина сказал, то ли к себе самому, то ли к ней обращаясь:

- Слушай, это же не просто так, как-то же по-другому теперь надо жить, да?..

НА БЕРЕГУ

Плотников сидел у костра. Звёзды уже высypали на небо, и луна была на своём месте. Чернела недалеко стена леса. Белый «Запорожец» горбатился под одинокой осиной с беспокойной листвой. С реки тянуло влажным холодком, запахом ила, а от котелка, остывающего в траве, - наваристой ухой.

Нечасто удавалось Плотникову одному вырваться из города, отдышаться.

Он даже хлебнул из старой солдатской фляжки по такому случаю.

Искры внезапным салютом взметались к небу, сливались со звёздами и таяли. Вскрикивала в лесу птица.

Плотников сначала услышал, а потом и увидел идущего со стороны леса человека. Он был в длиннополой чёрной одежде, в чёрной же шапочке.

- Мир вам, - сказал.

- Здравствуйте, - ответил Плотников, понимая, что перед ним монах. Пригласил неуверенно: - Присаживайтесь.

Монах сел на валежину, стянул нога об ногу пыльные кирзовые сапоги, размотал портянки.

- Там река, - махнул рукой Плотников, и неожиданный гость, кивнув, пошёл босиком по холодной траве, и слышно было, как он плескался и фыркал.

Плотников был недоволен, что нарушено его одиночество, да ещё монахом, с которым и говорить-то не знаешь о чём. Но поднялся, сходил к машине и достал из рюкзака вторую ложку и пластмассовый стаканчик. Прихватил ещё чайник, спустился к реке чуть выше того места, где умывался монах, набрал в чайник воды и вернулся к костру.

Пришёл и монах, капли блестели в темной густой бороде.

- Чаю сделаем, - сказал Плотников, просто чтобы что-то сказать.

Монах не ответил. Он опять сидел на валежине, глядел на огонь полуприкрытыми глазами.

Плотников установил над огнём железную треногу, повесил на крюк чайник.

Затем поставил между собой и гостем котелок, снял с него крышку, и оттуда дохнуло густым рыбным духом. Хлеб и помидоры лежали уже нарезанные на куске клеёнки.

- Спаси Господи, - сказал монах, перекрестился и принялся за уху.

Плотников встряхнул фляжку:

- Будешь?

- Нет, спасибо, - монах покачал головой.

- А я приму, - плеснул в стаканчик, выпил одним глотком и торопливо заел. Гость всё молчал. А в Плотникове закипало раздражение. Он с вызовом спросил:

- Монах?

Незнакомец кивнул.

- Ну и как?

- Что? - монах вопросительно приподнял брови.

- Спас душу? - и, не дожидаясь ответа, продолжал: - Я бы, может, тоже хотел так: ушёл, и одна забота - душу спасай, молись, - он говорил сбивчиво, торопливо, злясь уже на себя за эту торопливость, от этого ещё больше сбиваясь. - А работать? А семья...

- Простите меня, - произнёс вдруг монах, встал, подхватил свой вещмешок и ушёл в сторону.

Плотников выпил ещё из фляжки, остатки зачем-то плеснул в огонь, и на мгновение костёр взметнулся, растолкнул тьму и сразу опал, обессилел. Плотников поднялся и пошёл за монахом...

...Он стоял на коленях склонившись, и Плотников сперва подумал, что он споткнулся и повредил ногу... В этот момент выглянула из-за тучи луна, и Плотников увидел перед ним икону, прислонённую к мешку. И он поспешно отвернулся, бесшумно ушел. Лёг у прогоревшего костра, запахнулся бушлатом, долго ворочался, пока не забылся чутким сном. Но и во сне что-то говорил монаху, что-то втолковывал ему, о чём-то спрашивал, а тот всё молчал...

Утром он осмотрел округу, даже крикнул несколько раз. Монаха не было.

Вскоре Плотников собрался и уехал в город.

...Трепещет багровой листвою осина, путаются в жесткой траве серебряные нитки паутины, тянет студёный ветерок.

Плотников стоит на берегу, смотрит на беспокойную воду. И пытается понять, что же произошло здесь, на этом месте, месяц назад. Почему он никак не может забыть того монаха? Да был ли он? Может, приснился?

Вон кострище, валежина, на которой он сидел. Здесь он стоял перед иконой... Кто? Кто он такой?

Потрескивают дрова, шумит на недалёком перекате вода, вскрикивает птица в лесу... Плотников думает о монахе, о себе...

МОЛИТВА

Он сидел, прикрыв глаза, на плоском шершавом валуне у самой воды. Солнце прогрело камень, и сначала Кирилл не чувствовал холода. Но потом ощутил - древний, ледниковый, идущий из сердцевины валуна. Поднялся. Склонился к воде. И сквозь своё зыбкое отражение увидел, как по белому песку, оставляя неровную дорожку, пятится клешнистый рак...

Крутой берег в густом ельнике. Кирилл, подхватив корзину, пошёл от реки не тропой - лесом. То и дело попадались золотистые кругляши - рыжики. Кирилл бережно срезал их, вдыхал их запах. И от жёлтого молочка на срезе гриба желтели его пальцы. Грибной азарт охватил его. Он лез в самую чапарыгу, там в траве между валежинами под молодыми крохотными ёлочками и было больше всего грибов. Корзина быстро наполнялась.

Кирилл забрал сильно вправо и вышел не к деревне, а к большой реке, куда и впадал ручей, на берегу которого он сидел.

Деревня была в углу между рекой и ручьём, на самом взгорке.

Река неторопливо несла свои воды к ещё более крупной реке, которая уж совсем далеко на севере впадала в океан.

И Кирилл опять загляделся на воду...

Он услышал жужжание мотора, и вскоре из-за зелёного камышового мыса вылетела, задрав нос, лодка-«казанка». На корме сидел Миша, егерь, в зимней армейской шапке без кокарды, в армейском же бушлате. Охранитель здешних вод и лесов. Он и сидел, как хозяин: откинувшись, вздёрнув подбородок, одной рукой держал руль, другой - зажатый между коленей стволом вверх армейский семизарядный карабин.

Заметив на берегу Кирилла, скинул скорость и направил лодку к берегу.

Когда лодка ткнулась в песок, Миша легко выпрыгнул, поддёрнул лодку, обернулся к Кириллу:

- Здорово, бродяга.

- Здорово, - пожали руки.

Они и раньше были едва знакомы, да не виделись уж лет десять. Но повели себя как добрые приятели, причём - без всякого усилия.

Присели у воды, закурили.

- Отдохнуть приехал?

- Да, - кивнул Кирилл.

- Один?

- Один.

Миша заглянул в корзину:

- О, рыжики! Уважаю, - и вдруг спросил: - Поедешь со мной?

На вопросительный взгляд Кирилла пояснил:

- Рыбки с браконьерских сетей снимем, у костра посидим...

- Грибы-то куда вот только? - уже кивнув согласно, спросил Кирилл.

- Найдём и грибам применение. Под скамейку корзину ставь. - Миша глянул на Кириллову обувь - лёгкие кроссовки - и добавил: - И сам залазь давай, я толкну.

От берега на вёслах Миша отгрёб и на корму к мотору перебрался. Кирилл, вспомнив его слова насчёт рыбы, спросил:

- А чего, браконьерят?

- А как же...

Лодка рванулась, пошла, полетела, задрал нос.

Кирилл сидел, левой рукой прихватившись за скамейку, а правой держа карабин, поданный Мишей. Дух захватило от скорости, мокрого ветра. Брызги за бортами сверкали; высокий правый берег разделился на две полосы: широкая жёлто-коричневая - береговой откос и узкая зелёная - трава, листва.

Пологий болотистый левый берег - весь зелёная стена.

И голубая безбрежность неба.

Кирилл оглянулся на егеря, тот сидел в своей гордой позе, подмигнул, кивнул вопросительно, мол: «Ну как?» Так, наверное, художник представляет свои новые работы зрителям, с затаенной гордостью за сделанное. И Кирилл не сдержал улыбку и показал поднятый большой палец...

Миша, показывает ему реку, как гостю. А ведь есть у него, Кирилла, и своя память об этой реке. Каждое лето приезжал он сюда, в деревню, к бабушке Поле. И однажды с Колькой Лузгиным сколотили они плот, как раз на том ручье. В реку вышли. Сначала шестью толкались, а потом на глубине уж спохватились, что вёсел-то нет у них, но не сильно расстроились, по течению поплыли. Колька что-то дёрнулся резко, плот накренился, захлестнуло его водой, в другую сторону дёрнулся, и чуть оба в воду не скатились. Тут-то и застучали у них зубы от страха. Сидели в середине своего плотика, прижавшись друг к другу, боясь шевельнуться. А плотик пронесло уж мимо деревни, уже лесные болотистые берега потянулись. На одном из поворотов прибило их к отмели у берега. Нащупав шестом дно, как угорелые в воду бросились, и уже у самого-то берега в яму оба с головами ушли, еле выбрались... И не вспоминали потом никогда о своём плавании, стыдно, что ли, было. Недавно узнал Кирилл, что нет уже Кольки в живых. Много воды утекло, много, наверное, и таких же, как их с Колькой плотиков по реке пронесло... Вот и он, Кирилл Медведев, - гость на реке своего детства...

Утка, хлопая крыльями по воде, вылетела из-под носа лодки, ушла в камыши. Река петляла, разделялась в протоки, разливалась почти в озёра, обтекала островки. Глянцевые листья и жёлтые головки кувшинок, камышовые заросли, зелёные ивовые подушки у самой воды, всплески рыбы, взлетающие утки... Кириллу уже не терпелось остановиться бы где-нибудь, спокойно, не в разбеге, взглядеться в эту красоту, удочку бы кинуть (наверняка есть у Миши)...

И Михаил действительно скинул скорость, направил лодку к левому берегу, заглушил мотор. Уже у самых прибрежных кустов Кирилл заметил вытасценную на берег лодку, а за кустами на сухом пригорке неприметную зелёную палатку и людей рядом. Костровый дымок почувствовался.

- Останься в лодке, встань, карабин в руках держи, - скомандовал негромко Миша, вышагивая прямо в воду в своих броднях, подхватил носовую цепь, подёрнул легкую свою «казанку» носом на мокрый песок.

И ему навстречу человек от костра поднялся, и из палатки кто-то выглянул.

- Добрый день, - громко, уверенно сказал Миша, - егерь Буланов, - корочки из кармана выдернул, показал. - Путёвочку вашу попрощу, документы на оружие.

Кирилл напряжённо стоял, взглядывался и вслушивался. Но говорили уже негромко, вполне мирно.

- ...Нет, спасибо, работы ещё много.

Миша возвращался к лодке, махнул Кириллу, давая отбой.

- Нормально всё.

Лодку столкнул и сам залез, за вёсла взялся, выгреб к середине. Но мотор не заводил. Вёсла на борта поставил, и лодку несло тихонько вниз по течению.

- Пять лет назад я подыхал здесь, - Миша кивнул в ту сторону, откуда отплыли.

- Что так? - спросил Кирилл, закуривая, и протянул пачку Михаилу.

Тот вытащил сигарету, прикурил, сильно затягиваясь, от подставленного Кириллом огонька зажигалки.

- Весной, как раз на открытие охоты, пошёл на дальнее озеро уток пострелять, там спокойно, мало кто уже туда и дорогу-то знает. Лодку вот тут же оставил, где они. Да тут один и выход-то на берег более-менее сухой. Три дня там охотился. И, бывает же и на старуху поруха, попил водички прямо из ручья. На третий день и залихорадило меня. А тридцать километров почти переть было до лодки-то. Сперва-то ещё держался, потом уж не знаю, как и шёл, всё в тумане, на берег выполз, а до лодки доползти сил нет... И уже, знаешь, смирился, всё, думаю, пришёл мой час... И вдруг картина в глазах: тело своё вижу, мёртвое, разлагающееся, и лиса, ободранная такая, линяющая, подбегает и лицо моё гложет. И так мне стало противно и обидно за себя. «Врёшь, - думаю, - не возьмёшь!» Откуда и силы взялись - на карачки поднялся. Стошнило меня тут же, и будто бы полегчало, встал я на ноги, лодку отвязал, столкнул на воду и упал в неё. Мужики ниже по течению с берега увидели, на моторе догнали, домой притащили... А я даже врача не вызывал, отлежался, спиртом да салом барсучьим выправился. Вот так...

- Да... - сказал Кирилл, окурок в воду бросил.

- Ну-ка... - Миша опять что-то увидел у берега, за вёсла взялся.

...Сеть к береговому кусту была привязана, второй конец - к притопленному, вбитому в дно батугу.

Дохлую рыбу Миша сразу выбрасывал за борт, а живую кидал в лодку.

- Как минимум два дня не проверяли, забыли, что ли, с перепоею, - егерь сплюнул от злости. - Рыбаки хреновы, бракуши...

Рыбы, в основном лещи и язи, сверкали чешуёй на солнце, а потом как-то разом все побледнели, серыми стали...

Опять шли на моторе, солнце, уже розовое, вечернее, стояло прямо в створе берегов позади лодки, и волнистая дорога за лодкой была розовая.

Похолодало сразу, и Кирилл понял, почему Миша в августе в зимней шапке и бушлате.

- Всё, приплыли. Вот избушка моя на курьих ножках.

Избушка и правда, как на ногах, на сваях стояла метрах в трёх от воды, скрытая со стороны реки ивняком, по весне, видимо, это место затапливалось. А уже за избушкой высоко, горой, вздымался берег, и в гору петляла между кустов тропа.

Выдернули лодку на берег. Миша из кустов достал лесенку, приставил к порожку, поднялся, снял с двери замок:

- Держи, - бросил Кириллу серую фуфайку.

С высокого крылечка не по лестнице спустился - спрыгнул по-молодому. Ткнул Кириллу в плечо: «Пошли», - будто вспомнил что-то очень важное, и вот сейчас, пока не забылось в суете, нужно сразу же это важное сказать или показать. Полез тропой в гору, Кирилл, натянув фуфайку, за ним устремился.

Вершину Кирилл почувствовал - ветер охолодил вспотевший лоб. Миша как-то в сторону ушёл, будто оставил его одного. А Кирилл не сразу решился поднять глаза, в общем-то, зная, что увидит... Лента реки бесконечно разматывалась в обе стороны, причудливо извиваясь... А за рекой - леса, луга, серые дороги, поля, холмы, деревеньки и опять леса, и поля... Дух захватывало от воли и ветра!

- Вот так, брат ты мой. Вот так. Не тесно живём, - подал голос Миша.

По одной из дорог пылил мотоцикл.

- Вася Веснин гонит. День ведь в поле отпахал и опять куда-то, - одобрительно сказал Миша.

Егерь махнул рукой вниз по течению реки:

- Рыбачки наши сеть ставят.

И Кирилл увидел чёрточку на воде - лодку, понял, что говорит Миша о тех, к которым подплывали днём.

- Ну и пусть ставят. Можно. И поохотиться можно, всё можно. Совесть только иметь.

Кирилл повернулся спиной к реке - и там леса, и, кажется, озерцо просверкивало в закатном солнце, может, то, на котором охотился и чуть не погиб, выбира-

ясь с которого, Миша. И не видно конца тем лесам... И Кирилл вмиг ощутил вечность.

Егерь опять из забытья его вывел:

- А давай-ка, Кирша (по-деревенски, как только здесь и только в детстве его называли - и от этого тоже сердце ёкнуло), стоняем вон к тому дымку, - вверх по течению указал на противоположный берег. - Там знаешь, кто? О-о, там... не пожалеешь.

Осторожно, под конец всё же сорвавшись на бег, спустились к реке. Миша опять в домик залез, что-то собрал там в рюкзак, и, когда ставил его аккуратно в лодку, брякнуло аппетитно.

Вскоре опять гнали по реке.

И весь этот день представился Кириллу сжимающейся пружинной, которая ещё не сжалась до предельной точки, но которая ведь и разожмётся, и, может, выбросит душу его ввысь.

Выбрались на песчаный в этом месте берег. Миша рюкзак и ведро с рыбой взял, Кирилл про грибы вспомнил и корзину прихватил.

- Ага, давай, - увидев грибы и только сейчас, видно, вспомнив про них, кивнул Миша.

На пологом травяном лугу целый палаточный городок раскинулся: большая армейского типа палатка посередине и несколько маленьких туристических. Дальше виднелись крыши деревени. А невдалеке от палаток костерок в сумерках адел, потрескивал.

Их заметили:

- О Михаил Иванович! Давай к нам.

- Здорово, Миша.

- Рыба есть?

У костра на досках, положенных на чурбаки, сидели люди - человек пять, кто-то и у палаток ещё ходил и в воде кто-то плескался.

- Здравствуйте, - сдержанно сказал Миша. - Вот с другом...

- Добрый вечер, - сказал Кирилл.

...Сразу по чуть-чуть выпили, и, конечно же, не от малости той - от чего-то другого всё для Кирилла потом, как в тумане, происходило. То есть он всё видел и понимал, но, будто со стороны или сквозь дымку, видел и чувствовал. А туман и правда над рекой поднимался, затягивал берега, прижимал людей к костру.

Миша и какая-то женщина ушли к реке чистить рыбу, и слышен был вскрик женщины и смех её над водой. Кто-то поставил кирпичи над горкой углей, на них - большую сковороду и покрошил туда рыжики...

Потом ещё раз, с тостом «за встречу», выпили. И Кирилл впервые в жизни закусил жареными рыжиками (он был убеждён, что их можно только солить). И от этих рыжиков жареных сразу в жар бросило, и кровь побежала быстрее.

Неожиданно совсем рядом затрещал мотоцикл и заглох.

- О Василий, подходи, угощайся!

- Спасибо. Чуть-чуть... всё-всё... - невысокий, плотный, белоголовый человек принял железную кружку с водкой, и кружка сразу исчезла в его чёрных ладонях.

- Опять шестерёнку какую-нибудь в мастерской выцганивал?

- Да. А что делать? Ну спасибо. Дел ещё много.

И будто и не было его - рыкнул мотор в темноте, и всё.

- Вот на таких Василиях эта земля от века и держится. Вот прямой потомок первого поселившегося здесь славянского племени. Яркий тип одновременно смелого первопроходца и терпеливого пахаря!

Только сейчас Кирилл и выделил из всех сидевших этого человека, понял, что он и есть здесь главный и это с его разрешения всё здесь и происходит. Немолодой, сухой и крепкий, седебородый.

- Друзья мои, - продолжал он, - это ли не чудо? Как минимум пятнадцать тысячелетий назад здесь, на этих берегах, уже жили люди. Мы ещё не знаем, какой национальности, да и не было тогда национальностей. Тут же, вон там, мы нашли свайные сооружения угро-финского племени, чуть выше - славянское поселение, полуземлянки, почти уже избы. И уже в слоях девятого-десятого веков найдены нательные кресты. И вот она - современная деревня, - он указал на не видимые сейчас дома. - Те же избы и, главное, те же люди. Братья! За нами сорок поколений православных людей, за нами бесчётные поколения предков, ещё не знавших Христа, но и в детстве языче-

ства уже несших в душах своих понимание добра и справедливости... Я пью за эту землю, за эту реку, за этот вечный туман и за этот вечный костёр! За нас!

И уже сверху из какого-то другого мира увидел Кирилл костёр и людей вкрут него - воинов далёкого вольного племени с седобородым властным вождем во главе. И чаша шла по кругу, посолонь, и речи заздравные и воинственные на непонятном, - но русском! - языке долго не умолкали...

Утром растолкал его Миша.

- Курево есть?

Кирилл дал ему и сам закурил.

Тихо было. До звона в ушах тихо. Лагерь московских археологов спал. Пахло рекой, загашенным костром. Туман над водой уже развеялся, но по берегам ещё гулял мягкими клубами, таял в лучах восходящего солнца.

- Ну что, брат? - спросил егерь.

- Домой пора собираться. До деревни меня подкинь.

Миша ушёл к большой палатке и вскоре вернулся с карабином, рюкзаком и корзиной.

- Ну поехали.

И снова неслись по реке. Холодный мокрый ветер быстро вымел из головы вчерашний хмель, но почему-то уже не было того, вчерашнего, радостного чувства.

Когда проходили мимо егерьской избушки, невидимой с реки из-за кустов, Кирилл подумал: «Как же он сваи-то вбивал?» И усмехнулся сам себе, наивности своего вопроса, взглянув на Мишу, который тоже взбодрился на вольном ветре, сидел в своей всегдашней гордой позе. Да этот Миша не то что забудёт, он перегрызёт любую сваю, если нужно будет...

На берегу простились.

- Спасибо, Кириша.

- И тебе, Миша, спасибо.

После недолгих сборов в пустом дедовском доме Кирилл сел в машину - белую «Ниву», погнал в сторону города.

Солнце уже пригревало, дорога пылила за колёсами автомобиля. Вспомнилось вдруг: «За нами дым и пыльные хвосты...» Дальше Кирилл не помнил, знал, что что-то хорошее, но не помнил. Он резко остановил машину. Вышел. В поле работал трактор, и видно было, какой он старый, весь многократно перебранный. И тракторист, кажется, Василий махнул Кириллу.

«Господи, пусть не кончается это никогда, пусть не кончается», - прошептал или только подумал Кирилл Медведев.

МЕРА ВИНЫ

1.

Погода для рыбалки плохая: холодно, ветер. Но Олег не изменил своей привычке - в половине пятого утра вывел на улицу свой велосипед, старенький «Спутник». Банка с червями и складная удочка в сумке, перекинутой через плечо.

Проехав вдоль железной дороги пригородный парк, переходящий в заболоченный лес, он оказался на своём месте, на берегу тихой туманной речки.

Берег полого скатывается к воде, и кусты, расступаясь, открывают глинистый пятак. Здесь у Олега сидня - обрубок бревна.

Стараясь не спешить, подготовил снасть, закинул. Поплавок нырнул и, выскочив, застыл на воде. Олег постоял с минуту, тихонько сел, удочку положил в рога-linku, воткнув у воды. Закурил.

Восход облачный, лишь пробиваются с востока широкие розовые полосы, ветер несёт по воде обрывки тумана. Не клюёт.

Вот он сидит над своей удочкой, Олег Кузнецов, сорокалетний, грузноватый, крепкий ненарочитой мужицкой силой, в зелёной брезентовой куртке, в старых джинсах, коротких резиновых сапогах, курит, смотрит на поплавок. И хорошо ему. Хорошо, потому что тихо, безлюдно и можно вот так посидеть, покурить, подумать, - это ведь тоже хорошо, не каждому ведь и это дано...

А думалось почему-то о рыбаках, таких же, как он, любителей удочку побросать. О том, что и не ради улова к реке их тянет, а ради вот таких минут над тихой водой... И ещё подумалось, что почему-то именно «рыбарей» первыми призвал за собой Христос...

Дёрнулся поплавок, и Олег сторожко взял удилице. Ещё слабый толчок. И всё.

Он ещё подождал, но больше не клевало, и он вытянул леску. Поменял обтяпанного червя, глянул на часы. Ещё полчаса можно посидеть, а потом домой - и на работу, в городскую прокуратуру.

Сверху нанесли негромкий скрип уключин. Наверное, сеть проверяют. Вот эти без улова не останутся. А для Кузнецова сегодня буквально исполнилось всегдашнее шутливое пожелание жены - «ни чешуи, ни хвостика». Без рыбы домой собрался.

И, разгоняя свой «Спутник», вспомнил слова песни: «Я буду долго гнать велосипед...», а вспомнив, остановился, сорвал торопливо синих колокольчиков, к ним жёлтый лютик приложил, какую-то ещё травинку с серой метёлочкой - и хорошо получилось. Пристроил в сумку, чтоб не помять, и дальше поехал.

Жена уже встала, готовит на кухне, а дочь Алёнка, конечно, ещё спит, каникулы у неё, пусть спит...

- Ну что, рыбак?

- Да ничего. Вот, - он протянул жене букет.

И она улыбнулась: «Спасибо».

И тут же принялась цветы в вазочку ставить, так и этак их поворачивать, чтоб лучше гляделись.

- Садись, завтракай, - сказала, вытирая руки о передник.

Откинула с лица прядь светлых волос. Такое знакомое, родное движение...

Хороша у него Ольга, под сорок уже, а хороша... А ведь было чуть не развелись. Так, всякие мелочи в ком слепились да под обрыв покатались. Ведь до того дошло, что он замахнулся на неё. А она дочь-трёхлетку в охапку - и из дома. Олег тогда решил: всё, не буду прощения просить, не хочешь со мной жить, и не надо... Если бы не её мать, развелись бы, наверное, не смогли бы через гордость мелочную переступить. А сейчас - любит он её, кажется, что ещё больше, чем в молодости, и она его. И даже говорить не надо об этом. Ну если только иногда, когда нельзя не сказать...

2.

Игорь Звонарёв возвращался с работы. В кармане его куртки лежала бутылка водки, и домой он не торопился.

Недавно он случайно встретил в городе старого приятеля Вовку Ухтыгова, вот сейчас и решил зайти к нему в гости.

А жил Ухтыгов на городской свалке. Не совсем на свалке - рядом. Построил избушку и жил. Со свалки и кормился, и одевался.

Здесь было даже красиво: прудик, зелень кустов, из-за которых не видны дымящиеся горы мусора. Ветерок дул в сторону от избушки, отгонял вонь.

Ухтыгов сидел на деревянном ящике у входа в своё жилище и ел арбуз, обливаясь соком и сплёвывая косточки.

- Привет. Угощайся... Да чистый он, с бочка чуть подгнил, так я обрезал.

Звонарёв всё же от арбуза отказался. А Вовка и не обиделся. Отвалил себе ещё кус и влип ртом в красную мякоть.

Игорь заглянул в дверь: железная кровать с матрасом, тощей подушкой, серым больничным одеялом, стол самодельный, ящики вместо стульев, полка с книгами, приёмник на столе...

Года два назад Игорь бывал в его прошлом жилище - доме-развалюхе, именованном попросту - «бомжатник». Но там Вовке не пожилось из-за других жильцов, слишком беспокойных соседей.

- Ну, заходи, заходи, - Ухтыгов отбросил корку, поднялся.

Звонарёв выставил свою бутылку, а Вовка достал из шкафчика хлеб, консервы и две железные кружки. Выпили.

- Не надоело? - спросил Игорь.

- А тебе? - вопросом ответил Ухтыгов.

- Ну я-то, как все, живу - семья, дом, работа.

- Так не надоело, как все-то? Я живу, как хочу, мне так нравится.

- Тебя ж не для этого в институте учили, - выдвинул неожиданный довод Звонарёв.

- Ты бы ещё детский сад вспомнил! Кто нас спрашивает-то? Загонят в колею - и катись до смерти. Учили, да. Но я никому не должен и не обязан...

Выпили ещё. Помолчали. Ухтыгов заговорил:

- Я понимаю: всем, как я, нельзя. Так ведь все, как я, и не смогут. Ты не сможешь...

- Ну теперь таких много.

- Не сравнивай - они от нужды, от слабости. Я - добровольно.

- Ну так писал бы книгу, что ли...

- Для этого талант нужен. У меня его нет. А разве плохо просто жить, как нравится, никому не мешая? Ты вот можешь в своём доме, притом, что вкальваешь, зарабатывать, на диване поваляться, газетку почитать, и чтоб не оговорили? А я могу - лежать, сидеть, ходить, читать...

Тут он попал в точку. Полежать вряд ли придётся... Сперва выслушает от жены, что «пьянь» он и всё такое, потом кран в ванне починить надо... Да кран-то ладно, в охотку сделает, не в кране дело... Но он решил всё же поймать Ухтыгова:

- Ну а дети? Надо же оставить после себя, воспитать...

- Во-первых, я же говорю, не для каждого моя жизнь; во-вторых - ты уверен, что оставляешь достойную смену? - он усмехнулся, произнося эти «высокие» слова. - Тебе ж некогда было воспитывать дочку-то при жизни твоей нормальной. Верно? Прости, ты сам нарвался.

Звонарёв чувствовал какую-то неправду в его словах, но не нашелся что ответить. Потому что во многом он, Ухтыгов, прав.

И зачем пошёл к нему? Только настроение вконец испортил.

Они допили водку и распрощались.

«Был же нормальный парень - учился хорошо, спортом, помнится, занимался, работал... В семье вроде какие-то нелады были, но не бросать же из-за этого всё... Да, я бы не смог...»

Игорь увидел трёх девиц такого же возраста примерно, как его Юлька. В донельзя обтягивающих штанишках, в майках, не закрывающих пупы, с крашеными волосами, одна ещё и курит... Глаза б не глядели. Вот и Юлька такая же. Да ведь и не виноваты же эти девочки, что мода такая. Проституточная мода. А модными-то быть хочется. В его молодости девочки тоже в мини-юбках ходили, Лариса его ходила. Но хотя бы открыто не курили, пиво из горла не хлебали и матом не ругались...

А как радовался он рождению Юльки! Тяжело было первое время: пелёнки, ночные кормления, недосып. Но он помогал Ларисе, не было ночи, чтобы он не встал на плеч дочери. Когда же у Ларисы через три месяца пропало молоко, он и кормил дочку смесью из бутылочки...

А уж когда подросла Юлька, ходить, говорить начала - наглядеться не мог не неё.

Как-то раз, года три ей было, ходили в парк на карусели. Он нёс Юльку на шее, придерживая за ножки, а она крепко вцепилась в его волосы. Он любил носить её так. И вот снял её, поставил на землю, а дочка подняла на него доверчиво распахнутые синие глазёнки и пролепетала:

- Папка, какой ты красивый!

И сейчас, через много лет, вспомнил - и ком к горлу подступил. Нечасто бывало такое, нечасто гулял он с дочерью - работа, то-сё, да и чем старше становилась, тем больше к матери тянулась.

А теперь, в шестнадцать лет, совсем отрезанный ломоть, девица на выданье. Все стены в подъезде кобели-то поисписали. «Юля, я тебя люблю», - это ещё ладно, а и такое пишут, что он ночью, чтоб не видел никто, выходит соскабливать... А Юлька и не разговаривает с ним почти.

Он просил у Ларисы второго ребёнка. Хотелось парня. Она долго отмалчивалась, потом как-то сказала:

- Конечно, не тебе рожать-то. Да и эту бы прокормить да одеть при твоём-то заработке. Нечего нищету плодить.

Крепко Игорь тогда обиделся. Зарабатывал он неплохо. И своих-то детей точно уж одел бы и прокормил. Другое дело, что Ларисе всё мало было: мебель давай дорогую, тряпки. Покупали.

Разругался он тогда с женой, но простил, конечно, и она вроде простила. Но о втором ребёнке Звонарёв больше не заговаривал.

И жили дальше. Жили вместе, но всё больше отдаляясь друг от друга. Он чувствовал, что Лариса тяготится им, что не о такой жизни мечтала она, не оправдал он её надежд. Но и знал точно, что не изменяла ему. А однажды он понял, что она его ненавидит. Даже за то, что не изменяла, - ненавидит. И он терпел молча, всё больше уходя в своё - в рыбалку и выпивку...

А сейчас после разговора с Ухтыговым Игорь подумал: «Надо бы что-то изменить в жизни... Развестись со своей, что ли?»

3.

Вроде бы и правда по своей воле Ухтыгов «ушёл». Но своя-то воля хуже неволи и была...

Да - учился, работал... Как все. Женился.

И не думал, что так любить будет кого-то. А любил её, без ума любил, «галку крашенную», как сам теперь говорил иногда, вроде бы он «галкой» этой, словом обидным, доказывает себе, что всё - не любит, и даже не ненавидит, смеётся над ней. Вроде бы...

Как в анекдоте вышло: вернулся из командировки не вовремя.

Оставалось ему в тот момент либо убить её, либо уйти и не видеть никогда. И вместе бы с ней весь мир, в котором возможно такое, не видеть.

Он ушёл.

И сегодня он врал, конечно, Звонарёву. Для себя врал. Сильным прикинулся, а ведь слаб.

Но и для Звонарёва врал - задеть его хотел, правильной-то его жизни. Потому что неправильная она. Да, его, Ухтыгова, жизнь неправильная, но и Звонарёва - тоже. А какая тогда правильная?

И, уткнувшись в подушку, Ухтыгов лежал, стараясь не думать. Иногда ему это удавалось - не думать. Но сегодня, промаявшись допоздна, он сорвался, пошёл в город, купил бутылку.

Он хотел вызвать Звонарёва, выпить, рассказать, как всё было на самом деле.

Подойдя к его дому, Ухтыгов увидел милицейскую машину и «скорую помощь».

4.

А на работе Олега Кузнецова ожидало, собственно, уже абсолютно ясное, раскрытое уголовное дело: жена убила мужа, саданула кухонным ножом. Сама вызвала милицию и «скорую».

Из записи её показаний Кузнецов узнал следующее: муж явился с работы пьяный, что часто бывало в последнее время. Она готовила ужин. Сделала ему «замечание». Он грубо ответил. Женщина вытирала посуду, в руке её был нож. Муж приблизился, начал орать прямо в ухо, оскорблять. Она «взорвалась» и, не понимая, что делает, ударила...

Вот она перед Кузнецовым: лет сорока. Несмотря на, конечно, бессонную ночь, выглядит хорошо. Короткая стрижка, волосы выкрашены в каштановый цвет, тонкие черты лица, тёмные глаза, стройная. Хотя заметно нервничает, держится крепко, без истерики. Работает она продавцом, у них с мужем шестнадцатилетняя дочь.

Жалко её. Психанула. Убила. Тяжело ей будет жить с этим...

Кухонный нож - самое частое орудие убийства. Убийство же - на первом месте среди причин смерти трудоспособных мужчин... Вот и ещё одно подтверждение этой статистики. Много Звонарёвой не дадут, всё же жалко.

Кузнецов отпустил её под подписку о невыезде.

По вызову следователя явился сосед Звонарёвых - полный, с одутловатым лицом, будто бы недовольный. Зачем-то вырядился в костюм, старый и тесный ему. Нервничает, потирает всё время руки.

- Вы были друзьями со Звонарёвым?

- Да какие друзья... Так, по-соседски: привет - привет. Ну, выпивали пару раз, - он даже с каким-то вызовом глянул на Кузнецова и потёр руки. - Он мне машину помогал чинить, так я проставлялся.

- У него часто бывали конфликты с женой?

- Со стороны не видно. Шумных скандалов не было. Как у всех. Кто ж не ругается? - куда-то пропала его скованность, разговорился, за большое, видно, задело.

- Моя тоже, бывает, вякнет, ты, мол, жизнь мою угробил. Чего ж выходила-то? Дуры они, бабы... Но что б вот так, - он покачал головой, - крепко, видать, его Лариска остервенилась, - и сам, наверное, удивился своей разговорчивости, потёр смущённо руки, замолчал.

Да и что он мог ещё сказать, никто ж не видел, как там у них вышло.

Но Кузнецов всё же спросил ещё:

- Может, он погуливал?

- Кто? Игорь-то? Не-е...

- Пил много?

- Не больше других. Да мы не часто встречались-то. У него работа, семья. У меня тоже...

- Ясно. Спасибо. Вот пропуск.

Потом был разговор с заведующей магазином, в котором работает Звонарёва. Перед Кузнецовым сидела элегантно одетая немолодая женщина со строгим лицом.

- Что вы можете сказать о Звонарёвой?

- Лариса Николаевна - один из старейших наших работников. С обязанностями справляется хорошо, ответственна. Судя по разговорам, знаете, собираемся иногда по праздникам своим коллективом, дом, семья - для неё святое. Жаловалась, что муж попивает. Так сейчас ведь сплошь - или одиночка, или муж пьёт, или дети шалопаи. У неё-то Юля - умница.

- Вы не замечали, у неё вспышек раздражения в каких-либо, - он запнулся, - спорных ситуациях, так скажем? - и недовольно потёр переносицу.

- Нет. Умеет держать себя в руках.

Уходя, уже от порога обернулась, спросила:

- Товарищ следователь...

- Да?

- А если мы напишем характеристику на Звонарёву, положительную? Всё-таки столько лет...

- Да. Конечно. Приобщим к делу.

В обеденный перерыв Олег Кузнецов спустился на первый этаж в столовую. Подсел за стол к дружку своему Кольке Курицыну. Тот был в курсе его дела, спросил:

- Ну как? Заканчиваешь?

- Да. Ещё пару человек опрошу. Хотя и так всё ясно.

- Да, дело лёгкое, обычное.

- Ага. Человека убили, и никто не виноват.

- Ну почему, она и виновата. Вину признаёт, чего ж ещё?

- Так-то так. Но ведь он довёл её, вот и сорвалась баба. Тоже можно понять.

- Так многих можно оправдать.

- То-то и оно.

- Ладно тебе, Олег, не переживай, работа наша такая, - Курицын допил компот и поднялся из-за стола. - У меня вон ублюдок старика за бутылку порешил. Тоже можно понять - выпить хотелось. Но нельзя нам их понимать, нельзя.

Кузнецов не ответил, но про себя подумал: «Понять и пожалеть можно каждого, а отвечать по закону будет». И этим выводом вроде бы сам себя успокоил.

5.

Лариса Звонарёва родилась в районном городке, где и сейчас живут её родители. Среди её подруг считалось чуть ли не позором остаться после школы в «районе», все стремились «в область». И Лариса, окончив десятилетку, поступила в торговый техникум уже в областном центре. И там не растерялась. Училась хорошо. Подружек много было. Были и мальчишки, но ничего серьёзного не допускала. И только на последнем курсе, когда стало ясно, что на практику её отправят в тот же районный городок, домой, Лариса засуетилась. Не хотелось ей обратно, понравилось жить в большом городе. Нужно было выходить замуж, да побыстрее.

Тут и подвернулся ей Игорёк. На танцах познакомилась. Он ей понравился. Только что из армии - сильный, смелый и удивительно наивный и робкий с ней...

Окончательно выбор в его пользу сделала лишь через три месяца их знакомства, были ведь и другие кандидаты.

Она навсегда запомнила тот день, по-настоящему счастливый.

Было самое начало весны, холодный ещё март. В городе отмечались проводы русской зимы. В парке - гулянье. Катались с горок румяные дети, выступали артисты, проводились разные конкурсы, заливались гармошки, пахло горячими блинами, снегом и брусничной настойкой, которую продавали в разлив прямо с лотка. Особенно много людей толпилось у высокого столба, облитого водой. На его макушке была закреплена бутылка шампанского. И один за другим подвыпившие мужики, молодые ребята пытались взобраться на него. Большинство не добиралось даже до середины, съезжали под дружный хохот толпы. Тут и вышел к столбу её Игорь, она и не ожидала от него такого. А он начал раздеваться: бросал одежду на снег и скоро остался в одних трусах. «Давай!», «Не приморозь там себе!», «Молодец!» - раздавались выкрики.

Сначала, когда он раздевался, Ларисе стало стыдно, и она молчала, почти и не глядела в его сторону...

Игорь подпрыгнул повыше и будто влип в ледяной столб, прижался, и видны стали бугры мышц на спине, на руках. Медленно он полз. Один раз чуть не сорвался, начал уже соскальзывать, но напрялся, остановился и снова полез вверх.

И Лариса вместе со всеми глядела на него, затаив дыхание: он уже приближался к верхушке...

А когда Игорь с бутылкой в руке под аплодисменты и крики толпы скатился на снег, тоже захлопала. Он был такой красивый, горячий... Не торопясь, оделся. Зачерпнул снег, слепил крепкий снежок и откусил от него с хрустом, будто от яблока.

- Ты что! Заболеешь! - она подбежала к нему, она показывала всем, что этот парень только её.

И в тот день она могла поклясться, что любит его. И ночью в её общежитской комнатухе, шепча «люблю», не обманывала...

В мае они поженились. Какая-то из подружек, завидуя, конечно, сказала: «Кто в мае замуж выходит, всю жизнь мается». Не слушала подружек.

Медовый месяц чудесный был. Две недели они провели у её родителей. Дом - большой, деревенский. Им выделили темноватую горенку, в которой и была только деревянная кровать с пуховой периной. И отец её, подвыпив, сказал озорно: «А вам сейчас больше-то ничего и не надо!» Лариса покраснела, а Игорь, тоже выпивший, ответил смеясь: «Верно, батя!»

А потом ещё на две недели ездили в Анапу. До сих пор, как сказку, вспоминает те дни...

И хоть муж у неё оказался непутёвый, она всё же гордилась, что жила в областном центре, работала в одном из крупнейших магазинов... Лучше многих жила.

Недавно Лариса ездила на родину к родителям. Дочка с ней не поехала, а мужа сама не позвала, впрочем, ему, скорее всего, не очень и хотелось.

И встретила бывшую школьную подружку, из «неудачниц», тех, что остались здесь, в «районе». «Ой, Лариса, молодец, так хорошо выглядишь!» Лариса тоже ответила что-то приятное подруге, хотя смотрелась та натуральной «серой мышкой»: одежда простенькая, косметики никакой, да и не была с молодости красавицей. Подруга позвала в гости, она и пошла.

Большой частный дом, огород, сад. Накрыли на стол, а за стол сели два сына и дочь, муж - крепкий серьёзный мужик. И тут-то позавидовала Лариса этой «неудачнице». Таким неприкрытым счастьем светились её глаза, гордостью за семью, за простой и прочный достаток в доме. И все собственные «успехи» - квартира, престижная работа - показались Ларисе ненастоящими. Она поспешила под каким-то предлогом уйти из гостей, потому что невыносимо было глядеть на это чужое счастье. А потом из-за какой-то ерунды накричала на родителей, которые уже давно побаивались ставшую, как им казалось, большой начальницей дочь. И в тот же день уехала домой.

6.

После обеда к Кузнецову явилась энергичная, ярко одетая женщина, тоже из магазина, где работала Звонарёва, лучшая подруга, как сама сказала, Шапошникова.

- Просто не знаю, как такое могло случиться! Она такая умница. Всё для семьи, в доме всегда порядок, уют. И за собой следить успеваешь, и дочь воспитывает. Мне кажется, Игорь не ценил этого. Всё попрекал чем-то, всё недоволен был, пил...

- Но ведь не он её, а она его... - не сдержался Кузнецов.

- Видимо, нервный срыв. С любым может быть, - не растерялась Шапошникова.

- Если бы с любимым, давно перебили б друг друга. Впрочем, спасибо, идите.

«Лучшая подруга» ушла, явно недовольная его словами.

И последний, кого наметил Кузнецов для разговора, - друг Звонарёва, Головачёв.

- Мы с ним по рыбалке друзья... были. Редко, правда, выбирались. А жена у него стервочка. Я раз к Игоряхе зашёл, так она даже при мне не сдержалась, чего-то выговаривала, что рыбы, мол, всё равно не привезёт, нет бы на дачу шёл грядки поливать. Он тогда рявкнул на неё. А с реки вроде на дачу и поехал. А рыбак он заядлый был. Но мы только с удочкой и спиннингом. Так, для удовольствия...

- А где рыбачите?

Головачёв назвал место.

- Я тоже там. Не встречались что-то.

- Мы в субботу обычно.
- А я на неделе. Вот сегодня тоже...
- Ну как?
- Дак погода-то...
- Да погода-то уж... - согласно кивнул Головачёв.
- Спасибо. До свидания.

...Моросил дождь, и домой Олег Кузнецов поехал на автобусе. Успел втиснуться в последний момент, когда двери уже медленно со скрежетом сдвигались. Он закрепился на нижней ступеньке, а выше стояла бабулька, острым локотком упёрлась ему в грудь. Ну что ей скажешь? - терпел. Да на неё ведь тоже давят... Сбоку девчушка, одета так, что стыдно в её сторону голову повернуть, с другого бока, за железной перегородкой на сиденье, молодой мужчина от нечего делать, что ли, вперился в Кузнецова. Полный автобус уставших за день, раздражённых или просто равнодушных людей. Только кондуктор - полная, но при этом очень подвижная женщина озабочена:

- Кто вошли, билеты покупаем, проездные, удостоверения показываем!

Стиснутые, чужие, отдельные друг от друга люди. У каждого свои заботы, и дела нет до того, кто рядом стоит, кому, может, локтем в грудь давит или на ногу наступил. Да вся-то жизнь нынешняя - такой автобус, тесно и одиноко в нём. Вот человека убили, и никто не виноват вроде. Ну, жена, конечно, виновата, но так виновата, что и винить вроде её не за что: «с любимым может быть...». А человека нет. Ну и что? Вот он сейчас выйдет, не будет его в автобусе, что изменится? Никто и не заметит...

Кузнецов вышел на своей остановке, раскрыл зонт.

Да нет же, не так всё, нет, вот ждут же его дома жена и дочь. Да и тот мужик в автобусе место бабульке уступил...

Ну не у каждого же такая жена, как его Ольга. Вот Звонарёву не повезло. А может, ей с ним не повезло? Разберись попробуй. Но ведь поженились они когда-то, значит, была хотя бы влюблённость, дочь же у них тоже, было же и хорошее между ними. Так как же до убийства-то дело дошло? А мужик-то он был самый обычный, и всё у него почти так же, как у Кузнецова, - работа, дом, ну что там ещё? Телевизор, даже рыбалка. Что ж он всё пил да злился? Да потому, что жена не любила его, нет, не любила. А зачем жили-то вместе? Вот так, сами же боимся из колеи выбиться - уйти с нелюбимой работы, расстаться с нелюбимым человеком. Потому что ведь удобно в колее-то... Нет, так тоже слишком просто: развелись - и все проблемы решены? Нет... Но даже без любви как же можно до ненависти такой дожить?..

И ещё думалось, что ненависть эта зреет и в других домах, квартирах, за двойными дверями, застеклёнными балконами, зарешеченными окнами, где в своём мирке живут, в своём котле варятся люди - семьи. Так уж сложилось в этом мире, что в чужую жизнь не суйся, и что там, в той жизни, никого более не касается. Коснётся уж потом, когда беда случится, и коснётся только тех, кому положено, вот как ему, Кузнецову, решать, кто прав, кто виноват. Может, даже в соседней квартире, за стеной, горе сгущается, и он ничем помочь не может. Но ведь неправильно это. И в том, что неправильность эта в мире утвердилась, есть и его, Кузнецова, вина.

- Ты чего такой? - спросила Ольга.
- Голова болит.
- Выпей таблетку и садись ужинать.

Дочь смотрела телевизор. Опять про каких-то «ментов» или бандитов, а потом взвывла диким голосом некая «телезвезда». Вот тоже - насмотрятся ерунды всякой. А ведь не только на детей это влияет, на взрослых тоже. И эта «тележизнь» начинает влиять на жизнь настоящую...

Хотел сказать, чтоб выключила, но промолчал, потому что не поймёт ведь дочь всё равно и не виновата же она...

Ночью он долго ворочался. Вставал несколько раз курить. И утром пошёл на работу невыспавшийся, усталый.

Дождь лил второй день, и какая уж тут рыбалка.

7.

И от Ухтыгова не домой пошёл Игорь Звонарёв, а зачем-то поехал на автобусе к матери, живущей в другом конце города. Давно у неё не был.

Мать - женщина суровая, всегда во всём правая, как ей кажется. От её строго-

сти, может, и женился Игорь поспешно после армии, хотелось в самостоятельную жизнь вырваться...

У её дома ещё выпил разливного пива в уличном павильоне.

- Здравствуй, мама, возвратились мы не все...

- Это ещё что за концерты? - строго спросила мать, но уже что-то начала подогреть на плите, супец какой-то.

- Поговорить хочу.

- Говори. На, ешь, - налила суп. - И пьяный больше не приходи.

Он торопливо хлебал, а мать сидела тут же, на табуретке, молча, внимательно глядя на него. Игорь терпеть не мог этого её молчаливого укора. Но сейчас сдерживался.

- Разведусь, наверно, со своей.

- Раньше надо было думать, когда говорила тебе. А теперь жить надо. Столько жили. Живут люди, и вы живите. Когда только и поумнеешь...

Он сморщился болезненно.

- Мать, я поговорить... А ты... Опять учишь.

- Вот, у тебя всегда ответ. Никогда не слушал.

Он поднялся, пошёл в прихожую одеваться.

- Пей поменьше, и мыслей дурных не будет.

- Вот так ты и отца довела.

- Это ты мне?

- Тебе, тебе... - и он хлопнул дверью.

Выпил ещё пива, пошёл опять на автобус.

На пешеходном мосту через реку повстречалась ему свадьба. Загс неподалёку, и, видимо, теперь мода такая новая - после росписи на мост идти, как раньше к памятнику Ленину.

Невеста в белом, с букетом и, кажется, некрасивая. Жених - длинный, худой, в очках, с вымученной какой-то улыбкой, в чёрном костюме, белый уголок платка торчит из кармашка. Свидетели с красными лентами через плечо. Гости. С хлопком открыли шампанское. «Батя, давай за здоровье молодых!» - свидетель протянул полный бокал Звонарёву. «Тоже, что ли, мода такая?» - подумал Игорь и смущённо взял бокал, выпил махом. Все закричали, засмеялись. Наверное, он выпил так, как было нужно. Вернул бокал и скоренько двинул дальше.

Вспомнил свою свадьбу, как пили шампанское «у Ленина», как было ему жарко, неловко в костюме. Свадьбу справляли в той самой квартире, откуда идёт сейчас. Подъехали на машинах. Мать с резиновой улыбкой вышла на крыльцо, вынесла каравай на полотенце. А когда поднялись к квартире, оказалось, что мать, выходя, захлопнула дверь, а замок «английский». Кто-то от соседей через балкон попал в квартиру, открыл... Нарочно захлопнула или нет? Теперь уже не важно, хотя, конечно, нарочно, нарочно... Ну вот, как начали жить с закрытой перед носом дверью, так и живут. Но ведь были и счастливые дни, были, были...

В автобусе Звонарёва развезло, чуть не проехал свою остановку. На улице присел на грязную скамейку, проветрился и пошёл наконец домой. Пошёл задворками, чтоб поменьше соседей встретить. И встретил Юльку. За домом пустырь, там они сидели: костерок, доски, на ящики положенные, - скамейки, банки из-под пива валяются. Юльку он сначала не узнал - в майке этой короткой, в штанишках, косметикой намазана, курит. И только сейчас разглядел длиннющий ноготь на мизинце, в ногте дырка просверлена и подвешен крохотный колокольчик...

- Юлька, зачем это?

Дочь брезгливо скривила губы:

- Иди проспись.

И парни с наглыми ухмылочками на него смотрят.

Звонарёв никогда не ругал дочь при чужих и ни разу в жизни не ударил. И сейчас промолчал. Покачиваясь, двинул к дому.

8.

Юля Звонарёва презирала отца. Презирала за то, что работает на заводе простым слесарем, за то, что курит дешёвые сигареты, - за всё. Раньше ей было стыдно, когда кто-нибудь из ребят во дворе говорил: «Твой отец бухой идёт». Потом она уж не стыдилась, сама над ним смеялась. И в последнее время вообще старалась не замечать, будто и нет его. Это было нетрудно: отец уходил на работу, когда она спала. А вечером, возвращаясь с гулянки, она, перехватив что-нибудь на кухне, сразу ложилась спать. Отец, правда, пробовал «воспитывать», ругал. Но она даже не отвечала. И что он ей может сделать? Поругается и замолчит.

Мать тоже «утомляет» её своими придирками, но с ней Юля «дружит». Мать даёт деньги, покупает вещи. Мать понимает, что Юля не должна одеваться и выглядеть хуже других, ни в чём ей не отказывает.

Но не может она матери простить, что жила та всю жизнь для себя. И баловала, и одевала её, Юльку, для себя. Красивая, хорошо одетая дочь - для неё такой же показатель благополучия, как дорогая мебель.

И терпеть не могла их ругань между собой. Уж лучше б развелись!

И в тот вечер только вошла в квартиру, услышала их громкие голоса в кухне. Крикнула из прихожей:

- Может, вы убавите громкость!

И там сразу стало тихо. Юля почему-то испугалась. Заглянула осторожно в кухню - и тут же в ужасе бросилась оттуда.

Мать метнулась за ней.

- Юлечка, Юлечка...

Юля истерично рыдала, твердила:

- Ты убила, убила...

Потом как-то враз успокоилась. И будто навсегда уже в этот миг повзрослела. Сказала матери:

- Иди хоть «скорую» вызови.

9.

От следователя Валентина Шапошникова поехала к Ларисе Звонарёвой - подержать, утешить. Прикупила бутылку ликёра и коробку конфет.

Подруги они были ещё с юности, с техникума. Вместе и учились, и гуляли. Тайн друг от друга не держали.

Валентина Шапошникова рано поняла, что нужно устроиться в жизни поудобнее, побольше лакомых кусков выхватить.

Вышла замуж за известного художника. Вскоре развелась и отсудила себе дом в центре города. Мужчин сама выбирала и долго возле себя не держала - «попользовалась и выкинула». И всё попрекала Ларису, что она «своей внешностью не пользуется». «Да не могу я», - отвечала Звонарёва. - «Чего не можешь-то? Он, небось, случая не упускает. Все они, мужики, одинаковые...»

«Вот и донянчилась со своим придурком», - зло думала Валентина, направляясь к Звонарёвой, но настроена была решительно - подруге нужно помочь.

Посидели, поплакали.

- Ну, слезами горю не поможешь, давай, Лариса, думать...

- Ой, да чего думать-то?

- Следователь явно против тебя настроен. Ты что им рассказала-то?

- Да как было, так и рассказала. Что сама...

- Ты что, Лариска? Ты что? У тебя же Юлька! Этот ведь и посадить может.

- Всё равно теперь.

- Нет! Сейчас я позвоню адвокату.

- Да не надо ничего.

И тут в комнату вошла Юля, слышала их разговор.

- Мама, делай, как говорит тетя Валя. Я не хочу быть дочерью убийцы.

10.

Позвонила Звонарёва, попросила о встрече. Олег не собирался вызывать её сегодня, ни к чему вроде, но раз просит... Назначил время.

Пришла не одна, с адвокатом. Кузнецов уже встречался с ним - хваткий парень, из молодых, да ранних, явно подражает тем телевизионным адвокатам: костюм с иголки, строгий галстук, подчёркнуто вежлив. Мишкин, кажется, его фамилия... Нет - Минкин.

- Дело в том, что я не наносила удар, - заявила Звонарёва.

- Вот как? Интересно...

- Я лишь махнула рукой в его сторону...

- А в руке был нож, - уточнил Кузнецов.

- Да, но он схватил меня за руку, стал её выкручивать, но, видимо, споткнулся, так как был пьян, и напоролся...

Тут же провели следственный эксперимент. Они, Звонарёва и адвокат, хорошо подготовились. Она держала линейку, изображавшую нож так, как было нужно для подтверждения её слов. Да, вот при таком захвате рука была надёжно блокирована, она не могла ударить...

«Несчастный случай. Даже более несчастный, чем казалось вначале. И ведь её можно понять: дочь, репутация и прочее, а ему всё равно...»

11.

На улице к Кузнецову подошёл высокий бородатый человек. Одет он вроде бы и чисто был, но шёл от него какой-то запах неприятный.

- Вы Кузнецов? - спросил.

- А в чём дело? - осторожно, вопросом ответил Олег.

- Моя фамилия Ухтыгов. Мне бы поговорить с вами.

- О чём?

- Кажется, я последний, кто говорил Игорем Звонарёвым, ну если не считать его жены.

Кузнецов не обрадовался его словам. Ничего этот человек добавить не может к той картине, которая уже нарисована Звонарёвой совместно с адвокатом. Не хотелось Олегу разговаривать. Но всё же сказал:

- Ну, что ж, давайте зайдём, - он указал на дверь прокуратуры.

- А может, без протокола? Под пивко. Я возьму.

- Ну давай. Но возьму я сам.

Они взяли разливное пиво в высоких пластмассовых стаканах и кальмаров в пакетиках, пристроились за шатким столиком под навесом.

Ухтыгов отхлебнул и сказал:

- Кажется, я отчасти виноват.

- То есть...

Ухтыгов коротко рассказал о себе, о разговоре со Звонарёвым.

- Думаю, Игорёк раскошегарил себя, что вон кто-то живёт свободно, как хочет, а ему опять бабскую брехню слушать. А дома она, точно, чего-нибудь вякнула, ну он ответил, слово за слово...

- Да, так и было, но вашей вины нет никакой... А образ жизни у вас странный. В прежние времена за бродяжничество и тунеядство наказывали.

- Нынче времена другие. Хотя они ж только внешне другие, а так - всё Россия, а в ней, известно, от тюрьмы да от сумы не зарекаются. Ну, ещё?

- Нет. Хватит. Жена, дочь ждут.

- Ждут?

- Ждут, - и, кивнув, Кузнецов поднялся, повторил: - Ждут.

...Позвонила тогда тёща-то: «Приезжай, забирай жену». Ещё добавила: «Больно легко жить хотите, молодые люди, чуть что - и развод, нет уж поживите...»

И он сломал гордыню свою, поехал.

- Оставляйте Алёнку да идите погуляйте, - сказала тёща. - Иди, иди, кокура, - это уже на Ольгу, дочь свою, прикрикнула.

Ольга шла рядом с ним молча. Но не уходила. Он завёл её в пирожковую, взял два стакана кофе с молоком, два пирожных. Так же молча, не глядя на него, пила кофе, ела пирожное... и улыбнулась.

...Они ещё отпросились у её матери, оставили на неё Алёнку и махнули на полторы недели в Анапу.

Они вроде бы и помирились, но оставалась какая-то настороженность. О ссоре не говорили. Будто и не было её.

Он впервые был на юге. Шли к морю узкой жаркой улочкой. Он думал, что на горизонте лес, тёмный его окоём. А это было море. Вышли на высокий обрыв и ещё долго спускались по боковой дороге к каменистому пляжу. Скинув одежду, вошли в воду. И тут же он порезал левую ногу. Сидел на камне, держа ногу горизонтально, Ольга - рядом.

- Смотри, какие волны.

- Да, волны.

На берег бежали большие, длинные валы воды, а от берега - короткие, маленькие. И эти волны сталкивались и создавали странную рябь, будто дождь сечёт по воде... И только сейчас он сказал:

- Прости меня...

- И ты меня...

12.

А на следующее утро Олег Кузнецов снова был на реке. Восход был ясный, тихий. И клёв такой начался, что Олег одну за одной выдёргивал плотвичек да менял червей. И не думал он о правых и виноватых, слившись с этой рекой, с этим утром.

Он решил для себя, что виноваты все. И не разберёшь - кто больше, кто меньше. Все виноваты, кроме Того, призвавшего древних рыбарей, и только Ему-то и ведома мера вины всякого из нас.

ЖОРА В КОСМОСЕ

Я не встречал его после школы ни разу, но, увидев, сразу узнал. Рыхлый, неуклюжий. Лицо почти красивое, но все черты будто смазаны, размыты.

Одет он был в простые серые брюки и чёрный пиджак с обтрёпанными обшлагами.

Мы встретились случайно на улице, и я позвал его к себе домой. Он согласился. ... Женья пришёл в нашу школу в шестом классе. Жора - дали ему кличку. Он был совершенно беззащитный, незлобивый, с лёгкостью сносил все издевательства и насмешки.

Да, мы издевались над ним. Было очень весело запихать Жору в туалете в шкаф, где хранились вёдра, швабры, тряпки, и трясти этот шкаф изо всех сил. Это называлось «запускать Жору в космос...»

Однажды на уроке литературы учительница попросила рассказать о своих родственниках - участниках войны. Женья первым поднял руку и стал рассказывать о своём дедушке-партизане. Он пересказывал недавно показанный по телевизору фильм. Учительница сделала вид, что ничего не заметила, а может, она не смотрела тот фильм. Поставила Жоре пятёрку. А на перемене ему навесили «пиявок» и «лещей» - за враньё. И ещё долго приставали, чтобы он привёл в школу дедушку...

- Дима, я часто школу вспоминаю, какие все ребята были хорошие, жаль, что редко встречаемся.

- Да, жаль.

Когда он разувався, я заметил, что шнурки на его полуботинках порваны и связаны узлами.

Пили на кухне чай.

- Женья, ты в армии был?

- Был... Ай, д-д-даже вспоминать, Дима, не х-хочется. - Я только сейчас заметил, что он заикается.

Он помолчал и стал всё-таки рассказывать про армию.

Оказалось, что служил Женья в стройбате. Правда, недолго. Через два месяца после призыва очутился в госпитале со сломанным ребром и отбитыми почками. Вскоре его комиссовали.

Пришла Лариса. Я познакомил их. Вспомнил про бутылку вина в холодильнике, и мы немножко выпили.

Лариса достала сигарету. Женья суетливо зашарил по карманам, вытащил спички, краснея, дал Ларисе прикурить. Она улыбнулась.

А Женья вынул из внутреннего кармана пиджака фотокарточку и подал мне.

Девчушка лет пяти, обнимая плюшевого мишку, глядела на меня серьёзными глазами.

- Дочка, - пояснил Женья.

- У тебя дочь? - удивился я.

Лариса посмотрела на карточку, на Женью:

- Похожа.

- Как зовут? - спросил я.

- Кого?

- Ну, дочку-то?

- А-а... д-дочку... Маша зовут д-дочку.

Женья рассказал историю о том, как в госпитале познакомился с медсестрой, о своём быстротечном с ней романе.

- Э-замуж не пошла. А дочка уж в школу ходит. - Женья вздохнул и снова покраснел. - Л-лариса, ничего, если я пиджак сниму? - спросил.

Лариса фыркнула, сдержала смех:

- Пожалуйста, Женечка, пожалуйста.

Рубашка у него была с короткими рукавами, и я увидел на левой руке синяк и губокие царапины.

- Чего это, Женья?

- Да... П-подрался немножко... П-пришлось за женщину заступиться.

- Ой, какой ты молодец, Женья, - Лариса всплеснула руками, - я думала, что таких мужчин уже не осталось. - И обратилась ко мне:

- Вот, учись - настоящий рыцарь.

Женя смутился.

- С-с-спасибо, Лариса. Вы тоже очень к-красивая.

Лариса засмеялась. Женя покраснел, улыбнулся и попросил подлить ему чаю.

- А где работаешь, Женя? - спросил я.

- Да... я, Дима, врать не буду - на базаре грузчиком. - И добавил:

- Р-работал в КГБ, да у-ув-уволился.

- В КГБ? Ой, как интересно! Расскажи, Женя, - попросила Лариса. Я разлил вино. Выпили.

- Вообще-то мне нельзя про это рассказывать, - Женя покраснел, на лбу его вдруг выступил пот, - но вам расскажу.

Он помолчал, будто прикидывая, что можно рассказывать, а что нет.

- В общем, меня в-внедрили в преступную группировку...- Я толкнул Ларису ногой под стол, но она всё равно захихикала.

- .. и вот, почти два года я один боролся с ц-целой преступной армией, но пришлось уйти, слишком глубоко я копнул. Хорошо ещё, что ж-живой остался.

- Да уж.

- А знаете, повидал я много в жизни п-плохого, но понял, что, как бы трудно ни было, надо оставаться ч-человеком.

Поздно вечером провожали Женю на автобус. До остановки мы с Ларисой не дошли, было грязно, и она боялась испачкать новые туфли.

- Ну, Женя, не теряйся, заходи в гости.

- Конечно. Спасибо вам большое, отдохнул д-душой.

- Тебе, Женечка, спасибо, - сказала Лариса и фыркнула.

Он уходил в темноту улицы. Его неуклюжая фигура мелькнула ещё несколько раз в свете фонарей и будто растворилась.

Мне вдруг стало стыдно, тоскливо... Лариса тянула меня за рукав, торопила домой.

МОНРЕПО

Он привычно вынул из почтового ящика бесплатные газеты с рекламой и не сразу сообразил, что белый прямоугольник, упавший на кафельный пол подъезда - письмо. Поднял конверт, глянул на адрес и фамилию отправителя, поспешно распечатал, пробежал глазами записку - безупречно выписанные буквы и ровные строчки... Он всегда завидовал почерку своего приятеля.

Трижды перечитал записку, прежде чем до него дошёл её смысл.

Из квартиры позвонил на работу, предупредил, что его не будет несколько дней, и стал собираться в путь.

На следующий день он уже ехал в плацкартном вагоне. Отвык от поездов и поначалу стеснялся соседей. Но пообвыкся, загляделся в окно, где без конца - леса, деревеньки, крохотные станции, на которых так хочется выйти...

Девушка напротив, видимо, студентка, читает учебник по философии. Мужчина в спортивном костюме разгадывает кроссворд и поглядывает на девушку. Тихая приятная бабулька угощает домашними пирогами. Он отказывается, а сосед ест и нахваливает. Проводница разносит чай, постельное бельё. Девушка ушла в тамбур, и туда же двинул спортивный сосед. Вернулись вместе, и вроде бы уже что-то есть между ними, договорились о чём-то...

И он ушёл в тамбур курить, стоял там долго, пережидая, пока соседи запросят постели. Уже в темноте кое-как застелил свою верхнюю полку.

Девушка спала, укутавшись в простыню. в сумерках различалось её нежное лицо и угадывалось под простыней, как подогнула она ноги, какая вся она тоненькая, хрупкая. Подумалось, что ей тоже лет девятнадцать... Думалось и о том, что ждёт его там, куда он едет, и вспоминалось многое.

Поезд качался, вздрагивал на стыках, останавливался и снова набирал скорость. Дребезжала ложка, оставленная соседом в стакане. Он нагнулся с полки, вынул ложку, положил на столик. Но продолжал дребезжать стакан в подстаканнике. И под это глухое дребезжание, под монотонный колёсный стук он, наконец, уснул.

Он загадал себе проснуться пораньше и встал первым, без очереди попал в туалет, почистил зубы, умылся.

Подъезжали к Москве.

Чувствовалось, что все уже напряжены, все уже там, на вокзале, в предстоящих заботах. Девушка смотрелась в зеркальце, подкрашивала глаза, спортивный мужчина убрал газету и напряжённо смотрел в окно. Бабулька что-то проверяла в своём бауле.

Он вспоминал, где на вокзале вход в метро и сколько остановок нужно проехать до другого вокзала.

Поезд встал. Все торопливо подхватывали свои сумки и уже не смотрели друг на друга. Тесная очередь в проходе, холодный гамбур, железные ступени. Он вышагнул на перрон и, подхваченный толпой, двинулся к зданию вокзала.

Посильщиков не заинтересовал его тощий портфельчик, но на выходе с перрона его сразу окликнул деловитый крепкий мужчина:

- Такси не желаем?

Он, было, согласился, сказал, на какой вокзал ему нужно.

- Едем, - таксист кивком позвал за собой.

Он всё же пересилил стеснение и спросил о цене. Услышав цену, он опять же нашёл в себе силы отказаться.

- Дешевле не найдёшь.

- Ничего. Извините. Спасибо.

Таксист скривил губы и отвернулся.

Подчинившись движению толпы, он безошибочно вышел к метро, встал в очередь в кассу. Крупные деньги лежали у него во внутреннем кармане пиджака, а мелочь в боковом. Он то и дело хлопал себя по правому бедру, а потом переносил ладонь к левой стороне груди, будто у него побаливало сердце.

Он был в метро последний раз, когда для прохода нужно было опускать пятак. Сейчас на его десять рублей ему выдали твёрдый прямоугольник с красной стрелкой и надписью «одна поездка».

Он не сразу подошёл к турникету, постоял у стены, поглядел, как другие проходят - суют в щель эти прямоугольнички, их затягивает внутрь и выкидывает через другую щель вверху.

Сделал всё точно так же, стараясь быть спокойно неторопливым, но, когда шагнул вперёд, из боковой стенки вылетел, ударив по ноге, барьер. Он отшагнул, и барьер убрался. И он опять тупо рванулся вперёд, и опять удар по ноге. Кто-то оттолкнул его, сунул свою карточку и беспрепятственно прошёл.

Он снова встал в очередь в кассу, снова купил карточку. И всё повторилось. Будто бездушный механизм издевался над ним. Милиционер, стоявший неподалёку, недовольно поглядывал на него. И он, разозлившись на себя и на всех, шагнул вперёд, и когда опять выскочил барьер, перешагнул через него, нелепо высоко задирая ноги. Тут же был зажат со всех сторон, в толпе дошёл до эскалатора, встал на ступеньку, отёр со лба пот, тронул карманы пиджака. Старался не думать о казусе на входе, но ему было стыдно своей провинциальной неловкости. И уже боялся, что запнётся, когда будет сходить с эскалатора.

Но сошёл благополучно, на световом табло нашёл название нужной станции, вошёл в вагон подлетевшего поезда и встал удачно, прислонился к стене.

Парень и девушка лет по семнадцати откровенно смотрели на него, хихикали. Он почувствовал, что краснеет, отвернулся.

Вышел из метро на вокзальную площадь. Билет у него был взят ещё в своём городе до станции назначения, поезд отправлялся лишь вечером, и он мог бы не торопиться приезжать сюда, но Москву не знал и бесцельных хождений не любил.

Вокзал был огромный, какой-то очень сложный. Он, уже без суеты, нашёл выход к поездам, перекусил в кафешке пирожком со стаканом сладкого кофе, купил толстую газету и сел на пластиковое сиденье в зале ожидания, примостив портфельчик под правую руку.

Напротив сидел негр. Не чёрный, а фиолетовый. Он, видимо, промочил ноги пока шёл до вокзала, вдруг очень просто, будто так и надо, стянул чёрные полуботинки и протопал в носках, оставляя мокрые следы на бетонном полу, к стене, к холодной, давно отключенной батарее, сунул обувь под батарею и сел рядом в кресло. И был этот негр - сам по себе, весь в себе, с грустными глазами. Думал, может, о доме, замёрз. И если так одиноко и плохо ему в Москве, то как же он будет там, куда едет, где-то уже в глубинке России?.. Опять подумал: а что ждёт его самого? Кто ждёт? Да, скорее всего, никто...

Он вышел на улицу, покурил. То и дело слышался родной южный говорок с мягким «г», и люди уже будто бы знакомые.

Несколько раз ловил на себе быстрые острые взгляды каких-то подозри-

тельных типов, незаметно проверял деньги и старался держаться людных мест.

Вновь заходил в кафе, сидел, читал. Наконец, услышал объявление о посадке на свой поезд, торопливо прошёл на перрон, достал билет, ещё раз прочёл, хоть знал уже наизусть, номер вагона и места.

Курортный сезон ещё не начался, и вагон был почти пустой. Он взял у молоденькой проводницы бельё, быстро заправил постель на нижней полке, пиджак с деньгами свернул и сунул под подушку, залез под простыню, блаженно вытянулся. Поезд уже тронулся. В окно, не до конца задернутое, лился электрический свет, а в вагоне был полумрак, вскоре и вовсе выключили свет, и за окном стемнело, лишь мелькали какие-то огни.

Он окунулся в полусон-полуявь, и в этой дрёме вспомнилось молодое, далёкое...

Город Выборг, куда отправили его, молодого аспиранта, на какую-то научную конференцию. Узкие, крутые, булыжником мощеные улочки, крепость, башня с винтовой лестницей и сверху видно весь город: дома с острыми крышами, новые типовые микрорайоны, порт, в котором краны, корабли... И весенний йодистый ветер, солнце...

В последний день был банкет в ресторане «Старая башня». Медленный танец с девушкой, имя которой забыл - тоненькой, хрупкой, некрасивой. Опьянел от вина, танца, близости девушки. О чём-то они говорили, вышли на продуваемую ветром улицу, ехали в такси. Целовались, и он чувствовал под лёгкой одеждой пуговичные, детские грудки. Она повела его в тёмный парк, сказочно прекрасный, таинственный, с аллеями толстых древних деревьев. И в парке опять башня - невысокая, с узкой лестницей, на верху которой снова целовались. Она что-то рассказывала про тот парк, вроде бы крупнейший в Европе, ещё что-то...

Её дом был рядом. Однокомнатная квартирка. А она оказалась не девушкой-подростком, а побывавшей замужем женщиной...

Из всего, что они говорили (наверное, чепуху всякую), помнилось только, как он спросил уже ночью, оторвавшись от неё, закурив:

- Устала?

- Да чтобы девчонка-выборжанка устала от этого!

Она вскочила, голышом заметалась в каком-то завораживающем танце - легко взлетала, выгибая спину, кружилась, выпорхнула на балкон, раскинула руки, выгнулась так, что сошлись её выпирающие лопатки. Она была прекрасна в своей детской угловатости. Влетела в комнату, упала на постель рядом с ним, и он опять обхватил её... А ведь что-то случилось в её жизни, что-то хотела она забыть в постели с ним, в том танце...

Он женился вскоре после возвращения из Выборга. И все годы память о той ночи, о парке подспудно жила в нём. Может, она-то и помогла ему выжить, не опуститься. Но почему он ни разу, даже после развода, не захотел вернуться туда, если это так важно для него?.. Наверное, понимал, что вернись, найди её - и сказка разрушится. И что тогда удержит его?

Он очнулся. За окном была ночь. Кто-то стонал во сне. Вышел в тамбур, закурил. Молодость. Выборг. «Как же назывался тот парк?» И вдруг разозлился на себя. Ну при чём тут Выборг? Едет-то он в родной город, в котором не был пятнадцать лет, в котором скоро выйдет замуж его дочь.

А утром за окном был уже южнорусский пейзаж - степь, холмы, овраги, пирамидальные тополя на станциях, белые, будто игрушечные, домики, густая зелень кустов вдоль железной дороги, рыжие коровы. На остановках он спрыгивал с вагона, его обступали крикливые женщины, наперебой предлагавшие свежую вареную картошку, черешню, клубнику.

Он купил черешни. Пил чай, смотрел в окно, дремал. Так прошёл день. Он дождался, когда поезд промчался по мосту над Доном - у берегов вода была вся в столбах света от фонарей - и уснул.

Рано утром он вышел на перрон родного города.

Но уже давно не было у него здесь дома, куда можно было пойти. Он помнил, что рядом, у вокзала, есть маленькая дешёвая гостиница, в которой раньше останавливались колхозники, приезжавшие в город на рынок. Сразу и двинул туда, не уверенный, что гостиница ещё сохранилась.

Но она была, работала, всё такая же недорогая, правда, и не очень комфортная. Впрочем, одноместный номер с кроватью, тумбочкой, столом и стулом его вполне устроил.

Имелся и душ, один на всю гостиницу. Но постояльцев было немного, и он, взяв у горничной ключ, неторопливо вымылся, побрился, сменил нательное бельё. У той же горничной, сонной, но доброжелательной немолодой женщины, взял утюг. Почистил щеткой и отгладил брюки и пиджак, выгладил чистую белую рубашку...

За час до назначенного времени он вышел из гостиницы и медленно двинулся к центру города. Всё - дома, улицы, деревья - было так знакомо, будто и не уезжал. Зашёл в хозяйственный магазин и купил банку обувного крема и щетку. В скверике присел на скамейку, старательно начистил полуботинки и, не зная куда деть крем и щётку, бросил их в урну. Задержался у цветочного магазина, прошёл мимо, но вернулся, купил пять красных роз. Поглядел на часы, оставалось двадцать минут.

Он встал через дорогу от здания загса. Вскоре подъехали машины: какая-то иностранная белая, чёрная «Волга», ещё несколько.

Из «Волги» выскочил парень в чёрном костюме. Подбежал к первой машине, помог выйти невесте. Ему не было видно лиц. Только разглядел, что девушка в белом платье - тоненькая, жалостно-хрупкая...

Из остальных машин повылезали - целая толпа. В тёмно-синем брючном костюме, элегантная и энергичная, конечно, его бывшая жена.

Все поднялись по высоким ступеням и вошли в загс.

Он прикурил, зажав букет локтем, сделал три глубокие затяжки и откинул сигарету, перешёл дорогу, встал неподалёку от машин.

Все снова вышли на крыльцо. Жених держал девушку под руку. Она в длинном белом платье, в белой шляпке с короткой, не закрывающей лицо вуалью, держала в свободной руке красивый букет, улыбалась застенчиво.

Суетливый маленький человек в сером костюме, матерчатой кепке и белых кроссовках, с большим фотоаппаратом на груди, кричал:

- Все, все на крыльцо, плотнее, родители ближе к молодым. Внимание! Снимаю! Не расходимся. Жених, возьмите невесту на руки...

Всё расплывалось в его глазах, ком встал в горле.

Бывшая жена скользнула по нему взглядом. Не узнала, конечно.

А тут и приятель, письмо приславший. Увидел, дёрнулся к нему, хотел уж голос подать, но он покачал запрещающе головой, развернулся и пошёл прочь, держа цветы головками вниз.

Он почувствовал себя тем негром с московского вокзала.

Вернулся в гостиницу. Выпил полстакана водки, купленной по дороге, не раздеваясь, не сняв обувь, лёг на кровать.

- Зачем, зачем... Жизнь прошла...

В дверь постучали, и, не дождавшись ответа, вошёл приятель.

- Ну что же ты? - спросил не здороваясь.

Он сел, кивнул приятелю на стул.

- Давай! - разбулькал водку по стаканам.

Выпили, закусили остатками хлеба.

- Ты скажи мне всё-таки, было у тебя с ней? Теперь-то уж всё равно, скажи...

И по тому, как уверенно ответил приятель «нет», понял - было.

- Ты зачем мне написал?

- Она попросила.

Он оторопел. Закурил.

- А дочь знала, что я могу приехать?

- Нет вроде...

- Ну и ладно, ладно...

- Я слышал, всё хорошо у тебя?

- Всё хорошо, нормально.

- Женат, дети?

- Нет.

- А я у неё, у твоей, на кафедре преподаю. Она ведь завкафедрой.

- Ну ещё бы... Я, кстати, тоже... И шёл бы ты отсюда...

Приятель молча поднялся и вышел.

«Конечно, ты думал - я сломался, спился. Нет. И не дождёшься... А дочь-то моя, точно». Он допил водку.

Поздно вечером он пошёл на вокзал и легко купил билет до Москвы.

Всю дорогу в поезде он пил. Через день был в Москве. Проходя в метро, он забыл купить карточку, но прошёл. Фотоэлемент почему-то не среагировал на него.

не обосновались, домов понастроили - хоромы! И все на продаже наркотиков. Я в январе был на совещании по итогам осеннего призыва, знаешь, сколько в области от передозировки наркотиков ребят за год погибло?! Четыреста пятьдесят пять...» - «Ни хрена себе... Это же мой батальон... Так чего ж вы тут смотрите-то? Здесь, в тылу, и столько парней погубили!» - «Так останешь «муху», Иван?» - «Похали-ка в эти хоромы!»

После поминок они, налив в канистру бензина, на машине Рыжова поехали в посёлок, где обосновались наркоторговцы.

- Вот в этом доме их старший живет, - показал Андрей Ивану на двухэтажный особняк. - Построен на слезах наших матерей... Героин можно купить в любое время дня и ночи.

Подошли к забору. Во дворе подметал парень. Иван позвал его и, присмотревшись, сказал:

- Что-то мне рожа твоя знакома... Погоди, ты же у меня в батальоне служил, Першин, кажется? Что ты тут делаешь? Ты же весной дембельнулся, почему домой не поехал? За наркотики, что ли, работаешь? - Потёмкин вспомнил, как в Грозном Першин, тогда механик-водитель танка, по его приказу на площади Минутка под огнём бандитов хоронил гусеницами наших погибших солдат, чтобы собаки не растащили. - А ну, позови-ка хозяина...

Вышел цыган с огромным, как у беременной бабы, животом.

- А ну, садись-ка, поговорим, - поставил ему Иван дорогой стул, оказавшийся у забора рядом с лавочкой. - Ты что же, стервец, ребят наших губишь?

- Ничем я никого не гублю. А ты докажи! Ты кто такой здесь? - закричал вдруг цыган.

Иван опять почувствовал, как все его охватывает неукротимое бешенство. «Ты кто такой?» - мысленно повторил он крик цыгана.

- Ты что, думаешь, на тебя и управы нет? Есть! - Иван осадил его кулаком в лоб, схватил сзади за руки и быстро прикрутил к стулу брошенной

Андреем веревкой. - Неси канистру!

- Эй, эй! Вы что, ребята, с ума сошли? - заорал цыган.

На крик из дома выбежали несколько женщин, таких же крикливых, как чеченки, да и одетых почти так же, но Иван подпёр дверь калитки доской.

Потемкин опрокинул на голову цыгана канистру. Захлебываясь и мотая головой, тот орал, пытаясь высвободить руки.

- Царица небесная, да вы что задумали-то, нехристи? - услышал Иван голос за спиной.

К ним почти бежал чернобородый мужичок в рясе священника и с большим крестом на груди.

- Это отец Виссарион, поп местный, - подсказал Рыжов Ивану. - Он же - замполит наш бывший, подполковник Выдрин, помнишь?

- Суд вершу, товарищ подполковник, - пытаясь успокоиться, ответил Иван.

- Не суд, а самосуд! По какому праву? - закричал священник. - Разве так-то можно - человека живьем сжечь?

- А ему можно наших детей губить? - жестко спросил Иван. - Или, если у самого дочь, так парней не жалко? Как, бывало, и солдат в армии? Нет, «батюшка», или как там вас сейчас, сам его буду судить, как врага нашего.

- Да ведь не по-божески это, Потёмкин! - закричал Выдрин.

- А я не Богу служу, а России! Отойдите, товарищ подполковник, от греха... - Иван достал из кармана спички.

За забором опять взвыли цыганки. - Пощади, мы уедем сегодня же! - взмолился хозяин дома.

Из-за поворота выехал и резко затормозил милицейский «уазик». Из машины неторопливо вылез седой капитан.

- Что здесь происходит? - грозно спросил он на ходу.

- Они меня, товарищ начальник, хотят сжечь! Бензином облили! За то, что я будто бы героинем торгую, - закричал цыган.

Так же свободно купил билет до своего города, опять пил всю дорогу и на следующее утро вошёл в свою однокомнатную холостяцкую квартиру. Он был спокоен, трезв, твёрдо знал, что уже ничто не изменит его жизнь. Всё, всё позади. Затрещал телефон. Он снял трубку и услышал голос бывшей жены:

- Андрей. Это ты? Ты почему не приехал?

Он положил трубку. Вспомнил название парка - «Монрепо».

ОБЕЗЬЯНКА

Сын попросился в зоопарк.

- Вот будет лето, и приедет в наш город зоопарк, обязательно сходим.

- А лето скоро?

- Сейчас осень, потом будет зима, потом весна, а уж потом лето.

Он вздохнул, но уже через минуту увлечённо собирал из конструктора робота. Но я знаю, что пройдёт день, может, неделя или две, и он опять спросит про зоопарк...

И однажды, в конце октября, я случайно увидел на площадке под мостом грязно-синие вагончики с большими жёлтыми буквами, какими-то рисунками - зоопарк. И вот - идём, сын аж подпрыгивает от нетерпения, его ладошка тепло обхватила мой палец. А я-то представляю, что нас ждёт...

Перед кассой - окошечком в вагоне - лужа, я пробираюсь по шаткой доске, сын ждёт на сухом.

- Сколько стоит билет?

- Всё написано, - отвечает женский бас.

Да, на стекле прилеплена бумажка с ценами, не заметил. Стараюсь не раздражаться. Протянул деньги и получил билеты.

Уже по другой доске мы пробрались в огороженное клетками пространство, билеты у нас никто не проверил.

Сын ещё сильнее сжал мой палец.

Подходим к первому вагончику: обезьяны за толстым мутным стеклом. Их и не видно почти. Но одна сидит у самого стекла. Какая-то необычная, с длинной светло-серой шерстью. Сидит и не шевелится. Смирение и удивление на мордочке.

- Ой ты, малюточка, - сын приложил обе ладошки к щекам и покачал головой.

Идём дальше: дикобраз, енот, лама, верблюд, тигр... Но он быстро проходит мимо всех, он всё время оглядывается на обезьянку. Только у клетки волка мы задержались. Волк лежал, положив голову на лапы, прикрыв глаза. Подошёл смотритель с длинной железной палкой и ткнул его в бок. Хищник вскочил, куснул палку, оскалился. Мы опасливо отошли подальше, а волк решётку принялся грызть...

Мы вернулись к обезьянке. Она всё так же сидела у стекла. Сын заворожено смотрел на неё. Обезьяна вдруг стукнула лапкой по стеклу и убежала вглубь вагона, стала невидна...

Мы пошли домой. Сын долго молчал. Потом начал говорить, но не о главном для него сейчас, не об обезьянке. Будто хотел сохранить подольше в себе то важное... А может, он почувствовал, что я расстроен и так успокаивал...

- Папа, я расскажу тебе сказку. Книжка открывается, сказка начинается. Пошли солдаты на охоту. И увидели настоящего большого волка. «Наверное, надо в него стрельнуть», - подумали солдаты. И стрельнули. Косточки из волка вылетели, покатались и сдулись. И тут солдаты увидели второго волка и опять стрельнули. Полетели из волка косточки и шерсть. А солдаты убежали в армию, на войну. И если там повстречают волка, то опять стрельнут...

Дома он перечислил маме всех зверей, которых мы видели, и до вечера занимался любимыми роботами.

А уже лёжа в постели сказал:

- Папа, я маленькая серая обезьянка. Волк разгрыз мою клетку, и ты взял меня домой.

- Спи, хорошая обезьянка.

- Папа, а ты тогда большая обезьяна. И мама.

- Да. Спи. Спокойной ночи, обезьянка.

Я выключил свет и вышел из комнаты. Я ещё постоял у двери, слышал, как он повернулся на бок, сказал что-то...

- Ты чего? - спросила жена.

- Всё хорошо, - ответил я.

НОЧЬ

Я всё откладывал чтение Пришвина...

И вот попала мне в руки эта книжечка, скромная, «детиздатовская» - «Дорога к другу», дневниковые записи. Прочитал махом. И тут же, не откладывая, решил перечитать, и выписать многое из неё захотелось.

Вечером (дети и жена уже спали) расположился в кухне.

И вдруг отключили электричество. Я выглянул в окно - во всём районе темень. Беспомощность полная...

Я накинул куртку и вышел на балкон, закурил.

Таял снег, в воздухе роилась холодная морось, капли звонко разбивались о перила. То и дело рушились с крыш снеговые пласты и лёд...

А когда я вернулся в дом и вошёл в кухню, зажглась лампочка под потолком, и засветились окна в доме напротив - продолжалось прерванное обычное течение жизни. А я принялся за своё дело...

...Вот удивительная запись Пришвина, притча.

«У края дороги среди лиловых колокольчиков рос кустик мяты. Я хотел сорвать цветок и понюхать, но небольшая бабочка, сложив крылышки, сидела на цветах.

Не хотелось расстраивать бабочку из-за своего удовольствия, и я решил подождать немного и стал записывать, стоя у цветка, одну мысль в книжку.

Вышло так, что я забыл о бабочке и долго писал и, когда кончил, опомнился, оказалось, что бабочка всё сидела на цветке мяты в том же положении.

Но так не бывает! - и чуть-чуть кончиком ноги я толкнул стебелёк мяты. Бабочка сильно качнулась, но всё-таки не слетела. Неужели она умерла на цветке?

Осторожно я взял бабочку за сложенные крылышки. Бабочка не рвалась, не билась в пальцах, не двигала усиками. Она была мертва.

А когда я стал её тянуть с цветка, вместе с ней оттянулся скрытый в цветке светло-жёлтый паук с большим зеленоватым шариком. Он всеми своими ножками обнимал брюшко бабочки и высасывал её.

...А мимо проходили дачники и говорили: «Какая природа, какой день, какой воздух, какая гармония!»

Не ясно ли, что природа никак не гармонична, но в душе человека рождается чувство гармонии, радости, счастья».

А вот ещё. Всего в одну строку запись:

«Деревья опадают, животные линяют, и человек тоже страдает».

Я снова выходил покурить. Сидел на корточках, привалившись спиной к стене. Брызги от разбивавшихся капель попадали мне на лицо и на сигарету, и вкус её был ещё более горький...

«Сегодня представилось мне, что поэзия питается детством и свойственным детству естественным чувством бессмертия...»

«Это очевидно, что в детях мы любим не просто одно то, что они маленькие. Мы любим в них именно то прекрасное, что было у нас или около нас в нашем детстве».

«Дети учат взрослых людей не погружаться в дело до конца и оставаться свободными».

«...я знаю, люблю и охраняю только одно, заключённое в себе бессмертное дитя. В этом ребёнке и реализован мой талант».

«В этом вынашивании мальчика и есть всё, чем я богат».

«...Я думаю об искусстве как поведении: что есть у всякого творца своё творческое поведение в жизни - своя правда, а красота приходит сама. И живой пример этому для всего мира - Лев Толстой: он искал слова в правде, а красота в них потом находилась и определялась сама».

«Своя правда» - это ещё не Правда. А надо искать Правду. И в этих поисках не сбить с толку читателя, просто тех, кто рядом. А Толстой-то как раз и сбил некоторых, и даже - многих.

Бунин, умирая уже, спрашивал (кого?): «Почему он это написал?»

Мне думается, о Толстом и спрашивал (возможно, о том кощунственном эпизоде в «Воскресении»).

«...способность заставить мир без себя или чувствовать иногда себя первым на новой земле, вероятно, и есть всё, чем обогащает художник культуру».

Мудрость человека состоит в искусстве пользоваться одной маленькой паузой

жизни, на какое-то мгновение надо уметь представить себе, что и без тебя идёт та же самая жизнь.

После того, взглянув в такую-то жизнь без себя, надо вернуться к себе и, затаив паузу, делать своё обычное дело в обществе...»

Да, увидеть жизнь без себя, увидеть красоту этой жизни. И, вернувшись в эту жизнь, жить так, чтобы она хотя бы не стала хуже с твоим присутствием...

«Иногда, записывая что-нибудь себе в тетрадку, как будто опомнишься - кажется, я не просто пишу, а что-то делаю, и даже определённо чувствую, что именно делаю: я сверлю.

Друг мой! Не бойся ночной сверлящей мысли, не дающей тебе спать. Не спи! И пусть эта мысль сверлит твою душу до конца. Терпи! Есть конец этому сверлению.

Ты скоро почувствуешь, что из твоей души есть выход в душу другого человека, и то, что делается с твоей душой в эту ночь, - это делается ход из тебя к другому, чтобы вы были вместе».

Не спать, работать, сверлить.

ФОТО СВЯЩЕННИКА ВЛАДИМИРА КОЛОСОВА

В ПОИСКАХ ДУХОВНОГО СВЕТА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Художник Владимир Латынцев

В современном изобразительном искусстве Вологодчины Владимир Николаевич Латынцев отличается большой непоседливостью, редкой работоспособностью как в живописи, так и в решении больших и малых вопросов организации творческого труда, глубоко осознанным историзмом мышления.

Его постоянно манят ещё не раскрытые, не отражённые в искусстве страницы прошлого Русского Севера, зовут дальние дороги по следам землепроходцев и мореплавателей - выходцев из дорогих его сердцу Великого Устюга, Тотьмы, других северных мест. Весь его уже немалый творческий путь видится поиском духовного света русской истории, культуры, веры.

Владимир Латынцев родился 14 марта 1949 года в городе Вичуга Ивановской области в большой работающей семье. Его родители воспитывали семерых детей. Отец происходил из Нижегородской губернии и был портным высокого класса, что перешло к нему ещё от деда. Мать работала ткачихой на ткацкой фабрике. Как это часто бывает, его склонность к постоянной перемене мест, энергичность очень практичного, но достаточно одинокого делания как в жизни, так и в искусстве, уверенность в себе и в правоте своего дела были определены непростой судьбой в детские и молодые годы. В 1953 году вся семья в поисках лучшей доли по вербовке уехала на заселение Дальнего Востока и оказалась на берегу Японского моря. Потом вернулись назад, но семья распалась, и Владимир попал в детский дом. У него было необычное детство, так как с ранних лет приходилось зарабатывать на жизнь.

В 1964 году, как воспитанник детского дома, Владимир Красильников

(такова его родовая фамилия) поступил в Ивановское художественное училище. Учился недолго, так как его с третьего курса забрали в армию и отправили служить на Дальний Восток в Уссурийск. Уже после окончания училища в 1972 году он стал Латынцевым, взяв себе девичью фамилию своей жены Татьяны, которая происходила из Великого Устюга и позднее окончательно переманила его к себе на родину. Художник отмечает, что ещё во время учебы в Иванове он начал свои первые художественные поездки: организовывал выезды на пленэры, ездил по старинным городам и в музеи. Уже тогда его интересовали православные храмы и монастыри, правда, по требованиям времени, приходилось на живописных этюдах замывать их кресты и любоваться только чистой архитектурой.

Жизненные трудности, постоянная необходимость отстаивать свое место в непростых ситуациях советской действительности не только закаляли характер, но и позволили Ла-

АВТОПОРТРЕТ НА АЛЯСКЕ. 2005. Холст, масло. 100х100

тыпцеву более смело, энергично и самобытно обрести свою судьбу в искусстве. Как он сам говорит, полученное в училище образование было явно недостаточным, и он добирал профессиональные знания в постоянном общении с большими мастерами живописи, на творческих дачах Союза художников, участвуя в многочисленных в 1970-1980-е годы групповых пленэрах в старинных российских городах. В отличие от многих вологодских художников его возраста, Латынцев никогда не сидит на месте и не замыкается в стенах своего дома и мастерской. Он лёгок на подъём, готов участвовать в экспедициях и в подготовке крупнейших областных и столичных выставок, живо реагирует на всё происходящее в художе-

ственном мире, ходит на выставки и творческие встречи, постоянно ездит по Вологодской области, по стране, а в последнее время - по заморским краям. Именно это и стимулирует его творческую активность, обращение к крупным, общественно-значимым темам, постоянное совершенствование живописного мастерства.

После окончания художественного училища Латынцев по распределению попал в Сыктывкар, потом по вызову переехал в Мурманск, где незадолго до этого было создано региональное отделение Союза художников. С тех самых пор он буквально «заболел» северным краем. Живописец говорит: «Север - интереснейший край. И не только потому, что я там живу. Богатейшая архитектура, сохранившаяся

с древности, органично вписана в местный ландшафт. Часто сменяющиеся состояния природы осенью и, особенно, зимой. Важно, чтобы он нашёл отклик в душе». Мурманск и сегодня вспоминается ему не столько суровым, а романтическим и красочным, когда осенью на сопках, окружающих город, полыхала ярким заревом последняя листва, а летом город прямо купался в молочной белизне полярного дня. Среди мурманских художников, раскрывающих близкие ему интонации в искусстве, можно назвать знакомых многим вологжанам авторов. Это уже ушедший в 2002 году из жизни Николай Морозов, в 1950-х годах занимавшийся в студии Тихоокеанского флота во Владивостоке, и ныне активно работающие живописцы Виталий Бубенцов, Анатолий Сергиенко, Владимир Скокленев, акварелист Владимир Чернов.

Латынцев начинал как график: рисовальщик и акварелист. В 1989 году он стал членом Союза художников СССР. Он постоянно участвовал в многочисленных творческих поездках по разным районам страны, но всё чаще уходил на Север: Кольский полуостров, Белое, Баренцево и Карское моря. Его так и прозвали - «северным отшельником». Как он сам говорит, прошёл девять морей, плавал по всем северным водам на ледоколе «Таймыр», дошёл до Енисея и Красноярска. В последние годы он много работал на Соловецких островах, путешествовал по заповедным уголкам Архангельской области. Постепенно для реализации своих масштабных пейзажных и историко-культурных замыслов он полностью перешёл на живопись, всё чаще обращаясь к развёрнутой сюжетно-тематической картине по мотивам старинной архитектуры, жизни, быта и исторических деяний выдающихся людей прошлого Русского Севера.

В 1972 году Латынцев впервые попадает в Великий Устюг и потом регулярно приезжает в этот старинный город на севере Вологодчины на летние пленэры. В 1982 году он перебирается сюда на постоянное место жи-

тельства. Сначала работает в художественной школе, создаёт художественную мастерскую. Позднее в Устюге он собственными руками построил себе дом с мастерской, где и сегодня хранятся все его основные картины, где ему особенно легко и плодотворно работается. Были планы более основательно устроиться в Вологде, много времени и сил отнимали выставки в Москве и Подмоскovie, но сегодня вновь Великий Устюг является для художника основным местом приложения его творческих сил. Постепенно сформировалась главная тема творчества - Русский Север: природа, история и культура. На вопрос о самом притягательном для него в северной традиции он отвечал: «В каком-то большем, великом прошлом, в тех духовных корнях, что были и есть. Во всем, что сохранилось в архитектуре, в музейных экспозициях, в летописных источниках, в преданиях, в архивах. В настоящем ничего такого пока не вижу». Сегодня Владимир Латынцев - наиболее яркий и плодотворно работающий художник Великого Устюга. Изучая великое наследие древнерусской культуры, в той или иной степени развивая традиции больших мастеров живописи, графики и декоративно-прикладного искусства города на Сухоне, - от Александра Борисова, Николая Бекряшева, Евстафия Шильниковского, Александра Казакова до Геннадия Осиева, - он в искусстве прославляет свой город и активизирует творчество современных авторов из объединения «Гледен», среди которых выделяются живописцы Борис Студенцов, Николай Облупин, мастера резьбы и росписи по берёсте Татьяна Вязова и Татьяна Лабутина, художники фабрики «Северная чернь».

Чаще всего Латынцев работает в жанре историко-архитектурного пейзажа. На основе многочисленных натурных этюдов он переходит к обобщённому картинному видению не столько зримой, а более всего желанной, духовно обогащённой панорамы родной земли. У него есть и конкретные картины-реконструкции старин-

ной жизни: «Набережная в прошлом», «Пётр I на Севере», «Предсказание юродивого», «Явление иконы Николы Великорецкого», «Поздняя осень». Многие картины как бы соединяют прошлое и современность. И тогда трудно сказать, ожила ли сама история, или мы смогли её сегодня вернуть назад, как в больших холстах художника последнего времени «Гуляние в Великом Устюге», «Масленица в Великом Устюге», «Праздник на Сухо-не».

Думается, что Латынцеву сегодня более удаются те типично северные пейзажные мотивы, в которых без подробного рассказа, а образно и живописно воссоздаются художественные символы России, которые потом широко и многопланово откликаются на духовные запросы думающих зрителей. Такова всеохватная и романтическая панорама храмов Великого Устюга на холсте «Золото Русского Севера» или пронзительно грустная картина «Листопад в Великом Устюге», нежно-поэтичная пейзажная композиция «Трепетная весна». Изначально запомнился маленький холст «Русь уходящая», так как он сразу выходил за рамки обыденности и исторической красоты, живописно повествовал о трагических событиях в судьбе родной земли. На основе этого варианта была создана большая картина, с успехом экспонировавшаяся в 2006 году в Вологде на Всероссийской художественной выставке пейзажной живописи «Образ Родины». И то, что художник постепенно разрабатывает ранее найденные и полюбившиеся мотивы, переводя их в более масштабное и ярко-образное состояние, говорит о значимости серьёзной внутренней работы автора. В этом - залог его будущих успехов.

Одним из немногих на Вологодчине Латынцев работает в жанре историко-религиозной картины. В 1995 году он написал триптих «Хранители веры православной», в последнее десятилетие создаёт серию композиций по житиям святых: Прокопия Праведного - «Христа ради юродивого», Иоанна Устюжского, Стефана Пермского -

просветителя зырян. Сам художник отмечает: «Для меня тема устюжских святых неразрывна с самим городом. Для меня эти святые, по которым я изучаю источники, собираю иконографические материалы, - земляки, жившие на этой земле, ходившие по этому берегу, и мне интересно писать то, что чувствую». Работая в Великом Устюге, часто бывая в Тотьме, Латынцев не может в своём творчестве пройти мимо образов мореплавателей и землепроходцев. Так появились картины «Семён Дежнев», «К неведомым берегам», «На краю земли». В последние годы художник, являясь активным членом Вологодского морского собрания, в составе творческих групп часто бывал в портах и на кораблях Северного флота. Так создаётся современная художественная летопись службы нынешних военных моряков, подводников, людей Поморья.

Совершенно новым этапом в творческой жизни Владимира Латынцева стали две поездки в Северную Америку в 2005 и 2006 годах. Так далеко вологодские художники ещё никогда не забирались. Занимаясь историей открытия, основания и ранней деятельности Русской Америки, он стремился к неизведанному. Эти поездки-экспедиции были осуществлены по приглашению американского историка-слависта Алана Энгстрёма. Были интереснейшие поездки вдоль берегов Аляски на юг, почти до самой Канады. Во второй экспедиции художник принял участие в самом настоящем открытии: были найдены индейские петроглифы середины XVIII века с изображением корабля, что может быть свидетельством пребывания в тех местах пропавшего в 1741 году экипажа экспедиции Беринга-Чирикова у берегов Аляски. Во время поездки создавались многочисленные этюды, а осенью 2006 года была написана большая картина-версия «Гибель моряков экспедиции Чирикова у берегов Аляски», которая была передана в дар Историческому обществу города Джуно, столицы Аляски. Впереди у художника - не только обработка большого накопленного историко-

документального и чисто творческого материала по Русской Америке, но и новые экспедиции по приглашению американских исследователей.

Что очень важно и редко в среде современных вологодских художников, у Латынцева необычайно сильна жилка организатора и даже преобразователя окружающей жизни. Не все его дела в этой сфере полностью понимаются и принимаются, но он продолжает активно действовать ради реализации своих далеко идущих культурно-просветительских и творческих планов. Еще десять лет назад, думая о будущем своего любимого Великого Устюга, он говорил: «Город очень интересный, но в современной его части какая-то очень тяжелая аура. В нём был когда-то и драматический театр, и симфонический оркестр, в нём и сейчас, помимо хорошей художественной самодеятельности, обязательно должна существовать профессиональная культура. Нужны средства, чтобы привести в нормальное состояние все храмы и памятники, их у нас сохранилось больше, чем где бы то ни было. Хотелось бы, чтобы была создана картинная галерея, художественный или культурный центр. То, что город маленький, ничего не оправды-

вает, он ведь еще и «великий». В маленьком городе может быть большая культура. Так когда-то было, так и может быть».

Как и в живописи, Владимир Латынцев в своей творческой общественной жизни постепенно от слов и первых проб переходит к конкретным действиям. Уже в 2006 году в Великом Устюге под его непосредственным руководством создан и зарегистрирован культурно-просветительский фонд «Арт-галерея «Русский Север» как некоммерческая общественная организация. Среди членов фонда - самые энергичные, заинтересованные в развитии культуры города и состоятельные предприниматели, руководители, авторитетные люди Устюга. Уже отремонтирован и открыт для посещения старинный дом на Советском проспекте, где раньше располагался магазин фабрики «Северная чернь». В созданной картинной галерее будут экспонироваться как картины Латынцева, так и других художников Вологодчины, будут проводиться выставки. Уже работает багатая мастерская, есть планы издавать материалы о современном изобразительном искусстве. Желающие смогут приобрести понравивши-

СОЛОВЕЦКАЯ СТАРИНА. 2005. Холст, масло. 50х100

еся произведения. Всё это может и должно преобразить ныне сложную и достаточно проблемную картину развития современного изобразительного искусства в старинном и столь славном городе на Сухоне.

Сегодня Владимир Латынцев выходит на новый уровень своего творческого развития. Его персональные выставки с большим успехом проходят не только в Вологодской области, но и во многих городах России. Его знают, ценят и приглашают в специальные исследовательские экспедиции известные ученые на Западе. Карти-

ны живописца активно приобретаются частными коллекционерами и многими музеями. Наконец, оформилось и начало приносить первые плоды собственное творческое дело в Великом Устюге. Важно, чтобы в этой череде больших и малых событий художник сумел сохранить свое неповторимое артистическое лицо, продолжал столь свойственные для него и так необходимые для всех любителей изобразительного искусства поиски духовности в истории и сегодняшнем дне русской культуры.

Владимир ВОРОПАНОВ

СИТКА. АЛЯСКА. 2005. Холст, масло. 50x70

Владимир ЛАТЫНЦЕВ

ЖИВОПИСЬ

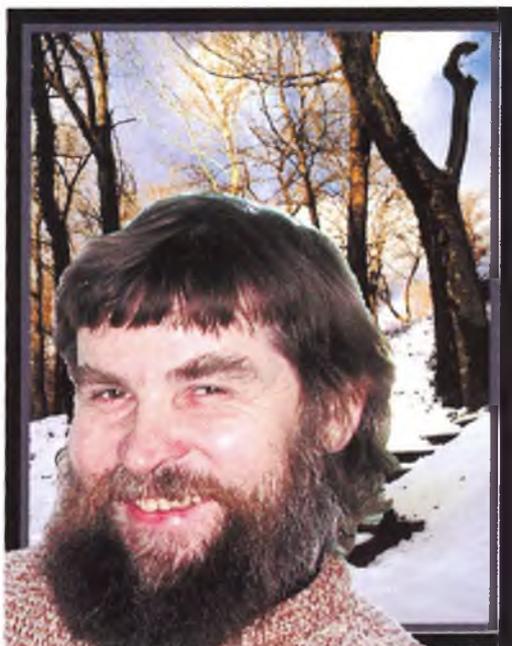

ФОТО АЛЕКСАНДРА ТОРОПОВА

ОСЕНЬ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ. 2004. Холст, масло. 70x90

РУСЬ УХОДЯЩАЯ. 2003-2005. Холст, масло. 80x120

СОЛОВКИ. СОБОР СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ. 2006. Холст, масло. 90x90

СВЯТЫЕ ВРАТА МИХАЙЛО - АРХАНГЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ. 2003. Холст, масло. 60x80

МАРТОВСКИЙ СНЕГ. 2003. Холст, масло. 50x60

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН. 2004. Холст, масло. 75х150

ПРАЗДНИК НА СУХОНЕ. 2006. Холст, масло. 60х90

ЛЕДНИК В ДЖУНО. АЛЯСКА. 2005. Холст, масло. 40х60

СКАЛА ХУНО. АЛЯСКА. 2005. Холст, масло. 50х60

СЕВЕРНЫЕ ПРИЧАЛЫ. 2004. Холст, масло. 50x100

ПОРА ЛЕДОХОДА. 2006. Холст, масло. 180x190

ЧТО НУЖНО ДЛЯ СЧАСТЬЯ?

О графике Евгения Лебедева

«Хороший дом, хорошая жена - что еще нужно, чтоб встретить старость?» Этот вопрос-утверждение из фильма «Белое солнце пустыни» о том, что в определенном возрасте пора успокоиться.

Но творческому человеку, чтобы обрести покой, нужно еще и высказаться. И его творческий монолог длится всю жизнь.

А в качестве «слов» - произведения искусства.

У художника нет старости, есть зрелость, мастерство, обретенные не без помощи той силы, что проявляется всякий раз в творческом акте.

С Евгением Лебедевым мы знакомы с 1983 года. Его рождение как художника-графика происходило на моих глазах. До этого он был известен в качестве художника-оформителя, а также автора нескольких дере-

вянных скульптур. Одна из его скульптурных композиций, «41-й», принесла ему звание лауреата всероссийского, а затем и всесоюзного конкурсов, посвященных 40-летию Победы в Великой Отечественной войне.

ФОТО ЮРИЯ МАКСИНА

Сейчас скульптура находится в одном из частных музеев Финляндии. Чтобы пояснить, сколь сильное впечатление производит эта работа Евгения Лебедева, скажу, что, увидев ее, финский коллекционер просто заплакал...

В характере Евгения Лебедева - браться за что-то новое и давать конечный результат высокого качества. Что побудило заняться графикой? Наверное, то же стремление к новизне. Мало кому известно, что в школьные годы Евгений увлекался еще и живописью.

В моем архиве есть первые графические работы художника. По ним видно, что он еще только начинает осваивать с помощью стихеля небольшое пространство пластиковой доски. Но как стремительно произошло это освоение: не только техники - мира графики!

Спустя два года его экслибрисы уже были востребованы в среде коллекционеров не только России, союзных республик, но и за рубежом - в Германии, Бельгии, Нидерландах, Финляндии. Знатоки книжного знака быстро оценили возможности ху-

Портрет Николая РУБЦОВА

дожника из Устюжны. Евгений Лебедев становится участником различных выставок экслибриса, выставляясь наравне с признанными мастерами этого жанра.

Вот строки из писем мэтра отечественной графики А.И. Калашникова:

«Уважаемый Евгений Аркадьевич!

Ваши работы демонстрировались на выставке, посвященной 1000-летию Крещения Руси... Сейчас спешно формируется выставка литературного экслибриса, и я жду от Вас поступлений... Всё, что Вы пришлете нам в фонд, не будет лежать в сундуке, а станет активно работать на выставках по всему миру...». (3.9.1988 г.)

«Мы сейчас готовим большую выставку по Сов. Северу, а в дальнейшем увеличим экспозицию. Плюс Балтика, Англия до Канады, и мне нужны Ваши работы». (7.6.1990г.)

«Уважаемый Евгений Аркадьевич!

Пожалуйста, уделите внимание нашему конкурсу графики (Международному конкурсу графики малых форм «Италия - Россия». - Ю.М.). У Вас есть много работ на конкурсную тему, и они достойно укрепят нашу выставку». (31.5.1991 г.)

На востоке говорят: «Мир можно

Портрет Сергея ЧУХИНА

Из серии «Устюжна»

познать, сидя на пороге своего дома». Но можно также стать известным миру, творя в русской провинции, например, в Устюжне.

В круг коллекционеров экслибриса Евгения Лебедева ввел один из наиболее авторитетных исследователей в области теории, истории и современного развития русского и зарубежного книжного знака С.Г. Ивенский. Он хорошо известен вологжанам: двадцать лет, с 1953 по 1973 год, возглавлял Вологодскую областную картинную галерею. Именно С.Г. Ивенскому принадлежит заслуга в том, что Вологда стала признанным центром графического искусства и, в первую очередь, экслибриса.

Обладая замечательной коллекцией экслибрисов, станковой графики, он приглашал работать в жанре книжного знака многих талантливых художников-графиков, своими советами помогал постигать тайны тонкого, интимного вида искусства, каким является экслибрис.

Советы опытного искусствоведа пали на благодатную почву, когда Евгений Лебедев гостил у С.Г. Ивенского в Ярославле, изучая в его коллек-

Гравюры на пластике из серии «Леса Вологодчины»

ции гравюры старых мастеров, редкостные книги и альбомы по искусству графики.

Особенно врезалась в память одна фраза из долгих бесед о творчестве: «Чтобы подняться выше, надо не обходить предшественников, а становиться на их «плечи».

Приведу несколько выдержек из писем искусствоведа к художнику:

«Можно пройти все «бочком» и не сделать главного, хотя заслужить послушанием много сиюминутного,

вплоть до побрякушек...». (13.4.1988 г.)

«А у Вас всё: и люди, и сюжеты, и пейзажи - все мило, народно, лирично и с каждым разом все тоньше и изящнее». (10.10.1988 г.)

«Я, наверное, повторюсь, но очень хочу видеть Вас европейским графиком, а не «устюженским». Вам все дано: техника, лирика, любовь к сюжету, к жизни - осталось только ужесточить выбор, не торопясь, от эскиза к резцу». (6.3.1989 г.)

Пожелание С.Г. Ивенского сбылось: «ужесточение» выбора в творчестве Евгения Лебедева состоялось, и

Из серии «По старому Волго-Балту»

состоялось давно. Его видение мира интересно не только землякам, но и тонким ценителям графики во многих европейских странах, о чем свидетельствует обширная переписка художника с коллегами по цеху и коллекционерами.

Его работы вошли в альбом, выпущенный по результатам первого Всероссийского конгресса экслибриса РАЭ, проведенного в Вологде в 2004 году.

Тематика станковой графики Евгения Лебедева - городской и сельский пейзаж, мир природы. Художником создано также несколько графических портретов, один из которых - портрет поэта Николая Рубцова. На мой взгляд, это лучшее воплощение образа нашего национального гения в графике.

Евгению Лебедеву пятьдесят четыре года. Его произведения полны внутренней энергии, как полнится скрытой энергией Русский Север и милая сердцу Устюжна. Художник живет полнокровной жизнью, приносящей ему радость бытия - и от общения с окружающим миром, и от творческих «высказываний», когда он наедине с самим собой «ваяет» новую гравюру или книжный знак. Я недаром употребил старый скульптурный термин - «резец»; графика Евгения

Лебедева, как резец скульптора, отсекает все лишнее уверенно и точно. Пластиковая доска, конечно, отличается от камня, но именно на плоскости пластиковой доски родился его неповторимый стиль.

Есть у Евгения Лебедева и дом, сделанный своими руками, и любимая и любящая жена, и сын, для которого отец - главный авторитет во всех их делах, и... талант, который не дает и не даст покоя.

Что еще нужно для счастья?!

Юрий МАКСИН

НИКОЛАЙ РУБЦОВ В ВЕЛИКОМ УСТЮГЕ

Воспоминания

**АНАТОЛИЙ
МАРТЮКОВ**

Анатолий Сергеевич Мартюков вместе с Николаем Рубцовым жил в детском доме в селе Никольском Тотемского района.

Много лет работал ответственным секретарем в районной газете «Советская мысль». Автор четырех книг: «Годовые кольца» (стихи, издательство «Молодая гвардия», 70-е годы), «Цветы и звуки» (1995 год, Великий Устюг), «Троицын день» (Вологда), «День рождения радуги, или Однажды в Устюге Великом» (стихи, рассказы, сказки для детей - 2005 год, Великий Устюг). Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России.

В начале теплого лета 1970 года совсем неожиданно и тихо в Великий Устюг явился Николай Рубцов. Имя его еще не «гремело» в газетах, не звучало в песнях солистов и ансамблей.

С командировочным удостоверением от Вологодского обкома КПСС он поселился в местной гостинице и выяснял географию своих встреч с местными любителями поэзии. Поэзии вообще и его собственной лиры... Мы встретились в его номере. Встречи наши были случайными и редкими. Но эта запомнилась особо. Было время вспомнить детский дом, семиклассную начальную школу в селе Никола и своих друзей тех памятных детских лет...

Николай забрал свои вещи. Мы отправились на самую окраинную улочку, где стоял у леса двухэтажный бревенчатый дом, а в нем моя только что оклеенная свежими синими в клеточку обоями квартира.

Был вечер, и природа благоухала терпким запахом багульника. Как перед дождем... У нашего гостя заблестели глаза. Он восхитился новизной стен, а еще больше лесным воздухом...

И пока гостеприимная Тамара Викторовна собирала на стол, мы с Рубцовым прогуливались среди редких болотных сосен и белых кустов цветущего багульника.

- Это и есть багульник? - спросил он.

- У нас его еще называют болиголов, - ответил я. - Растение, которое, как и мы, дышит кислородом... А это для здоровья, увы, не лекарство...

Зато запахи стола, когда мы вернулись с прогулки, умиротворяли и направляли наши мысли к спокойному их течению...

Гость оживился и хвалил хозяйку, превозносил ее женственность и ку-

линарные способности. Беседы о прошлом и настоящем лились рекой. Воодушевлению не было предела...

Я возьми да скажи Рубцову (очень и очень осторожно, по-дружески и по-братски доверительно), что не губит ли его - и человека, и поэта - это самое спиртное?

- Слышал, что ты...

Николай мгновенно помрачнел и оскорбленно повысил голос:

- Кто такое мог сказать?!

Мы не ожидали такой острой реакции и постарались смягчить его напрасный гнев, а потом увести от нежелательной темы разговора.

Рубцов успокоился. Он понимал, что слишком болезненно принял дружеский вопрос. Не стоило так неожиданно реагировать. В конце концов «долю правды» нельзя было отрицать.

Но былого настроения и былой открытости он в тот вечер уже не допускал... «Казнить» себя мне не хотелось. Я не чувствовал своей вины. Да ее и вовсе не было.

Июньское утро следующего дня было безоблачным и полным тепла и света. Мы стояли на высоком выступе великоустюгской «Горы» и наблюдали за густой зеленью высоких столетних тополей. Голубой ситец небес резали стрижи... Мы любовались очертаниями церковных куполов, дышали воздухом реки и заречных полей.

- Ах, Великий Устюг... Редкий город... Он чище Вологды... И тише... И выше... Я бы мог здесь поселиться...

И вдруг совсем неожиданно и с улыбкой:

- Знаешь, найди мне студенточку. Могу жениться... И больше никуда - ни в Москву, ни в Вологду.

- И в Николу ни?.. - шутливо добавил я.

- Никола - это другое. Сам знаешь...

Про себя думаю: вот опять мы открыты друг для друга. Опять мы доверчивы и просты. Он рассказывал мне о судьбе своей «Звезды полей»... О поездке в Москву за гонораром... О возвращении из Москвы в Вологду с почти открытыми и полупустыми карманами... Декламирует вполголоса:

«Стукнул по карману - не звенит, Стукнул по другому - не слышать. В коммунизм, таинственный зенит, Полетели мысли отдыхать...»

У него была цель, он ждал отзыва. И я был чуток к слову. Каким-то образом чувствовалось, что в наше «светлое и прекрасное, свободное время» издатели могли заметить иронию поэта.

- И тебя не поправили?

Он обернулся удивленно и тут же признался:

- Поправили... Ты тоже обратил внимание. Значит, что-то действительно лишнее сказал... Знаешь, в издательстве поправили - последние две строки стали такими: «А когда я буду знаменит, То поеду в Ялту отдыхать».

Бдительности редакторов можно было удивляться, но можно было предполагать и чувствовать...

И вот минуты бессловесной тишины... Идем и, возможно, думаем о разном, возможно, об одном и том же.

Слышу, Рубцов шепчет... Настоячиво повторяет слова и фразы: «И катилось колесо за колесом...», «И дрожа...», «Под огнем... ножа...».

Чувствую, мой друг переживает порыв воодушевления, поэтического твора и поиска...

- Как сказать, какое слово поточнее найти? - обращается он ко мне.

- Под огнем ветеринарного ножа, - совсем уверенно и спокойно подсказываю ему.

- Да? Пожалуй... Наверное, лучше не придумать...

Через три дня я провожал Николая Михайловича. Он едва заметно колебался:

- Я бы еще здесь пожил, да вот командировка... Сроки уходят... Вдруг с оплатой трудности будут...

Однако мы уже ступили на трап теплохода «ПТ-1», который готовился в рейс вверх по Сухоне на районное село Нюксеница. «ПТ-1» предстояло преодолеть 162 километра почти на всем протяжении каменистого русла.

Подумалось об удобствах для впечатлительного поэта. В дороге более

Рубцову древний Устюг Великий понравился и панорамой берегов Сухоны, и милыми двориками...

ФОТО СВЯЩЕННИКА
ВЛАДИМИРА КОЛОСОВА

суток, но ни горячего питания на судне, ни плацкарты для пассажира.

Веду дружеские переговоры с капитаном Николаем Вепревым. Благо есть свободная каюта для экипажа. Повар и кухня с тем же предназначением.

Речники просты на понимание. Это открытый и душевный народ. О Рубцове капитан уже наслышан.

- Не беспокойся, - обещает он мне (я ушел на берег всего две навигации тому назад с этой же пассажирской линии и с такого же типа судна «ПТ-3»).

Потом делюсь с Рубцовым своими рублями на дальнейшее благополучие и пишу записку на имя капитана парохода «Тарас Шевченко» Николая Чадромцева, моего друга по ремесленному училищу и по речному училищу в Великом Устюге.

«Тарас Шевченко» курсировал между Вологодой и Тотьмой и был по тем временам весьма комфортабельным судном. С каютами первого и второго

класса, с рестораном. И с приличной скоростью.

В шестидесятые годы я тоже был первым штурманом на пароходе чуть ниже классом «С. Леваневский». И на этой же линии Н. Чадромцев водил однотипный пароход «Н. Чернышевский».

Не знаю, воспользовался ли Николай Рубцов моей запиской, но в «печальную» и позднее «жестокую» Вологду он прибыл вовремя.

Между тем помнится отвальная сирена «ПТ-1» и медленное отчаливание его от дебаркадера. Рубцов смешался с пассажирами, и я не смог его рассмотреть среди них.

Только капитан Н. Вепрев, приоткрыв дверь штурвальной рубки, помахал, наверное, мне. Мол, твой друг «занесен» в список экипажа. Проблем не будет.

Но судьба отсчитывала последние сотни километров его жизненного пути и считала последние месяцы его жизни.

В селе Никольском. В центре - Дом-музей Николая Рубцова

ФОТО АНДРЕЯ КОШЕЛЕВА

...ОТ ЗЛА ДОБРОМ ОТГОРОДИТЬСЯ...

ВИТАЛИЙ СЕРКОВ

Виталий Геннадьевич Серков родился в Междуреченском районе Вологодской области. Закончил высшее военное училище имени Фрунзе в Ленинграде, служил в армии. С 1998 года - майор запаса. Живет в Сочи. Член Союза писателей России. Автор семи сборников стихов, многочисленных публикаций в журналах и газетах, в том числе - «Наш современник», «Кубань», «Литературная Россия», «Автограф» и других.

Пусть вы о нас не слышали пока -
Нет нашей диспозиции на карте.
Мы - воины засадного полка,
Не мыслящие службы в арьергарде.
Наш полк, как никогда, необходим.
Мы вступим в бой однажды поневоле,
Но политое русской кровью поле
Врагам за серебро не отдадим.
Самарский, вологодский ли,
тверской -
Не падки на чины и эполеты,
Но Дух, что нам оставил князь
Донской,
В душе храним, поскольку мы -
поэты.
Мы знаем цель засадного полка.
Мы - скрытая опора авангарда.
Враги о нас не ведают пока,
А значит, и не бита наша карта.

Октябрь 2005 г.

**Поверьте мне: я чист душою.
Н. РУБЦОВ**

Я такое сказать о себе и в бреду
не смогу...
Отогревшись душой под багряными
зорями, каюсь
И за мелкую месть, и за долгую
смуту в мозгу
И неправедным быть до последней
черты зарекаюсь.

Ах, как хочется мне отбелить
бытия черновик,
Да не зря говорят, что из песни
не выкинешь слова!
И несдержан я был оттого, что
юлить не привык,
И глаза отводить не пытался
от взгляда косоного.

Хоть обиды простил я давно
и друзьям, и врагам,
И грядущие дни пустотою уже
не пугают,
Но былые грехи, словно гири,
прилипли к ногам

И в небесную рать записаться меня
не пускают.

То ли лодку Харон до сих пор
не успел осмолить,

То ли, хуже того, и его обуяла
усталость...

Значит, можно грехи, суету одолев,
отмолить,

И не важно уже: сколько дней
мне на это осталось...

19.02.06 г.

**Мне некуда больше спешить.
(из старинного романа)**

Как будто я этого стою:
Со мною прощаясь, ноябрь
Хрустит пересохшей листвою
И гонит озерную рябь.

И лес, на ветру содрогаясь,
Последний роняет наряд;
На зов декабря откликаясь,
Рябины багрянцем горят.

Перину пуховую тучи
Спеша раздирает норд-ост.
Денек - и пушинки летучи
Укроют и крыши, и мост.

А я, озирая пространство
И следуя в плен к декабрю,
«Спасибо, - шепчу, - за убранство.
До встречи, ноябрь!» - говорю.

Судьба не представила шанса
С природой в гармонии жить,
И, словно герою романа,
Мне некуда больше спешить...

«Всякий сверчок, знай свой шесток», -
Нам говорили, да кто это слушал?
Мир оказался на редкость жесток -
Друга скворец с удовольствием
скушал...

Не отсиделся в запечье и я -
Слишком уж песни любил соловья.
«Мир изменился», - за печкою мнилось.
Выскочил - скушали.

Что изменилось?!

21.10.2005 г.

В светлом храме я под образами
В полном одиночестве стою.
Женщина с печальными глазами
Вновь не поняла печаль мою.

Сердится и морщит лоб Угодник,
Смотрит с осуждением сверху вниз,
Зная, что отпетый греховодник
Вряд ли заберется на карниз.

Медленно курится синий ладан,
Страшно угодить не в рай, а в ад.
Если я тобою не разгадан,
Значит, перед Богом виноват...

Когда я умру, не проси,
чтоб отпели, -
Скворцы и синицы меня отпоят.
И слезы не лей - пусть утрами
капели
Их звонко и радостно льют.

И в скорбном ознобе не падай
мне в ноги -
Успеешь ты горькую чашу испить.
Такая ведь участь досталась
немногим -
До крайнего срока любить.

Я знаком отмечен, наверное, свыше
И строки вот эти зачем-то шепчу.
Ночами ты слушай: я ветром
по крыше
И веткой в окно постучу.

О поэзии светлой, о чести скорбя,
Я опять вызываю «огонь» на себя
Всей нечистой, неистойой,
дьявольской силы,
Что годами над нами кружит
на метле,
Все святое загадив на русской
земле -
Даже дедов и прадедов наших
могилы.

«Дым Отечества нынче
особо горчит!» -
Вор «в законе», хватаясь за шапку,
кричит,
Понимая, что шапка
и уши пылают.

Матерятся на Родину хлюпик
и хлыщ -
Им ли нынче до наших седых
пепелищ? -
Словно моськи, сорвавшие привязи,
лают.

С омерзеньем на шабаш их наглый
смотрю.
«Бог не выдаст, - с презрением
я говорю, -
И Россия, как Феникс, восстанет
из пепла,
И, от смрада тяжелого еле дыша.
Мы проветрим ее,
чтобы снова душа
От простора и воли рыдала и пела».

НА АНОНИМКУ

Была подловата затейка -
Неправедный суд учинить.
Подметная ваша статейка
Меня не смогла очернить.

Хотели, чтоб встал на колени,
И ложью пытались добить?
Но подпись трусливая «Л. Енин» -
Что может фальшивее быть?

Лицо озарила улыбка,
Я понял: где тина и грязь,
Таится не рыба, а рыбка -
Пропахший болотом карась.

Вы сами себя освистали,
Вспугнув лебедей и чирков.
Не прячься за подписью «С. Талин»,
С презреньем, Виталий Серков.

Я знаю жизнь, она - трясины,
Непросто в ней нащупать твердь
И удержать родного сына,
Когда идет по следу смерть.

Нас время долго колотило,
И верой мы обожжены,
Что, если тверди не хватило,
Мы сами твердью стать должны.

Должны. Но есть и воля божья,
И Богом так заведено,
Что мрак и хляби бездорожья
Не всем осилить суждено.

Хоть жутковата эта тайна,
Но с каждым днем понятней мне,
Что нам даются испытанья
По силе, а не по вине.

На посошок налейте мне вина,
И я Вас больше не побеспокою.
Мне сквозь бокал вселенная видна
И то, что открывается изгою.

Из города скорее убежать
Замыслил я к нетронутым
сугробам,
Но не затем, чтоб зайцев обижать
Иль до погоста следовать за гробом.

Предназначенье видится в ином -
Ходить-бродить в обнимку
с тишиною

И опьяняться вовсе не вином,
А памятью и ветром за спиною.

Мне хотелось бы неистово
Верить в то, что жизнь чиста,
И начать наутро с чистого
И поступка, и листа.

Но в сплошных помарках корчится
День, мечту мою круша;
Ждет, когда все это кончится,
Утомленная душа.

И в отчаянье качается,
И скорбит, но я привык...
Хорошо, что не кончается
Странной жизни черновик.

Обнять друзей, простить врагов,
От зла добром отгородиться;
Уйдя от милых берегов,
Чужими все не гордиться:
Сгорая, близких обогреть,
Себя понять, с природой слившись,
И незаметно умереть,
На светлый образ помолвившись.

А.Цыганову

Зашумели ручьи, стало жить
интересней,
Боль растаяла, словно следы
на снегу.
А над городом клин с переливчатой
песней
Пролетел, но о нем нынче я ни гу-гу.

Поманил его север проталиной
 рыжей,
 Значит, хлынут стихи
 из-под перьев юнцов,
 Все о нем да о нем, словно
 «тронулись крышей»,
 А виною тому - восхищенный Рубцов:

«Вот летят, вот летят...»
 Помашу им и охну.
 Ишь, как их провожают молчком
 старики!
 Онемею я вдруг и надолго оглохну
 И, конечно, не буду писать
 ни строки.

Пусть летят. Погрущу,
 что мне края родного
 Не видать - не собрать
 на дорогу рубли.
 Лишь представлю, как вздрогнут
 усы Цыганова.
 И промолвит он гневно:
 «Опять журавли!»

«Нет ни боли уже, ни испуга,
 Хоть не видно за мраком пути,
 Но не выйти из этого круга -
 Просто сил не осталось идти.

И не жду я хороших известий,
 А к плохим привыкает душа...», -
 Так я думал, но шепот созвездий
 Долетел, размышленья круша.

Даже ветер о шепот споткнулся
 И, цепляясь за ветви, завыл.
 В удивлении круг разомкнулся
 И свои очертанья забыл...

Узнав о горькой жизни многое,
 Ее по-новому крою.
 За мной чудовище безногое
 Следит у бездны на краю.

Ему расправиться не терпится,
 Да ведь и я не лыком шит.
 В моей душе надежда теплится,
 И память годы ворошит.

Из мрака вдруг такое явится,
 Раздвинув разом пелену,
 Что долго разум удивляется
 У светлой памяти в плену.

Голубем в окно стучится ночь,
 Превращаясь в черную ворону.
 Чем же я смогу тебе помочь?
 Разве - тишину твою не трону.

Погляжу сквозь толстое стекло,
 Взглядом крылья трепетно
 поглажу
 И увижу: время потекло,
 Унося житейскую поклажу.

Вместе с ним и мне по жизни течь,
 Суету вовек возненавидев,
 И стараться душу уберечь,
 Никого напрасно не обидев.

ВЕНОК НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

- 1 -

Начну сонет с признания в любви,
 Хоть кто уж только в ней
 не признавался!
 И зря ты усмехнулся, визави.
 Я помню: ты и раньше бесновался.

В свидетели всю жизнь его зови -
 Ни к славе он, ни к почестям
 не рвался.
 И сколь ни фарисействуй, ни язви,
 В душе моей Рубцов обосновался.

Я повидал немало на веку
 И не боюсь, что снова навлеку
 Волну непонимания и воя.

Венкам в журналах нынче
 места нет,
 Но соберу пятнадцатый сонет
 И в акrostих облечь решусь его я.

- 2 -

И в акrostих облечь решусь его я.
 Как будто неофит и формалист,
 Почти забыв, как чудно пахнет хвоя
 И радует глаза багряный лист.

Пришел ноябрь, а с ним и дни заполя:
 Я сумрак пью, коль выпал вечер
 мглист,
 И зори пью, лишив себя покоя.
 Все - самод я, все - идеалист.

И недоволен, как всегда, собой,
И рифмы добывать иду в забой,
И черным возвращаюсь из забоя.

Да и ноябрь не радуется вралю.
Дорожке мне погода февраля,
Когда метель терзает душу воя.

-3-

Когда метель терзает душу воя,
И хляби отверзаются небес,
Все тягостней тебе судьба изгоя,
И все настырней искушает бес.

Явившись из Самары или Агоя, *
Как тень живая гоголевских пьес,
Кривляясь, представляется:
«Я - Гойя...», -
И, развалившись рядом, пьет и ест.

Твои пороки начинает нежить...
Но, если удавить не можешь
нежить,
Хотя б словом ехидным отрави.

И хватит у него в ногах валяться,
Иначе станешь скоро удивляться:
Одежду рвет и будит страх
в крови...

-4-

Одежду рвет и будит страх в крови
Не знающая жалости эпоха,
И метку ставит справа от брови
Не Бог, не Ангел - обезьяна Бога.

И, если жизнь окажется убога,
В отчаянье белугой не реви.
Перечитай Есенина и Блока,
А там уж на груди рубаху рви...

Поэзия безжалостна, как вьюга,
И ей чужда сентиментальность
Юга.
Но ты ведь выбирался из лавин.

Тебя не быль влечет, а небылица?
Представь, что вьюга -
это кобылица.
Летит она - попробуй излови...

-5-

Летит она - попробуй, излови...
Как молния, поэзия сверкнула
И, словно издеваясь, намекнула:
«Не можешь взять - друзей
благослови!»

Но не поют, как прежде, соловьи,
И жизнь давно в бараний рог
согнула.
И, вынеся на отмели буи,
Мечты мои, как с ветки птиц,
спугнула.

Шепчу порою: «Господи, прости!
Мне некуда и незачем грести.
С пути я сбился, не заметив сбоя».
И слышу с неба: «Зря, поэт,
грустишь.
Представь: тебе я обеспечил
тишь...
А если жить не сможешь
ты без боя?»

-6-

А если жить не сможешь
ты без боя,
То не спасут ни тишь тебя,
ни гладь,
Ни божья, извини уж, благодать,
Но звук призывный улови габоя.

Твой верный конь, вернувшись
с водопою,
Копытом бьет. Чего еще желать?
Седлай его и ногу в стремя ладь.
Не легок путь с подъема до отбоя.

А на пути - то яма, то овраг,
Да и засаду обеспечит враг.
Ты не слабак, да он сильнее вдвое.

И хвост ему подмога, и рога.
Чтоб одолеть коварного врага,
Юродствуй, смейся - выбери любое.

-7-

Юродствуй, смейся - выбери любое.
Как лицедей, кривляйся и рыдай,
Признайся в терроризме и разбое,
Но только душу бесам не продай!

* Агой - населенный пункт Краснодарского края.

Просей слова через рядно рябое.
Прорехи в строках рифмой
заламай
И, чувства настояв на зверобое,
Беги, спасая душу, на Алтай.

Давно они ведут за души битву,
Да слабнут, натолкнувшись
на молитву.
Ты это знай и память обнови.

И если ведьма, обернувшись Музой,
Начнет морочить, сделав
жизнь обузой.
Решительно ее останови!

-8-

Решительно ее останови
И выдвори - не место ей под боком!
Да не забудь, что ходим все
под Богом -
Цветов ей на прощание нарви.

Не можешь так - с три короба
наври,
Упрись, как говорится, в землю
рогом
И, на коленях стоя за порогом,
Охранную молитву сотвори.

Тебе ль не знать: «Кто едет,
тот и правит»?
Гони ее, иначе жизнь отравит,
И не смотри на молодость и стать.

Уж лучше пусть ночами воют
звери,
Да вьюги рвут с петель худые
двери.
Уняв озноб, сумей звезду достать.

-9-

Уняв озноб, сумей звезду достать.
Когда она начнет в руках
искриться.
А искры - словно ласточки, летать,
Тогда поймешь, что и журавль -
не птица.

Ты на свиданье волен опоздать
И волен месяц или год не браться,
Но так венюк обязан обуздать,
Чтоб в нем могло живое
сердце биться.

Чтоб мог сказать и друг,
и злобный тать:
«Он свет обрел и тьму
разъял ночную...»,
Чтоб сельский мальчик восхитился:
«Клево!»

Но, если ты сверкающее слово
Не ощутил, как молнию ручную,
Большим поэтом вряд ли сможешь
стать.

-10-

Большим поэтом вряд ли сможешь
стать,
Пока непустишь в сердце мир
огромный.
Не станешь книгу памяти
листать,
Найдя в своей душе закут
укромный.

Ты жизнь презрел, лелея мир
загробный,
И начал тьму кромешную черпать,
Свой путь земной приняв
за росчерк пробный?
Но и его ведь нужно начертать.

Не зря Рубцов бежал от помрачений
И пил из полыньи, как зверь
вечерний,
Предчувствуя: у лодки сгнило
днище...

А скольких в Лету ветром унесло,
Что предпочли дерзаньям ремесло,
Цепляясь за уютное жилище?!

-11-

Цепляясь за уютное жилище,
И дня Рубцов не жил - ища строку,
То двигался в Николу по грязище,
То к другу плыл за Вологду-реку.

И, слушая, как злобно ветер свищет,
С тревогой думал: «Только предреку -
И смерть меня в Крещение
отыщет...
Легко о ней не думать дураку».

О мой кумир, в попытке неумелой
К луке веду дырявую ладью,
А сквозь нее, роняя свет на сад,

«Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит
в полынью», -
О чем писал ты много лет назад.

-12-

О чем писал ты много лет назад,
Доверив боль предчувствия
глаголам.
Иудам удалось, как встарь
монголам, -
Повергли Русь в земной крошечный
ад.

И как понять, кто больше виноват?
Прошла волна народная по долам,
Врагов своих приветствуя: «Виват!»
И срам прикрыв плакатом,
как подолом.

Но время усмирит любую лаву,
Одним - позор, другим - даруя славу,
И превратит поток ее в базальт.

Нестрашно нам шагать
крошечным адом,
Когда твои стихи звучат набатом,
Вселяя в нас упорство и азарт.

-13-

Вселяя в нас упорство и азарт,
И грусть, и боль поэзия вдохнула
И в жернова, лишь вышли из-за парт,
Рукой своей уверенно стряхнула.

Смолов муку, вздыхала от досад:
«Не тот помол, взамен земного гула
Слышны гудки от Ноземских Исад *
Да вой и крики пьяного загула».

И все же нам судьба была любя,
Хотя горчили строки и хлеба,
И путь лежал неровный по пылище.

Поэзии законы непросты.
Сожгла она за нами все мосты,
Уча любить родное пепелище.

-14-

Уча любить родное пепелище,
Не раз мне жизнь преподнесла урок.
И, выйдя по весне на токовище,
Спустить уже не тороплюсь курок.

Я был в Чечне и видел,
как в кровянице
Лежал солдат шепча: «Лишь
дайте срок,
И прикипит к ладоням кнутовище -
Бич божий близок», - и навек умолк.

С тех пор мне часто снится
чертовщина:
То сквозь меня растет в лесу
лещина,
То вдруг зовет под своды храма Вий.

Сплетя венок, пушу его по свету
И, если я вернусь еще к сонету,
Начну сонет с признания в любви.

-15-

Начну сонет с признания
в любви
И в акростих облечь решусь его я.
Когда метель, свирепствуя
и воя,
Одежду рвет и будит страх
в крови.

Летит она - попробуй, излови...
А если жить не сможешь
ты без боя.

Юродствуй, смейся - выбери любое -
Решительно ее останови!

Уняв озноб, сумеи звезду
достать.
Большим поэтом вряд ли сможешь
стать,
Цепляясь за уютное жилище.

О чем писал ты много лет назад,
Вселяя в нас упорство и азарт,
Уча любить родное пепелище.

Ноябрь 2006 г.

* Пристань на реке Сухоне, на родине автора.

В ПОТОКЕ ЛЕТ

**ЛЕОНИД
ПАТРАЛОВ**

Леонид Михайлович Патралов родился в 1938 году в Сокольском районе Вологодской области. Окончил целлюлозно-бумажный техникум и пединститут, служил в армии, работал электромехаником, мастером, был комсомольским работником, журналистом, госслужащим.

И много лет еще пишет стихи, недавно подготовил свой третий сборник «Свет осенней зари». Публикуемые стихотворения - из этой книги.

Как редко говорим слова любви
Отечеству, друзьям, жене
и матери...
А, может, не заметив,
мы утратили
отзывчивость сердец и жар
в крови?

Вновь думаю, терзаясь по ночам:
«Догадка это или же пророчество?»
И снова призываю одиночество
на поиски начала всех начал.

И чувствую, что сладко так сперва,
но всё больней сжимает сердце
спазмами,
что святость отношенья к ним
жива,
да все слова до срока были
сказаны...

Иллюзий нет в душе давно,
пускай ты это не заметил,
но их разнес по жизни ветер
с теплом сердечным заодно.

Все ж чувства чистые твои
в потоке лет не ослабели,
ведь нам присуще с колыбели
желанье ласки и любви.

Но как с желаньем этим быть,
когда кругом одни невзгоды?
Весьма печально в наши годы
в избытке всяческой свободы
не ждать, не верить, не любить...

ПАМЯТИ ТРЕХ АЛЕКСАНДРОВ

Не стало Романова Саши,
не стало и Саши Швецова,
не стало Сушинова Саши -
ах, сизые голуби наши,
как горько всяк путь закольцован!

Возвышенно, словно к невесте,
к поэзии вы относились,
и пафос у вас был уместен,

когда собирались мы вместе
и радостью жизни делились.

Казалось, что нет окончанья
надеждам, делам и дороге...
Но прервано лиры звучанье,
тоскуют по ней сокольчане, *
сердца замирают в тревоге.

Три витязя, три Александра,
вы знали, что родина значит,
недаром по вам она плачет,
и вещь даже Кассандра
судьбу вам не переиначит.

Вы создали книги и песни.
Остались и жены, и дети...
Звучит средь полей и предместий
ваш голос души - будто вестник,
что вечны таланты на свете.

* Земляки писателей из города Сокола
и Сокольского района Вологодской области.

В ЧАС НЕПОГОДЫ...

**И соловей запоет
голосом нашей тоски.**

Поль ВЕРЛЕН

И дождик, и ветер сильнее и сильнее -
все в русле душевных терзаний:
с тобой мы в разладе

уж несколько дней,
поэтому в непогодь жить нам
грустней,
мы сами исходим слезами...

А ветру нет дела до наших невзгод -
он шумно рекламным щитом
громыхнет
и светлое платье внезапно
взметнёт
на стройной девчонке знакомой,
что в дождь пробегает вдоль дома.

Куда же красotka нарядной бежит,
рискуя промокнуть, наверно,
дрожит,
минуя за зданием зданье?
Ответ у нее подле сердца лежит -
девчонка спешит на свиданье!

У дождика нет снисхожденья
к душе -

моей, иль твоей, иль девчонки,
что, видимо, все же промокла уже...
Но сам-то я вслед за своей протеже
что ж мокну с упрямством
мальчонки?

О тайная жажда, загадка любви,
мы все одержимы любовью...
И, кажется, ветры, дожди, соловьи
так чувства читают мои и твои,
что полнят их сладостной болью...

«РАТОБОРЦЫ»

Берутся крепости осадой,
тебя и этим не возьмешь:
теперь досадуй - не досадуй,
деньков пропавших не вернешь...

Берутся приступом редуты,
но, право, тут не до войны;
по-детски губочки надуты,
глаза то гроз, то слез полны...

С тобой то весело, то грустно,
то ураган, то снова тишь,
мое военное искусство
ты всякий раз перехитришь!

Еще надеюсь, но уж слабо
на чудо дружбы и весны...
А может, ты - начальник штаба
с той, супротивной, стороны?

НА КРАЮ СУДЬБЫ...

Отобедав, подруги ушли,
их осталось так мало, так мало...
Тех старушек чуть видя вдали,
ты за них тихо молишься, мама.

Вот и солнце, уплыв из окна,
повернуло за угол избы.
Ты сумерничать станешь одна,
может быть, на исходе судьбы...

Пред иконой лампада горит.
Ты себя осенила крестом.
То ли дух, то ли тело болит -
вышла жизнь вся Великим постом.

Вдовья доля учила терпеть,
укрощая и душу, и плоть,
да трудиться и верить, что впрямь
всех в беде не оставит Господь.

Подогретый шумит самовар.
 Просишь Бога - нет просьбы святей! -
 чтоб хранил Он от нынешних свар
 в городах заплутавших детей.

Лет преклонных ни в чем не вина,
 лишь бы немощь осилить свою,
 ложку меда и ложку вина
 долго крутишь в горячем чаю.

Вдруг в одну из темнеющих рам
 ты увидишь березы Погоста,
 вспомнишь белый разрушенный
 храм...
 Жизнь прошла... Как все сложно,
 как просто!..

ВЗАИМНО

Все больней замечает душа,
 как вредны мы порою друг дружке, -

то пройдем, не подав побирушке,
 то зазря обругаем бомжа..

Что нас движет - убогий расчет,
 чтоб копить, не остаться
 внакладе?
 А ведь жизнь, словно крыша
 на складе,
 вдруг возьмет и всерьез протечет...

И захочется. Боже, прости,
 если очень тебе одиноко,
 чтобы ждал тебя кто-то у окон,
 чтоб приветил, чайком угостил...

И развеется спеси дурман -
 станет грустно, прискорбно
 и стыдно...

Задушевно живи, безобидно,
 делай с жизнью взаимный роман!..

ФОТО АЛЕКСЕЯ КИРИЛЛОВСКОГО

ТЫ ИГРАЙ, ИГРАЙ, МОЯ ГАРМОШКА...

**НИКОЛАЙ
ВЛАСОВ**

Николай Николаевич Власов
родился в 1943 году
в ОЛП-10 Коношского района
Архангельской области.

Закончил Ерцевскую среднюю школу
в 1960 году. Печатался в газетах, журналах.
Работал жестянщиком, военным летчиком,
водителем, механиком, конструктором...

В 1992 году издал сборник коротких
рассказов «Новеллы» и в 1994 году -
сборник стихов «Чужгинские песни».

*Я не отдам свою печаль
осенней тающей тревоги.
На старой ковжинской дороге
давнишний гложет мой причал.*

*Какой волшебный листопад!
А ветер листья кружит, кружит.
И в голубых стеклянных лужах
я вижу твой свободный взгляд.*

*Такие краски просто так
швыряет в ноги ветер, ветер.
Один на этом грешном свете
Поэт - бродяга и чуждак.*

*И эта нежная печаль!
И сердце стынет от тревоги.
На старой ковжинской дороге
давнишний гложет мой причал.*

*Снова будто в городе чужом,
а вокруг, вокруг чужие зданья
на глухом обрыве мирозданья,
обожженном диким кутежом.*

*И как будто вовсе меня нет.
Носятся безумные машины,
веселятся яркие витрины,
а в чужих окошках мертвый свет.*

*Может быть, и не было меня.
Ты скажи, согнувшийся прохожий,
чувствую я опаленной кожей:
ты бежишь от ночи или дня?*

*Я давно был, много-много лет,
маленький, меня купает мама,
кулачками тру глаза упрямо,
а в окошке брезжит дивный свет.*

*Кто там скребется в стекло?
Кто там? Что ищет на свете?
Сколько воды утекло,
ветер, приветливый ветер!*

*Жалится, стонет в трубе,
в щелях поет на повети*

звонкую песню судьбе
ветер, изменчивый ветер.

Снегом клубит на задах,
белит тропу у колодца,
путается в проводах,
плачет, чудной, и смеется.

НАВЕЧЕРИЕ

Гас мягкий день. Пушился чистый
снег.

Снежинки тихо ластились, летели,
а ветер, пробуя извечный бег,
шалить пытался вздохами метели.

Дрались без зла, кричали воробьи
у сказочной подвешенной кормушки.
След в небесах бросали корабли.
Шли в церковь одинокие старушки.

Я ждал звезду, а ветер нес мороз
неумолимо резко и жестоко.
Скулил печально у подъезда пес.
Звезда взошла на северо-востоке.

И с нежностью свободно и легко
закат мешал причудливые краски.
Светилось небо. Стая облаков
чернела дико в ураганной пляске.

Ты сыграй, сыграй, моя гармошка,
про деревню старую мою.
Ты сыграй, сыграй еще немножко,
я тебе тихонько подпою.

Наиграй про северные ночи,
про ветра, волнующие рожь,

наиграй про все, что ты захочешь,
только ты былого не тревожь.

Все прошло, сгорело, пролетело,
промелькнуло искрами во сне.
Жизнь крутила, мяла, как хотела,
словно водополье по весне!

Ты играй, наяривай, гармошка,
у околиц, сердцу дорогих,
ты меня растрогала немножко,
поиграй подольше для других.

2005, июль, 14, Романово - Вологда

СВИДЬ

Река! Ты надежная жизни рука.
притоки-помощники руки.
По берегу избы считают века.
Здесь предки не знали разлуки.

Разлуки с кормилицей водной
большой,
с опасной и строгой дорогой.
Селяне к тебе прикипали душой,
и ты отдавала им много.

А я навещаю с тревогой тебя,
с сыновней и давней надеждой.
С волнением хочется верить любя,
что людной ты будешь, как прежде...

Послушать стремнины рокочущей
бас,
подметить сквозь чащу бурьяна:
танцует веселый причудливый
вальс
на темной воде лист багряный.

ФОТО АЛЕКСЕЯ КИРИЛЛОВСКОГО

РОБЕРТ БАЛАКШИН

Роберт Балакшин - прозаик очень разносторонний. Есть у него и фантастические рассказы, и историческая публицистика, рассказы и повести из современной жизни, исследование о Троице-Сергиевой лавре... В последние годы писатель много работает для детей. В первом номере нашего журнала публиковалась подборка житий, переложенных Робертом Александровичем для юных читателей. А сегодня мы предлагаем сказки Балакшина

о великоустюгском Деде Морозе. Они были отмечены руководителями проекта «Великий Устюг - родина Деда Мороза». Осенью 2006 года Роберт Александрович стал лауреатом Всероссийской премии «О, Русская Земля!» за патриотические произведения для детей, в том числе и за сказку «Добрый дедушка».

ДОБРЫЙ ДЕДУШКА

Велика и могуча, обширна да прекрасна земля наша святорусская. Прекрасна она городами многолюдными да церквями благолепными, обителями монашескими, реками широкими, полями привольными, святыми угодниками да мужами державными. Богата и обильна она лесами да рощами, зверями лесными, плодами земными. Красива она заповедными преданиями, устоями дедовскими, обычаями нерушимыми.

Кто не слышал о нашем русском Деде Морозе, что приходит потешить детей и весь честной люд православный в рождественские да новогодние дни? Кто не получал от него подарочка в детстве, а сколько ребятшек, девчонок да мальчишек, и нынче ждут его прихода к нарядной ёлке?

Все его ждут, все знают, привечают да с песней встречают. Однако не все ведают, откуда Мороз этот досто-славный явился, где уродился, как снарядился, как людям потом пригодился, чтобы всякий ему дивился.

Ой, и давно ж это было, так давно, что давностей этих почти и не упомнит никто. Где сейчас красуются города большие да могучие, там боры гудели дремучие, а в борах обитали звери да гады ползучие. Совсем немного городов было в ту пору на русской земле, пересчитать их можно было, как пальцы на руке.

Но уже основан был на берегу полноводной Сухоны славный город Великий Устюг, с церквями, монастырями, да торговыми площадями. А по соседству с ним раскинулось многолюдное село Морозовица.

И в селе том жил поживал да добра наживал человек с певучим русским именем - Иван.

Отец с матерью души в нём не чаяли, тешили да баловали, но и к молитве, и труду приучали. Отец, бывало, спозаранку на пашню отправится - и сынишка за ним следом. Мать косу на плечо, да во луга траву косить - и Ванюшка не отстаёт. Дед раскладывает в кузнице свои инструменты замысловатые, а внучек уж тут как тут - меха раздувает.

С бабушкой Ваня в лес по грибы, по ягоды ходил. Старался понимать речь зверей и птиц, слушал, о чём шелестят листья деревьев, о чём разговаривают меж собою цветы. И был для него лес как дом родной, все уголки заповедные он в нём знал, и иной раз столько всего наберёт, что туес с ягодами или пестерь с грибами ел тащит.

Еду Иван любил простую, крестьянскую: кисель овсяный да хлеб пеклеванный, пирог печёный да лук толчёный, картошку жареную да репу пареную. Рос он не по дням, а по часам, и силушка копилась в нём недюжин-

ная, поигрывала по жилочкам, как в речке вешней.

Любое ремесло прямо ему в руки шло. Отроком он ещё был, а как начнёт работать, все им любят. Измлада умел Иван и за плугом ходить и бороной боронить, и косой махать и топором тесать, мог запросто и печь сложить и избу срубить. Поведал дед внуку тайны кузнечные - и сковал себе Иван дубинку-самобойку, чтобы родимщину свою способнее было от недругов оборонять.

От священника приходского Иван грамоте обучился и к чтению книжному пристрастился. Читал жития святых, былины о витязях-богатырях, что на страже земли родной стояли, хотел подражать им.

Учился он старательно, прилежно. Ведь подобно тому, как пчела с цветов нектар собирает, так человек разумный из добрых книг пользу себе приобретает.

Вырос Иван добрый молодец, на загляденье. Усердно посещал храм Божий, опекал состарившихся родителей. Поэтому благословил Господь все его начинания, дал ему жену красивую да урядливую. Хоть лён пряхь, хоть пироги печь, а то и песню душевную спеть - всё у ней выходило ладно да складно. Невдолге побежал по избе в лапоточках сынок синеглазенький, за ним другой, так и стало их семеро по лавкам.

Сила у Ивана была богатырская, никто супротив его ни в работе, ни в бою устоять не мог, а сердце имел он чистое, голубиное. Люди его уважали, и он им тем же отвечал.

И всё бы хорошо, да нагрянула беда неожиданная - негаданная. Как-то отправился Иван с односельчанами на рыбный промысел к далёкому Ледовитому океан-морю. Лдины в том море, что горы матёрые, а в глубоких водах стадами бродят рыбы тучные, краснопёрые.

Долго ли коротко ли, близко ли далёко ли наловили добытки рыбы богато и двинулись в обратный путь.

Возы рыбой, как сеном, доверху нагружены - радоваться бы, а на сердце у Ивана тревожно. Вот уж и Мо-

розовица поблизости, а их никто не встречает, за лесом ни дымка не видно, ни петушиного крика не слышно, только надрывный вой собачий доносится.

Миновали лес и ахнули - села-то нет. Кругом развалины, только трубы печные торчат. Всё разграблено, одна церковь с колокольной уцелела. Выполз из землянки столетний дед Нефед.

- Что случилось? - кинулся к нему Иван. - Что стряслось?

- Ой, Ванюша, - запричитал дед, - нагрянула под Устюг Великой сила несметная, чужеземная. Город злодеи как есть дотла разорили, а сёла окрестные огнём по ветру пустили.. Мужиков в бою переранили да на-смерть посекали, а баб с детишками в полон увели. В лесу мало кто успел схорониться.

Горе небывалое.

Стоит Иван у пепелища, слёзы из глаз капают, снег до земли прожигают. А жители, что в лесу попрятались, обступили его, умоляют вдогонку за врагами пуститься, выручить пленных.

И дед Нефед про то же твердит:

- Зимний день, Ванюша, короткий. Солнце скоро садиться начнёт, далеко за ночь супостаты убегут, следы свои окаянные надёжно заметут.

Да, своё горе велико, а общее ещё больше. Подхватил Иван дубинку-самобойку, кликнул дружину верную, вскочил в седло.

Настигли недругов вскоре. Открыто они идут, отместки не ждут. Песни распевают хмельные, разбойничьи.

Вихрем налетел на них Иван, никому спуска не дал. Дубинка-самобойка по стану вражьему ястребом летает, как долбанёт кого в лоб, так и дух вон. А Иван мечом-кладенцом орудует. Направо махнёт - улица, а налево - переулочек. Побил всех врагов до единого, освободил матерей и детей.

Воротились они в село, встречают их с ликованием, со звоном колокольным. Одному Ивану невесело: побили душегубы - нехристи всю семью его, жену-красавицу и детушек любимых.

Погоревал он, покручинился, да делать-то нечего, надо жить дальше. Срубил себе избу новую, кузницу краше прежней изладил.

Но с тех пор все заботы, все думы его только о детях малых. И раньше-то он чужих детей как своих любил, а теперь они все для него родными стали.

В будние дни и в праздники он отраду себе не в праздном безделье находил, не на печи лежал да баклуши бил, а вместе с детьми был. Катают детишки снежную бабу - Иван с ними, да такую здоровенную заворотит, выше себя ростом.

Строят парнишки снежную крепость - Иван заодно со всеми хлопочет, стены возводит, бойницы в них проделывает.

Началась баталия в снежки - он и тут первый заводила - снежки лепит, что олады печёт, да всем их раздаёт.

Или залил он крутую гору ледяную, с утра до позднего вечера там смех детский слышен. Поодиночке на салазках скатываются, или же соберутся дружной ватагой и вниз стремглав понеслись.

А то бушевала целую неделю метель. Стихла она, выглянуло солнышко, и видят ребята: намело сугробы высоченные. Тогда придумал Иван новую забаву: с крыши сарая в сугробы сигать. Заберётся смельчак на верхоутуру, руки растопырит, как крылья, хочет прыгнуть, а страшновато. Наконец, решился, летит, сердечко у него в груди замирает, и вдруг - плюх в сугроб, как в перину пуховую.

И ребята Ивана любили. Только выйдет он на улицу, вся окрестная детвора с криком к нему бежит.

Встанет он, подбоченится, русую бороду поглаживает:

- Что, мальцы - удалцы, снегири - богатыри. А кто из вас меня поборет?

И начнётся потеха. Мальчишки налетят на него, облепят со всех сторон, карабкаются по спине, на руках виснут, а он ходит да посмеивается, носит всех на себе. А потом и поддастся, повалится на снег.

Тут и малышня сбежится, да такая куча-мала делается - на загляденье.

Все хохочут, кричат, лица у детей раскраснеются, раздурмянятся.

Ох, хороша ты русская зимушка - зима! Необъятны просторы северные! Недаром говорится: в зимний холод всякий молод. На морозе и старик вприпрыжку идёт.

Как тут не припомнить стихи знакомые:

*Здравствуй, гостя - зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.*

*Нам не стать привыкать, -
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!*

Но сильнее всего ребята ждали, когда Рождество, да Новый год наступит.

Запряжёт тогда Иван на святках в большущие сани-розвальни тройку лихих коней, и, айда, ребятня, кататься.

Мчит по Морозовице тройка, булбены-шаркуны гремят, поддужные колокольцы валдайские голосисто заливаются. Правит Иван санями, мчит с посвистом молодецким, только полозья на крутых поворотах снег режут.

- Ах, вы, голубчики, сивые, буланые, постромки рваные! - кричит, смеясь, Иван, хотя вся упряжь у него новёхонькая.

А посреди саней стоит кумачовый мешок с гостинцами, в нём и конфеты, и пряники, чернослив с изюмом, орехи и игрушки - то ребятне радость великая.

Говорили ему мужики местные:

- На ветер деньги, Иван, бросаешь, нет бы новую избу справил, а то ведь всех не покормишь.

- Нет, други вы мои задушевные, - возражал он им, - избу справить всегда успеется, да она и так у меня куда с добром, а детство не вернёшь, оно у человека одно. Чем больше в душе детской радости запасёшь, тем потом светлей по жизни идти. А доброе дело не лист придорожный, по ветру не улетит, среди людей останется.

Жила в Морозовице несчастная

вдова, нужду беспросветную с детками несмышлёными мыкала. Ушёл муж на заработки да и пропал, как в воду канул.

Выдалась студёная зима. Вышел Иван на крыльцо своего терема, любителю на родную деревню. За ночь-то избы выстыли, а сейчас изо всех труб дым лесом стоит, сиреневые, сизые дымы курятся к небу. Только над вдовей избушкой ничего не видно. Что такое? Худые, видать, дела у вдовы.

Зашёл он в избу, а в ней как в леднике - пар изо рта. Дети плачут, на печи кошка мяучит.

- Что ж, Марья, печь-то не топишь? Аль нездоровится?

- Да топить-то нечем, кончились дрова, вчера последнее полено на лучину для самовара исщепала.

Поехал Иван в лес, нарубил не одну мерную сажень дров, да и привёз их ко вдове.

Старался Иван всем без разбору добрые дела творить. Шёл он лесом однажды, слышит: кто - то кричит вдалеке страшным голосом. Иван прибавил шаг, выбежал на поляну, а посреди неё корова. К ней два телёнка жмутся, дитяти. И тут же медведь. У коровы бок уже в крови, цапнул её лесной хозяин. Рога корова наставила, не подпускает медведя ближе, а сама ревет от страха.

- Зачем же ты, Михал Потапыч, безобразничаешь? - сказал Иван с укоризной, взял медведя за ухо, повёл к опушке. - Нешто тебе не на ком силушку свою показать неумную, чем на бедной корове с телятками?

Топтыгин насупился виновато, потряс башкой своей кудлатой, однако Ивану перечить не стал.

- Я больше не буду, - сказал он на опушке Ивану.

- Смотри же. Не дал слово - крепись, а дал - так держись.

Ивана в лесу все звери знали: былинку лишнюю он не примнёт, беззащитную птаху не обидит.

А то набрёл он на лисёнка, которого деревом придавило. Освободил Иван лисёного детёныша, погладил его, да и пустил на волю:

- Ну, беги, пострелёнок. К мамке своей.

И всё бы ладно. Да беда подстерегает человека, где он её не ждёт.

Понадобилось Ивану поздней весной реку перейти, кружной путь далёк, а по реке короче. Отговаривали его: «Не ходи, опасно».

Но понадеялся Иван на русское «авось», пошёл и провалился. Тулуп овчинный сразу намок, тянет ко дну. Сапоги на ногах как гири чугунные стали. Вылезает Иван на лёд, а он под ним обламывается. И так и сяк Иван старается на лёд выбраться, да всё без толку.

Велика сила была у Ивана, а у реки ещё больше.

Невозмоготу ему бороться с рекой стало, ослаб он, тоска смертная к самому сердцу подобралась, ледяной змейей вкрут него обвилась.

«Неужто гибель пришла неминуемая? - думает Иван. - Неужли стану я добычей рыб да чудищ речных? Что ж ребятишки-то без меня делать будут?»

И взмолился тогда Иван к угоднику Божиему, к которому сыздавна привыкли русские люди, в пучине водной погибавшие, взывать. И не успел Иван отчаянную молитву оконченными губами прошептать, сверкнула она только в голове его, как откуда ни возьмись - шагает к нему по льду на выручку старец в треухе, в зипунишке заплатанном, мочальной веревницей подпоясаной, а выступает твёрдо, смело.

«Ой, не ходи сюда, сердешный, - хотел было крикнуть Иван, - сам утопнешь напрасно, и меня не спасёшь».

А чудесный прохожий уже рядом, шагнул на воду, будто на землю, протянул руку и вытащил Ивана из воды.

Глядит на него Иван, оторваться не может: лицо знакомое такое, родное. Где-то видел он его, а где - не вспомнит. Да и мудроно вспомнить, когда зуб на зуб у него не попадает.

- Услышана молитва твоя, - сказал старец. - За превеликую доброту твою к детям повелено мне спасти тебя. Невозможно, чтобы дети лишились такого радетеля за них. Дети - дар

Божий. Кто любит детей, тому сугубая благодать даётся, потому что Сам Господь детей благословил. Оставь все прежние дела свои, есть кому кроме тебя землю пахать и молотом махать. Будь мне помощником. Даю тебе послушание смотреть за детьми, чтоб никто не обижал, не огорчал их.

- Да кто же ты, - удивлённо спросил Иван своего избавителя, - как звать - величать тебя, за кого прикажешь Бога молить?

- Вернётся в Морозовицу, кто первый на глаза попадётся, это я и буду, - молвил на прощанье его собеседник и стал невидим.

Торопится Иван домой, от радости ног под собой не чувствует. Вбежал в избу, а из красного угла с иконы на него святитель Николай Мирликийский смотрит. Тот же взгляд - строгий, но обнадеживающий, добрый, и не в зипуне он, а в архиерейском облачении, и на голове не треух, а митра драгоценными камнями изукрашенная.

Так вот кто был его чудесный спаситель!

Затешил Иван свечу, упал на колени перед образом и долго молился.

Прошло много лет. Состарился Иван, отросла у него борода длинная, чуть не до колен, вся белая.

Но всё он с детьми. Тому гостинец подарит, этому книжку прочтёт, третьего по головке погладит. Широко слава о нём разнеслась в Вологодских краях и далеко за их пределами. Называли его дедом из Морозовицы, а потом и Дедом Морозом звать стали.

Срубил он себе избушку под вековой елью в дремучем лесу и поселился тут.

Пристрожил он всю нечисть лесную, что в буераках да чащобах непроходимых таилась, что людей смущала да детей страшила. Бабу-Ягу - костяную ногу, что детей воровала, кикимор, шишиг, детосек, леших да водяных в такую глухомань упрятал, что сидят они там и нос высунуть боятся.

Хлопот у Деда Мороза полон рот. Весь год напролёт готовит он подарки детям. Собирает шишки, золотит их на утренней заре, чтобы напитались

они солнечным теплом и светом, у пчёл берёт мёд для пряников печатных да ароматных. Собирает с трав сладкую росу для леденцов, у цветов берёт узоры для книжек-раскрасок, а для воздушных шаров снимает с верхин деревьев лёгкую рассветную дымку.

Тот знакомый медведь ему бочонок медка прикатил, коровка кринку масла принесла, а лисичка с лисёнком - шустрым хвостёнком грибков да ягод: черники, голубики, малины да калины припасла.

Мастерит игрушки ёлочные Дед Мороз для детей. А они живыми у него из рук выходят. Пляшут игрушки на столе, озоруют, щекочут ладони, мешают работать ему.

- Ну-ка, озорники, поберегите своё веселье для деток-малолеток, - говорит им Дед Мороз, - для мальчишек-шалунишек, да девчонок-егозёнок, бойких глазёнок.

А устанет он работать, выходит по лесу гулять, посмотреть, как растут деревья, бегут ручьи, наблюдает, чтобы никто не замутил их, не набросал в них сора, чтобы никто муравейники не разорял, желторотых птенцов не пугал.

Ночью сорвётся звезда, он её отыщет, от грязи очистит да покрепче на небо приколотит.

Однако самые главные его заботы начинаются, когда завьются, запорхают по ветру золотистые, жёлтые да багряные листья берёз и тополей, рябин и дубков. Осенью готовится Дед Мороз в дальний поход: обходит подросшие за год ёлочки, укладывает подарки в праздничный мешок.

А как только повеет дыханием зимы, заботливо укутывает он тёплыми снеговыми одеялами землю - матушку, чтобы поспала она, отдохнула от тяжких трудов хлебородных, новых сил набралась.

Добрый, ласковый Дед Мороз, что и говорить, но несладко приходится врагам, что являются на землю русскую с оружием в руках, малых детей сиротить, жён - матерей вдовить. Встречает Дед Мороз гостей незваных стужами лютыми, метелями да сне-

гами сыпучими. Жжёт Дед Мороз врагов стужей беспощадно, а своим ратникам мосты такие прочные на реках скуёт, что хоть войско целое по мосту пройдёт, хоть танк - боевая машина - как птица промчится.

А недели за три до Рождества, с Николы зимнего, наряжает Дед Мороз ёлочки, отправляет их к детям, да приговаривает:

*- Ступайте смолистые,
нарядные, душистые.*

Несите детям радость,

Да всякую сладость.

Разные игрушки:

бубенцы, погремушки,

лисят да зайчат,

котят, медвежат.

Конфеты, пряники,

да воздушные шарики.

Красивые, умные книжки:

Пушай читают детшишки.

Наладит Дед ёлочки в дорожку далёкую, прикажет нигде в пути не задерживаться, поспешать, детки-то ждут, да и сам не замедлит собирать-ся.

Обуется в валенки до колен, надеет тулуп, который зимой всякому люб, водрузит на голову шапку красную атласную, посох возьмёт неразлучный, чтобы по сугробам шагать сподручней, и - в путь!

Спервоначалу, конечно, в родные места завернёт, в Морозовицу да в Великий Устюг, чтобы проведать, как там дела идут, а уж потом, как воевода дозором, по всей стране обход начнёт. Шествует по российским просторам, по землям Украины и Белоруссии, да и в заморских странах мало ли русских людей живёт. Во Франции и Канаде, в жаркой Австралии и Венесуэле. Так получилось, что стали и там русские люди жить. И хоть не бывает в тех странах ни снега, ни зимы, и ёлочки там не растут, но помнят люди свою родную землю, её заснеженные поля и леса. И, конечно, доброго Деда Мороза.

А в Устюге Великом ему хоромы добротные справлены, прямо-таки палаты царские. Залы обширные, потолки высокие, стены узорами да картинами украшены.

Дворец - дворцом, диво дивное, несказанное, в других землях, за морями - океанами не виданное, да не слыханное. И едут сюда к своему доброму Деду Морозу дети со всего света.

Усадит Дед Мороз детей вокруг себя, учит их делать добрые дела.

- А какие дела добрые? - спрашивают дети.

- Слушаться родителей, почитать стариков, прилежно учиться в школе, трудиться на совесть. Благодарить Господа, Творца нашего. Помогать друг другу. Не злиться, никому не завидовать. Что нашёл, хозяину отдай. Не бери чужого. Люби природу, ведь весь мир Господь создал нам в радость. Не ломай деревце молодое. Пусть оно растёт, набирает сил, принесёт потом пользу людям. Не пинай котёнка бездомного, не пуляй в собаку камнем, ведь и им больно.

А дети и песню про Деда Мороза сочинили. Сойдутся у ёлки, и только слышат шаги Деда Мороза, как идёт он по лестнице, посохом своим, рождественской звездой украшенным, постукивает, станут в хоровод и запоют:

Из морозной паутинки

На окошке кружева.

Вьются чистые снежинки

В дни Христова Рождества.

Наступили дни святые,

А за ними вслед идёт

Под напевы вьюговые

Православный Новый год.

Кто одет в тулуп овчинный?

Важно посохом стучит?

Это кто шагает чинно

И на ёлку к нам спешит?

Здравствуй, здравствуй,

гость желанный,

Добрый Дедушка Мороз!

Наши любимый, долгожданный,

Что подарки всем принёс.

Он послал к нам в гости ёлку,

Приголубил, приласкал.

Нежно каждую иголку

Частым гребнем расчесал.

*Здравствуй, гостья дорогая,
В ярких лентах и шарах.
Раскрасавица лесная
Вся в сверкающих огнях.*

*Со Снегурочкою внучкой
Дед Мороз в гостях у нас.
Он на радость всем детишкам
Сам пустился в перепляс.*

Услышав такую песню, разве устоишь спокойно? Ноги сами плясать просятся. Подобрал Дед Мороз

полы своего снежком подбитого тулупа да как пошёл, как ударил в присядку. И ребятня от него не отстаёт. Пляшет, веселится - только держись!

Смотрят на детей бабушки да дедушки, папы с мамами, и на душе у них светлей, а на сердце теплей. Вспоминают они своё детство и благодарят Деда Мороза за то, что каждый год он устраивает для детей незабываемый праздник.

МОРОЗ - БОГАТЫРЬ

Миролюбив русский народ, нет его добрей да покладистой, хлебосольней да приветливей. Однако ни одному народу на земле не довелось воевать столько, сколько ему.

Испокон века шли на нашу землю враги, чтобы поработить её. Шли из монгольских степей и с немецких долин, от шведских скал.

Подымались тогда русские люди на защиту своих святынь, домов и семей. Храбрые дружины вели в бой воеводы: святой князь Владимир, князь Ярослав, прозванный Мудрым, святые князья Александр Невский и Дмитрий Донской.

Стоял на страже любимой им святорусской земли и Дед Мороз.

Многие думают, что у Деда Мороза только и забот, чтобы деток в Новый год веселить, плясать с ними вокруг ёлки, приносить подарки, сказки рассказывать да катанием с гор потешать.

Слов нет, с детворой он ласков, весел, а к врагам народа нашего строг и беспощаден.

Такую им, бывало, встряску задаст, так до костей проберёт, что надолго запомнят.

Для этого и войско у Деда Мороза готово: метель да пурга, холод да стужа, студенцы-молодцы да ледовики-здоровяки.

В давние времена была Русь под властью монгольских ханов, выплачивала им дань: ежегодно везли русские

люди в Золотую орду сундуки золота, меха и разные припасы.

Окрепла Русь, настала пора сбросить иго.

Русский царь Иван III Васильевич отказался быть данником хана Ахмата, а послов ханских из своих палат взащеи велел вытолкать.

Разъярился Ахмат, снарядился походом на Русь, повёл на неё орду огромную. Надеялся поквитаться с непокорным царём Иваном, силой навязать ему свою волю. Следом за ордой тащился обоз. На телегах грудями были свалены верёвки, чтобы русских пленников вязать.

Чёрной злобной тучей надвигалась орда, местные жители прятались в лесах, ведь свирепые ордынцы грабили и убивали всех подряд.

Осталась перед басурманами последняя преграда - река Угра. Перейти её, и откроется прямой путь на Москву. Но на другом берегу выстроилась стеной русская рать. Блестят шлемы витязей, бронзой сверкают грозные пушки, пищальники нацелили свои самопалы. Сунься враг, польхнут огнём и уложат на месте.

Поискал степняк, нет ли где в другом месте брода через Угру? Куда там: всюду стоят сторожевые полки.

- Покорись, Иван, - угрожал Ахмат. - Смотри, настанет зима, перейду реку по льду, тогда будет тебе карачун.

Поглядел, поглядел Дед Мороз на

Ахмата, да и послал на его воинство великую стужу.

От мороза и безкормицы, словно мухи, началидохнуть ордынские лошади и верблюды. В летних полотняных шатрах мёрзло войско. Лягут незванные гости вечером спать, а наутро вместо живых людей в шатре лежат окоченелые чушки.

Понял Ахмат, что если постоит тут ещё несколько дней, лишится остатков войска. А морозы день ото дня крепчали.

И побежал он ночью от Угры, только его и видели.

Было это в октябре 1480 года. Долго потом смеялись на Руси над Ахматом: пошёл хан по шерсть, а вернулся стриженным.

Большой искусник Дед Мороз леса да поля зимой украшать. Шагает он по полю, из мешка своего заплечного швыряет направо и налево горстями драгоценные камешья. Выйдешь в морозный солнечный день, глянешь на поле и зажмуришься: больно глазам от сверкающего, яркого блеска, усеявших поле миллионов алмазов.

Ещё любит Дед Мороз, когда солнышко пригреет, развесить на краях крыш гребешки сосулук. Славно напевают ледяные морковки свою задорную, бойкую песенку.

А то нахлобучит Дед Мороз на ёлки мохнатые грузные шапки, раскинет по ветвям деревьев снеговые, пушистые гирлянды.

Для добрых людей ласковый, нежный, как пух, снежок, радость. А для злодеев снег - погибель.

В 1613 году была на Руси Смута. Не было тогда у нас Царя, а ведь недаром говорится, что русский народ без Царя - сирота. Пришли на нашу землю и хозяйничали на ней поляки. Немало они храмов православных порушили, над святынями древними надругались, а людей перебили - безмерно.

На Земском соборе избрали русские люди Царя: отрока благоразумного Михаила Фёдоровича Романова. До поры до времени жил он с матушкой своей да ближними думными бо-

ярами в селе Домнино под Костромой.

Проведали о том злые ляхи, замыслили они Царя, надежду народную, убить.

Много вооружённых польских отрядов рыскало тогда в Костромских краях. В селении Дервенька жил крестьянин Иван Сусанин. В его избу и вломились однажды поляки.

- Скажи, старик, - спросил Сусанин толстый польский полковник, - не знаешь ли ты, как проехать в Домнино?

- А вам зачем?

- Дело там есть, - ответил поляк и усмехнулся в усы.

Знал Иван Сусанин, что в Домнино живёт Царь, догадался, что грозит ему беда, и решил спасти Михаила.

- Я могу вас довести, - сказал он. - Я здешние места хорошо знаю.

Простился Сусанин с женой, с дочкой, с сыночком Ваней и повёл ляхов в лес. Долго водил он их глухими чащобами, оврагами да буераками.

- Далеко ещё? - спрашивают поляки, а сами еле ноги волокут, так устали.

- Ближко, рядышком, - отвечает Сусанин.

- Уже который раз говоришь: ближко, - зло сказал полковник.

- Вечереет, день кончается, помёрзнем мы все тут, - сказал его помощник.

Почуял Иван Сусанин, что настал его смертный час.

- Помёрзнете, так туда вам и дорога, - сказал он. - А Царя нашего вам не видать. Для русского человека он ближко, только вам до него не дотянуться.

Рассвирепели ляхи, что обыкновенный мужик их перехитрил, вокруг пальца обвёл, изрубили Ивана Сусанина на месте.

Стали они совещаться, как теперь им из лесу выбраться.

- Ага, попались, душегубы! - говорит им Дед Мороз, а поляки лишь вой ветра услышали, будто пение погребальное.

Выпустил Дед Мороз на них своё войско. Только что светило солнышко. Вдруг завыл ветер, закачались в

лесу деревья. Поднялась метель, путь - дорогу полякам заметает. Вьётся вокруг них вьюга, с пути - дороги сбивает. Засвистели снежные вихри. Попали поляки в такой буран, что шагу шагнуть не могут. Друг друга потеряли, кричат, не докличутся. Так и сгинули вороги в костромских лесах, налёл над ними Дед Мороз сугробы великие.

Ходит по лесу, посохом своим постукивает:

- Не владеть врагу русской землёй!

Вскоре красная Москва встречала колокольным звоном молодого Царя Михаила Фёдоровича. Венчался он здесь на царство и управил родную землю: врагов всех победил, из государства как метлой их вымел, и наступил на земле русской покой. А всего достославные цари да царицы Романовы правили державой русской триста лет и три года.

Могуча сила Деда Мороза. Большие он дела творит. Так об этом сказал поэт Н.А. Некрасов:

*Метели, снега и туманы
Покорны Морозу всегда,
Пойду на моря - окияны -
Построю дворцы изо льда.*

*Задумаю - реки большие
Надолго упрячу под гнёт,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.*

*Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли, -
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.*

На дальнем севере в полярных морях громоздит Дед Мороз из глыб льда торосы: ледовые дворцы в десять сажень вышиной. Угловато высятся они в белом ледовитом безмолвии. Зимуют в тех дворцах суровые полярные ветры.

Чудны полярные ледовые дворцы. Но только в России был построен настоящий рукотворный дворец изо льда.

Зимой 1749 года на середине реки Невы - между Адмиралтейством и Зимним дворцом - началось строительство. Копошились рабочие, сту-

чали топоры плотников. «Что там такое творится? - задумывались петербургские жители. - Разве можно что-нибудь строить на зимней реке? Весной всё построенное или утонет, или его водой унесёт».

Когда сняли леса, окружавшие постройку, все увидели, что из плит чистого льда возведён великолепный двухэтажный дворец. Всё в нём было изо льда: столы, стулья, диваны. В комнатах в ледяных вазах цвели ледяные розы. На столах возле ледяных тарелок были разложены отлитые изо льда вилки и ложки, стояли бокалы и кружки. Посетителей у входа во дворец встречал ледяной слон, два дельфина и шесть пушек.

А как волшебно сверкал и переливался дворец, когда его озаряло солнце. Вмиг он становился не ледяным, а хрустальным. Дворец сверкал удивительным блеском, внутри его гуляли волны света, радужные переливы освещали снег возле стен.

Ну не чудо ли!

Русских людей называли сынами Севера. Только русская армия побеждала зимой. В декабрьскую стужу суворовские чудо-богатыри взяли штурмом неприступный Измаил. А двумя годами раньше войска Г. Потёмкина водрузили русский флаг над крепостью Очаков. Зимой 1809 года в войне со шведами генерал П.И. Багратион совершил неповторимый подвиг: его корпус с артиллерийскими орудиями пересёк по льду Ботнический залив и занял Аландские острова.

Начало славным деяниям русских воинов было положено ещё на Чудском озере, где в 1242 году благоверный Александр Невский в Ледовом побоище разгромил ливонских псоврыцарей. Бежали рыцари, проваливаясь под лёд в своих железных доспехах. А русские воины били их в воде, топили баграми. Неспроста народ говорит: под добрыми людьми лёд трещит, а под злыми ломится.

Со времён подвига Ивана Сусанина минуло два века. Россией уже правил благоверный Государь Александр

Павлович, а страной Францией Наполеон Бонапарт.

Бонапарт был знаменитейшим полководцем. Всю Европу со своими войсками он вдоль и поперёк прошёл. Короли и герцоги перед ним трепетали, столичные города золотые ключи на блюдечке ему подносили: сдаёмся и повинемся.

Всех Наполеон победил. И земли, и моря ему подвластны. Одна Россия непобеждённой осталась. Если он и её покорит, тогда всем миром станет править.

Правда, мудрено с православной Россией совладать. Такой страны, таких царей да полководцев с солдатами нигде нет.

Бросил Наполеон клич по Европе и собрал под своими знамёнами громадное войско. Тут и свои французы, и тьма всяких проходимцев из иных стран, охотников до грабежей и разбоев. Наименовал Наполеон своё сборище Великой армией и бросил на Русь - матушку войной.

Сила у Наполеона была несметная. Когда Великая армия шла, земля дрожала.

У села Бородино сразились русские войска с французами. С рассвета до вечера гремела канонада, стойко бились русские под командованием фельдмаршала М. Кутузова, не уступили Бородинское поле неприятелю.

Однако сил на защиту Москвы у русской армии не осталось, и вошли в нашу родную Москву враги. Заняли они в ней лучшие дворянские дома да усадьбы и подумали, что настала для них райская жизнь: не войой, не служе, а ешь, пей - не тужи. Так они и делали, вино у них лилось рекой, песни не смолкали до утра. Над жителями московскими супостаты всячески издевались, только что верхом на них не ездили. В святых храмах европейские безбожники конюшни устраивали, с икон золотые оклады сдирали. Собирались они даже нашу красоту, нашу святыню - Кремль Московский - взорвать, да Господь не попустил.

Неделя идёт за неделей.

Побрели однажды французы в лавку, где раньше припасы задаром бра-

ли, а там от них мыши голодные врассыпную. Заглянули в погреб, откуда вино корзинами таскали, а там шаром покати. Всё, что было - съели, повыпили. Хоть зубы на полку клади.

Стали французы ждать, что ни сегодня - завтра русские крестьяне им хлеб в Москву привезут. Ждут - не дождутся. Сколько раз выбегали за городскую заставу, смотрели с Поклонной горы, не видать ли вдали крестьянских обозов. А русские крестьяне хлеб в Москву не повезли, родную землю за французские сантимы продавать не стали.

Тут и осенняя листва устелила землю. Зима скоро. Отправились французы по окрестным деревням за провиантом. Думали, что их там примут с распростёртыми объятьями, а их приняли вилами. Били их смертным боем партизаны: русские мужики да бабы.

Туго пришлось французам. Сначала они лошадей своих подчистую съели, потом за ворон принялись, а когда совсем немоготу стало, за кошку дохлую золотом платили, а чтоб из собачатины суп сварить, друг с другом на саблях рубились. Голод не тётка, пирожка не подсунет.

Запросил Наполеон у Императора Александра мира. Однако Александр Павлович Благословенный наполеоновского посла даже на порог своего дворца царского не пустил. Сказал:

- С Бонапартом, шаромыжником, мне разговаривать не о чем. Пусть идёт, откуда пришёл.

Досадным показалось Наполеону такое обращение. Даже слеза его кипучая на стену кремлёвскую капнула, когда он по той стене расстроенный гулял. В Европе-то императоры перед ним как лист осинový дрожали. Мечтал он и Царя русского, православного, заставить под свою французскую дудку плясать, а сам попался, как кур в ошип.

И побежал Наполеон из Москвы, несолоно хлебавши.

А за ним и армия его.

Только выступило разношёрстное разбойничье воинство в поле, тут-то Дед Мороз за него и взялся. То морозу

ядрёного поддаст, то стужи ледяной подпустит, то так снежной крупой в лицо сыпанёт, что света белого не взвидишь. Узнали французы, где раки зимуют. Попировали, покуражились в Москве, наступил час расплаты.

А на речке Березине навестил Дед Мороз и самого Бонапарта.

Сидит Наполеон в своей карете, кутается в шубы медвежьи, трясётся от холода. Вдруг в окошечко кареты: тук, тук. Наполеон аж подскочил: кто это? Гвардейцы у кареты со штыками в карауле, не велено никого пропускать.

Окошечко само собой растворилось, и заглянул в него старик. Борода длинная, снегом припорошенная, брови, как два сугробика. Глаза у старика весёлые, видно, что ничутьки он грозного императора не боится. Какдохнул старик, Наполеон по колени в снегу оказался.

- Кто такой? - хотел было спросить Наполеон, да слова в горле заledenели.

И сказал ему Дед Мороз:

- Знай, сверчок, свой шесток. Сиди у себя в Париже, где народец пожиже, а к нам не суйся.

Под праздничные песнопения новогодних выюг, под светом Рождественской звезды год за годом, десятилетие за десятилетием жила Российская империя. В монашеских обителях о её благоденствии молились боголюбивые иноки. Русоволосые пахари возделывали её тучные нивы, проворные мастеровые у станков и заводских молотов ковали её промышленную силу, в лабораториях и институтах совершали открытия учёные, а сладкоголосые певуны воспевали её древнюю славу. При благочестивом Государе Николае II моря бороздили могучие линкоры под Андреевским флагом. Русские конструкторы первыми в мире подняли в небо тяжёлый четырёхмоторный самолет...

Наступил двадцатый век. Империю потрясли жестокие бури и грозы. Она стала иной. Прежний государственный флаг сменился красным. Золотистая пшеница колосилась отныне на колхозных полях. Но не переменилась

душа народа - трудолюбивого, мужественного и доброго. Строились новые города и заводы, самолёты с красными звёздами на крыльях пролетели над Северным полюсом: заповедным царством Деда Мороза. Так же, как и сто, и тысячу лет назад дети водили хорооводы вокруг ёлки, радовались новогодним подарочкам, сладостям и игрушкам.

Жить бы поживать русскому народу в дружбе с другими народами, населявшими тогда Отечество наше, да добра наживать, но нагрянула беда лютая, небывалая.

Откуда ни возьмись, объявился в стране Германии, точно чёрт из табакерки выскочил, фюрер Адольф Гитлер. Пришла в его голову безумная мысль: весь мир покорить.

Мудрые люди предупреждали его:

- Адольф, вспомни Наполеона, что с ним случилось.

- Да что мне Наполеон!

Вооружил Адольф свою армию до зубов, обучил, в боях закалил.

Сидит он в Берлине среди своих генералов да фельдмаршалов и бахвалитесь:

- Польшу я одним махом в полон взял?

Те отвечают:

- Взял, взял.

- Королевство Датское и Норвежское во мгновение ока покорил?

Генералы кивают головами: покорил, покорил.

- Гордую Францию на колени поставил?

Генералы только в ладоши захлопали.

- Ну а с Русью я в два счёта справлюсь. Это истукан глиняный, толкни и развалится.

Дал маху фюрер, когда так о России подумал. Должно быть, в этот момент Дед Мороз ему мозги застудил.

Но это было Адольфу невдомёк, и кинулся он, как зверь, на нашу Родину дорогую. Не видывала земля русская такого нашествия. Словно демоны стальные шли бронированные немецкие орды. Где пройдут - после них только смерть да горе остаются. И никого они не щадили: детушек ма-

лых на штыки поднимали, отцов их из автоматов косили, матерей их да сестёр в рабство увозили, и всех, кого могли, голодом морили.

Множество смелых воинов, офицеров и генералов полегло в боях под Смоленском и Киевом, Вязьмой и Ленинградом. Но лезет и лезет неудержимо силища адова. Ещё самая малость, даже в Москву бы немцы вошли. Однако насмерть бились советские воины. Под селом Дубосековым на 28 наших солдат шло вдвое больше немецких танков. Под их гусеницы с гранатами бросались отважные герои и остановили чёрную силу.

Сражаются бойцы, а в Кремле Сталин и военачальники думу крепкую думают: как разбить врага, отстоять столицу?

День и ночь гудят паровозы, везут из Сибири новые дивизии на подмогу, танки, артиллерию, снаряды, патроны.

Сказал вождь народу:

- Потерпите немного, будет и на нашей улице праздник.

В декабре 1941 года перешла Красная армия в наступление.

Слышат немцы: советская артиллерия грохочет, танки ревут, пехота в атаку поднялась. Бросились они к пушкам, - что такое? - а смазка в пушках замёрзла, не стреляют они.

Кинулись немцы к танкам, а моторы не заводятся.

Это Дед Мороз, чтобы Красной армии помочь, расстарался. Призвал он с полюса ветры свирепые, Борей да Сиверко. Из палат ледовитых кликнул Стужу, старуху косматую, где ступит старуха, там земля на аршин промерзает. Всех своих помощников Дед отрядил, чтобы они немцев морозили.

Всё подсчитал хитрозлобный Адольф, обещал прилюдно: расколотим мы Красную армию до зимы. Да промахнулся в расчётах. Зима наступила, а у немецкого воинства тёплой одежды нет. Красноармейцы в полушубках овчинных, на руках у них варежки меховые, на ногах валенки катаные. А немцы в своих шинелишках на рыбьем меху, да в пилотках.

Красноармейцам зима - как зима,

они к ней с детства привычные. А немцам смерть неминуемая.

Пыжились немцы в Москве парад победный закатыть, чтоб весь шар земной удивить. А пришлось драпать от Москвы без оглядки, так что только сверкали пятки. Видели они в бинюки золотые маковки Москвы, а теперь не до жиру - быть бы живу. Близко локоток, да не укусишь.

Ещё не раз выручал Дед Мороз Красную армию в ту войну, но обо всём не расскажешь.

Битые генералы да фельдмаршалы немецкие причитали потом:

- Есть у вас полководцы Жуков и Рокоссовский, Конев и Василевский. Но был ещё один, который им шибко помогал.

- Кто такой?

- Да ваш русский Мороз.

- Так чего ж вы к нам полезли? Разве не знали, что Дед Мороз русскому солдату всё равно что родной брат?

Живали в стародавние времена русские богатыри. Защищали они родную землю от врага иноплеменно-го, лихого басурманина.

Илья Муромец Соловья-разбойника победил, Добрыня Никитич Тугарину-Змею голову срубил, Алёша Попович с печенегами ратоборствовал. Не перечёшь сколько они подвигов совершили.

А как поразмыслишь, да припомнишь нашу великую историю российской, так и получается, что Дедушка-то Мороз всем богатырям богатырь.

Много охотников до русской земли в старые годы на неё зубы точили. Не перевелись они и до сего дня. Не всем Россия мила, не всем любя.

Только пусть они помнят: есть у неё надёжный заступник. Заметёт он следы врагов позёмкой, похоронит в сугробах невылазных, найдут тут лиходеи могилу верную...

Прохаживается Дед Мороз по лесной опушке, бороду снеговую поглаживает, улыбается и говорит:

- Не ходите к нам с мечом, а ходите к нам с добром. А добрым людям мы всегда рады.

ПОЭЗИЯ ЗЕМЛИ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА

Стихи и проза харовских литераторов

Кем-то справедливо было подмечено: «Чтобы лучше понять художника, нужно побывать на его родине».

Деревня Тимониха давно уже известна не только на Вологодчине, но и за пределами России. Малая родина Василия Ивановича Белова, великого русского писателя с мировым именем, раскрывшим миру «Лад» бытия северной русской деревни, донёсшим до потомков трагедию народа в «Часе шестом» и «Ремесле отчуждения». Его перу также принадлежат многие стихотворные строки.

Но талант известного писателя не единичен. Харовская земля послужила добротной духовной, нравственной почвой для рождения и развития многих творческих дарований.

Отсюда ушли в большую поэзию Нина Груздева, Ольга Кузнецова. В силу жизненных обстоятельств не суждено было в полной мере раскрыться таланту Валентины Гурьевой, преждевременно ушедшей от нас. На этой земле жил и творил поэт Юрий Леднев, давший творческую «путёвку в жизнь» многим начинающим стихотворцам.

В течение ряда лет на страницах районной газеты «Призыв» велась рубрика «Антология харовской поэзии». Её идейным «генератором» и проводником был сотрудник газеты Владимир Соколов. Он «брал уроки поэзии у природы», как метко подметил Юрий Леднев. Эти «уроки» слу-

жили всем, чьё «перо тянулось к бумаге».

Разных по возрасту, образованию и профессиям людей объединяет одно - удивлённый взгляд на мир, творческое самоощущение, которое наполняет смыслом провинциальное бытие, где человек как будто ходит по замкнутому кругу: дом - семья - работа... Но оглянется вокруг - и что-то проснётся в душе. Во многих стихах звучат «беловские мотивы»: авторы дышат тем же воздухом, что и большой писатель, чаяния народа, выраженные в его произведениях, знакомы им не понаслышке.

В районе существует поэтическое объединение «Вдохновение», где авторы собираются, обсуждают творчество друг друга. Порой они выезжают в соседние районы на встречи с собратьями по перу.

Татьяна СМЕРНОВА

ВАЛЕНТИНА ГУРЬЕВА (1960 - 1996)

Харовская поэтесса Валентина Гурьева была неисправимым романтиком. На школьном выпускном балу - подружки в белых шелковых облаках, её наряд - суровый лён с чёрными бабушкиными кружевами. В жизни трудолюбивая Золушка умела всё: шить, вязать, испечь пирог, придумать сказку... Замечательно рисовала и фотографировала. А ещё - умела выслушать и помочь советом.

Чужую боль переживала как свою.

Вот уже десять лет как её не стало... Тоненькая книжечка её стихов «Колкого счастья глоток», изданная в Вологде несколько лет назад, вобрала лишь малую толику того, что было написано ею за короткие 36 лет жизни.

Осень в харовских лесах.

ФОТО АРХИЕПИСКОПА МАКСИМИЛИАНА

...Вот она входит с соседскими детьми в библиотеку, просит чистый листок бумаги. Рисует им сказочную картинку, и на свет появляются философские стихи «Царевна-лягушка». Стихи и картинка остаются на память радостным детям.

Всё впереди! Стихов и рассказов ещё много будет!

Она любила жизнь во всех её проявлениях. Разные люди привлекали Валентину, находя отражение в её творчестве. Тонкая струна не выносила фальши. Многим она казалась чужой и поэтому непонятной. Может, понятнее станет сейчас, когда раскроется читателю в своих рассказах?

Человеческая жизнь так страшно коротка, в памяти остаются только яркие мгновения. Вот стоит она в моей памяти с огромными распахнутыми глазами. Огненно-золотистые волосы. Вся как тёплое летнее солнышко. И стихи её тёплые и немного грустные, как солнышко на закате. И тонкая, психологическая проза.

ПУТЬ К СЕБЕ

*А самый трудный путь -
Наверно, путь к себе,
Где жутко - не вздохнуть,
Где звёзды в пелене.
Невидимый маршрут,
Отчаянная дрожь.
Но всё же не свернуть.
И ощупью идёшь.
Который раз опять
В обманчивой тиши
И дни перебивать,
И душу ворошить.*

БЕДА

*Колючий сумрак прячет тени,
Как горек воздух - листья
жгут.*

*- Я не хочу идти к соседям!
А мама с дядей Мишей пьют...
- Как пьют? -
взглянула удивлённо, - Как?
- Из бутылки! - дрогнул крик.
Передо мной был не ребёнок -
Печальный, маленький
старик.*

*Поникли судорожно глечи.
- Ну, ладно, я пойду...
- Куда?
Один уходит человек,
А следом - страшная беда.*

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

*В болоте старом - тишь, забвеньё.
Свет! Яркий свет!
Откуда ты?
Я так устала от сомнений*

*в реальность сказочной мечты.
Постой немного. Только гляну.
Всего лишь. Ты спешишь на бал.
И звать, и плакать я не стану -
там музыкою полон зал,
в изящном танце дамы кружат.
Они красивы, ты для них.
Там ждут тебя. Ты очень нужен,
чтоб гул веселья не затих.
Остановился...*

*На колени -
в зелёный мох...
Зрачки дрожат...
Испуганно метнулись тени,
упрямый взгляд.
Надёжный взгляд!
И тишина взорвалась нервно,
минуты чутко торопя.
-Ты не лягушка!
Ты - царица!
Я по глазам узнал тебя!*

ОЛЕНЁНОК

Рассказ

- Ми - ша! - тоненький голосок взлетел над зелёным облаком листвы.

Мальчик напрягся худеньким телом, вздёрнул вверх острый подбородок. Скосил глаза, прислушался.

- Ми - ша! - прозвенело в жарком летнем воздухе ещё раз.

Лихорадочно дёрнулся, отложив в сторону надкусанную булку, и вернулся к веранде.

Светлана Николаевна, не наблюдавшая в сыне никогда такой быстрой реакции, запоздало очнулась: «Куда?»

Встревожено переливаясь тяжёлыми складками халата, бросилась следом. Настигла у калитки, цепко впиалась пальцами в худенькое плечо.

- Куда? - повторила машинально и сразу увидела - куда.

За аккуратной калиткой их дачи стояла она. Эта девочка, эта Жанна. Загорелая до черноты, надо лбом - включенные волосы, старое, линияемое платье. И глаза - наглые, серые. Чудische! Светлану Николаевну передёрнуло, зазнобило даже. Помимо воли истерично-плаксиво воскликнула:

- Я сколько раз говорила: оставь Мишу в покое! Не подходи близко! Ясно тебе?!

Уже втаскивая упирающегося сына на крыльцо, задохнулась возмущением:

- И ничего ей! И улыбается! Дрянь! Откуда такие берутся?!

Толкнув Мишу к креслу, оберну-

лась к мужу: - Павел!

Тот обречённо выглянул из-за газеты: - Что?

- Что - о? Эта побирушка каждый день у нашей дачи! Она не оставляет сына ни на минуту! Уродище! Мать - пьянь несусветная, сёстры - ворьё! Старшие сидят уже, и эта сядет! Выселять таких надо! Лишай! Вши! Рассадник!

Три последних слова она кричала уже в напряжённое, бледное лицо сына.

- Ты что, моей смерти хочешь, изверг?

Миша не хотел маминой смерти, он хотел умереть сам: от боли, унижения и собственного бессилия. Несправедливость - тяжёлая, тягучая, разливалась в воздухе, наклоняла голову всё ниже, и, уткнувшись в судорожно вытянутые руки, он расплакался.

Утро звенело посудой и пахло пирогом. Листва бросала на ковёр причудливые дрожащие тени. Мама беспечно и звонко смеялась на кухне.

«Тётя Алла в гостях», - безошибочно определил Миша. Его сегодня не будили - ещё одно подтверждение.

«Мама любит только тётю Аллу, не меня вовсе и не папу», - это он решил давно.

С ней мама оживала. Готовила что-нибудь вкусное, была весёлой и очень - очень доброй. Можно попросить что

угодно - сразу разрешала. Если бы тётя Алла приехала вчера, мама бы так не кричала на Жанну. Мише было стыдно даже вспоминать вчерашний день.

Как Жанна смотрела! Какие у неё глаза! Неужели мама не видит, ослепла что ли?

Жанна добрая, Жанна красивая! Как принцесса, красивая! Миша даже закрыл глаза.

Нехорошо как получилось! Отвратительно!

- Мишуля! - мамин шёпот и запах духов. Ласковые губы возле уха, - проснулся, сын?

- О, растём, растём! Это уже не Миша, а медведь целый! - это тётя Алла. Голос у неё густой, сочный. Толстый голос какой-то. Мягкие, в кольцах, пальцы подхватили его:

- О, Свет, он вымахал как у тебя! Расти, Чайковский!

Чайковским тётя Алла зовёт его за музыку. И уверена твёрдо, что талант раскрыла в нем она. Может быть, Миша не помнит. Так или иначе, но без музыки он бы умер. Это уж точно. Как впрочем и то, что тётя Алла приносит счастье. Вот и сегодня.

- Мишук, я краду твою маму на целый день! Папу слушаться, кашу есть! Ясненько-понятненько?

- Ясненько! - Миша разулыбался. Здорово, как здорово! Хотелось кричать, прыгать. Целый день, ура! Целый день!

Сегодня он пригласит Жанну в гости. И будет с ней играть. Обещал, давно уже обещал. И Жанна его простит, и маму простит, она добрая, Жанна!

Пока Миша завтракал, мама уже оделась. Сидя на тахте, застёгивала туфли. Не глядя, торопливо: «Мишенька, всё понял? Будь умницей!» Обняла его на ходу, чмокнула в макушку:

- Я полетела!

Через минуту её смех звенел уже у калитки.

Папа с Мишей переглянулись и вздохнули. Дружно. Признаться, без мамы спокойнее, меньше «надо», и больше «хочу».

Предвкушение праздника овладе-

вало Мишей всё сильнее. Решительно отодвинув чашку, вскинул глаза:

- Папа, можно я приглашу Жанну в гости?

Неожиданного не было ничего, ему показалось даже, что отец был готов к вопросу.

- Да - а, - протянул он задумчиво. - Эту девочку... Но сын, ты должен понимать сам, мама...

Миша перебил, глотая слова:

- Мы садом, никто не увидит даже! Отец улыбнулся смущённо:

- Музыка - это, конечно, хорошо...

- Это замечательно! - у Миши горело лицо. - «Так. Теперь за дело. Где найти Жанну? Где она может быть?» Он подбежал к калитке, оглядел улицу: «Нет, к ней домой нельзя, увидят. И маме скажут. Ага...» - лёгкие пальцы барабанили по коленям. - «Она, наверное, у речки, на их месте! Жарко, решила искупаться! А что?» Он тряхнул головой и нырнул в прохладу листьев. Привычно щёлкнула доска в заборе. Теперь направо.

Миша бежал, жадно глотая воздух. Скорее! Даже не удивился, увидев знакомую согнутую спину. Она всегда сидела так, обхватив руками колени.

- Жанна!

Оглянулась. Робко дрогнули уголки губ:

-Ты?

Они познакомились здесь, на этом самом холме. Миша тогда жил на даче с бабушкой и был совсем свободным человеком. Самое главное - хорошо есть, а остальное время - твоё. Он даже за фортепиано садился, когда хотел. «Музыка любит свободную душу». Тётя Алла не подозревала, насколько была права. Он тогда сидел на берегу и думал о свободе. О том, как всё хорошо и как ему не хочется в город. Если б лето было долго-долго... Всегда! «Загораешь?» Он обернулся. Дерзкие серые глаза были так близко, что он отшатнулся. Девочка рассмеялась. Беспечно, закинув голову. «Ой, не могу, трус какой!»

Миша обиделся. «Почему трус? Ты кричишь громко очень».

«А я вообще такая!» - «Какая?» - «Громкая!» - она раздвинула траву и

по-хозяйски как-то села рядом. Подобрала лежавшую рядом шляпу и нахлобучила ему на голову. - «Так лучше! А то солнце ударит». Снова залилась смехом: «Какой ты смешной! Кукольный!»

«Почему кукольный?» - Миша растерялся. - «Ну, белый весь, кружевной!»

Она хохотала, а Миша переводил взгляд со своих ног в белоснежных гольфах и чёрных туфельках на её стоптанные, выдавшие виды сандалии.

«Никакой я не кружевной, обыкновенный». - «Не - е», - она вытерла слёзы. - «Ты необыкновенный. Как из книжки! Правда!» - улыбнулась широким ртом совсем необидно и весело. Потом он узнал, что Жанна умеет многое: лезть по деревьям, переплывать реку, поить маленького телёнка и проходить в кино без билета. Ещё - играть в картинки. Это делается так: ложишься на спину, закрываешь глаза, задумываешь что-нибудь и смотришь. У Миши иногда получалось, иногда - нет. У неё - всегда.

А как она танцевала! Мише казалось, что все её движения не под музыку, а в музыке, внутри. Она чувствовала телом каждую ноту. То отстранялась, то шла навстречу. И глаза у неё были далёкие, неземные.

- Миша, - призналась она как-то, задумчиво покусывая травинку, - знаешь, я хочу быть балериной. Только не смейся, ладно? Мне снится иногда... Свет такой и звуки красивые, нежные, а я лечу, лечу... - Она задохнулась в волнении и оборвала себя резко. - Но этого никогда не будет!

- Почему?

Она усмехнулась сухо, по-взрослому:

- Балетом надо заниматься с детства!

- А ты что, разве взрослая?

- Мишенька, Миша, кому я нужна?

Он не понял её потухших глаз. Совсем не понял.

Сейчас глаза у неё были точно такие же. Снова обожгло чувство вины.

- Жан, ты прости, - слова были тя-

жёлые, непослушные. - Не сердись на маму. Она совсем не знает тебя. Здесь наговорили кругом, она и поверила.

- А что? - Жанна склонила голову. - Правду сказали. Ты что, не знал?

- Не будем об этом, а? - его голос предательски дрогнул. Загорелая ладошка опустилась на плечо:

- Ладно, Миш, ты хороший парень! А как, интересно, ты сбежал? - Она была уже прежней. Глаза вспыхнули озорством. - От мамочки сбежал?

- Ой, Жан, - он словно очнулся. - Идем!

- Куда?

- Да в гости, в гости ко мне! Я же обещал, помнишь?

Жанна ахнула: «А мама?»

- Да нет же её, нет. - Миша уже взбирался в гору. - Идём!

Она притихла, как только подошли к дому.

- А знаешь, я боюсь твоей матери, - удивлённо как-то протянула. Села на крыльце, прищурилась. - Нет, я боюсь, что тебя не будет. Страшно.

- Жан, ты что? Куда же я денусь? - Мише даже смешно стало, умрёт он, что ли?

Радость поднималась в нём всё выше:

- Жанна, я тебе играть буду! Целый день! Ладно?

- Ага, - почему-то вздохнула она. Обернулась, и вдруг ожила:

- А это что?

- Где?

- Да вот же, в кресле!

- Это? Игрушка... - Миша растерялся. - Оленёнок.

- Ты смотри, какой хорошенький! Серенький какой! А грустный! Ой, Миш, ты смотри, глазки у него какие грустные! Хорошенький мой... - голос у неё срывался от нежности. Миша её никогда такой не видел. И показалось, в самом деле, что оленёнок всё видит, понимает всё. Доверчивый такой, тёплый.

- Ой, правда, Жан, я его не разглядел раньше. Смотри, а?

Нет, Жанна необыкновенная всё-таки. Волшебница.

- Ты - чудо! - неловко, как-то боком подошёл к инструменту. Музыка жила

в нём уже, билась тревожным, тонким ручейком, дрожала в кончиках пальцев. Дальше всё, как в тумане. Играл и смотрел на Жанну. А она... Она вдруг стала оленёнком. Тонкие руки взлетели над головой, грациозно напруглась шея. Осторожно и чутко вступила в музыку. А кругом был лес. Серый, молчаливый, мрачный. И оленёнок. Один... Отважный, маленький, познающий мир. Потом разыгрался, закружился и...

Жанна уткнулась в ноги отца. Замерла. Страхивая наваждение, провела дрожащей рукой по лбу.

Странные звери стали превращаться в кресла, а кустарник, где притаился злой охотник, - в перила веранды.

- Извините, - еле слышно пробормотала и отступила на шаг, склонив голову. Отец, присев на корточки, неожиданно цепко и внимательно разглядывал Жанну.

- Папа! - Миша встал между ними. - Не сердись! Жанна хорошая, она...

- Я вижу! - отстраняющее движение, - не мешай.

- Девочка, ты занимаешься танцем?

Жанна вспыхнула:

- Нет!

- Да почему же, черт возьми! Талантище какой!

Всхлипнула громко и судорожно и, резко повернувшись, бросилась бежать.

Миша догнал её у самого забора. Первый раз видел её слёзы и не знал, что делать. Стоял рядом и глупо повторял: «Ну, Жанна, ну не надо...» Потом словно вспомнил что-то, просиял и вернулся через минуту с игрушкой. Пушистая оленья мордочка ткнулась в её разгорячённый лоб.

- Смотри, он же не плачет. Это тебе! - без всякого перехода выдохнул. - Возьми!

Она, вздрагивая ещё, подняла глаза. Слезинки блестели в шалашиках ресниц: «Мне?»

- Конечно! Вы так похожи, правда!

- Миша... - её знобило. - Ты самый, самый... Ну, ты прекрасный! - порывисто обняла его и чмокнула в щёку.

И виновато совсем:

- Ты извини, мне нужно побыть одной...

Кивнул ей, улыбаясь. Он опять ничего не понимал. Странная она, всё же.

Мама вернулась под вечер и не одна. Тётя Алла с мужем, и, главное, наверно, в её посещении города - Константин Николаевич. О нём Миша слышал и раньше.

- Может, он будет с тобой заниматься, но вначале должен послушать тебя! - мама сказала это так торжественно, что у Миши часто-часто забилось сердце.

Пока он играл, Константин Николаевич, склонив седую голову, безучастно как-то покачивал ногой. Мамино лицо было испуганным и напряжённым.

- Неплохо... - безразлично протянул музыкант. - Старательный мальчик, явно.

Это пренебрежение обидело Мишу, и, вспыхнув, неожиданно для всех, да и для себя тоже, он почти крикнул: «А можно своё?»

«Даже так?» - в голосе Константина Николаевича появилась заинтересованность.

Миша зажмурился, и сразу приблизились огромные глаза Жанны, вскинутые руки...

И вся она - маленький, тонконогий оленёнок.

- Миша, это что, действительно твоё? - мамин голос был так далеко, и отвечать не было сил. Сквозь горячий туман донеслось: «Да, я буду заниматься с Вашим сыном!»

Потом мама кормила Мишу пирожными, что-то ласково шептала и забыла, кажется, что ему пора спать. Миша бродил возле дачи, ступая в яркие квадраты света. Жанну он скорее почувствовал, чем услышал. Пошёл к забору. Серые сияющие глаза и мордочка оленёнка рядом.

- А это мы!

- Жанна, ты прямо светишься вся!

Мише казалось, что день сегодня нереальный, сказочный. И Жанна сегодня такая!

- Что ты, это фонарь просто! - она смутилась. Даже в темноте был заметен проступивший на щеках румянец.

- Просто мне хорошо очень. Никогда так не было, никогда! Знаешь, возьму оленёнка на руки, он мне в глаза смотрит - и так спокойно становится. Всё будет хорошо там, впереди, понимаешь? - её голос мечтательно звенел в тишине сада. - И за что мне такое счастье?

- Счастье, - шепотом согласился Миша. - Я сегодня целый день об этом думаю.

- Ты что здесь делаешь? - мамин голос прозвучал так оглушительно близко, что Миша попятился. - Спать пора, поздно!

- Да, конечно, идём! - он взял за руку маму столь поспешно, что она недоверчиво оглянулась. И увидела Жанну - маленькое, светлое пятнышко с оленёнком в руках. Брови её негодующе поползли вверх:

- Опять? Господи, да когда же это кончится? Что за наказание такое! У моего сына большое будущее, что ты к нему пристала?! Что может быть у вас общего? Нет, шныряет под забором, как вор! - Вдруг голос мамы замер на пронзительной ноте и угрожающе тихо дрогнуло:

- А это что такое? Это же наша игрушка! Воровка! Я же говорила! Миша, я же тебя предупреждала!

Дрянь какая! - Она больно ударила Жанну по рукам, и оленёнок, дрогнув пушистыми ножками, рухнул в траву.

- Ужас! Ворьё! Колония по тебе плачет! Завтра же в милицию пойду!

- Что такое? - Константин Николаевич появился очень некстати. - Что за шум, а драки нет?

Мама перестала кричать, только всё сильней сжимала руку сына. Натянуто улыбнулась:

- Да девочка, вот, игрушку взяла. Сын забыл, а она взяла... Семья неблагополучная, знаете!

- Ну зачем же так! Может, он просто подарил игрушку девочке, а? - музыкант наклонился к Мише. Тот круглыми от страха глазами смотрел на брошенную игрушку и молчал.

- Что Вы! - вмешалась мама. - Они даже не знакомы! Я понять не могу, что она тут ходит! Пойдёмте в дом лучше! - и потянула Мишу за руку.

Он съёжился и послушно засеменил рядом.

Стало совсем тихо. Прохладно дышал сумрак сада. Тогда только Жанна отвела стеклянные от слёз глаза, повернулась и пошла неестественно прямо, опасливо как-то ступая на землю.

Фонарный свет отражался в круглых, удивлённо-понимающих глазах оленёнка, забытого в траве.

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

... ВСЕ ВРЕМЯ - В ОЖИДАНИИ ЧУДА

Владимир Владимирович Соколов родился в 1957 году и живёт в деревне Кузьминская Харовского района. После окончания средней школы остался работать на родной земле. Отслужив в рядах Советской Армии, поступил в Вологодский молочный институт. Стихи публиковались как в районной газете, так и в «Красном Севере», где в 1979 году пожелал ему доброго творческого пути поэт Юрий Леднев. Далее - учёба на факультете журналистики Ленинградского государственного университета, работа в районной газете «Призыв». В настоящее время работает в администрации города Харовска. Пишет стихи и прозу. Выпустил несколько книг, в том числе - «Утренняя роса», «Священные камни», «Плач по любви»...

*Я зайду погреться в дом.
Постою и у порога.
Вижу тот дверной проём,
От какого в жизнь дорога.*

*У меня квартира есть,
Есть титан, вода из крана.
Всех удобств не перечесть.
Разве этого нам надо?*

*Батарея. Как гармонь,
Но она на ладан дышит...
В том доме - всегда огонь.
Он согреет, он услышит.*

*Не снесите старый дом!
Там живут воспоминанья.
Дайте вспомнить о былом!
Хватит в жизни расставанья!*

ФЕВРАЛЬСКИЙ ВЕЧЕРОК, ИЛИ ТРОПА ЛЮБВИ

*Как будто снег по лапам ели,
Прошёл по сердцу холодок.
И больше нет в душе метели!
Помог февральский вечерок.*

*Бегу я по крутым ступенькам -
Вот мостик. Там - «тропа любви».
Сегодня мне опять семнадцать.*

*Ты не опаздывай, приди!
А завтра - дом, заботы, дети...
Мне далеко не двадцать пять.
Но кто-то есть такой на свете,
О ком приятно вспоминать.*

БЕССОННИЦА

*К закату солнце клонится.
Пришла ко мне бессонница.
Всё ведает, всё сетует.
Как дальше жить, советует.*

*Мне б двадцать капель в рюмочку
Да головой на думочку,
Иль проглотить снотворного
Для тела непокорного?*

*Но мысль на мысль бросается.
Беззуба, а кусается.
Ох, думы мои, думочки!
Легко ль лежать на думочке?*

*Как дворник, рано встал рассвет,
Сметая тёмной ночи след.
На тумбочке - таблеточка,
Сердечного пипеточка.*

*На крышу солнце забралось,
Сказало: «Мысли эти брось!»
Бессонно завтра полежу
И, как мне дальше жить, - решу.*

НАТАЛЬЯ УСАНОВА

НАШЕ ВРЕМЯ - ЭТО МИНУТЫ...

Наталья Усанова родилась в 1987 году в Харовске. Студентка 3 курса отделения журналистики Вологодского государственного педагогического университета. В 2004 году в самиздате вышел тиражом 20 экземпляров её сборник стихов «Начало».

ПОКА МЫ ЗДЕСЬ

*В черёмуху ныряем, как под лёд.
Весна - для всех. Отдельным будет
лето.
Мы встретимся на следующий год
Знакомыми на уровне привета.
«Ну, как дела? Нормально...*

Вот вчера...»

*И будем возмущаться днём
дождливым.*

*Конечно, это глупая игра,
Но молча расходиться некрасиво.
Зато сейчас слова - шальная смесь
Из нас весны и звона с колокольни!
Пока всё хорошо. Пока мы здесь,
И наплевать, что завтра будет больно.*

2005

*Я раскисаю в храме.
Надо туда, где грубо,*

Чтоб за крашеными губами
Острыми были зубы.

Слабость всегда изящна,
Только не в двадцать первом.

Лучше уж зубы выращивать,
Чем культивировать нервы.

Наше время - СМУТНОЕ время,
То ли серое, то ли пятнами...

...Это просто модная тема,
Для пустой трепотни приятная.

Обсуждаем время, как будто
Слишком много его, свободного.

Наше время - это минуты
Вне пустой трепотни про модное.

2006

СТИХИ + Я = СТИХИЯ

Стихи + я = стихия,
Когда всерьёз.

Они то нежные, то злые,
Как сто заноз.

Я говорю, что скоро брошу.
Чем дорожить?

Зачем с такой капризной ношей
Всё время жить?

От них внутри ряды болячек,
Им несть числа,

Но я забыла, как иначе
Без них жила.

Не бросить. Нет. И снова жалит
Меня мой стих.

Не для меня они, пожалуй...
Но я - для них.

И оправдаются расходы:
В ночах пустых

Стихи = моя свобода,
И я - для них.

Решётки - ресницы у зданий на лицах -
Должны защищать самый первый
этаж.

Обычно, что кто-то «из наших»
бьётся
Кого-то с пугающим видом «не наш».
Везде пропускные системы
на входах

И чёрные видеокамеры в ряд,
Раз водятся дикие люди в природе,
Приходится дом иногда укреплять.
Пространство у нас ограничено
чётко

В отдельных кусках от стены
до стены.

Мы можем себя посадить
за решетку,
Чужих оставляя с другой стороны.

2005

Этот за день ничего не успеет.
Он пролежит его на диване
В поисках смысла и русской идеи
Зная, что братья за дело рано.

Этот, напротив, за всё берётся,
Действует много и как попало.
Времени минимум остаётся.
Думать? Ну вот ещё не хватало...

Оба обычно охотно готовы
В смертных грехах обвинить
друг друга, -
Важный хозяин рук безголовых,
Гордый владелец мозгов безруких.

2006

Да, я живу совсем не просто так!
Есть в жизни смысл -
значительный, всецелый.
Меня не зря таскает мой пиджак,
Мне говорят, он занят важным
делом.

Каким? Я не могу сейчас сказать.
По вечерам я в шелковом халате.
Откуда моему халату знать,
На что пиджак своё здоровье
тратит...

2006

ВЛАДИМИР ЧЕРНЫШЕВ

СТОРОНА МОЯ ЗАВЕТНАЯ...

Владимир Александрович Чернышев родился в 1936 году в Харовске. Весь его жизненный путь - преодоление. В 14 лет он потерял зрение, но настойчивость и любовь к жизни не позволили опустить руки. Закончив специальную музыкальную школу для слепых в городе Эссентуки по классу баяна, он с 1958 года трудится бессменным концертмейстером коллективов харовского районного Дома культуры. Пишет музыку на стихи С. Есенина, Н. Рубцова, С. Орлова и других поэтов, а также местных авторов. Но большинство песен Владимира написаны на его собственные стихи. Тесная творческая и личная дружба долгие годы связывала его с вологодским поэтом Юрием Ледневым. В Харовске вышли сборники его стихов и песен «С песней по жизни» (2003) и «Любите, люди, город свой!» (2006). Произведения В. Чернышева опубликованы в сборнике вологодских самодеятельных музыкантов.

ПЕСНЯ О ХАРОВСКЕ

*Заиграла зорька летняя
Над широкою волной.
Сторона моя заветная -
Не найти другой такой.*

*Меж лесами речка Кубена
Плещет светлую волной.
Никогда не забудем мы
Харовск - город наш родной.*

*И куда бы в даль далёкую
Ни везли нас поезда,
Своему родному «оканью»
Не изменим никогда.*

*Подрастай, наш город маленький,
Расцветай во все века.
Пусть бежит по светлым камушкам
Наша Кубена-река.*

СТАРУХИ

Посвящается Василию Белову

*Пусто в деревне и глухо,
Вьмерла будто она.
В крайнем домишке старуха
Век коротает одна.*

*Через дорогу соседка,
Бабка Анисья жила.
Ходят друг к другу нередко,
Чтоб обсудить все дела.*

*Что наросло в огороде?
Будет ли снег на Покров?*

*Вот и зима на пороге -
Хватит ли на зиму дров?*

*Сядут старухи на лавку,
Лампу зажгут над столом
И не спеша по порядку,
Вспомнят о том и о сём.*

*Тяжко вздохнёт Лизавета,
Зябко поправив платок:
«Что-то второе уж лето
В гости не едет сынок...»*

*Видно в делах и в заботах,
Хоть бы послал мне привет.
То ли писать не охота,
То ль на конверт денег нет.*

*Внуки и те позабыли
Старую бабку свою.
Было подолгу гостили,
Тешили старость мою...»*

*Медленно падают листья,
Дождик с утра моросит...
Перекрестилась Анисья,
Пусть её Боже простит...*

*Нету ни дочки. Ни сына.
Век свой одна прожила:
Горькая, злая судьбина
Мужа у ней отняла.*

*Скрылось ночное светило,
Мела опустилась с небес.
Пологом тёмным накрыла
Поле, деревню и лес.*

Кошка лежит на лежанке,
Песню мурлычет без слов.
Бабки, как две парижанки,
Вспомнили вдруг про любовь...

Как молодыми, бывало,
К церкви ходили гулять.
Солнышко в небе играло,
Тишь да кругом благодать!

Словно от спячки проснулось,
Уьем гудело село,
Улица вся захлебнулась -
Столько народу нашло!

Как на параде, рядами
За гармонистом идут:
Парень выводит басами,
Девки частушки поют!

Пляшут девчата у клуба -
То-то ли пляска лиха!
Лешка потрянул своим чубом,
Выгнул дугою меха!

Самозабвенно, со смехом
Дробно стучат каблукки.
«Ну-ка рвани нам под драку!» -
Вышли на круг мужики.

Что за гулянка без бучи?
Можно одно лишь сказать:
Русский обычай живучий -
Пьяную дурь показать.

Складно выводит гармошка,
Будто играет сама.

Чуб сероглазого Лёшки
Сводит Анисью с ума!

В зелени свежей деревья,
Нежностью дышит сирень...
Любят у нас на деревне
Троицы благодатный день!

Двери в домах не закрыты:
Хочешь - в любой заходи!
Ешь, угощайся досыта -
Только живот береги!

Коротки летние ночи:
Ранние птицы поют...
Лешкины шальные очи
Девке уснуть не дают.

Женское счастье недолго -
Взяли на фронт по весне...
Сгинул Олешка за Волгой,
Спит на чужой стороне...

В ветхой, забытой избушке
Ходики мерно стучат...
Две пожилые старушки
Молча на лавке сидят...

Господи! Дай им терпенья!
Дай хоть под старость вздохнуть!
Сколько же мук и лишенья
В жизни пришлось им хлебнуть!

Пусто в деревне и глухо,
Вымерла будто она...
Жаль, что ненужной старухой
Стала моя сторона!

МИХАИЛ ДЕМАШЕВ

С КАЖДЫМ ШАГОМ ВСЁ БЛИЖЕ К ДОМУ...

Михаил Иванович Демашев родился в 1944 году в деревне Сорожино Харовского района Вологодской области. Долгое время жил и работал в Москве. Но родная земля от себя насовсем не отпустила. В настоящее время постоянно проживает в деревне Асеиха. Стихи публиковались в районном «Призыве» и самиздатовских книжках «Всадник на чёрном коне» (1999), «Отпусти себя на волю» (2001), «По снегам Вологодской губернии» (2004).

Небо серое в тучах рваных,
Одинокие ели строгие,
Снег белеет в застывших ранах
Вдрызг разбитой ночной дороги.

Я пришёл попроситься с лесом.
Выпить чая с дымком пахучим.
Под нехитрым сижу навесом,
Недоступный сердитым тучам.

У костра и тепло, и сухо.
Клонит в сон, тяжелеют веки.
Будто леший шепнул на ухо:
«Оставайся у нас навеки...»

«Я бы рад, да меня заждались», -
Потянувшись, стряхну истому
И отправлюсь в родные дали,
С каждым шагом всё ближе
к дому.

В глухом, таинственном бору
Смотрю на сосны вековые.
Над ними тучи снеговые
Летят, косматясь на ветру.

Скрипят тревожно и тоскливо
Седые кроны в вышине,
Как будто жалуются мне
На снег, на ветер суетливый.

Бог даст, дотянем до весны.
Пока живём, храни нас Боже!
Я ваш покой не потревожу.
Пойду. Досматривайте сны.

Промчатся тучи грозовые,
Когда-нибудь и я умру.
А эти сосны вековые
Другой погладит поутру...

Поспела баня. Не спеша
В горячий рай шагну.
Запарю веник, из ковша
На каменку плесну.

Охватит с головы до пят,
Куснёт за уши пар.
Пригнусь. Весёлый русский мат
Разбавит банный жар.

Со знаньем дела похвошусь
И скользану с полка.

Перекрестившись, окачусь
Водой из родника.

В тиши предбанника, легка,
Расправится душа.
Хлебну холодного пивка,
Остыну не спеша.

Усталость снимет как рукой
Могучий банный дух..
Пора, однако, на покой -
Закат уже потух.

Такого праздника давно
Ждала моя душа.
Сурова жизнь, но всё равно
чертовски хороша!

И соль была дороже золота,
И жизнь была дешевле соли,
Когда союз серпа и молота
Освобождал людей от воли.

Давно нет ни серпа, ни молота,
И у людей - довольно соли.
Печально то, что стало золото
Дороже совести и воли...

Есть круг,
Очерченный судьбой.
В нём отчий дом,
В нём - мы с тобой.
Всё наше -
Лес, поля, луга,
Любимой речки берега,
Родной очаг,
Родная речь.
Наш край -
И нам его беречь.

Деревня - ближе к небесам.
Тут звёзды шествуют над домом.
Я узнаю их по глазам
И улыбаюсь, как знакомым.

Иная даже подмигнёт.
И - нипочём мороз трескучий!
Другая холодно кивнёт
И тут же скроется за тучей.

Всю ночь небесный карнавал,
Сверкая, мчится от рассвета.
Кто в этой сказке побывал,
Тот не забудет чудо это!

БЕРЕГИ, ЧТО ЕСТЬ

**Счастье - это не жизнь без забот
и печалей, счастье -
это состояние души.**

Ф.Э.ДЗЕРЖИНСКИЙ

Я хочу рассказать об удивительной книге, которая научила меня добиваться поставленных целей, общаться с людьми, радоваться жизни. Это произведение американского специалиста в области человеческих отношений Дейла Карнеги «Как перестать беспокоиться и начать жить».

Прочитав книгу Карнеги, я поняла, что мир - это то, что мы думаем о нем, и мы можем совершить все, во что верим, и не больше; что человек - творец собственного благополучия. Аксиомой моей жизни после изучения правил Дейла Карнеги стала короткая фраза: только одно делает исполнение

мечты невозможным - это страх неудачи. Американский писатель в своем произведении советует творить добро бескорыстно, не ожидая благодарности взамен, дарить счастье другим людям, не думать о врагах, не мстить зложелателям: «Делая добро другим, мы в первую очередь помогаем себе». Дейл Карнеги советует всем «думать и видеть себя жизнерадостно, и тогда почувствуете себя жизнерадостным». Чтобы отразить философию книги, я выучила небольшой стишок:

*Не живи уныло,
Не жалея, что было,
Не гадай, что будет,
Береги, что есть.*

Такое отношение к жизни помогает обрести душевное спокойствие и счастье.

Светлана ЖЕГАЛОВА, Вологда

НУЖНЫ ВАШИ СТИХИ!

Хочется поделиться впечатлениями о вновь прочитанной (перечитанной!) книге О.А. Фокиной «Избранное». И поскольку пересказывать стихи невозможно, я приведу поэтические строки.

Ее стихи - гимн любви к Родине.

*Шорох ветра, рокот грома,
Всполох молнии во мгле...
Счастливы тот, кто счастлив дома,
На своей родной земле.*

*Ничего душа не просит,
До краев она полна
Звоном зреющих колосьев,
Синевой небес и льна...*

*...Ветер, ветер, вдаль влекомый,
Сделай надпись на крыле:
«Только тот, кто счастлив дома,
Знает счастье на земле!»*

О чем болит душа поэта?
*Все пихаемся «во дворянство»,
Мало жаждущих во крестьянство...
Что за веяние, мой век?
Не «в дворянство», так хоть в службу
Побежал человек от плуга.
Как расценивать сей побег?*

Ольга Александровна написала драматическую поэму «Останься со мною». Кто-либо из вологодских театров (государственных или народных) поставил бы ее на сцене?

В стихах она призывает:
*...Гей, мальчонки, девчушки, -
На свои острова!
Растопляйте печурки,
Запасайте дрова!
Кто там сник, и стыдится,
И наладился бечь?
Вам еще пригодится
Эта печь, эта речь,
Эта резвая речка,
Этой песни печаль
И тропа от крылечка
В эту русскую даль.*

Отличная книга - «Избранное»! Читаю и перечитываю. Размышляю и другим советую. Нужны ваши стихи, Ольга Александровна!

**Мария Ивановна ИВАНОВА,
воложанка**

НЕ РАЗРЕШЕННЫЕ ВРЕМЕНЕМ

Московский Художественный академический театр имени
Максима Горького в пространстве современной культуры

Когда государство не имеет своих культурных интересов, главным работодателем становится массовая культура. Когда у государства нет собственной культурной задачи, производством смыслов начинают заниматься СМИ. И один такой давний «смысл» был произведен еще в эпоху «гласности», но с редчайшим упорством поддерживается и ныне: «академики» не нужны! Академические школы в искусстве, в науке, в образовании были подвергнуты заметному утеснению. Мощный классический тысячелетний проект с его бремением культурной и исторической памяти, с его идейностью и ценностью, с его просветительством и подвижничеством - этот проект стал активно модернизироваться и разрушаться.

Последняя наша культурная революция принесла плоды раздора и удешевления. История «разделений» внутри творческих союзов и коллективов еще не написана. А между тем она очень важна не «интригой» и конфликтностью, но психологическими, социальными и смысловыми мотивами. Наверное, трудно найти более «кричащий», более типичный, вбирающий в себя не только собственно театральные проблемы - трудно найти другой, явленный с такой же разрушительной силой «ликвидаторский проект», чем разделение Московского Художественного академического театра им. М. Горького. В этом разделении, в нынешней очень разной творческой жизни, отразилось так много! Отразилась в сущности трагедия русской культуры.

1.

Революция всегда требует от традиции «созвучия» и «согласия». Революции, как 1917-го, так и 1991 года, прежде всего подвергали ревизии традицию. Ее полнота была не нужна, в ней актуализировалась «часть» - самой традиции предьявлялся принцип партийности (или советской, или антисоветской). Конечно, речь идет не о том, что «демократическая публика» после 1917-го в Московском Художественном совершенно не умела себя вести в «их интеллигентном духе»; или «новая» молодая публика, обученная сериалами, в МХАТе «доронищев» не улавливает сложные поведенческие мотивы героев классики, с бессмысленной радостью реагируя на скромные поцелуи героев. Об этом странно-восторженном «узнавании» зрителей, «невинных разумом», можно только жалеть. Но все это - следствия. Следствия усекования главного в традиции - в отказе (мотивированном для одних и немотивированном для других) видеть и признавать в традиции сверхценность. Признаешь ее сверхценность - просто вынужден и традицию понимать как «невидимую», но исключительно прочную связь между нематериальной сверхценностью и вполне материальной «телом» этноса» (Дм. Володихин). Но такое понимание требует от творца невероятного напряжения. А потому бывают времена (как наше), когда от традиции проще отказаться, чем ей следовать. А потому бывают времена с той простотой, что хуже воровства, когда традицию легче скомпрометировать, и даже чувствуется в иных деятелях страшная потребность ее скомпроме-

тировать. Тогда (после 1991 г.) «традицию» объявляют наследием советской эпохи, а некоторые революционные новаторы даже и стихотворные рифмы ямба и хорей уличают в «советскости» только на том основании, что их использовали в официальной культуре официальные поэты, что с их «помощью» рифмовались Ленин, партия, народ. Нежелающих же списывать традицию в утиль проще всего объявить «устаревшими» - тут пускаются в ход старые приемы.

Элементарно спекулятивные были все уличения Т.В. Дорониной в советскости и «красных симпатиях». Возможно, обладая интуицией большой актрисы, она не обольстилась «гласностью» и «перестройкой», понимая, что свободные плоды этого слишком публичного, слишком взнудываемого союза не дадут ничего тем, кто в искусстве производит тонкую работу. Пора все же увидеть самую сердцевину конфликта. Достоинство, с которым держится все эти двадцать лет МХАТ им. М.Горького, спектакли, которые они играли и играют, дают основание считать, что для мхатовцев традиция накрепко вписана в сознание, она укрепляет их жизнестойкость. Другой, революционный МХАТ двигался иначе, но с определенной временем закономерностью. Их тяготил академический статус. И само это отягощение тоже стало свидетельством от противного реальности традиции. Ведь она сковывает, ведь она так много запрещает, ведь честь «войти в традицию» оказывается совсем немногим. Традиция - это всегда больше, чем требуется настоящим временем, но без нее время рассыпается в прах.

Оба МХАТа традиция жгла: но один из них («доронинский») - это горение, этот жар традиции воспринимал как «тепло очага», как единственность выбора: «если этот очаг потухнет, то больше нигде не согреться». Другой -

Спектакль «Белая гвардия». Елена - засл. артистка России Т. ШАЛКОВСКАЯ, Шервинский - засл. артист России М.КАБАНОВ

«ефремовско-табаковский» - был, очевидно, мучим этим жжением, желал высвобождения, всю страсть свою бросив на завоевание современности. Первые держались как за веревку за спасительность традиции, вторые помнили и чувствовали тяжесть ее оков, и... мстили за свое же недавнее собственное подчинение ей. А потому можно видеть, что освободившиеся от советскости официального образца «доронинцы» бросились на просторы большой культурной традиции, легко воссоединившись с изуродованным и не разрешенным недавней «красной идеологией» (в частности, христианским ядром русской культуры), а «табаковцы» главные свои силы кинули на ликвидацию последствий «совковости» (и так, честно сказать, уже достаточно одряхлевшей), да еще - в догонку модному, «тому, чего не было». А ведь и правда: не было, не было на сцене русского театра в Камергерском мата и ублюдочности, не было голубых садомитов и примитивнейшей голизны. Не было рыночных и кабацких отношений между театром и публикой.

Традиция - это не Собрание сочинений Чехова или режиссерских экземпляров Станиславского, стоящих в шкафу даже со времен самого основателя Художественного. Традиция не может жить иначе, нежели произво-

дить свою работу внутри человека. Традиция не бывает безличностна. Быть человеком традиции - это значит согреть своего героя (героев) личным теплом, будь ты режиссером, драматургом или актером. Но сегодня мы как раз живем с ощущением, что это наше личностное тепло не востребовано не то что культурой, но и всей жизнью. Что-то существенное сломалось, будто сам человек уменьшился.

Стоит сравнить «Лес» в постановке Татьяны Дорониной 1993 года (спектакль до сих пор в афише) и «Лес» образца 2005 года на сцене в Камергерском, чтобы понять генеральный смысл верности и «эксперимента». Доронинский спектакль оценивался, естественно, как традиционный и рассчитан был на ту, старого покроя публику, что считает посещение спектакля своей культурной обязанностью. В Островском Т.В. Доронина давала эпоху: очень крупно и ярко, но и очень актуально звучали «различные страшные вопли нашего времени, различные теории, более или менее уродливые, более или менее фантастические» (А. Григорьев). Вспомним, каким действительно фантастическим было это время бешеных денег, умопомрачительных капиталов, как нещадно грабило «время гласности» русского человека, пожирая у него последний грош. Время, когда «одни еще не умерли от нищеты, а другие еще не умерли от обжорства» (В. Галактионова). Т.В. Доронина ставила узнаваемого Островского, в прекрасных, красивейших декорациях, отменных исторических костюмах. И мы, публика, буквально цеплялись за эту старую Россию - цеплялись глазом и мыслью, что если русские люди тогда пережили эти соблазны, эти реформы, так и мы переживем! Бог не выдаст, свинья не съест... Но... говорила она и о том, как снова реформы сдвинули с места наш люд, как изменил сознание коммерческий соблазн; как все больше и больше стало цениться «умение жить», и все больше и больше вытесняться из жизни непрактичное, нерасчетливое, неутилитарное.

Доронина ставила почвенного Островского, и тут она действительно вернула ему честь русского писателя, изрядно изъеденного социальностью советского времени. Даже купец Восмибратов был далек от привычного стереотипа персонажа «темного царства»: он игрался актером в достоинстве своего сословия. В вольном дыхании усадебной жизни, в ликующей «природности» жил свой огромный положительный заряд. И, конечно же, тема актера (и трагика, и равно комика) звучала как тема творческого преобразования жизни. Без этих актеров-идеалистов русская жизнь лишилась бы чего-то очень существенного - сердечности и душевности, открытости и смелости.

Доронина не ставила отвратительного спектакля о дрызгах и дряни жизни, а потому уже тогда нарождающаяся «новая критика», учившаяся «тащиться» от эстетизации «цветов зла», спектакль не поддержала (за исключением редких и честных профессионалов). Все гуманистическое, все созданное под знаменем традиции критическому цеху стало стремительно надоедать. Уже тогда хотелось чего-нибудь «с душком»...

«Лес» в репертуаре на Камергерском появится через 12 лет после доронинского спектакля. Модный Серебренников откровенно хулиганил и «бичевал», так как такое хулиганство разрешило «само время» и театральное начальство. Спектакль оказался очень бойким, но и ужасно скучным: ну сколько можно хоронить «совка» и «советский образ жизни»? Режиссерский «прикол» прочитывается сразу: 70-е годы XX века, «кримплен» и горничные в белоснежных наколках на голове (словно из партийного спецбуфета), радиола и чистенький детский хор (страсть «советикусов» к хоровой музыке), фотообои и Высоцкий, немислимые «роскошные» броши и прически партжен. И... никакой морали. Ведь смеяться над тем, что в «СССР не было секса», начали гораздо раньше, чем режиссер задумал «Лес». С идиотским пафосом подростка-пере-

Гурмыжская - народная артистка СССР Т.В. ДОРОНИНА в роли Гурмыжской в спектакле «Лес»

ростка, впервые узнавшим «про это», режиссер свою главную оппозиционность к «совкам» сосредоточил на утверждении: «секс был», похоть была, вожделение и «женское раскрепощение» были, были, были! Так и видишь режиссера, нервно бьющего ногой об пол... Если «основную тему» спектакля читать как «мысль об ужасе застоя», тормозящего всяческое «развитие личности» (сексуальное, судя по спектаклю, прежде всего), а пародирование нынешнего президента - как «ужас огосударствливания человека», подчинение его чужой воле, то становится до очевидности печально, что именно личность исчезла в новаторской постановке через четырнадцать лет после революции 1991-го. «Расставания с прошлым» не произошло: коллективный «сексуальный сдвиг» женской части спектакля (то бишь коллективизм) вполне одолел артистизм и бескорыстие нищих актеров Несчастливцева и Счастливецва, потому как последних играли нынешние актеры совсем не по-советски, а как-то вне времени. Расставания с прошлым не произошло в этом спектакле, как и в литературе - «поминок по совку», сохраняется какая-то удивительная, неплодотворная, мазохистская зависимость от советских штампов, которую уже перебороли даже нынешние коммунисты.

«Лидер нового театра» - отрицатель без образования, размашист: любит «разбираться с тяжелым бытом» и чернухой, ставить «про секс и патриотизм», «секс, деньги и политику». И при этом уверен, что, даже работая в «буржуазной эстетике», он создает «антибуржуазный театр».

Но это ему только кажется: секс, деньги и политика в современной упаковке «ужаса», щекочущего нервы, - это как раз то, что принципиально комфортно для нового буржуа, равно и мещанина, на что существует заказ. И «лидерство» здесь состоит в том, чтобы первым начать обслуживать этот заказ.

«Лес» образца 2005 года - это просто очень маленький, очень невзрачный по мысли «кирпичик» процесса

реформ, начатого в 90-е годы, где цель - «изменение культурного кода русской цивилизации» (С. Сергеев). Но поскольку г-н «лидер» не учен и книжек читать не любит, он и не обязан знать, что проблема не в том, что он «талантлив» или «неталантлив». Проблема в том, что он в нынешней ситуации неизбежен - как неизбежны были в другие времена эпидемии чумы. И как в монастырях во время эпидемий христиане запирались, молились и выживали, так и сегодня в «академических стенах» всеми силами, что есть, стараются сохранить тот самый культурный код, без которого невозможно подготовить почву для будущего нового русского театра... Не хотеть такого театра - это и значит отказывать искусству традиции в развитии.

Табаковский неакадемический театр стал «проектом», успешно вписанным в новые реалии дня. Доронинский академический остался театром. О.П. Табаков весел и доволен, живет со вкусом. Т.В. Дорониной часто бывает больно. Но ведь боль - это свойство живого. В пору деструктивного культурного разгрома человеку порядочному, по словам К. Леонтьева, стоит оставаться «якорем», то есть «охранителем». И если нет в обществе или в культурном пространстве достаточного количества охранителей и традиционалистов, то все рухнет гораздо быстрее. Через совсем короткое время, я уверена, станет ясно, что без МХАТа им. М.Горького, без Малого, Маяковки, театра русской драмы «Камерная сцена» картина театральной жизни последних полутора десятков лет была бы значительно чернее, а «само собой разумеющееся» новаторство новых энтузиастов покажется таковым только разве «под угрозой смерти».

2.

Варваризация классики неизбежна, если культура поглощается преимущественно гламурной упаковкой вместо прежней, авторской. Варваризация классики неизбежна, когда на

каждом углу бойко продаются пороки, а самое высокое лицо государства посещает скандальную «Грозу» «Современника», тем самым словно ставит «главную печать» государственного вкуса, словно выдает главный государственный подряд на такую театральную продукцию. И сколько бы нам ни объясняли, что отмеченные присутствием государственных персон те или иные спектакли, выставки, концерты и даже футбольные матчи - дело личного вкуса, поверить в это нет никакой возможности. О приватных посещениях не рассказывают государственные каналы. Парадоксальность ситуации и в том, что «высочайшим посещением» гордятся именно те, кто так старательно боролся с государственным культуроцентризмом. А между тем подлинно «государственные спектакли» я видела именно у «охранителей»: «Мертвые души» Н.В. Гоголя в Маяковке и «Рюи Блаз» В. Гюго (реж. В.М. Бейлис) у мхатовцев-дорониновцев. И пусть романтик и просветитель Гюго писал об Испании, государственная статья этой драмы понятна России, потому как народы в истории бывают часто одинаково несчастны. Свой монолог «слуги» с душою гражданина, с умом государственным, державным, Рюи Блаз устами Валентина Клементьева бросает не только «сеньорам» Госсвета, но и в зал. И зал понимает так же, как он, государственные обязанности и тоскует вместе с ним о величии родины...

Варваризация классики неизбежна, если классика перестает восприниматься как актуальная. В обществе словно исчезает культурный восторг, бескорыстность чтения и смотрения. Классика становится «скучной», и ее активно начинают «взнуздывать» и «объезжать» - появляются многочисленные постмодернистские переделки, упрощенные «краткие варианты», бесконечные «мотивы на тему». С классикой начинают спорить «новая драма» и театральные авангарды (или «лидерский театр», который связан с разными сценами, но с одним режиссером). Я не буду говорить о всех ас-

пектах этого «спора», но только о том, что может быть существенно по отношению к театру традиции, отрицание которой является фундаментальной чертой, «травмой сознания» современного искусства.

Ядро эстетики театра традиции составляют: опора на драматургию слова, ориентация на глубинную мотивировку человеческих проявлений в актерском искусстве, принцип реализма как способствующий накоплению жизни в искусстве, идейная оседлость, режиссура как гармонизация всех силовых линий спектакля.

Царствование слова, литературного текста было и остается важным наследием театра традиции. Во МХАТе им. М. Горького язык классики не коверкают, не обедняют, не прибланивают (только глухой не услышит жаргона и блатных интонаций, почти ставших нормой в современной культуре). Здесь сохраняют как представление о высоком и низком штилях трагедии, драмы или комедии, так и считают, что театральный эффект в слове достигается не криками ста действующих лиц («хором»), но в интонационном богатстве речи. Благороден штиль речи Рюи Блаза в романтической драме Гюго, но только благородство было бы слишком риторично, а потому у Валентина Клементьева (Рюи Блаз) мы слышим и холодный блеск, и чеканность, и взволнованный драматизм, и нерв, и гнев, и боль в речи героя. А в блистательном эпизоде народной актрисы Любови Васильевны Пушкаревой (играет служанку, «низкий штиль») слово сияет легкой иронией, даже каким-то плутоватым весельем, отменно контрастирующим с почтенным, очень почтенным возрастом актрисы. Веселый дух своей комической старухи актриса произвела со сдержанным речевым изяществом.

Слово в театре традиции - главное оружие и один из важнейших «инструментов» актера, одно из принципиальных средств драматического выражения. Мелодия речи в каждом спектакле, поставленном Т.В. Дорониной, своя: в вампиловском «Прощании в

июне» словесная ткань спектакля бодрая, здоровая, активная - под стать молодым героям. В «Белой гвардии» звучит высокое русское слово. Драгоценным теплым жемчугом слова одаривает не только героев, но и нас, зрителей, Татьяна Шалковская (Елена Тальберг). Великолепной и всегда разной поступью движется ее слово в сценах спектакля - взволнованное, но лапидарное в момент встречи мужа и горькое, ритмически-«убитое», когда узнает о его трусливом побеге. Слово грациозное, качающее Шервинского, как на легкой привольной волне, в момент любовного дуэта и такое улыбочиво-строгое, мягко-запретительное, когда «одергивает» мужские эскапады жесткого умницы Мышлаевского. В Островском («Лесе», «Женитьбе Белугина») слово смакуется, проговаривается с особенным удовольствием, слово кажется круглым и упругим - прямо и точно направляет наше внимание к характеру героя. В театре Островского важны не столько нюансы речи, сколько ее богатая энергия, ее витальная крепкая сила.

И, конечно же, сбросить с драматического текста царский венец, в Московском Художественном и Академическом не могут не «из принципа», но по существу принципа.

Отказ от слова в «новом театре», кажется, стал возможен и потому, что «новая драма» и сама слово не ценит, ее текст состоит, скорее, из терминов и строчек. Модные драматурги связывают собственно уже не-диалог, не-слово с поисками некоего «театрального языка» и «другой психологичности». Слово деформируется в точь так же, как, например, реальность у художников-кубистов. Оно намеренно «разряжено» - оно словно потеряло всякую связь с реальностью и самим человеком. Оно может как «ничего не отражать», так и отражать «ничего». Именно поэтому не по чести «новой драме» было бы появиться в доронинском репертуаре на мхатовской сцене.

Вообще реальность-психология-слово находятся в глубочайшей внутренней взаимосвязи. И связь эту вы-

Спектакль «Женитьба Белугина». Белугин - засл. артист России А. ЧУБЧЕНКО, Елена Кармина - засл. артистка России Е. КАТЫШЕВА

думали не традиционалисты или еще какие-либо «зловредные почвенники», но связь эта глубоко онтологическая, заложенная в природе человеческого мира. Театр традиции знает бесконечное разнообразие отношений внутри названной триады: от гениальной простоты пушкинских маленьких трагедий до фантастического реализма Достоевского, от эпического толстовского простора до тесноты человеческой у Горького. И если отворачиваешься от реализма, если реальность для тебя только быт и повседневная обыденность, то неизбежно «глубоко отвратительной» станет и реальная (здоровая) психика, и человеческая психология. «Чудовища фантазии» сегодня считаются более состоятельными, чем старая, но вечная работа над человеческим в человеке.

Чуткий современный психолог Виктор Слободчиков (доктор психологических наук, академик) уже много лет занят серьезной проблемой, явно

проявившейся в последнее время: современный нам человек очень часто клинически здоров, но личностно болен. Возможно, что и театр дает нынче представительную выборку для такого наблюдения: то, что оскорбительно для личности (публичный мат, сквернословие, интимная публичная сексуальная жестикация, атрибутирование развратного, патологического - педофилии, садомии), театр преподносит как «новые выразительные средства», как «новые знания» о человеческой психике.

На самом-то деле речь идет по существу не о психологической новизне, а о девиантности в психике и девиантном поведении (отклонении от нормы), которые вынесены сегодня на сценические подмости. (В модном Театре.ДОС, например, из зала на сцену вытаскивают подсадного актера и просят публично справить малую нужду, что он и делает. Но я совершенно уверена в том, что настоящий зритель этого бы никогда не смог совершить - не получилось бы, если он психически здоров!).

Естественно, сторонникам девиантного сценического существования нет никакой возможности быть реалистами - они поспешно покидают колею реализма, полагая заодно и сам реализм «враждебным интеллектуальному развитию», обвиняя его в поверхностном психологическом подражании. Оставим пока в стороне вопрос о качестве этого интеллектуального развития, скажем сразу только одно: ни одного актера не вырастил и не может вырастить «лидерский театр». Тот же мхатовско-табаковский постановщик «Леса по-советски» занят исключительной эксплуатацией тех даров, которыми и без него актеры владели.

Антиреализм в театре претендует на якобы более глубокие ощущения и воздействия на зрителя. Антиреализм в театре хотел бы обесплотить все «известное» - от языка до характера человека. Антиреализм родил и антипсихологизм, который все же является упрощением классической психологии (как фрейдовский психоанализ,

модный у нас снова, сужал человека, подчинял его одному - половому - инстинкту). Психологический анализ в актерском искусстве стал, по сути, заменяться «исследованием» маний и деструктивности, театр заболел «бессознательным» как оппозиционным к традиционной психологии. Не только у «голового пионера» Серебренникова «анализ» сексуального инстинкта выбился на первое место - в рейтинге профессиональной популярности он давно уже там. (Гурмыжская в упоминаемом «Лесе» табакowцев сплошь поглощена своим хотением мальчика Буланова, и служанка ее Улита спешит навстречу «соблазнам плоти»). Антиреализм интересуется собственно не сама психология человека, не возведение психологических открытий в ранг художественности (это - трудная ноша традиционалистов), но некая «неразрешимость», «неопознанность», «случайность» и «ужасность» как проявление некоей другой - параллельной - психологии.

Традиционная психология в драматическом искусстве всегда держалась на «аристотелевской логике», то есть на том, что поступок героя не может мотивироваться одновременно причинами противоположными. Модернист Фрейд сделал прямо противоположное утверждение: один и тот же поступок одинаково питается как любовью, так и ненавистью. Он разрушил причинную связь в психологии. Он упростил задачу, он вывел на просторы культуры произвол и произвольность, а в сущности уравнивал в метафизических правах любовь и ненависть. Именно тут расположен источник имморализма (и аморализма) «новой» психологии.

В психологическом и реалистическом театре важна концентрация на «проблеме человека» (а не психике, уме, воле, эмоции человека в своей разделенности). Психологический образ сценического персонажа - это одновременное вбирание в себя общего смыслового и эмоционального ритма спектакля при несомненной самостоятельности собственной актерской «партии». В мхатовском горьковском

«На дне» режиссер-постановщик Валерий Белякович так и выстраивает ход спектакля, каждому актеру давая кульминационное в роли солирование: героям очень важно вынести во вне - на люди - свою судьбу. И вместе с тем, поставив спектакль вне бытовой обжитости сцены, «вынув» героев из тесноты ночлежки и «бросив» их в космос сцены (только четыре конструкции трехъярусных «нар» указывают на «дно жизни»), вместе с тем человек в спектакле все же не потерян.

Смею предположить, что режиссер стремился к диалогу с классиком. Дерзну настаивать, что именно диалог с классиками (в результате которого и происходит новое ее прочтение, уточненное понимание) является принципиально важным в театре традиции. В диалоге ведь важны обе стороны: но поскольку классиками «все сказано», то «задающий» классику свои вопросы спустя десятилетия должен обладать высокой личностной культурой. Мне все же кажется, что Валерий Белякович мог быть более дерзостен в своих вопрошаниях к Горькому.

Знаменитый сатиновский тезис «человек - звучит гордо!», или тирады о творчестве Актера, или тоска о труде Клеца, или сама «романтика босячества», когда-то столь популярная в русском обществе, - все это неизбежно скорректировано нашим временем (впрочем, честный талант Станиславского уже тогда в работе над горьковской пьесой не позволил вдохновиться босячеством). Сегодня уже не нужно идти в хитровские ночлежки, чтобы увидеть «фигуры, дразнящие презрением к вашей чистоплотности» (достаточно просто выйти из дома), уже невозможно искать в горьковских героях романтику и «своеобразие дикой красоты» («дикую красоту» превзошли не только бомжи и беспризорники, но и благополучные граждане, пирсингом и тату уродующие свои тела). Сегодня уже нельзя сочувствовать поиску «новой веры» Лукой (разве не желание «обновить веру» и обряд спекулятивно используют новые утешители и опростители - сектанты?). В психологическом театре равно важно то,

что «внутри пьесы», как и то, что находится «за пьесой», то есть в самой жизни. Спектакль и становится местом встречи правды искусства и правды жизни. Напряженность этой оппозиции - горьковской романтики и сегодняшней ее горечи - могла бы дать режиссеру больший интеллектуальный масштаб в диалоге с М. Горьким. Все то, за что каждый горьковский герой держался как за ценное в своей собственной жизни, как за утешительное или сулившее надежду - все это, мы точно знаем, не может удерживать в себе человеческое горе и беду, не может быть путем к другой, новой, жизни. А путей в спектакле «На дне» у героев и нет.

Между тем спектакль довольно крепко держит внимание зрителей - в первую очередь актерскими работами (естественно, динамичность режиссуры Беляковича у него никто не отнимает). Мхатовские актеры в начале XXI века играют не «тесноту отношений», не невыносимое вынужденное соседство, но, напротив, они, скорее, включены в борьбу за «правду» о себе, в борьбу за настоящесть хоть какой-то малой, хоть какой-то прежней или будущей частицы своей жизни. Тут важна эта взаимная «вцепленность» друг в друга: с истерическим отчаянием будет доказывать Настя (арт. Т.Г. Поппе), что и у нее была роковая любовь. Эта придуманная любовь играет актрисой с предельной горячностью, но с еще большим ревнивым рвением она будет не любовь защищать, но требовать от других веры в нее. И тогда уже способность или неспособность верить хотя бы друг другу выступает в спектакле мерой живой или мертвой души. Парадоксальная получается ситуация: чтобы выжить в ночлежном аду, в жуткой, оскорбительной тесноте соседства, когда и умереть спокойно нельзя, им всем просто необходимо быть равнодушными и безразличными к страданиям другого (Сатин у В. Клементьева тут больше других преуспел, на то он и «философ»). Но не меньшие силы в этом спектакле тратятся на преодоление неизбежного

равнодушия друг к другу. Не случайно каждый из обитателей ночлежки выводится режиссером на авансцену, дается «крупным планом», чтобы прокричать свою боль: от Наташи с ее мотивом обреченного хода собственной жизни (арт. Т.Г. Шалковская) до Барона с его истасканной и жалкой барственностью (арт. А.В. Самойлов) и Актера с его страстью «разыграть» в пух и прах хотя бы и собственную жизнь (арт. В.Л. Ровинский).

В том-то и дело, что образ мира, где цинизм «философичен», где бедность может быть наглой, где много разоренного в человеке, а «розовая доброта» Луки (арт. И.С. Криворучко) только усугубляет отчаяние, в том-то и дело, что мир этот нас больше не страшит. И, кажется, понимая это, Валерий Белякович, одев спектакль и героев в белые одежды, словно отстранил нас от необходимости глубокого сострадания, выдвинув вперед сомыслие спектаклю. Мы, наверное, уже в чем-то, увы, «переросли» горьковских людей дна: когда вся страна уходила на дно, некуда пойти было слишком многим; когда нынешняя свобода показала свой звериный оскал, тоска о свободе босяков воспринимается как «излишек»; ну а «босяцкий» горьковский романтизм уже никак не может пониматься в его положительности...

3.

Еще раз подчеркну: диалог с классиками предполагает сопряженность отношений. Но наши усилия понимания «их» и согласования «с собой» не требуют простого повторения известного - классика нуждается не в повторении, а в осмыслении. У нее - своя жизнь: одни смыслы в ней растут, другие - умяляются, третьи остаются вечными. И наличие этого вечного, неразменного позволяет сохранять допустимую меру в диалоге (чтобы Гоголя не превратить в Зоценку, а Достоевского в драму абсурда). Радикальная режиссура, на мой взгляд, как раз не понимает в классике вечного, а потому «ударить ку-

лаком в лицо» классику ей ничего не стоит.

МХАТ им. М. Горького сохраняет с классикой отношения уважительные и порядочные. Булгаков, Достоевский, Островский всегда узнаваемы - в них сохраняется неповторимый собственный сценический дух, ядро их драматургического мира.

«Белая гвардия» М.А. Булгакова была поставлена Т.В. Дорониной пятнадцать лет назад (в декабре 1991 года состоялась премьера). Спектакль звучал пронзительно - он буквально был программным.

В ту пору вопрос о правде «красной» и правде «белой» был самой что ни на есть жгучей реальностью. В «белой правде» настойчиво искали родства и связи с Россией исторической, в которой «Православие, самодержавие, народность» были реальными государственно- и культуuroобразующими силами. В «белой мысли» тогда искали опору национальной идее - справедливому (монархического) устройству государства в пику тому, что рушилось на глазах в 1991 году. Стоит вспомнить дебаты, митинги и интеллектуальные собрания тех лет, их горячую накаленную атмосферу, чтобы понять, как звучал тогда спектакль в режиссуре Т.В. Дорониной, поставившей, к тому же не «Дни Турбинных», а первоначальную редакцию булгаковской пьесы!

Поразителен пролог спектакля: в белых смертных одеждах выходят актеры на авансцену. Никого не пощадит революционное время - все погибнут. И как-то трудно назвать «музыкальным оформлением» пролога возгласения дьякона, призывающего к молитве о помиловании. И мы вспомним о ней вновь в финале спектакля, когда пятеро мужчин, пятеро офицеров, выхваченных светом лампы, остаются в безмолвии перед закрытием занавеса - теперь уже нам, зрителям, хочется шептать слова молитвы...

Татьяне Дорониной уже тогда было ясно то, к чему участники свирепейших идейных битв приходят только сейчас. Она уже тогда боялась «жизнь

обогатить». Во времени Вечном Господь помилует всех честных воинов, на поле брани убиенных, всех до конца преданных правде своей - «красной» или «белой». Так, не изменяя и не коверкая пьесы, впустила режиссер на сцену современность. Взгляд из будущего на булгаковскую драму требовал новых акцентов. И они были сделаны со всей интеллектуальной и человеческой честностью.

Тогда, в 1926 году, и булгаковскую пьесу, и сам Художественный театр отделял от революции слишком малый промежуток - еще актуально и властно висело над ними требование «принятия революции». И пусть театр делал акцент не на политике, а ставил «пьесу об интеллигенции», тем не менее, по свидетельству П.А. Маркова, «на наш взгляд, не столько личная, сколько общественная катастрофа Алексея Турбина была смыслом постановки. Зерно пьесы мы видели в крушении мировоззрения честнейшего человека». Другое у Т.В. Дорониной: зерно трагедии мхатовского спектакля в том, что нет никакого «крушения мировоззрения» ни у одного из героев пьесы (Владимир Робертович Тальберг не в счет - там просто нечему было рушиться). Белые офицеры идут на смерть сознательно, белые офицеры не покидают России, так как не имеют надежды на нужность и обязательность офицерской чести вне Родины. Но оба спектакля роднит чудесная человеческая наполненность, добротность психологической ткани спектакля, тонкий сплав лиризма и драматичности, комедийности и трагичности.

Конечно же, спектакль за эти годы «постарел» - молодым тогда артистам прибавилось по пятнадцать лет. Но «музейным» он все же не стал - он остудил голову, но не сердце. Актеры по-прежнему держат его глубокую человеческую правду. Здесь власть таланта переломила время. Талантлива пьеса в классической красоте речи героев, в безусловной убедительности событий, в повелительной психологии действующих лиц. А знаменитая очень простая и благородная ат-

Народный артист России В. КЛЕМЕНТЬЕВ в роли Мышлаевского («Белая гвардия»)

мосфера турбинского дома сегодня воспринимается щемяще: самих себя мы понимаем как потерявших, растративших эту бесценную редкость одновременной сердечной связанности и нестесненности в отношениях русской семьи.

Узоры судеб, играемых актерами, их классическая хорошесть позволяют сказать, перед нами мужской спектакль, что воспринимается сегодня вообще как-то победительно и бодряще. Алексей и Николка Турбины, Шервинский, Мышлаевский и Малышев - все они спаяны силою офицерской (юнкерской) чести. Алексей в исполнении В.Т. Зикоры действительно имеет полное право на естественное уважение всех (актер подчеркивает его спокойную мужественность). Горяч, прямодушно грубоват Мышлаевский В.В. Клементьева. Но именно этому настоящему (не штабному) воину отдают автор и режиссер самые взрывоопасные мысли спектакля: намерение «повесить Достоевского» за его проповедь о народе-богоносце больше не звучит как кощунство. Это спор классиков между собой и в кон-

це-концов осознанное сегодня и нами несколько преувеличенное народопоклонство (особенно ранних славянофилов), как и значительно преувеличенная невероятность, невозможность революции в России. Ведь известен тот факт, что как только отменили в армии во время первой мировой войны обязательность утренней молитвы, верными прежнему правилу осталось 15 процентов солдат и офицеров.

Доронинский спектакль остается по-булгаковски «атмосферным», распахнутым. Нет, конечно, «кремовых штор», но художником В.Г. Серебровским создана теплая, еще такая надежная, еще не порушенная ветрами революции атмосфера настоящего дома, в котором живут давно и дружно, понимая, зачем живут и что долг велит...

Нынешний молодой зал уже не знает того драматизма, с каким открывалась «прежним» (1990-х годов) зрителям «Белая гвардия». Сама история вынула из восприятия спектакля трагизм - сгладила исторические швы, жалостливо дала забыть об историческом проигрыше «белых», когда и прежние победители («красные») теперь уже на наших глазах оказались безжалостно сметенными «новыми деятелями» жизни.

4.

Актер - безусловный центр в любом спектакле Московского Художественного академического театра им. М.Горького. В труппе много талантливых и разноплановых актеров: пленительность, внутренняя грация таланта Елены Катышевой и летящая зыбкость, предельность сценической искренности Ирины Фадиной, острая, взрывчатая характерность Татьяны Поппе, неудержимый природный артистизм и кураж Александра Самойлова, искрометная эксцентричность Сергея Габриэляна, умная, чуть холодная статья Виталия Зикоры, ровное горение в роли Максима Дахненко; что-то очень бережное, охраняющее сокровитную глубину есть в индивиду-

альности Лидии Матасовой и очень легкое, нервическое, позволяющее моментально взмыть к высоте трагического чувства в Елене Коробейниковой; мягкой ироничностью дара, большим актерским диапазоном обладает Владимир Ровинский; непоколебимое, брызжущее задорным, жизнеутверждающим духом всегда есть в Андрее Чубченко, что бы он ни играл; щедрость натуры Михаила Кабанова - это и способность к выплеску, к роскошной преувеличенной эмоции, и словно немогущий утолиться актерский азарт.

Конечно, они наследники традиции, которая складывалась именно вокруг актера: это он должен был уяснить и воплотить новаторство режиссуры художественников. В спектаклях Татьяны Дорониной нет стилевого разброда, так как она не гонится за медийными узнаваемыми лицами, но «строит» свою труппу так, чтобы творчески-осознанная жизнь в театре была важна и каждому артисту. Доронина сама живет в творчески-затратном режиме, а потому и от актеров всегда требует серьезной игры, полной отдачи («до полной гибели все-рез»). Но есть и другой аспект существования актера в психологическом и реалистическом театре. Как человек объединяет мир в целое, так и актер-человек объединяет в целое спектакль. Без человека в мире не было бы никакого смысла решать вопросы философские и нравственные. Без актера (а новые формы искусства сегодня уже буквально изгоняют человека-актера, заменяя его матрицей человека) просто невозможно ставить «спектакль с мыслью» именно в реалистическом театре. Мне представляется, что и профессия актера сегодня подвергается расщеплению: есть спектакли, где от него требуются только «нервы», есть спектакли, где актер должен «выключить» логику и разум, есть спектакли, где актер эксплуатируется исключительно как существо рефлектирующее (это направление в живописи получило название рецептивизм).

Как о набирающей силу, практи-

чески господствующей тенденции в современном актерском искусстве искусствовед Ю. Барбой пишет: «Сегодня в работу берется не «душа», а «нервы», что называется, в чистом виде. Режиссер из актера и актер из себя вытаскивают голые эмоции, непосредственные психические реакции и ими хлещут по нервам зрителей... Актер ради нас рискует своим психическим здоровьем. Непоправим износ актера... Актер перестает быть тем, кто играет роль, то есть художником сцены».

Но Станиславский, требующий от актера «истины страстей», говорил о другом: о специфическом сценическом чувстве, укрепленном волей и связанным с интеллектом актера. Экстатические актерские аффекты, шабаш актерского нутра как раз не нуждаются ни в воле, ни в интеллекте, ни - в результате - в осмысленном слове.

С какой естественной свободой льются слова из уст актеров, играющих во МХАТЕ «Женитьбу Белугина» А.Н. Островского в режиссуре Т.В. Дорониной. Но за этой «естественностью» стоит большая режиссерская и актерская работа. Текст Островского переплавляется в образы, приобретает в актере пластику характера. Островский требует точной лепки образов. Ну как играть это царство патриархальной домовитости Л.В. Стриженовой, если оставить одни эмоции и нервы? Вообще актерский дуэт Г.Н. Кочкожарова и Л.В. Стриженовой (родители главного героя Андрея Белугина) - своеобразный смысловой «фундамент» спектакля. Так живут, так общаются друг с другом люди, хорошо понимающие друг друга. В них - Гавриле Пантелеиче и Настасье Петровне - сокрыты пружины семейных отношений внутри купеческой среды, из которой сын Андрей возымел намерение выйти, женившись на бедной дворянке. Отношения в семье раскрываются автором вполне в духе домостроя (Г.Н. Кочкожаров отменно, сочно сыграл старомодного покроя характер) - домостроя, к сожалению, уже тогда, во времена Островского,

скомпрометированного прогрессистами. Домострой - это не «кандалы», но порядок; это когда женщина остается сердобольной утешительницей мужа и сына, когда она мужу своему, конечно же, оставит последнее слово, но и сгладит его нором разумной осторожностью. Любовь Стриженова через «хлопотливую» пластику, через участливость интонации, через необидчивость на мужа, резкого в слове и кряжистого в характере, передает сам дух патриархальной семейственности. Она - женщина с русским сердцем, а потому «безумную затею» своего сына старается понять по существу: если любит он, то любим ли красавицей-дворянкой? Навестив сына, мать по простым бытовым обстоятельствам (у мужа и жены по моде разные спальни) поняла, что он несчастен с женой, что холодны и отстранены их отношения, будто и нет между ними родства.

«Новые веяния» в семейной жизни - в них втянула купца Андрея Белугина (арт. А. Чубченко) его молодая жена Елена Кармина (арт. Е. Катышева) - воплощены в спектакле причудливой вязью отношений. От пылкой слепой и безоглядной страсти героя, которая чуть утрированно и темпераментно дается Андреем Чубченко в первом действии, до умного трезвения, естественного благородства и «возвращения в себя» во втором. Да, став снова деятельным и самостоятельным, он заставил жену уважать себя, свои семейные принципы и свое купеческое дело.

Актриса - гибкая, с большим эмоциональным диапазоном - Елена Катышева более других в этом спектакле должна была быть разнообразной. Ее героиня - вся такая утонченно-преувистая, насквозь «хорошо воспитанная», насмешливая и «ученая» - чувства нежные, однако, испытывает не к мужу, но к пустому прогрессисту и цинику Агишеву (Максим Дахненко отлично сыграл проходимца, выстраивающего авантюрные ловушки глупым женским сердцам, но и трусливого эгоиста одновременно). Выйдя замуж как бы понарошку (но

при этом всерьез поправив свое денежное состояние), она бесконечно щебечет о свободе. Осязательность, сочность и точность картин между родителями Белугина смотрятся контрастом к жизни «свободной жены» с сильным, страстным, но и благородным Белугиным-младшим. Впрочем, он укротит строптивую жену - сцена, когда такую красавицу муж попросту перестает замечать, сыграна не просто психологически точно, но я бы сказала даже, лихо. Истинное наслаждение дает логический и психологический ход спектакля во втором действии. Как известно, для красавицы нет ничего хуже, чем презрение к ней. И... что-то сломалось в героине Елены Катышевой - недоумение и возмущение сменились вниманием. Быть может, впервые она увидела мужа, и тогда в ней пробудилось сердце...

Быт Островского (вновь нарядные, в манере пьесы, но и обжитые павильоны созданы художником В.Г. Серебровским) не освободил его от психологии человека (об антипсихологизме его драм говорили не раз). Напротив, режиссер спектакля строит его на психологической игре характеров, извлекая из нее комическое и мудрое, основательное и поверхностное. В «Женитьбе Белугина» режиссером уловлена в творческие сети тайна сценичности драматурга, как отменно проявлена его мысль о домострое (практикуме строительства «внутреннего дома»). Ведь домострой никогда не стеснял любви - он только страсть «гнул» да утеснял, выравнивал ее в чувство, которого и на век хватит. Для Островского в этой поздней комедии, написанной совместно с Н. Соловьевым, вообще были важны новые акценты в его купеческой теме: не «царства хозяев и приказчиков», где «есть нравственная тупость и нет честности», но, напротив, добрые свойства человеческой природы. Спектакль получился энергичным, молодым и свежим.

«Женитьба Белугина» - спектакль новый, премьерный. «Униженные и оскорбленные» Ф.М. Достоевского были поставлены Т.В. Дорониной в

2000 году. Меня удивила критическая неврастения, начавшаяся тут же в ряде «свободномыслящих изданий». Главное эстетическое раздражение (о внеэстетических планах по изъятию у театра здания под «новые мюзиклы» я и говорить не буду) вызывало наличие в сценографии паперти, распахнутых ворот храма с алтарем, подсвечниками и иконостасом, прямое и ясное разделение в спектакле «зерен» (добра) и «плевел» (зла). В сущности именно главное и подлинно новое было критикой заплевано. Но Бог шельму метит: степень раздражения борцов с «рутиной», только еще раз указала на особенность трактовки. Такой новизны они не могут принять. Настоящая новизна этого спектакля как раз и состояла в явной опоре на христианский тип сознания, на православную этику, существенную для автора и театра. Доронинский театр - один из немногих, не боящихся публичного исповедания веры.

Понимать религиозность Достоевского только через популярную «Легенду о Великом инквизиторе» было достаточно в позднее советское время. Понимать страдание героев Достоевского только как «изысканное», эстетически-изошренное готов весь мир - не случайно его герои никогда не покидают сцены. У Достоевского играют «судороги», содрагания, бред и безумие - играют «нервный беспорядок» и «подпольное сознание». Играть болезненность и бунт души. Все это можно «найти» у великого провидца страшных человеческих глубин. Труднее другое: увидеть в писателе «священное измерение таланта», понять природу страдательности его героев современная сцена не спешит.

Конечно, в «Униженных и оскорбленных» еще силен элемент мелодраматичности и сентиментальности, но уже и здесь Достоевский всем своим существом писателя погружен в человеческое страдание как неизбежный, но и такой необходимый источник земной нашей жизни. Христианское понимание страдания означает, что всякое страдание без исключения имеет некий высший смысл. Страда-

ет все земное: вся «земная тварь», скрывая свою боль или умалчивая о своей скорби, преодолевая страдание в муках или примиряясь с ним в тоске и грусти. Но тайна жизни и тайна героя Достоевского в том, что лучшие его люди умеют страдать достойно и одухотворенно, что возможно только в одном случае. В том случае, если страдание связано с уверенностью - у души есть метафизическая родина (в Боге).

В сущности в этом спектакле три семейные истории - Ихменёвых, Валковских и сиротки Нелли - стянуты в крепкий узел человеческих отношений, где судьбы «отражаются» друг в друге, где соперники Наташа (арт. И. Фадина) и Екатерина Федоровна (арт. Л. Голубина) состязаются в благородстве и жертвенности, обе влюбленные не только в Алешу (арт. А. Чубченко), но уже и друг в друга. И это очень поддостоевски: скрестить чувства героев настолько, обнажить их мысли друг о друге с такой искренностью, что, кажется, и «шевельнуться» нельзя, чтобы не ранить другого, чтобы не обидеть, не зацепить болью его душу.

И, как всегда у Достоевского, всякому проявлению внешней конфликтности (Валковский ведет тяжбу с Ихменёвым и нечестно, но выигрывает ее; дочь Ихменёвых Наташа уходит из дома, полюбив сына князя Валковского; Нелли оказывается дочерью князя, растоптавшего судьбу ее матери) сопутствует в сотни раз усиленная, пронизанная мощными психологическими токами вторая история - история души. «Виноватая душа» Наташи Ихменёвой будет одним из психологических центров спектакля, как другим - уже знающая о поругании и унижении, «воспаленная душа» девочки-подроста Нелли (арт. Е. Коробейникова). В сущности между ними, как между двумя полюсами, и будут расположены все силовые линии спектакля. И тягостные сцены раздора в доме Ихменёвых - между Анной Андреевной (арт. Л. Матасова), не умеющей не любить свою дочь и в позоре, и отцом Наташи (арт. А.В. Семенов), в сердцах проклинаящим ее. И сце-

ны беспокойные, волнующие между влюбленным давно и безнадежно в Наташу Иваном Петровичем (арт. М. Дахненко) и князем Волковским (арт. В. Клементьев), не скрывающим намерения вернуть за позор Наташи деньги ее родителям, а то и ее самоё «передать» из рук в руки: от сына к старому покровителю-сластолюбивому.

Постепенно, словно «на крутую гору» психологии, поднимаются актеры спектакля, обнажая каждый в своей роли ее главный нерв: Наташа избавится от гнета любви, ставшей болезнью, и вернется в родительский дом. Старик Ихменёв очистит свою душу, разоренную обидой и ожесточением, - простит дочь. Катерина Федоровна, знающая, что нужны ее деньги, все же пойдет замуж за сына князя - Алешу. Верным стражем при горе и радости близких ему Ихменёвых останется Иван Петрович. Нечистым, предвестником будущих inferнальных циников-бесов придет к концу спектакля князь Валковский (онто как раз первый враг страдания, первый «законодатель» жизни как удовольствия).

У Достоевского не бывает персонажей маловажных. Даже, казалось бы, далекие друг от друга люди переплетаются крепкими или мучительными нитями. У Достоевского есть своеобразная «мистика места» - литератор и влюбленный друг Наташи Иван Петрович поселяется в квартире умершего Смита, оказавшегося дедушкой Нелли. Он же приходит в трактир мадам Бубновой в поисках Нелли и застаёт там давнего товарища Маслобоева (арт. М. Кабанов), который впоследствии и помогает понять ему всю трагическую историю девочки-сироты. Не случайно художник В.Г. Серебровский строит спектакль в точных картинах, сменяющих друг друга: комнаты Ивана Петровича и Наташи, уютное гнездо Ихменёвых, петербургский двор в серо-зеленых тенях и трактир в аляповатых тонах... В такой конкретике, укрепленности пространства острее воспринимаются все муки, все боли человека...

Все актеры в этом спектакле на месте, в том числе играющие не главные роли: и разгульный пьяница, однако, страшщийся власть в подлость, Маслобоев Михаила Кабанова (актер играет его в «вызывающих» красках, натурой безмерной и чрезмерной во всем). И мадам Бубнова Т.Г. Поппе (иступленная и затерзанная жизнью, она и других готова до смерти замучить, особенно если жертва, как Нелли, с молчаливым терпением несет свои мучения). Хорош куражливый Сизобрюхов А.В. Самойлова (буквально штрихами дается целый тип) и Мавра-прислуга Н.В. Вихровой (ее покровительственное отношение к Наташе - лучшая характеристика сердечности самой Наташи). А Елена Коробейникова (Нелли), мне кажется, очень Достоевская актриса: в нервности ее всегда остается что-то потаенное, в трепетности и страдательности - хрупкость, но очень прочная. Полудевочка-полуженщина в угловатом облике своем, она, кажется, близка к тому не большого диапазона, но умной трагедийной силы таланту, каким обладала Стрепетова. Ее Нелли - своеобразный камертон, дающий правильный тон всему спектаклю. Ее Нелли слишком рано пережила то, что другие герои (Наташа, Ваня, Ихменёвы) переживают сейчас, у нее на глазах. У этой девочки и ищут взрослые правды - не случайно после ее рассказа о непощении стариком Смитом ее матери старики Ихменёвы понимают, что им теперь нужно делать... Прощать дочь. Немедленно. Раз и навсегда.

Хаос человеческих отношений медленно гармонизируется - души, заданные грудой обстоятельств и страстей, высвобождаются и выпрямляются. Не случайно режиссер спектакля вернет в финале ту самую «выгородку» с церковью: герои, примирившиеся со страданием, преобразившие его в новую силу жизни и любви, выйдут в финале к публике из ворот храма Божия. Остальные - из кулис. Это - не мораль, но правда христианской тишины замирения самого Достоевского.

5.

Театральная конвенция, столетиями воспроизводимая в искусстве сцены, предполагает, что зритель в театре тоже имеет некоторые гарантии. Одна из них состоит в уверенности, что тебя физически не покалечат (конечно, бывают исключения, когда туфля актрисы или шпага актера случайно летят в зрительный зал, но все же это исключения). Современный театр (в своем экспериментальном варианте) старается изменить эти отношения: «пальба» и «взрывы» - еще не самые острые приемы. Более сильные из них связаны с моральным и эстетическим разоружением зрителя: многие ли театральные фестивали обходятся сегодня без «обнаженки» и имитации половых актов? Мало ли экспериментов, сконцентрированных на «звериной стороне» человеческой природы (о некоторых я уже говорила выше)? В любом случае, речь идет о действиях, исходящих из биологичности человека. А между тем золотой век русской культуры тут давно и навеки утвердил другую норму: в «Униженных и оскорбленных» МХАТа есть сцена, когда князь Валковский приходит «договариваться» к литератору Ивану Петровичу. Князь бесцеремонно раздевает душу перед собеседником (не стесняясь ничуть, говорит о своих «принципах»: идеалов не имею, люблю потаенный темный разврат, люблю деньги, карты и вино, а особенно женщин). И это бесстыдство, акт душевного раздевания воспринимался героем и самим Достоевским однозначно. «Вы меня за человека не считаете!» - говорит Иван Петрович князю. Князем нарушена священная граница допустимого между человеком и человеком. И кто-то тут явно не-человек!

Так за кого же считают зрителя нынешние «экспериментаторы»? Не за людей - точно. Возможно, за толпу, которая платит за собственное унижение, или стадо, управляемое инстинктами и одержимое примитивными побуждениями?

Антиреализм в театре часто заменяет эмоциональное, интеллектуаль-

ное и художественное воздействие шоком и принуждением к инстинктивности: если под вашим зрительским креслом что-то взорвется, вы обязательно вздрогните и испугаетесь. Антиреалистический радикальный театр постоянно, я считаю, совершает насилие над зрителем. Когда с рампы сцены прямо в первый ряд партера вам протягивают «предмет», обозначающий мужской половой орган, и предлагают вам его потрогать - это значит, что вас принуждают к публичному аномальному поведению! Или, другими словами, уже не в душу лезут в грязных сапогах (что всегда отрицательно оценивалось русской культурой), но уже лезут «под юбку». Вашу психику растормаживают! Освобождают от комплекса стыда. Но если стыд в метафизическом смысле есть око Божие в человеке, то в земном психологическом - существенный стержень целостности человеческой личности (животное не знает стыда). Следовательно, цель насилия - не «сильные впечатления», но личностное искажение. Большинство наших профессиональных оценщиков в культуре, которые «просто тащатся» от подобных новых форм, лично больны (вспомним В.И. Слободчикова). И «договориться» с ними невозможно - лучше не тратить силы и не «метать бисер».

Такой театр часто претендует на то (этим много занимался Гротовский и его последователи), чтобы создавать ситуацию «взаимной диагностики», когда «целью спектакля является не эстетическое удовлетворение зрителя, он должен воздействовать таким образом, чтобы мы осознали нашу общую болезнь, какой является, в общем, принятый образ жизни». Но и это не конечная цель ломки границ между

театром и зрителем. Театр, используя шок, претендует на «спасение», на личностное изменение в зрителе: «Этот шок действует примерно так, как некогда действовало настоящее религиозное потрясение... С течением времени религия исчерпала себя и уже вообще не в состоянии доставлять таких сильных переживаний». Действительно, одна из культурных целей сегодня - замена (вытеснение, подмена) в человеке религиозного чувства некими новыми сильными переживаниями, на что традиционный театр никогда не претендовал и не претендует. Сколько бы театр ни хотел спасти человека, он не может. Это попросту не в его власти. Спасает только христианская (православная) вера и Церковь - спасает через обряды и таинства, главнейшее из которых есть таинство покаяния. Но вот ставить знак равенства между шоком и религиозным чувством дьявольски соблазнительно, и смысл тут примерно тот же, если бы «быть матерью» означало бы «убить ребенка!» Нарушение культурных и личностных границ - одна из больших и тяжелых проблем современной культуры.

Традиционный театр, сто раз обвиненный в языковых, психологических и композиционных штампах, строит отношения с публикой иначе: он не позволяет себе нарушать границы лично-

Спектакль «Рюи Блаз». Дуэнья - народная артистка России Л.ПУШКАРЕВА, Дон Цезарь - засл. артист России М.КАБАНОВ

сти каждого зрителя (богоданную дистанцию, изначальную закрытость человека - ведь мы не читаем мыслей друг друга), он не пользуется экстремальными возможностями контакта - между сценой и залом остается «воздух», неуловимое пространство художественного воздействия, тонкая атмосфера «встречи», место сопереживания, взывающее к работе чувства и мысли, но не инстинкты и физиологическую тошноту. «Потребители переживаний» - это зрители сериалов. Любители радикальных мыслительных спекуляций и шокирующей новейшей «психологии» - это чаще всего всё видевшие профессионалы, нуждающиеся во все новом и новом допинге. Зрители театра традиции - те, кто готов к особой человеческой работе сознательного и эмоционального восприятия искусства сцены. И театр дает ему реальный простор для переживания общих с ним моральных и эстетических ценностей. Когда в «Белой гвардии» публика горячо аплодирует в сцене сватовства Шервинского к Елене (великолепный дуэт Т. Шалковской и М. Кабанова) - это значит, что она поняла Елену и не осудила ее новой любви, как приняла почти детскую наивность пышного вранья Шервинского, его готовность исправиться (в следующей сцене уже только взгляд Елены останавливает Шервинского от «фантазии» о необыкновенном шампанском).

«Свой» зритель сейчас в любом театре немногочислен, но каждый театр именно его и ценит. В любом случае облик зрителя, как и творческого человека, всегда связан с типом личной культуры. А потому слишком привязываться к вкусам массового зрителя (который часто даже классики не знает) во МХАТе не могут, предпочитая все же дистанцию с такой публикой, чем поддакивание и потакание ей.

Пока у театра традиции и у части зрителя еще остается общее культурное поле, ведь только при его наличии возможно понимание, соучастие и сопереживание зрительного зала.

Принципиальную установку руководителя МХАТа им. М.Горького

Т.В. Дорониной на классический репертуар можно понять и принять - так театр сохраняет свои художественные силы, оберегает в себе свою «привычку к культуре», к оседлости жизни, вкус к слову. В театре, руководимом Т.В. Дорониной, есть общее понимание того, что они делают, и есть общая художественная вера. МХАТ им. М.Горького - это театр с убеждением (мировоззрением), «наличие отсутствия» которого сегодня стало привычно и прибыльно. Собственно «идея МХАТа» всегда состояла во взаимной пронзенности, взаимной опаленности жизни реальной и жизни художественной. И, как известно, «идеи» тоже имеют свою жизнь, свои драматические и творчески наполненные периоды, теплохладно-равнодушные и нетленные. Доронинцы не хотели и не хотят участвовать в разрушении для абстрактного будущего строения, не могут играть в негативный театр. Но они готовы к развитию. Только «развитие» в реалистическом и психологическом театре невозможно без качественно новой драматургии, с ее мощным жизненным дыханием, с собранными драгоценными и трагическими сокровищами опыта, пережитого страной и отдельным человеком.

С ясным сознанием русского культурного долга Татьяна Доронина руководит театром и ставит спектакли. Ведь долг остается долгом даже тогда, когда нынешний человек, приученный идти «мимо жизни», замученный повседневностью, погребенный под обломками массового «культурного продукта», даже когда этот человек и не всегда способен оценить этот мхатовский дар ему. Дар видеть лучшее, избрать это лучшее и жить им.

Не разрешенные временем, они оказались сильнее его. Да, им пришлось много страдать, а при этом они не считают себя ни обделенными, ни обреченными, но призванными к труду, верности и упрямому стоянию. МХАТ для доронинцев - это судьба.

Капитолина КОКШЕНЕВА

Фотографии предоставлены литчастью МХАТа имени Максима Горького

**ВАДИМ
ДЕМЕНТЬЕВ**

ПО СЕВЕРНОЙ ДОРОГЕ

Никольская башня
Московского Кремля.
Начало XX в.

Никольская башня
Соловецкого монастыря

Продолжение. Начало в «Вологодском ЛАДЕ» № 2, 3

Ансамбль Никитского монастыря блистает стройностью архитектурных линий и какой-то вольностью в пейзажном обрамлении.

Известность монастырю принесли основатели обители преподобный Никита Столпник, исцеливший многих людей, в том числе знаменитого князя-героя Михаила Черниговского. Государь всея Руси Иоанн Васильевич Грозный развернул в монастыре большое строительство и, как предполагают историки, намеревался здесь устроить запасную опричную резиденцию.

С 1994 г. Никитский Переславль-Залесский монастырь вновь затеплил свои свечи. Здесь действуют детская и взрослая воскресные школы. Обитель с радостью принимает и паломников.

Второй переславский монастырский комплекс находится на вершине холма у южной окраины города, рядом с Московской дорогой. Он носит имя Успенской Горицкой обители и основан московским князем Иваном Даниловичем Калитой. Так как он примыкал к древней дороге, которая вела к Волге, то его посещали многие великие князья и цари, делая щедрые вклады. В XVI в. были заменены деревянные строения на каменные, а с 1744 г. монастырь стал резиденцией переславских епископов. Но недолго просуществовала Переславская епархия, упраздненная в 1788 г. Вместе с ней был

ликвидирован и Горицкий монастырь, который не возобновлялся с тех пор, хотя и сохранял многие свои строения. В них в 1919 г. был открыт историко-художественный музей. Особенно в этой обители красивы Святые и Восточные ворота. Настоящие «шкатулки, осыпанные драгоценностями».

Третий переславский монастырь - Свято-Троице-Данилов - расположен рядом с Горицким на берегу реки Трубеж. В названиях Переславль, Трубеж слышится далекое, летописное... Действительно, эти названия повторяют имена города и реки в южных землях Киевской Руси. Выходцы с тех мест переселились в Замосковье, им было приятно слышать знакомые названия. Чтобы отличить киевский Переяславль от замосковского Переяславля, последний назвали Переяславль-Залесским, то есть городом «за лесом», где жили вятичи. Со временем в его имени «потерялась» гласная «я».

Троицкий Данилов мужской монастырь основал в 1460 г. преподобный Даниил, инок Горицкой обители, на месте кладбища, где хоронили странников, убогих и погибших насильственной смертью. Здесь на вклады Василия III построены каменная церковь во имя Всех Святых и собор Святой Троицы в честь сына Ивана, который в русской истории был назван Грозным.

Часть построек Троицкого монас-

Настоятельница Свято-Никольского женского монастыря в Переславле игуменья Евстолия

тыря, ставшего действующим, к сожалению, не сохранилась, но собор, один из лучших храмов Переславля-Залеского, пережил годы тотального разрушения. Строил его ростовский зодчий Григорий Борисов, тот самый,

который возводил каменные храмы по всему Северу.

Ближе к Москве, на окраине Переславля, расположен Федоровский монастырь, известный с 1304 г., когда переславцы с москвичами победили своих многолетних соперников тверичей. Случилось это в день памяти святого Федора Стратилата, поэтому и назвали обитель Федоровской. Ближе к ней родился сын Ивана Грозного, названный по месту своего появления на свет, - Федором. Царь пожаловал монастырю богатую милостыню, а на месте рождения царевича была построена часовня Крест, один из замечательных памятников русской архитектуры. Сегодня Федоровский женский монастырь постепенно восстанавливается.

И, наконец, пятая обитель небольшого Переславля - Свято-Никольский монастырь в честь святителя Николая, архиепископа Мирликийского, расположен ближе к центру города. Дата его основания уводит нас в середину XIV в. И основан он был преподобным Димитрием Прилуцким, здешним уроженцем, одним из самых

Никольский собор Свято-Никольского монастыря в Переславле. Один из его приделов освящен в честь преподобного Димитрия Прилуцкого, освящение совершил архиепископ Максимилиан осенью 2005 года

ФОТО АНДРЕЯ САЛЬНИКОВА

почитаемых русских святых, учеником и собеседником преподобного Сергия Радонежского. Трижды монастырь уничтожался (такой разор терпели и другие переславские обитатели): в 1482 г. татарским войском во главе с Тохтамышем, спалившим Москву, в 1611 г. польско-литовскими оккупантами в годину Смуты и в 1923 г. советской властью. И каждый раз чудесным образом обитель восстанавливалась.

С 1993 г. в женском монастыре ведутся большие строительные работы.

Итак, из пяти переславских монастырей один основан в XII в., три - в XIV в., причем два в начале этого столетия, и одна обитель берет свое начало с середины XV в. Редкой древности все переславские монастыри!

ВЕЛИКИЙ ГОРОД РУСИ - РОСТОВ

Ростов Великий считается древней духовной столицей Русского Севера, воротами в верхнее Заволжье. В древнерусском государстве всего два города числились в великих: Новгород и Ростов. Народная молва, а вслед за ней и летописцы такими громкими именами награждали древнейшие походы отнюдь не случайно.

Ростов впервые был упомянут в «Повести временных лет» в лето 862. Располагается он на берегу озера Неро, по-иному Ростовского, в местах, где проживало угро-финское племя меря. Многие из знаменитых киевских князей владели этим городом. Назову, к примеру, Владимира Мономаха, правившего в Ростове с 1093 года. Своим детям и внукам в знаменитом «Поучении» Владимир Всеволодович составил маршруты своих ратных и деловых странствий. Перечень 83 «великий путей» открывается сообщением: «Первое к Ростову идох...».

Вот и мы, дорогой читатель, «идох» сейчас к великому русскому граду. Постепенно заканчиваются лиственные леса, рельеф местности выравнивается, и за десять километров до Ростова Великого начинают тянуться поля - первый признак присутствия

большого и древнего поселения людей, вокруг которого леса вырубались. И, действительно, только мелькнула вдаль темная полоска озера Неро, как на берегу показались кучной гроздью купола и башни, приковывая к себе всё наше внимание. Уж не мираж ли сказочный возник?!

С московской дороги видны башни, церкви и колокольня Спасо-Иаковлевского Дмитриева монастыря, где покоятся мощи святителя Дмитрия Ростовского.

Перекрестившись, войдем в северные ворота обители. В старину Спасо-Иаковлевский Дмитриев монастырь назывался Зачатьевским, в честь Зачатия Пресвятой Богородицы. Он основан в конце XIV в. ростовским святителем Иаковом, епископом Ростовским.

XIV-XV вв. - золотое время русской святости! Сколько храмов и монастырей возникло тогда на Руси, будто очнувшейся от страшного морока татарского ига, расправлявшей для дальнего полета свои крылья. Какие художники, книжники, архитекторы жили и творили в те десятилетия на нашей земле! Каким вдохновением и какой духовной свободой дышат их произведения, во множестве дошедшие до нас!..

Иаковлевский Зачатьевский монастырь располагался на округлом мыску озера, у самой кромки воды. До XVII в., как и большинство северных монастырей, он был деревянным, отчего выгорал в сильные пожары. В 1686 г. в монастыре над святыми мощами святителя Иакова была возведена первая каменная постройка - Зачатьевская церковь. На западной стороне храма сохранилась запись о том, что церковь строилась при митрополите Ионе Сысоевиче и называлась Троицкой, а в 1754 г. переименована в Зачатьевскую.

Одна из главных исторических особенностей Ростова Великого - местная епископия. По преданию, ростовская кафедра основана в первом тысячелетии от Рождества Христова, при святом князе Владимире. Кафедральный собор города, его духовный

центр, был посвящен Успению Божьей Матери. Владения Ростова простирались далеко за Вологду, в ближние и дальние пределы Северной Фиваиды.

Слава Иаковлевского монастыря началась, когда церкви Святой Троицы были явлены мощи святителя Дмитрия, митрополита Ростовского. Семь с лишним лет подвизался он на Ростовской кафедре. Здесь, в монастыре святителя Иакова, в Троицкой церкви в 1709 г. он завещал себя похоронить. Кроме библиотеки, после святителя Дмитрия ничего не осталось. «Не гордись ни единой вещью в мире сем, - проповедовал он. - Все здесь останутся, все в прах и пепел переменятся».

Главный подвиг его жизни - составление многотомной «Четьи-Минеи», то есть собрания благочестивого чтения, распределенного по месяцам. Основу Минеи составляли жития святых. Ф.М. Достоевский восторгался: «...По всей земле русской... распространен дух Четьих-Миней, потому что есть чрезвычайно много рассказ-

чиков и рассказчиц о житиях святых. Рассказывают они из Четьих-Миней прекрасно, точно, не вставляя ни единого лишнего слова от себя, и их заслушиваются. Я сам в детстве слышал такие рассказы... Слышал я потом эти рассказы даже в острогах у разбойников, и разбойники слушали и вздыхали... В этих рассказах заключается для русского народа... нечто покаянное и очистительное. Даже худые, дрянные люди... получали нередко странное неудержимое желание идти странствовать, очиститься трудом, подвигом... Покаянная скорбь, самообвинения, искания лучшего, святого - черта в жизни народа нашего историческая».

Вспоминая добрыми словами угодника Божия, зайдем под высокие своды в придел святителя Иакова, примыкающий с северной стороны к Зачатьевскому собору (бывшему Троицкому). Здесь сегодня сосредоточена богослужебная жизнь монастыря. Храм открыт весь день. Богослужения проходят ежедневно. Братский молебен в 5 часов 30 минут утра, затем по-

В Спасо-Иаковлевском монастыре в Ростове

ФОТО АНДРЕЯ САЛЬНИКОВА

лунощница и литургия. Вечером богослужение в 17 часов.

Справа на солее, в деревянной раке с красивой сенью из бука (вклад паломников из соименного города Ростова-на-Дону) находятся святые мощи святителя Димитрия Ростовского, Златоуста Российского. С левой стороны открыто почивают в раке святые мощи преподобного Авраамия Ростовского. Рядом с мощами святителя Димитрия располагается гробница святителя Иакова, епископа Ростовского, основателя монастыря. Помолимся Божьим угодникам, чьи духовные подвиги отделены один от другого столетиями, а от нас веками, испросим у них прощения за грехи наши. Здесь бьется православное сердце древнего Ростова, отсюда горящие свечи светят на всю Россию. Святое, благолепное, глубоко молитвенное место!..

Рядом с ракой святителя Димитрия в богатом окладе находится одна из ростовских святынь - Ватопедская икона Пресвятой Богородицы, называемой «Отрада» или «Утешение»*. «Эта икона, - рассказывает отец Александр (Парфенов), - была поднесена афонскими монахами царю Алексею Михайловичу Романову. Царь, в свою очередь, пожаловал эту икону святителю Петру (Могиле), митрополиту Киевскому. Затем икона, находившаяся в алтаре Великой церкви Печерской Лавры, архимандритом этой Лавры была отдана святому Димитрию в благословение на труд написания житий святых. Перед этой иконой великий святитель проливал свои молитвы о себе, о своей пастве, пред ней он почил... Когда в 1752 году тело святителя было обретенно нетленным, благоговейно внимание верующих остановилось на Ватопедской иконе Божией Матери, как бывшей его келейной святыней».

В Спасо-Иаковлевском Димитриевом монастыре можно посетить пещерный Воскресенский храм с копией часовни Живоносного Гроба Гос-

подня, что в Иерусалиме. Он расположен в подклете церкви святителя Иакова.

Территория монастыря сегодня представляет оазис для отдохновения паломников. После шумной дороги в тишине и молитвенном покое у святого источника хорошо думается и размышляется, перед глазами проносятся картины прежних событий, связанных с историей обители. Только спокойно плещется былинное озеро Неро за монастырской оградой.

Еще раз поклонимся святыням этой умиротворенной обители и выйдем за ворота, чтобы посетить еще одно, овеянное историческими легендами, место. Расположено оно рядом со стенами Иаковлевского монастыря. Ныне этот храм называется церковью Спаса на Песках. Когда-то и здесь располагалась монашеская обитель, основанная в XIII в. княгиней Марией, вдовой героически погибшего в татарском плену благоверного князя Василька Ростовского. Княгиня Мария, дочь святого благоверного князя Михаила Черниговского и сестра преподобной Ефросинии Суздальской, после гибели мужа правила Ростовским княжеством, основала Спасский монастырь и постриглась в нем в монахини.

Вся наша дорога, как я уже писал, вплоть до Белого моря, до Соловецкой духовной твердыни пронизана токами родства святых угодников и праведников, историческими перекрестьями их судеб, символическими средоточиями их жизненных путей. От одной обители к другой, всё дальше на север передавался этот духовный жезл истинного подвижничества.

И вот, находясь у собора Спаса на Песках, где покоится княгиня Мария, напомним, что она являлась матерью знаменитого князя, местночтимого святого Глеба Ростовского и Белозерского, одного из самых известных исторических персонажей второй половины XIII в., легендарного основателя двух первых северных монастырей

* Название иконы происходит от названия Ватопедского монастыря на Афоне, где она прославилась чудесами.

- Усть-Шехонского на месте истока реки Шексны из Белого озера и Спасо-Преображенского на Каменном острове среди бурных волн Кубенского озера. Наш паломнический путь лежит в те пределы, и мы вскоре обязательно посетим одну из славных обителей Русского Севера - Спас-Камень, ныне возрождаемый нашими современниками.

Здесь же, в Ростове, у стен Спасо-Преображенского собора, вспомним добрым словом княгиню Марию, которая начала местное летописание, проникнутое идеями независимости Руси, непримиримой борьбы с ее врагами, и ее сына Глеба, первого удельного белозерского князя, похороненного в соборе рядом с матерью.

От некоторых местных монастырей, увы, остались только памятные места, отдельные церковные строения, одни «остатки», как грустно замечает священник Александр Парфенов. Можно насчитать в самом Ростове и его окрестностях следы нескольких монашеских обителей....

...Есть в русских монастырских ансамблях какое-то очарование, которое мы можем выражать, как и любую положительную эмоцию, то громкими восклицаниями, то тихими признаниями. Что-то кроется в этих обителях пронзительное, глубоко сокровенное. Каждая из них не повторяет другую, хотя построены вроде по одному архитектурному канону - ограда с башнями, Святые ворота, храм, колокольня, трапезная, настоятельские и монашеские кельи... Если что и утеряно по небрежению или по активному богоборчеству, то это как бы нами и не замечается, настолько мы любим общим видом, панорамой, что просто глаз не оторвать. К примеру, в Спасо-Суморине монастыре, что в Тотьме, разрушена до основания высокая колокольня, ажурный столп, создававший на сухонских холмах целостную картину древней обители, но мы благодарим Бога, что Он оставил нам собор, стены и башни, не позволил стереть с лица земли весь монастырь.

Здесь, мне кажется, проявляется

чисто русское качество благодарения уже за то, что есть, что имеется, что осталось. В Ферапонтовом монастыре вообще нет высокой колокольни, но разве мы это замечаем? Мы с восторгом смотрим на то, что видим, не требуя иного. Здесь «узрела душа Ферапонта что-то Божье в земной красоте», как замечательно сказал Николай Рубцов. И далее, не менее прекрасно: *И однажды возникло из грезы, Из молящейся этой души, Как трава, как вода, как березы, Диво дивное в русской глуши!*

Русское созерцание как бы восстанавливает, домысливает, дополняет чувством или интуицией то, что невидимо, что лишь брезжится, колыхается в мареве миражом, будто подсказывая, что в этой брэнной земной жизни и не должна быть законченность, цельность, материальная гордыня человеческого существования, а лишь на небе есть град невидимый, чистый в своей красоте, куда рано или поздно устремится душа и где найдет свое успокоение. «Молитвами иноков Господь содержит сей мир», - учил святитель Димитрий Ростовский.

Поэтому даже в разрушенных обителях мы видим то, что сокрыто для иноземного любопытствующего взгляда. Нам достаточно церковной руины на высоком холме, чтобы душа захолонулась от жалости и любви. Даже Московский Кремль, ставший символом русского национального духа, и тот видится Николаю Рубцову, как «мираж»:

*Но как, взгляните, чуден этот вид!
Остановитесь тихо в день*

воскресный

*Ну, не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред вами, реет и горит?*

Крепостная надобность русских монастырей совсем не исчезла даже в XX в., как многие думают. Она спасла жемчужины русской духовности и церковной архитектуры в годы богоборчества. В начале 30-х гг. прошлого века в Ленинграде уже были подготовлены решения о сносе «очагов мракобесия», в числе которых значились Иверский монастырь на Валдае, Кирилло-Белозерский монастырь,

Спасо-Прилуцкий под Вологдой... И только военное ведомство наложило «вето» на этот чудовищный проект, аргументируя свое несогласие тем, что ансамбли этих монастырей могут быть еще использованы в качестве фортификационных сооружений. И древние обитатели тогда не тронули.

Город монастырей и приходских храмов*, Ростов Великий, славится своим кремлем, где почти восемь веков располагалась архиерейская кафедра. Может, поэтому нынешний райцентр Ярославской области и стал намоленным местом Русской земли, что здесь еще в X в. утвердилась церковная власть над огромными северными пространствами, над Северной Фиваидой с ее деятельным монашеством. В кремле православной твердыню высится кафедральный собор во имя Успения Божией Матери - главный храм Ростова Великого, основанный в 991 г. при святом равноапостольном князе Владимире. «Ростовский собор, - по слову Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, - является святыней в силу того только, что здесь больше тысячи лет совершается молитва и прославление Божией Матери».

...Успенский собор является поистине драгоценной хранильницей мощей праведников, общечтимых православных святых, ростовских владык, местных князей. Сюда в 1366 г. на моление чудотворцам приходил Преподобный Сергей Радонежский...

Вся наша Северная дорога находится под покровительством игумена земли Русской. Быть может, вся она исхожена его ногами, отсюда он благословлял родную землю, в этих краях покоятся его родственники и ученики. Ветра, которые приносят холод с побережий Ледовитого океана, с легкостью могли задуть любую горящую лампадку, потушить свечу, но Преподобный Сергей приручил их, поставив по всему пути храмы, монастыри, часовни. В этих Божиих укрыти-

ях люди молились, крестились, венчались, отсюда их провожали в последний земной путь. Вся жизнь и судьба человека семьсот лет была связана на Святой дороге с христианскими заповедями и проповедями, молитвами и обрядами, с благочестивым смирением перед обыденной жизнью, когда, по выражению русского писателя Леонида Леонова, в иные времена «страх смерти был сильнее страха жизни». Вернее не связана, а скреплена, подобно железным обручем, судьба русского народа с его стойкостью перед врагами Христовыми, которых вновь и вновь нам приходилось побивать.

Святитель Феодор, сын родного брата Преподобного Сергия - Стефана, постригал в монахи великих святых русской земли - преподобных отцов Кирилла Белозерского и Ферапонта Белозерского и Можайского. Так, свеча по наставлению великого князя московского Семена Гордого не загасала. По «старине», по традиции передавалась от храма к храму, от пустыни к пустыньке, от одной монашеской обители к следующей. И когда шестидесятилетние старцы Кирилл и Ферапонт, отправившись в северные палестины, где их после теплых келий в московских монастырях ждали сырые землянки, они молились по дороге у гробов своих учителей и наставников, просили у них прибавления духовных сил и телесной стойкости перед грядущими тяжелыми испытаниями.

...Можно и далее перечислять многих славных сынов Русской Церкви и всей Руси, которые покоятся в Успенском соборе. «Собор, - подчеркивает священник Александр Парфенов, - в котором служили и проповедовали Слово Божие святители Димитрий Ростовский и Арсений Мацеевич, закономерно занимает первое место среди храмов не только Ростова, но всей Русской земли, как по значению, так и по множеству почивающих здесь угодников Божиих».

* До революции 1917 г. здесь насчитывалось 22 храма и 5 монастырей. С 1931 по 1943 гг. в Ростове была открыта только одна церковь во имя Толгской иконы Божией Матери.

Здесь проводили богослужения многочисленные ростовские владыки, среди которых были священнослужители с разными судьбами, порой и трагическими. Скажу только об одном, память о котором нам освежат камни Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере, куда идет наш паломнический путь. В истории Успенского собора запечатлено благодеяние ростовского архиепископа Георгия Дашкова, возобновившего храм после пожара в 1730 г. Первый вице-президент Синода при Екатерине I и Петре II, он при императрице Анне Иоановне впал в немилость, был разжалован и сослан в том же 1730 г. на островной монастырь в вологодских краях. Здесь он провел пять лет и был далее удален в один из сибирских монастырей. Так что стены Ростова за 1200 лет видели разные судьбы.

Бросим, удаляясь, свой взгляд на кряжистый, но могучий в своем историческом величии Успенский собор рядом со знаменитой Ростовской звонницей. Пять его куполов, покрытых лемехом, как воины в шлемах и кольчуге, стоят на страже родной земли, веры христианской. Во всем его облике сквозит не гордыня, а гордость, не поражение, а победа, не заносчивость, а соразмерность. Соразмерность и соучастие делам Божиим, а, значит, и лучшим человеческим деяниям.

Наш же путь лежит к Ярославлю.

ГОРОД, ЧТО ОСНОВАН ЯРОСЛАВОМ МУДРЫМ

Город в верховьях Волги встречает нас не свежим речным ветром, а дымом нефтеперегонного завода. Пока мы пробираемся сквозь сутолоку улиц до реки Которосль через машинные пробки, трамвайные пути, мимо пешеходов, так и стремящихся, кажется, броситься под колеса машины, то наши ожидания от встречи с красавцем-городом несколько притупляются. Где он, чудный град, основанный в 1010 г. Ярославом Мудрым? Где Спасский и Толгский монастыри, под зеленую и прохладную

сень которых мы так стремимся?

Но не будем привередливыми и ворчливыми. Окраины любого крупного города встречают промышленными зонами, пылью, шумом. После провинциально тихих и по-старинному благолепных Переславля-Залеского и Ростова Великого Ярославль - это город-гигант, индустриальный центр, культурное гнездо Верхней Волги.

Ярославский горизонт притягивает нас и там, куда мы стремимся, нас, действительно, не ждет разочарование. Центр города со Спасо-Преображенским монастырем, приходскими церквями и знаменитой набережной представляет собой умиротворенный и полный задумчивой красоты оазис истинного наслаждения для уставшего паломника.

В начале XI в. в устье реки Которосль, впадающей в Волгу, ростовский князь Ярослав Мудрый, разгромив языческое святилище «Медвежий угол», основал городок, названный его именем. Первое письменное упоминание о Ярославле в летописи относится к 1071 г.

Как и в Ростове Великом, утверждение христианства на волжских берегах происходило драматически, в борьбе с язычниками. Сам основатель города князь Ярослав Мудрый был чуть не задран медведем, которого выпустили на него меряне, проживавшие в этих местах.

Поначалу Ярославль был в подчинении у своего старшего брата Ростова, но с княжения Константина Всеволодовича, также прозванного Мудрым, сына Всеволода Большое Гнездо, отца храброго Василька, в начале XIII в. стал возвышаться, в нем уже в 1222 г. насчитывалось 17 церквей. В 1218 г. Ярославль стал столицей удельного княжества, когда князь Константин Всеволодович разделил свои обширные владения. Сын Василек получил Ростов, а младший Всеволод - Ярославль и к нему «Угличе поле, Мологу и страны Заволгские до Кубенского озера».

Еще при жизни Константина Всеволодовича, которого летописец на-

звал «вторым Соломоном», в 1216 г. был заложен монастырь святого Преображения, причем главный храм обители - Спасо-Преображенский собор - ростовские мастера воздвигли каменным. Здесь, рядом со Стрелкой, как ярославцы издревле называют устье Которосли, образовался крупнейший духовный и культурный центр Северо-Восточной Руси с первым в этих краях училищем, большой библиотекой, с переписчиками и создателями летописей и книг, со своей иконописной школой.

Закономерно, что традиция почитания высокой христианской культуры перешла в Ростово-Суздальской земле, на всем русском Северо-Востоке от города к городу, от посада к посаду. Ростов как бы напитан духовностью своего младшего брата на Волге, а Ярославль понес светильник веры и христианского искусства в Заволжье и так далее, вплоть до побережий Белого моря.

И хотя дороги ярославских и ростовских князей в будущих веках разошлись: первая княжеская династия во главе с Константином Мудрым простерла свою властную длань в «страны Заволжские», почему и стали ярославцы владеть большими пространствами в нынешних вологодских краях (вокруг Кубенского озера), а ростовцы - древним Белоозером с многочисленными волостями, сюда, за триста-четыре верст, они перенесли высочайший уровень своей духовной культуры, здесь они сразу же принялись воздвигать храмы и монастыри, украшать их, оберегать свои северные владения от набегов кочевников. Кроме того, ярославские князья очень почитали «старину», любили традиции, дорожили своими предками. Кстати, термин «старина» в Древней Руси имел и юридический смысл. «По старине», как писалось в княжеских грамотах, заключались многочисленные договоры, в которых «старина» всегда расшифровывалась - кто, как и где чем владел, что наследовал и т.п.

Может, думаю, и поэтому в стенах

Спасо-Преображенский монастырь в Ярославле

любимого ярославскими князьями Спасо-Преображенского монастыря, где находилась их родовая усыпальница, многие века хранилась бесценная для отечественной культуры рукопись «Слова о полку Игореве», и, вероятно, ее брали в руки, читали ярославские князья, на таких книгах они воспитывались, такого рода повести закаляли их дух, характер, делали их преданными отчизнолюбцами.

Красив монастырь!.. Он широко раскинулся среди куп деревьев устья Которосли, не потеряв одновременно своего сторожевого значения и духовного обаяния. В 1216 г. «князь Константин заложил в Ярославле каменную церковь и монастырь святого Преображения». Сегодня в стенах обители располагается музей-заповедник, торговля сувенирами и кафе с пивным многообразием начинаются прямо от Святых ворот, которые сами по себе с высокой башней - дозорной вышкой - служили главнейшим редутом обороны Ярославля от захватчиков, всегда появлявшихся с юга, со стороны переправы через Которосль. И вот пропустили они, пользуясь нашим небрежением и благодушием, торговцев во храм, кои выглядят со своими столиками харчевни, занимающей большое внутреннее пространство монастыря. Неуместно даже для областного музея. Справедливо заявил в 2005 г. в праздник Преображения Христова архиепископ Ярославский и Ростовский Кирилл (при постриге он получил имя в честь препод-

Спасо-Введенский Толгский монастырь

ФОТО АНДРЕЯ САЛЬНИКОВА

добного Кирилла Белозерского): «Храмы должны являться храмами, а музеи - музеями. Эти понятия нельзя смешивать».

Но не поклониться одному из семи богатейших монастырей России нельзя. С благоговением войдем в Святые ворота, через которые проходили все российские цари, начиная от Ивана Грозного. Всё пространство ворот расписано фресками на темы Апокалипсиса, последнего Судного дня для этого мира (расписывали московские и ярославские художники в 1564 г.). Сохранившиеся с тех времен росписи как бы нам говорят: оставь всё суетное, мирское, тыходишь в святыне чертоги.

Но музей, конечно, и остается музеем, вплоть до живой медведицы, которую посадили в клетку, как символ города Ярославля. Могли бы подыскать место для зоопарка и в другом месте, но это свидетельствует об уровне культуры современности, о ее грубой языческой составляющей, где

рѣв лесного зверя, побитого некогда Ярославом Мудрым, тревожит покой гробниц ярославских князей и монастырских храмов*. Не лучше ли, не благоразумнее ли было установить в стенах монастыря памятный знак в честь хранившегося здесь великого памятника русской культуры - бессмертного «Слова о полку Игореве», созданием которого вдохновляется многие века отечественная словесность (сегодня в бывшей трапезной монастыря развернута экспозиция, посвященная «Слову...»).

Но пройдем сразу к самому древнему храму Ярославщины - Спасо-Преображенскому собору, возведенному в 1516 г. Его стоит обойти вокруг. Каждая сторона-грань не повторяет другую. Кроме благолепия общего вида, важно учесть, что древнерусские мастера использовали только им присущую меру длины - «маховую» сажень (177,5 сантиметров), которая и придает внешнюю и внутреннюю гармонию древнерусской архитектуре. Сколько

* Медведица эта в 2005 г. задрала служительницу, что лишний раз доказывает неуместность устройства здесь городской забавы.

раз мы уже находились рядом с выдающимися храмами, будь то, к примеру, белый, как лебедь, Преображенский собор Переславля-Залесского или величественный в своей мощи Успенский собор в Ростове, и никогда не возникало чувство внутреннего отторжения, несогласия с их обликом. Наши предки строили их не только как «мера и красота скажут», их «мера» включала в себя глубоко продуманные лекала создания образов национальной красоты, воплотивших в себе идеалы гармонии и соразмерности, когда говорят: «Глаз не оторвать».

В стенах Спасо-Преображенского монастыря усердием двух поколений ярославских князей, монахов, знатных граждан города и, наконец, с 1787 г. ростово-ярославских епископов (сюда был переведен из Ростова Архирейский дом) хранилась и до сих пор имеется богатейшая коллекция древностей, ризница с сокровищами ярославской земли. Ныне ее выдающиеся экспонаты и раритеты: коллекция икон и рукописей, драгоценных тканей и церковной утвари - выставлены в залах музея-заповедника. Пусть и так, но они не пропали, не исчезли, подобно многим иным, также общезначимым, в других русских краях. Ризница и книгохранилище Спасского монастыря насчитывает не много не мало 300 тысяч единиц хранения.

Среди ярославских святынь особо выделяется чудотворная икона Богоматери Толгской, ведущая свою известность с 1314 года, защитница Ярославля от всех бед, его духовная покровительница. Образ сей явился ростовскому епископу Прохору на том месте, где ныне находится Свято-Введенский женский Толгский монастырь. Сюда, за семь километров от центра Ярославля, на противоположный берег Волги, в поселок Толга мы и отправимся.

Переезжая мост, я вспоминал кубеноозерский образ местночтимой чудотворной иконы.

...Свято-Введенский женский Толгский монастырь лучше всего посетить 21 августа в день явления образа Богоматери Толгской. И хотя па-

ломников сюда приезжает немало, всех их привечают сестры, коих здесь насчитывается более ста.

Ухоженность, монашеская аккуратность обители просто поражают. Купола и крыши блестят свежей краской, соборы и стены с башнями и воротами побелены, всюду море цветов, неспешно прохаживаются павлины. Такая благодать создана немалым трудом насельниц после десятилетий атеистических гонений. Монастырь был передан Русской Православной Церкви еще в 1987 г., в канун тысячелетия Крещения Руси, и был из первых возрожденных в России.

Здесьняя кедровая роща реликтовая и в природном своем естестве, и в историческом прошлом. Деньги на посадку сибирских деревьев пожертвовал Иоанн Грозный, излечившийся в Толгском монастыре от болезней ног. Монастырские кедры - священные деревья, за которыми заботливо ухаживают монахини, и шишки с которых увозят на память о чудесном уголке, где так сильна благодать, паломники со всей России.

...Со Свято-Введенской обители начинаются огромные пространства земли, названной Заволжьем. Промыслительно, что в Толгском женском монастыре почивают святые мощи святителя Игнатия (Брянчанинова), одного из самых почитаемых русских святых нашего времени, родом с нашей Вологодчины. Епископ Игнатий был канонизирован в 1988 г. Поместным Собором Русской Православной Церкви. «История его жизни потрясает, - пишет церковный журналист Андрей Сальников. - Не внешними, конечно, событиями, но глубиной веры, умением отрешиться от всего, кроме служения Богу и Его Церкви, безраздельно отдав этому все свои силы, таланты, здоровье...» Святитель Игнатий, по мнению некоторых исследователей, спас монашество, пришедшее в начале XIX в. в глубокий кризис. Своими трудами он помог возродиться правильной духовной жизни.

Его святые мощи были перенесены в Толгу из Николо-Бабаевского

монастыря на Волге (Ярославская епархия), где он провел последние годы жизни и отошел ко Господу 30 апреля (13 мая по новому стилю) 1867 г. В наши дни возрождается родовая усадьба Брянчаниновых Покровское на границе Грязовецкого и Вологодского районов, куда лежит наш путь.

МОНАСТЫРИ ВОЛОГОДСКОЙ ЗЕМЛИ - СЕВЕРНОЙ ФИВАИДЫ

Заволжье встречает нас меньшей населенностью и молчанием долгих болот и лесов. Всё ближе Север-батюшко, все дальше к нему уходит наш путь. Мы едем непроходимыми Комельскими лесами, которые спасли русское Заволжье от набегов татаро-монгол.

Заволжские монастыри на Руси вплоть до XX в. пользовались особой известностью. Они по своему устройению совмещали в себе все известные нам по истории духовные, строительные, культурные и военные функции. Важно, что и окрестности обителей в малой степени изменились со времен их основания. Взойдите на гору Мауру у монастыря чудотворца Кирилла Белозерского, и вам откроется тот же вид на Сиверское озеро, который, по легенде, увидели московские монахи Кирилл и Ферапонт шестьсот с лишним лет назад.

...Среди заволжских монастырей несколько столетий славились те, следы которых ныне потерялись, но не заросли травой забвения. Часть из них прекратили свое существование в XVIII в., и на их месте сохранились приходские храмы. Другие канули в вечность еще раньше. Большая же часть обителей была разорена в советское время.

Среди последних числились два прославленных когда-то монастыря, первыми встречающие нас в вологодских пределах - Павло-Обнорский и Корнилиево-Комельский. На карте-схеме Вологодской епархии они так и значатся под номером первым и номером вторым (всего же в синодаль-

ный период в Вологодской епархии было сосредоточено более пятидесяти монастырей, а к 1917 г. - шестнадцать мужских и пять женских обителей, естественно, действующих).

Троицкий-Обнорский или Комельский мужской монастырь находится в 15 верстах от районного города Грязовца на реке Обноре. Он основан в 1414 г. преподобным Павлом Обнорским. Преподобный Павел родился в 1317 г. в Москве в семье богатых и благородных родителей. Спустя двадцать один год он тайно оставил родительский дом и отправился на Волгу в Христорожественский монастырь и на двадцать втором году принял на себя иноческое пострижение. Эта обитель располагалась недалеко от города Мышкина в ярославских землях и была закрыта еще до царствования императрицы Екатерины II. Правда, исследователь русских монастырей В.В. Зверинский указывает на более раннее появление в этих краях преподобного Павла - 1334 г. Известно, что биографические данные святых с трудом поддаются проверке. Согласно житию, преподобный Павел жил 112 лет, что можно считать легендарным фактом. Но у В.В. Зверинского приводится интересное свидетельство, что Христорожественский монастырь в середине XV в. уже был приписан к Троице-Сергиевой лавре. Не произошло ли это еще при жизни преподобного Сергия Радонежского?

Тогда становится понятным следующий поступок инока Павла: «Испросив себе увольнение у настоятеля, Павел оставил Рождественский монастырь и направился в Радонежские леса, намереваясь совершенно отказаться от своей воли и предаться руководству святого старца».

Так встретились два подвижника, и инок Павел вошел в ближайший круг учеников и собеседников Преподобного Сергия. Спустя какое-то время, пройдя поучение, Павел попросился у игумена «на безмолвие и уединение». Получив благословение Сергия, он, по словам жития, 15 лет безвыходно провел в келье, совершая затворнические подвиги. Но и там он

не смог со временем пребывать в надежном пути к спасению, так как монашеская братия стала ходить к нему для духовных бесед.

Павел вновь попросил Сергия благословения на уход из монастыря в поисках полного уединения. Игумен отпустил его, дав ему в благословение медный крест, долгое время хранившийся после кончины преподобного Павла в ризнице Троице-Обнорского монастыря. Многие пустыни и обители переменил в своем поиске духовной благодати инок Павел, пока на берегу речки Грязовицы в Комельском лесу не нашел большое дупло старой липы, в котором и поселился. Три года он вел жизнь суровую, в безмолвии очищал ум духовными созерцаниями. Затем Павел перешел на реку Нурму, где и решил основать обитель. Поистине чудесную картину рисует Житие: «Стаи птиц вились около преподобного Павла, иные из них сидели у него на голове и на плечах, и он кормил их из своих рук; тут же стоял медведь, ожидая пищи от пустытника; лисицы, зайцы и другие животные бегали вокруг, не опасаясь сильнейших и не нападая друг на друга, но смиренно ожидая своей очереди».

С Преподобным Сергием произошла и еще одна встреча у Павла, когда он по знамению и по наущению собравшейся братии решил строить храм и обитель, но прежде пожелал испросить очередного благословения у своего учителя. Преподобный Сергий был уже на одре болезни, но тем не менее посоветовал Павлу немедленно приступить к построению монастыря.

Так началась история Троицкой мужской обители. Немало еще подвигов совершил за свою долгую жизнь преподобный Павел Обнорский, слава о нем широко разнеслась по окрестностям, монастырь богател с каждым годом. После кончины преподобный был захоронен в церкви Сергия Радонежского, и когда в 1546 г. копали рвы для фундамента каменного храма на этом же месте, были обреты мощи преподобного Павла.

Как и все другие северные и северо-восточные монастыри, Павло-Обнорский то горел, то подвергался разорению, но неизменно отстраивался, восстанавливаясь по Божьему промыслу. За семьдесят лет в XX в. мало кто верил, что среди его каменных развалин может вновь начаться монашеская жизнь. Но такое чудо свершилось: сегодня Павло-Обнорский монастырь вновь полнится насельниками, в нем кипят восстановительные работы, и в недалеком будущем, верится, монастырь будет встречать всех паломников и путешественников в начале Вологодской области своим ухоженным и благолепным видом.

В стороне и ближе к Грязовцу находится другой, не менее известный прежде, Комельский-Введенский мужской монастырь, связанный с именем преподобного Корнилия Комельского. Основан он в 1497 г. Но за десятилетия атеистических гонений был доведен до плачевного состояния, так что сегодня можно лишь молча помолиться на его руинах, вспоминая, что здесь когда-то, в золотые времена русской святости, принял иночество целый сонм местночтимых святых, основавших позднее свои пустыньки и монастырьки по всему Русскому Северу.

От Грязовца совсем близко до Вологды, культурной и исторической столицы Русского Севера. Город знаменит своим кремлем и Софийским собором, построить которые повелел Иван Грозный. Недавно во время очередной реставрации в соборе были найдены фундамент царского места и ниша в стене, где, очевидно, предполагалось похоронить русского царя. Эти сенсационные открытия подтверждают догадки отечественных историков о том, что Грозный задумал укрепиться в северных краях, построив здесь свою резиденцию. Софийский собор и кремлевские стены он воздвигал с размахом, не скупясь на средства и материалы.

Но судьба не позволила Вологде стать русской столицей, она так и осталась губернским, а затем и областным центром. Вологжане гордились,

что до 1917 г. в городе насчитывалось более 50 храмов. По их количеству на число жителей Вологда превосходила даже город «сорока сороков» Москву.

В Вологде, как и в любом крупном древнерусском центре (датой ее основания считается 1147 г., и в этом она тоже родственна Москве), располагались и богатые монастыри. До нас дошли единичные постройки от нескольких когда-то уважаемых и почитаемых обителей, к примеру, от Горнего Успенского монастыря. Остальные снесены.

Кафедральный собор города располагается у ликвидированного кладбища за железнодорожным вокзалом. В 30-е годы XX в. этот храм был чуть ли не единственным действующим в Вологде. Сегодня православная общественность Вологды ставит вопрос о возвращении Церкви кафедрального Воскресенского собора, расположенного в комплексе зданий кремля, - бывшего Архиерейского дома. В соборе сегодня размещается Вологодская картинная галерея.

Без теплящихся в окнах храма свечей, без тихого церковного пения ансамбль городского кремля, особенно по вечерам, выглядит театральной декорацией. Он не живет городской жизнью и как бы искусственно отторгнут от вологжан. Придет время, и Воскресенский собор примет верующих людей, вновь станет теплым церковным Домом древней Вологды.

Рядом находится неповторимая и незабываемая Соборная горка - высокий склон над рекой Вологодой у кремля. Вид с нее - самый красивый в городе. Перед глазами на излучине реки возникает панорама заречного берега с сохранившимися храмами. Передохнув здесь с дороги под сенью вологодских берез и попробовав вкуснейшие вологодские пироги, которые мы купили в кафе на центральной городской площади, отправимся нако-

нец-то в те края, которые нас давно ждут.

Кирилловская дорога начинается в самой Вологде. Она называлась в разные времена то Вологодской, то Белозерской, то Каргопольской, то просто Большой. Свое современное имя она получила в начале XV в., когда преподобный Кирилл Белозерский вместе со своим спутником Ферапонтом, выйдя к Сиверскому озеру в 1397 г., основал здесь монастырь, будущую «государеву крепость».

И открывалась эта дорога с монастыря - Спасо-Прилуцкого на излучине-луке Вологды-реки. Два собеседника, два ученика Сергия Радонежского преподобные Дмитрий Прилуцкий, уроженец Переславля-Залесского, и москвич Кирилл Белозерский освятили своими именами почти 130-верстный путь.

От Спасо-Прилуцкого Дмитриева монастыря в честь происхождения Честных Древ, мужского, ныне действующего, в котором нужно поклониться святым мощам преподобного Дмитрия, небесного покровителя Вологды, и обязательно посетить могилу поэта пушкинских времен Константина Батюшкова, дорога забирает все дальше на северо-запад, огибая болотистую котловину озера.

Но не будем спешить. Спасо-Прилуцкий монастырь еще издали, на подъезде напоминает древнерусский город с мощными стенами. Словно создан он в одно время, да так и сохранился на века. Благодаря тому, что в обители в советские годы располагался военный склад (шутники говорили, что в нем хранили конские противогазы), который хоть как-то охранялся, и куда пропускали всякого, кто хотел побывать в монастыре, ни одно здание в нем не было порушено, все они поддерживались в более или менее пристойном виде.

Продолжение следует.

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЯ ГОДА

ПО ВАСИЛИЮ БЕЛОВУ

Начало зимы. Из книги «Лад»
..... **2-я стр. обложки**

ТЕМА НОМЕРА

Андрей САЛЬНИКОВ.
Кто с нами? **2**

НОВОЕ ИМЯ

Александр ЛОМКОВСКИЙ.
Рассказы **7**
Сергей СОЗИН. Не люблю, когда все на-
распашку..... **24**
Юрий ГРИШОНКОВ. У матросов
есть вопросы **27**
Анна ГРОВОВА. Первый утренний луч
и дыхание нового дня..... **35**
Александр МАЛЬШЕВ. Нарисуй
мне пустоту **37**
Сергей БОГДАНОВ. А родину любить
совсем не просто... .. **47**
Михаил ЖДАНОВ.
Ветер, здравствуй! **49**

И НЫНЕ, И ПРИСНО

Священник Александр ЛЕБЕДЕВ.
Свято место пусто не бывает **50**
Инокания МАГДАЛИНА. ...И как меня все
время спасал Бог **59**

ПРОЗА

Александр ЦЫГАНОВ.
В месяце июле **64**
Главный талант - любовь. Беседа с Алек-
сандром Цыгановым **70**
Николай ТОЛСТИКОВ. Знамение..... **76**
Антон ЯНКОВСКИЙ. «Австралийский
связной» **97**
Валерий КИСЕЛЕВ. Осталось чиркнуть
спичкой **109**
Николай КОНЯЕВ. Лилии **113**
Мгновения, составившие эпоху **115**
И история, и сегодняшний день..... **115**

ВОЛОГДА ЧИТАЮЩАЯ

Ольга КОРОБИЦЫНА.
Легко ли быть Босхом? **75**

Светлана ЖЕГАЛОВА. Береги,
что есть **207**
Мария ИВАНОВА.
Нужны ваши стихи! **207**

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Дмитрий ЕРМАКОВ.
На берегу **116**

ИСКУССТВО

Владимир ВОРОПАНОВ. В поисках духов-
ного света русской истории. Художник
Владимир Латынцев **155**
Владимир ЛАТЫНЦЕВ. Живопись
..... **цветная вклейка**
Юрий МАКСИН. Что нужно для счастья?
О графике Евгения Лебедева **161**

РУБЦОВСКИЙ ГОД

Анатолий МАРТЮКОВ. Николай Рубцов
в Великом Устюге **166**

ПОЭЗИЯ

Виталий СЕРКОВ. ...От зла добром отго-
родиться **170**
Леонид ПАТРАЛОВ. В потоке лет ... **177**
Николай Власов. Ты играй, играй, моя
гармошка... .. **180**

СКАЗАНИЯ О ДЕДЕ МОРОЗЕ

Роберт БАЛАКШИН.
Добрый дедушка **182**
Мороз-богатырь **188**

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТОВЬЕДИНЕНИЕ

Поэзия земли Василия Белова **194**

ТЕАТР

Капитолина Кокшенева. Не разрешен-
ные временем **208**

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Вадим Дементьев. По Северной дороге
(продолжение) **226**

ПРАЗДНИК

День рождения Деда Мороза **цветная
вклейка**

На 1-й - 4-й страницах обложки -
фотография священника **Владимира КОЛОСОВА**

ЛАД
ВОЛОГОДСКИЙ

Литературно-
художественный
журнал

4

Учредитель -
НП «Фест»
Главный редактор -
Андрей Сальников

Выходит с июля 2006 года

Журнал зарегистрирован Беломорским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране
культурного наследия 20 января 2006 года ПИ № ФС 3-0228

Адрес издателя: НП «Фест»,
160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

Адрес типографии: ООО ПФ «Полиграфист»,
160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

Адрес редакции: 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.
Телефон 72-55-70, e-mail: salnikov@krassever.ru

Тираж 1 500. Объем 15 п.л. Формат 70x108/16. Печать офсетная.
Подписано в печать 11 декабря 2006 г. Время подписания номера
по графику - 10 час., номер подписан в 9 час. Заказ 963.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ДЕДА МОРОЗА

Свой день рождения российский Дед Мороз отпраздновал с размахом. Начались торжества в Москве 17 ноября, в столичной резиденции Мороза в Кузьминском парке, продолжились на родине сказочного волшебника - в Великом Устюге, а затем в Вологде.

жами из восьми стран мира. В этом году поздравить Деда Мороза приехали его коллеги из России и зарубежных стран: Санта-Клаус из Лапландии, Вайнахтсман из Австрии, Микулаш из Словакии, Томтэ из Швеции, белорусский Дед Мороз и Святой Николай с Украины.

В тот же день в Великий Устюг отправился детский туристский поезд «В гости к Деду Морозу». Кстати, на туристической выставке в Лондоне вологодский стенд с проектом «Великий Устюг - родина Деда Мороза» пользовался большой популярностью у туроператоров Европы.

19 ноября Дед Мороз отпраздновал свой день рождения в Вологде. В Доме творчества детей и молодежи состоялся праздник «Вологжане встречают гостей». Затем Деда Мороза поздравили вологжане. На площади Революции прошел праздник с участием Деда Мороза и его гостей из зарубежных стран. После праздника главный волшебник отправился в большое новогоднее путешествие по городам России.

**По сообщениям пресс-службы
Правительства
Вологодской области,
ИА «Новости Вологодской области».**

